

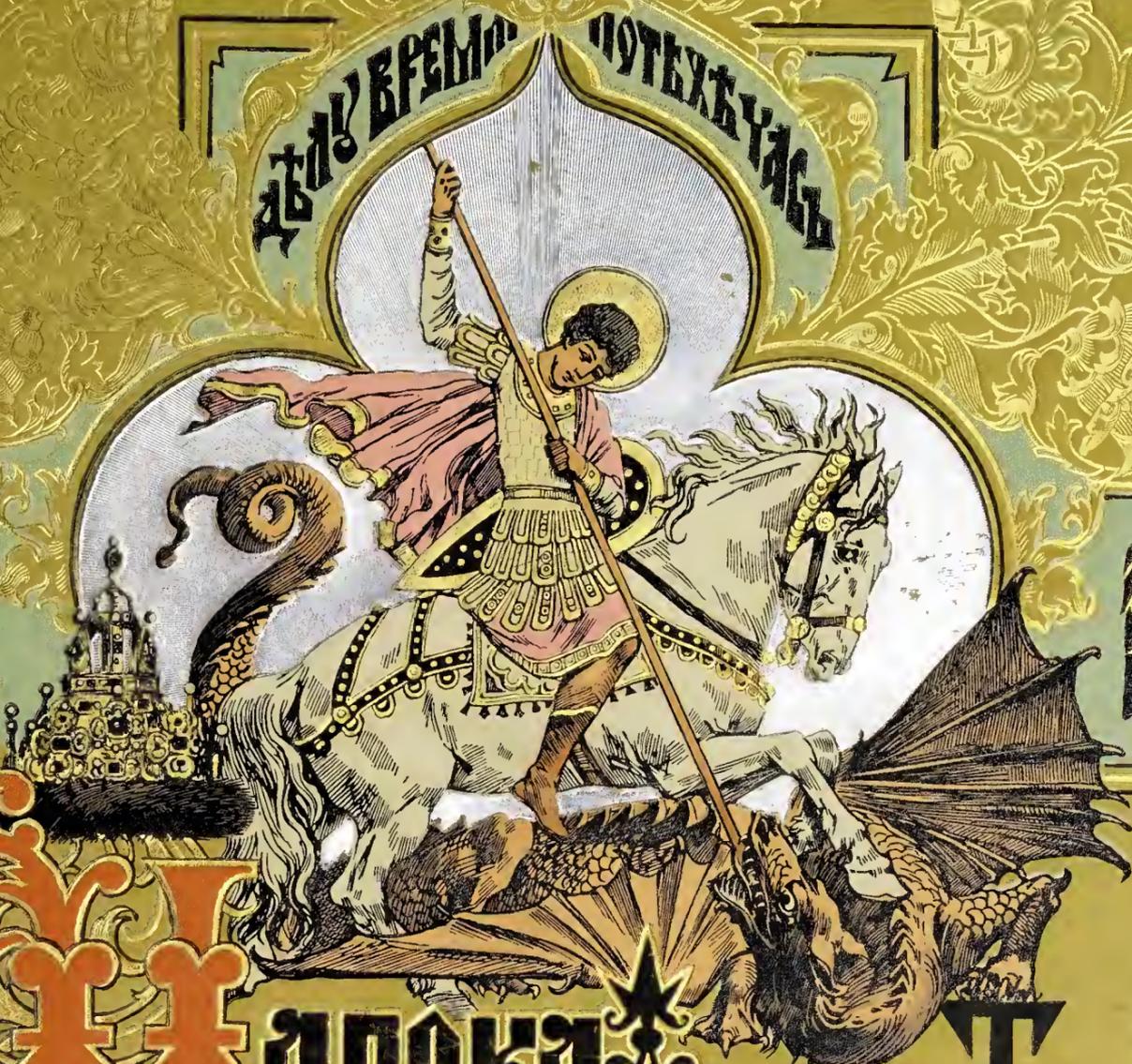

H. P. ...

ДѢЛУ ВРЕМЯ ПОТѢХЪ ЧАСЪ

Историческая охота

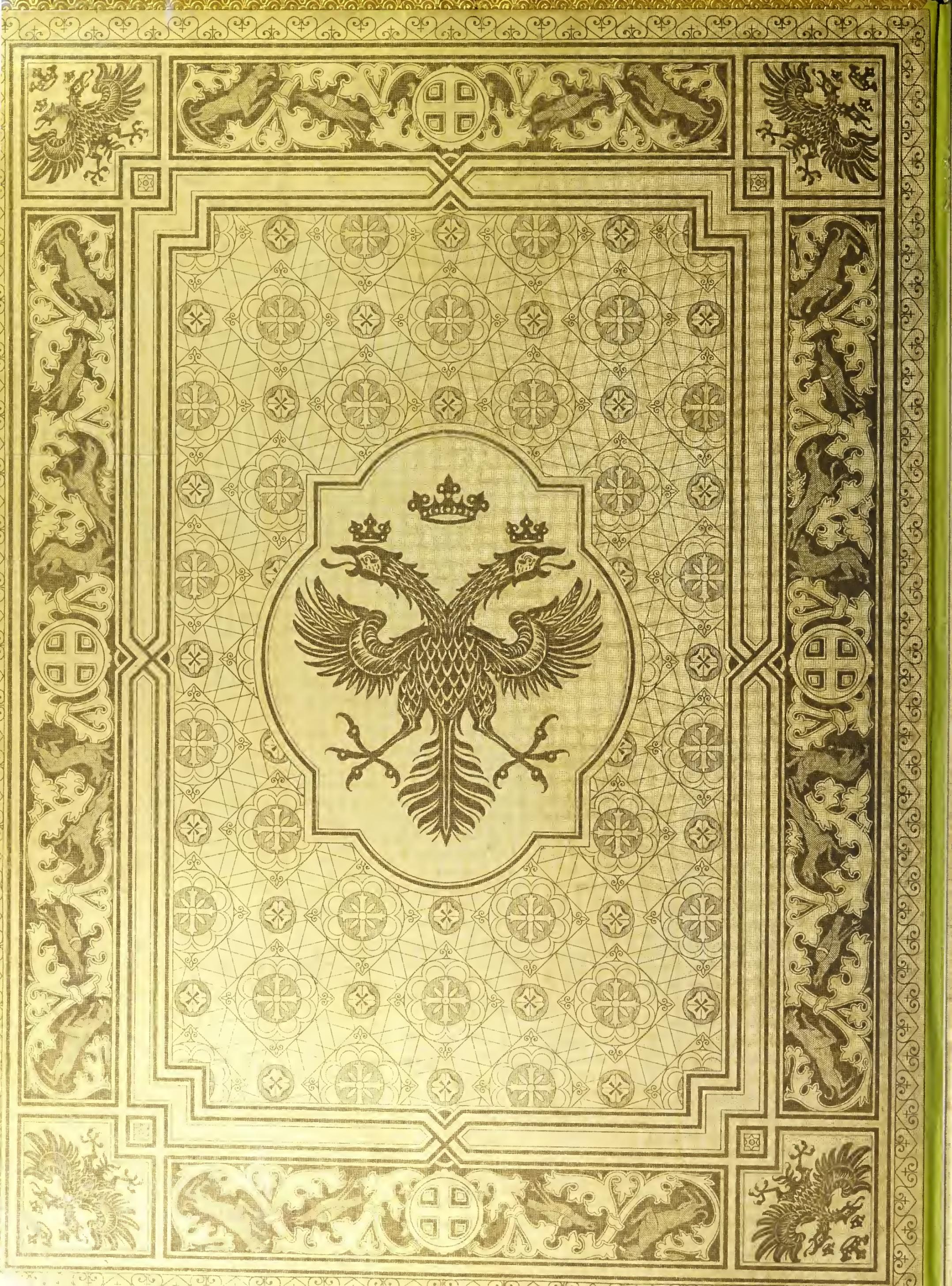
на Русь

Историческій очеркъ
Николая Кустлова

XVII вѣкъ

И. Микелли

HAMMER
FIFTH AVE.

FMC
GALLERIES, INC.
NEW YORK CITY

N

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Getty Research Institute

<https://archive.org/details/velikokniazheska02kute>

ЦАРСКАЯ ОХОТА

НА РУСИ

ЦАРЕЙ МИХАИЛА ТЕОДОРОВИЧА

И

АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА

№ 47.

К. Р. 1290

ее

Удите охочи, забаклайтеся, угтшайтеся сею дѡброю
потѣхою, зѣло потѣшно и угѡдно и кѣсело, да не одолѣютъ васъ крѣ-
чѣныи и печѣли ксѣкїа, 99.

ЦАРСКАЯ ОХОТА

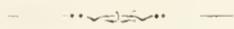
НА РУСИ

ЦАРЕЙ МИХАИЛА ТEOДОРОВИЧА

И

АЛЕКСѢЯ МИХАИЛОВИЧА

XVII вѣкъ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Николая Кутепова

Изданіе иллюстрировано художниками: В. М. Васнецовымъ, К. В. Лебедевымъ, Н. Е. Рѣпинымъ,
А. Н. Рябушкинымъ, Ф. А. Рубо, П. С. Самокишемъ и В. И. Суриковымъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

1898

Печатано съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора.

БЛАЖЕННОЙ И ВЪЧНОЙ ПАМЯТИ
ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ
АЛЕКСАНДРА III

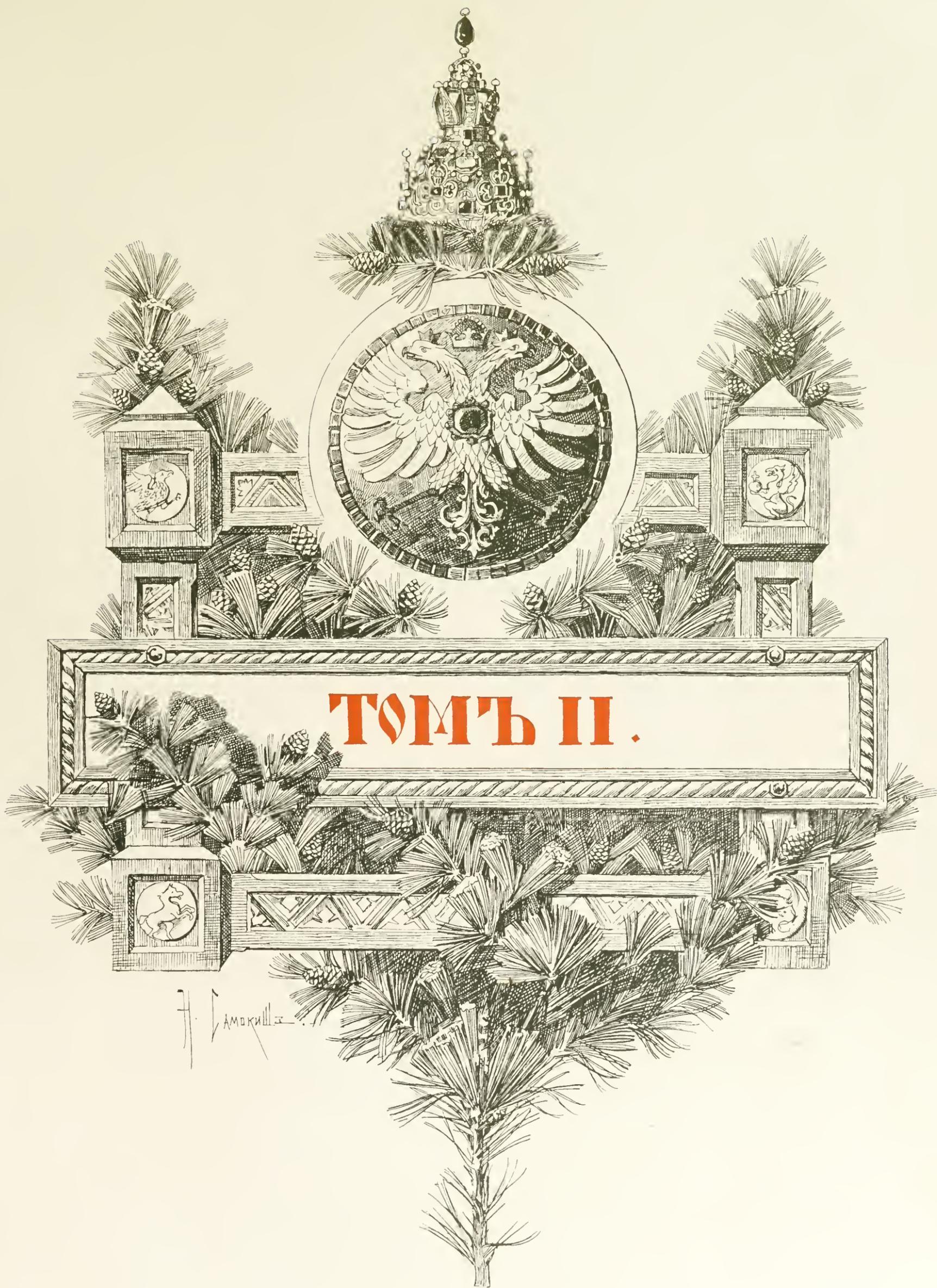
БЛАГОГОВЪЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕЙ ТРУДЪ,
ПО ЕГО ЦАРСТВЕННОМУ ЖЕЛАНІЮ НАЧАТЫЙ,
ПО ЕГО МЫСЛИ ИСПОЛНЕННЫЙ.

Считаю себя обязаннымъ принести искреннюю и глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ исполненіи трудной задачи составленія исторіи Великокняжеской и Царской охоты.

Документальныя свѣдѣнія получены мною изъ архивовъ: Общаго Министерства Двора (въ Москвѣ и Петербургѣ), Министерства Юстиціи (въ Москвѣ), Государственнаго (въ Петербургѣ), Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ), Патриаршей Ризницы (въ Москвѣ) и Троице-Сергіевой Лавры, а равно изъ Императорской Публичной бібліотеки.

Разныя свѣдѣнія, справки и указанія благосклонно сообщены мнѣ: *Г. В. Есиновымъ, А. О. Бычковымъ, И. А. Бычковымъ, В. В. Стасовымъ, С. Н. Шубинскимъ, Г. И. Тимченко-Рубаномъ, Н. П. Тихачевымъ, В. П. Ламбинымъ, А. А. Фаворскимъ, С. Л. Ширяевымъ и М. И. Безсребренниковымъ.*

Особенной благодарностью обязанъ я *П. Я. Дашкову*, любезно предоставившему въ мое распоряженіе свое богатое собраніе гравюръ, изъ котораго и заимствованы для настоящаго изданія рѣдчайшіе старинные гравюры и рисунки, изображающіе охотничій бытъ.

ТОМЪ II.

АМОКИШУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I.

Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ.

Первые охотники изъ дома Романовыхъ.

	СТР.
Общее состояніе царскихъ охотъ въ смутное время до воцаренія Царя Михаила Ѳеодоровича	1—3
Общее состояніе государства при вступленіи на престоль Царя Михаила Ѳеодоровича.	3—4
Устройство царской охоты. Грамота 1619 года	4—6
Характеристика Царя Михаила Ѳеодоровича какъ охотника. Первые охоты царя и первый персоналъ охотниковъ. Охота близъ Черкизова. Случай съ рындой Чихачевымъ	6—10
Царскія охоты, устроенныя тверскимъ ловчимъ Григоріемъ Маматовымъ. Фактъ четырехлѣтняго неприсутствія Царя Михаила Ѳеодоровича на охотахъ. Поѣздки Царя на богомолье и на охоты и устраиваемыя потѣхи во время этихъ поѣздокъ. Любимая охота Царя на медвѣдей и послѣдняя его охота 10 Сентября 1643 года въ селѣ Рубцовѣ- Покровскомъ	10—12
Характеристика Царя Алексѣя Михайловича какъ охотника. Любовь его съ дѣтства къ птицамъ. Дядька Морозовъ. Страсть Царя къ соколиной охотѣ. «Походы» Царя. Царь охотникъ «Достовѣрный»	13—16
Поэтическая сторона соколиной охоты Царя Алексѣя Михайловича. От- ношеніе Царя къ соколамъ и къ кречатиѣ. Помощники его по упра-	

влению охоты: Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ и Василій Яковле- вичъ Голохвастовъ. Отношенія къ нимъ царя. Заботливость царя о сокольникахъ	16—24
Склонность царя къ звѣровой охотѣ. Случай съ царемъ близъ Саввинъ- Сторожевскаго монастыря. Приглашеніе царя въ 1646 году имени- тымъ боярамъ ѣхать на озерцакаго медвѣдя. Охотничій Дневникъ царя. Последнія 10 лѣтъ царствованія Тишайшаго царя Алексѣя Михайловича.	25—35
Любимыя мѣста царскихъ охотъ. Торжественность выѣздовъ изъ Москвы царей. Обыкновенные выѣзды царей	35—44

ГЛАВА II.

Царскія охоты и потѣхи.

Условія охоты въ XVII вѣкѣ. Уменьшеніе звѣрей. Сообщеніе путеше- ственника, посла Адама Олеарія, о птицахъ и звѣряхъ Россіи того времени. Обиліе звѣрей на сѣверо-востокѣ и западѣ государства. Потеря «Ловчими Путями» своего значенія.	45—51
Ясакъ. Вѣдѣніе ясака приказами: Сибирскаго и Казанскаго дворца. При- тѣсненіе инородцевъ воеводами ясачныхъ мѣстностей и «сторонними людьми». Экспедиція Родюкова. Сборъ ясака. Цѣна мѣховъ и ихъ сорти- ровка. Добываніе рыбьяго зуба	51—60
Оживленіе царскихъ и частныхъ охотъ. Помѣщеніе царской псарни. Звѣринцы или волчьи дворы. Охотничьи лошади. Злоупотребленія въ торговлѣ ногайскими лошадьми. Вооруженіе охотниковъ при обонхъ царяхъ. Царское оружіе	60—67
Принадлежности звѣровой охоты. Уборы охотничьихъ лошадей. Способы звѣровой охоты на медвѣдей, волковъ и лисиць. «Регуль, принадле- жащій до псовой охоты»	67—74
Царская соколиная охота и ея ловчія птицы. Виды царскихъ соколовъ и ихъ яркое опереніе. Ловля и доставка соколовъ на царскую кре- чатню помытчиками. Измѣненіе экономическаго положенія двинскихъ помытчиковъ.	74—80
Ловля ловчихъ птицъ въ Сибири. Посылка въ Сибирь лучшихъ царскихъ сокольниковъ для устройства кречатьей ловли. Принадлежности для ловли соколовъ. Время доставленія соколовъ въ Москву и обезпеченія	

благополучной доставки. Царскія грамоты. Кречатня въ с. Семеновскомъ и въ с. Коломенскомъ. Дисциплина на царскихъ кречатняхъ. Представленіе царскихъ соколовъ послу Майербергу	80—90
Боярскія соколиныя охоты. Жалованіе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ бояръ ловчими птицами. Кормъ ловчихъ птицъ. Лѣченіе ловчихъ птицъ. Вынашивание ловчихъ птицъ и принадлежности этого обученія. Обученіе выношенныхъ соколовъ въ полѣ. Подготовка выученныхъ соколовъ къ охотѣ. Проба выученныхъ соколовъ самимъ царемъ. Производство соколиной охоты. «Полевая» и «Торжественная» охоты. Наряды царскихъ ловчихъ птицъ. Государева Мастерская Палата. Цѣнность парадныхъ птичьихъ нарядовъ.	90—107
Мѣста звѣровыхъ потѣхъ. Виды звѣровыхъ потѣхъ. Травля медвѣдей собаками. Бойцы съ медвѣдями. Награды бойцевъ. Медвѣжьи поводчики. Грамота Ростовскаго Митрополита Юны. Потѣха со львами. Потѣха со слонами. Бѣга сѣверныхъ оленей	107—112

ГЛАВА III.

Внутреннее устройство царскихъ охотъ въ XVII вѣкѣ.

Дѣленіе царской охоты на два отдѣла и тѣ правительственныя установленія, въ которыя она входила. Званія: сокольничаго, подсокольничаго и ловчаго Тверскаго и Московскаго пути. Начальствующія лица царской охоты. Должности охотниковъ звѣровой охоты Ловчаго пути. Внутреннее устройство царской звѣровой охоты. Присяга или «крестоцѣлованіе», обязанности охотниковъ по должностямъ. Выдающіеся охотники	113—123
Внутреннее устройство царской соколиной охоты. Должности охотниковъ соколиной охоты. Урядникъ Сокольничья пути. Церемонія убора комнаты, гдѣ производилось «пожалованіе» сокольниковъ изъ рядовыхъ въ начальныя. Самый церемоніаль пожалованія.	123—132
Прочіе чины соколиной охоты. Побочныя порученія, даваемыя сокольникамъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Участіе сокольниковъ на войнѣ. Содержаніе сокольниковъ въ видѣ денежныхъ окладовъ и жалованныхъ помѣстій. Единовременныя пособія: по случаю отправки съ соколами въ чужія страны, на приданое невѣстамъ, на погребеніе умершихъ и т. д. Одежды чиновъ царской охоты: псовой и соколиной	132—138

ГЛАВА IV.

Посылки ловчихъ птицъ въ чужія государства.

- Политическое значеніе царской охоты. Государства и владѣнія, куда посылались ловчія птицы и другіе предметы. Наименованіе подарковъ при особыхъ посылкахъ. Нарядъ отправки подарковъ. Причины посылки «помінокъ» въ Турцію. Посольство съ 1622 г. по 1645 г. Причина посылки «помінокъ» въ Крымъ и Персидскимъ шахамъ. Описаніе соколиной охоты шаха Адамомъ Оларіемъ 139—151
- Посольство въ 1616 г. къ шаху посла Леонтьева. Посольство въ 1618 г. къ шаху князя Бяратинскаго. Посольство въ 1621 г. къ шаху посла Коробына. Посольство въ 1652 г. къ шаху князя Ивана Лобанова-Ростовскаго. Церемоніаль поднесенія кречетовъ шаху. Затрудненія, испытываемыя посольствомъ на дорогѣ въ Персію, Крымъ и Турцію, и иногда не заслуженныя кары при возвращеніи въ Москву 151—157
- Посылка ловчихъ птицъ: Бухарскому хану, Киргизскому царевичу Авгону, Калмыцкому тайшѣ (князю), Грузинскому царю Теймуразу, Имеретинскому царю Александру, въ Англію, Польшу и Данію. Заключение . . . 157—162

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Переплетъ: орнаментъ XVII столѣтія съ двуглавымъ орломъ, взятымъ съ тарелки Царя Алексѣя Михайловича; въ центрѣ: св. Георгій Побѣдоносецъ, изображающій собою символъ охоты, и гербъ Москвы (описываемый періодъ происходитъ въ Москвѣ), Царскій вѣнецъ — шапка Царя Михаила Ѳеодоровича большаго наряда, называемая «Астраханскою»; по бокамъ ея: древніе орлы. На оборотной сторонѣ: соколъ, сидящій на добычѣ. Съ рис. Н. С. Самокиша.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВНѢ ТЕКСТА:

	СТР.
Заглавный листъ: выѣздъ Царя Алексѣя Михайловича на соколиную охоту изъ Спасскихъ воротъ г. Москвы. Съ ориг. К. В. Лебедева.	
Внизу слова Царя Алексѣя Михайловича изъ охотничьяго устава «Книга глаголемая урядникъ Сокольникъ Пути»	послѣ II
Завѣтъ Царя Алексѣя Михайловича (изъ той же книги). Съ ориг. А. П. Рябушкина	передъ III
Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ-Захарьинъ-Юрьевъ. Офортъ Г. Франка, съ ориг. И. Е. Рѣпина. Отецъ Царя Михаила Ѳеодоровича, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, былъ страстный любитель охоты и превосходный наѣздникъ, красавецъ и первый щеголь, онъ вошелъ въ поговорку по своей статности; — I ^й томъ «Великокняжеская и Царская охота на Руси», стр. 113	послѣ XXIV
Грамота избранныхъ людей всего народа русскаго — быть Царемъ «Всеа великія Росіи самодержцемъ» боярину Михаилу Ѳеодоровичу Романову-Захарьеву-Юрьеву — Мая 1613 года	послѣ 2
Рукоприкладства къ грамотѣ объ избраніи Царемъ Михаила Ѳеодоровича, хранящейся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ г. Москвѣ (смотри стр. 305)	передъ 3

Инокъ Филаретъ (въ мѣрѣ бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ) въ заточеніи въ Антоніево-Сійскомъ монастырѣ; подсланный крадущійся служка и подслушивающій приставъ Воейковъ. Съ ориг. П. Е. Рѣпина. (Смотри I^й томъ «Великокняжеская и Царская охота на Русси», стр. 113).

Въ 1601 году боярина Ѳеодора Никитича Романова оговорили въ умыслѣ на жизнь Царя Годунова, насильно постригли и заточили въ Антоніевъ-Сійскій монастырь; супругу его, Ксенію Ивановну, также постригли и сослали въ Заонежье, въ Егорьевскій погостъ, а малолѣтняго сына Михаила и дочь отправили на Бѣлоозеро.

Ѳеодоръ Никитичъ, въ монашествѣ Филаретъ, томился разлукой съ семьей и очень тосковалъ въ монастырѣ: «Милыя дѣтки, маленькія, бѣдныя остались — кому ихъ кормить и поить, и сомнѣвался: таково ли имъ нынѣ, какъ при немъ бывало? А жена, бѣдная, наудачу, уже жива ли? думалъ онъ, что она замчена такъ далеко, что и слухъ не зайдетъ». Говорилъ еще иннокъ Филаретъ, Государевъ измѣнникъ: «что ему ничего не надобно; узнай только онъ, что жена и дѣти померли, — онъ бы радъ былъ этому извѣстію; ему никто не мѣшалъ бы тогда, и сталъ бы онъ покойно промыслять одною своею душою. Лишь только жена да дѣти, о которыхъ ему и слухъ не зайдетъ, и лишь вспомянетъ о нихъ, ино что рогатиной въ сердце толкаетъ».

Отъ 16 Марта 1605 года приставъ Воейковъ, приставленный Царемъ Борисомъ Годуновымъ къ иноку Филарету, писалъ Царю Борису: «Старцы, приставленные къ Филарету, жалуются на него, будто онъ ночью 3 Февраля старца Ирнарха, жившаго въ одной кельѣ съ опальнымъ инокомъ, лаялъ и съ посохомъ къ нему прискакивалъ и изъ кельи вонъ высылалъ и къ себѣ и за собою ходить никуда не велѣлъ, и живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется, не вѣдомо чему, и говоритъ про мѣрское житіе, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мѣрѣ жилъ, и къ старцамъ жестокъ, даже угрожаетъ имъ: «увидятъ де они, каковъ онъ впредь будетъ». Акты историческіе, т. II, № 38. Доносъ пристава Воейкова Царю Борису.

Краткія свѣдѣнія о Домѣ Романовыхъ.

Во время всеобщаго движенія западныхъ народовъ Европы, во время крестовыхъ походовъ, утомленный долговременной борьбою съ крѣпачами (такъ назывались въ Польшѣ крестоносцы), утѣсненный сосѣдями: Конрадомъ, герцогомъ Мазовскимъ съ его союзниками Меченосцами и рыцарями Тевтонскаго ордена, въ своемъ отечествѣ Прусско-Прибалтійскихъ юго-восточныхъ владѣніяхъ, князь Глянда Дивоновичъ Камбило удался въ русскую землю около 1280 года, въ княженіе Александра Ярославича Невскаго, или сына его Великаго Князя Дмитрія Александровича, и въ 1287 году принялъ съ двумя сыновьями своими православіе; при крещеніи князь Глянда былъ нареченъ Іоанномъ, а сыновьямъ даны имена: старшему — Андрея, а младшему — Θεодора. Сынъ Глянды, Андрей Ивановичъ, есть родоначальникъ Царствующаго нынѣ въ Россіи Дома Романовыхъ.

Родословная Романовыхъ.

Андрей Ивановичъ, бояринъ — воеводою Твери съ 1347 г.

Сынъ Андрея, Федоръ Андреевичъ, бояринъ, при Великомъ Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ и сынъ его Вел. Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ — намѣстникомъ Новгородскимъ.

Сынъ Федора, Иванъ Федоровичъ, при Великомъ Князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ — казначеemъ Вел. Князя.

Сынъ Ивана, Захарій Ивановичъ, при Великомъ Князѣ Василіѣ Василіевичѣ Темномъ — бояриномъ и большимъ воеводою.

Сынъ Захарія, Юрій Захарьевичъ, при Великомъ Князѣ Иванѣ III Васильевичѣ — воеводою, а въ 1493 г. пожалованъ бояриномъ.

Сынъ Юрія, Романъ Юрьевичъ, при Царѣ Иванѣ IV Васильевичѣ Грозномъ — окольничимъ и воеводою.

Сынъ Романа, Никита Романовичъ, при Царѣ Иванѣ IV Грозномъ — бояриномъ и воеводою; народная любовь увѣковѣчила его имя въ пѣсняхъ. Умеръ (по боярскому списку) 1585 г., а по другимъ извѣстіямъ 23 Апрѣля 1586 г. Умирая, Царь Іоаннъ IV Васильевичъ избралъ Никиту Романа въ члены Верховной Думы при наследникѣ престола Θεодорѣ Ивановичѣ, вмѣстѣ съ четырьмя другими боярами: княземъ Иваномъ Мстиславскимъ, Борисомъ Годуновымъ и Богда-

номъ Бѣльскимъ. Въ Думѣ этой князь Мстиславскій и Никита Романовичъ носили названіе Правителей.

Въ 1552 году бояринъ Никита Романовичъ во второмъ бракѣ женился на дочери князя Александра Борисовича Горбатова-Суздальскаго, Евдокии.

Отъ этого брака старшій сынъ родился — 1554 г. Осодоръ Никитичъ — бояриномъ, намѣстникомъ Нижегородскимъ съ 1586 г. и членомъ Царской Думы, былъ женатъ на Ксеніи Ивановнѣ Шестовой въ 1590 г. Умеръ въ 1633 г.

Отъ этого брака родился въ 1596 году 12 Юля Михаилъ Осодоровичъ

Царь «Всеа великія Росіи Самодержецъ» послѣ 8

Царская потѣха Царя Михаила Осодоровича. Разстрѣлъ шапокъ стольника князя Пронскаго, окольничаго князя Львова и князя Одоевскаго въ 1634 г. Съ ориг. В. П. Сурикова. „ 10

Письмо и печать Царя Алексѣя Михайловича къ стольнику А. П. Матюшкину:

«Столинику нашему Московскому Ловчему Аонасію Ивановичу Матюшкину.

Отъ Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи столинику нашему Аонасію Ивановичу Матюшкину: но здоровль, за то спасибо, что птицами вопчѣ промышляете с Василемъ *), а робятъ держите в рукахъ, чтобъ передъ вами были вѣжливы, да не токмо передъ вами, и онѣ бы и передъ Петромъ Хомяковымъ были вѣжливы; да писаль ты к намъ, что кречеты Булатъ и Стреляй загрызли в вабилахъ **) осорыи ***), а пускать без нашего указу не смѣте: и вамъ бы Булату, Стреляю, Нечаю и впередъ живое класть в вабило и пускать, а поскольку пускать осорьев и сколько коршака ****) пускать, и я вамъ о томъ самъ приказываль; а будетъ не помните, и я ныне указываю вамъ: всякому кречету пустить по четыре осорыи опричь тѣхъ осорей, с которыми на земли...» послѣ 20

*) Съ Василемъ Яковлевичемъ Голохвастовымъ.

**) Вабить въ старинномъ языкѣ значило звать «Кіяне рекоша: князь вабить Вы къ Чернигову». Вабило — приманка для сокола, состоящее изъ мяса.

***) «Осорыи» — это небольшая птица, называемая «сойкою».

****) Коршакъ или ворона.

	СТР.
Выѣздъ Царя Алексѣя Михайловича на охоту. Съ ориг. В. М. Васнецова	послѣ 38
Охота Царя Михаила Ѳеодоровича на медвѣдя (на берлогѣ). Съ ориг. В. И. Сурикова	„ 70
Представленіе въ г. Москвѣ царскихъ соколовъ стольникомъ и москов- скимъ ловчимъ А. П. Матюшкинымъ послу римскаго Императора Леопольда, барону Майербергу. Съ картины Литовченко	„ 90
«Отвѣдываніе» соколовъ подъ с. Коломенскимъ стольникомъ и москов- скимъ ловчимъ А. П. Матюшкинымъ съ начальными и рядовыми со- кольниками. Съ ориг. К. В. Лебедева	„ 98
Парадная рукавица сокольника XVII столѣтія, хранящіяся въ Оружей- ной палатѣ, въ г. Москвѣ. Рисоваль Н. Тихобразовъ	„ 104
Царская потѣха: борьба Царскаго псаря съ медвѣдемъ (XVII столѣтіе). Съ ориг. В. М. Васнецова	„ 120
Пожалованіе изъ рядовыхъ сокольниковъ въ начальныя, по Уряднику сокольничьяго пути, въ присутствіи Царя Алексѣя Михайловича. Съ ориг. К. В. Лебедева	„ 130
Пиръ Царя Алексѣя Михайловича съ ближними боярами въ отѣзжемъ полѣ. Съ ориг. А. П. Рябушкина	„ 136
Царскій борзятникъ. Съ ориг. Ф. А. Рубо	„ 152
Стихи поэта Л. Мея, иллюстрированныя Н. С. Самокишемъ:	
Орнаментъ XVII столѣтія, внизу птица изъ Святославова Исборника 1073 г.	„ 170
Орнаментъ XVII столѣтія. Соколъ бьетъ цаплю въ поднебесы	„ 176
Охота на лося	„ 182
Орнаментъ XVII столѣтія. Голова медвѣдя и рогатина.	„ 188
Царскій поѣздъ на пути въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, близъ г. Звѣнигорода. Грачи	„ 194
Настоятель Саввы-Сторожевскаго монастыря въ своей кельѣ и мужи- чекъ, докладывающій о розысканномъ медвѣдѣ	„ 200
Царь Алексѣй Михайловичъ, пробирающійся лѣсною тропою къ мед- вѣжьей берлогѣ.	„ 206
Царь Алексѣй Михайловичъ передъ берлогою.	„ 212
Медвѣдь на рогатинѣ.	„ 218
Расправа медвѣдя за неудачный ударъ охотника	„ 224
Орнаментъ XVII столѣтія	„ 230

	СТР.
Явленіе св. Саввы Сторожевскаго и избавленіе Царя	постѣ 236
Саввинъ-Сторожевскій монастырь	„ 242
Инокѣ	„ 248
Образъ Саввы Сторожевскаго въ монастырѣ его имени	„ 254
Орнаментъ XVII столѣтія	„ 260
Царь Алексѣй Михайловичъ съ Царицей Наталіей Кирилловной и малолѣтнимъ Царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Обстановка покоя въ домѣ Романовыхъ, сохранившаяся и понынѣ	„ 266
Виньетка съ древнимъ Россійскимъ двуглавымъ орломъ	„ 272
Виньетка	„ 278
Заставка: орнаментъ XVII столѣтія, въ серединѣ ея — св. Георгій Побѣдоносецъ, слѣва — Николой Чудотворецъ, справа — Сергій Радонежскій, внизу — изображеніе Богоматери	„ 284
Царскій сокольникъ. Съ ориг. Ф. Рубо	„ 292

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЪ ТЕКСТѢ:

Заглавный листъ II ^{го} тома: орнаментъ съ орломъ, взятымъ изъ Царскаго саадака; шапка Царя Михаила Ѳеодоровича большаго наряда. Съ рис. Н. С. Самокиша	VII
Заголовокъ къ I ^{ой} главѣ: лукъ, колчанъ со стрѣлами и лубье саадачное Царя Алексѣя Михайловича, хранящіеся въ Оружейной палатѣ, въ г. Москвѣ; внизу — двуглавый орелъ, взятый изъ Налучія Царя Алексѣя Михайловича. Съ рис. Н. С. Самокиша	I
Царь и Великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ «Всеа Великія Росіи Самодержецъ». Изъ книги «Титулярника» Царя Алексѣя Михайловича, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ	2
Снимокъ съ картуши карты Московіи Исаака Массы 1612 г. Собраніе П. Я. Дашкова	7
Николо-Угрѣшскій монастырь въ концѣ XVII столѣтія. Мѣста охотъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Собраніе П. Я. Дашкова	11
Царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ «Всеа Великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ». Изъ книги «Титулярника» Царя Алексѣя Михайловича, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ	14

Снимокъ изъ книги «Глаголемая урядникъ: новое уложение и устроение чина сокольничья пути» Царя Алексѣя Михайловича, имъ лично составленной. Хранится въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ С.-Петербургѣ. «О славные мои совѣтники, и достовѣрные и премудрые охотники! радуйтесь и веселитесь, утѣшайтесь и наслаждайтесь сердцами своими, добрымъ и веселымъ симъ утѣшеніемъ въ предыдущія лѣта». Подъ симъ написано Царскаго Величества рукою «Прилогъ книжный, или свой» «Сія притча душевне и телесне»	17
Приказъ Царя Алексѣя Михайловича сокольникамъ (текстъ его переведенъ и приложенъ въ примѣчаніяхъ сей книги, подъ № 12). Хранится въ Архивѣ Археографической комиссіи, въ С.-Петербургѣ	22
Надпись на приказѣ Царя Алексѣя Михайловича сокольникамъ. «Сокольникъ нашимъ Леонтью Григорову Стоварыщи»	23
«Потѣшная», грамота Царя Алексѣя Михайловича ближнимъ боярамъ, ѣхать съ нимъ на медвѣжью охоту въ село Озерецкое, имѣніе княгини Львовой, въ 1646 году (текстъ сей грамоты переведенъ и приложенъ въ примѣчаніяхъ сей книги, подъ № 13)	30
Рукоприкладства ближнихъ бояръ, приглашенныхъ ѣхать съ Царемъ на медвѣжью охоту — на оборотной сторонѣ «Потѣшной» Царя, <i>правая половина</i> : Челобитная Заручная именовъ Великаго Государя и его Бояръ Государевыхъ полчанъзвон.... на озерецкаго медвѣдя 1) Васка Бутурлинъ руку приложилъ 2) Федка Ртищевъ руку приложилъ 3) Петрунька Салтыковъ руку приложилъ 4) Оедька Куракинъ руку приложилъ 5) Васка Шереметевъ руку приложилъ 6) Юшъка Долгорукои руку приложилъ 7) Сенка Лвовъ руку приложилъ 8) Петрунка Долгорукои руку приложилъ 9) Оетка Рамодановска руку приложилъ 10) Давыдко Деремонтовъ руку приложилъ 11) Олешко Голицынъ руку приложилъ 12) Юшка Ромодановскои руку приложилъ 13) Сенка Щербатон руку приложилъ 14) Петрунка Траханатовъ руку приложилъ 15) Осипка Сукинъ руку приложилъ 16) Артюшка Камынинъ руку приложилъ 17) Бориско Мыщенкой руку приложилъ и въ Яковлева мѣсто Безобразова Спальники Семеновой половины 18) Васка Голицынъ вместо Бориска Троекурова руку приложилъ 19) Васка Сабакинъ руку приложилъ 20) Ошонка	

Матюшкинъ руку приложилъ 21) Ивашко Стрешневъ болшою руку приложилъ. Стольники Семенової половины 22) Олѣшка Буйносовъ руку приложилъ 23) Петрушка Шереметевъ руку приложилъ <i>лѣвая половина</i> : Стряпчіе 1) Перфирка Образцовъ руку приложилъ 2) Янко Жуповъ руку приложилъ 3) Андрюшка Племянниковъ руку приложилъ 4) Петрушка Потемкинъ руку приложилъ 5) Федка Нарбѣковъ руку приложилъ 6) Сенка Змеевъ руку приложилъ 7) Стольники-ж Семенової половины 8) Васко Голыцынъ руку приложилъ 9) Алошка Лобановъ Ростовскої руку приложилъ 10) Васка Хилковъ руку приложилъ 11) Данилка Гага(ри)нъ руку приложилъ 12) Матюшка Шереметевъ руку приложилъ 13) Микитка Голобинъ руку приложилъ 14) Митка Долгорукою руку приложилъ 15) Гришка Рамодановскої руку приложилъ 16) Сенька Стрешневъ вмѣсто и послѣднихъ своихъ половины стольниковъ и стряпчихъ руку приложилъ по всѣхъ ихъ мысли	31
Коломенскій дворецъ, сооруженный Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Воспроизведеніе офорта Гильфердинга, XVIII стол.	34
Планъ села Измайлово, XVII стол. — Островъ около псарныхъ дворовъ. Съ современнаго плана, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ	37
«Золотыя ворота» (преданіе) въ селѣ Измайлово подъ г. Москвою, сохранившіяся и понынѣ. Сообщилъ А. Бахрушинъ	40
Выѣздъ боярина на охоту изъ г. Коломны, въ началѣ XVII стол. Съ современной голландской гравюры. Собраніе П. Я. Дашкова	43
Концовка I ^{ой} главы: пистолы, патроны, пороховницы и ключи, XVII стол., хранящіеся въ Оружейной палатѣ, въ г. Москвѣ. Съ рис. Н. С. Самокиша	44
Заголовокъ ко II ^{ой} главѣ. Съ рис. Н. С. Самокиша	45
Мостовая дорога Новгородскої Пятинъ. Съ голландской гравюры начала XVII стол. Собраніе П. Я. Дашкова	49
Царскій псарь съ борзыми. Съ рис. Н. С. Самокиша	54
Рыбная ловля. Съ современной гравюры начала XVII стол. Собраніе П. Я. Дашкова	59
Планъ мѣстности охотъ Царя Алексѣя Михайловича близъ г. Москвы. Села: Остапкино, Ростокіно и Алексѣевское. Съ современнаго плана XVII стол. Хранится въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ	63

	СТР.
Пищаль - самопаль XVII стол. Хранится въ Оружейной палатѣ, въ г. Москвѣ. Съ рис. Н. С. Самокиша	67
«Напускъ» гончихъ. Съ рис. Н. С. Самокиша	72
Имена соколовъ. Снимокъ съ записной книжки Царя Алексѣя Михайловича, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, въ С.-Петербургѣ	77
Виньетка: свитокъ грамоты. Съ рис. Н. С. Самокиша	81
Церковь Вознесенья села Коломенскаго подь г. Москвою. Съ рис. Н. С. Самокиша	85
Соколиная башня въ селѣ Коломенскомъ близь г. Москвы, сохранившаяся понынѣ. Сообщ. А. Бахрушинъ	88
Царскій сокольникъ. Съ офорта Н. С. Самокиша	93
Планъ части г. Москвы. Хранится въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, въ г. Москвѣ.	96
Виньетка: оружіе съ поясомъ XVII стол. Съ рис. Н. С. Самокиша	101
Собственноручное тарбарское письмо Царя Алексѣя Михайловича къ стольнику и московскому ловчему Аѳанасію Ивановичу Матюшкину. Хранится въ Архивѣ Археографической комиссіи, въ С.-Петербургѣ: «Бартъ (вмѣсто братъ), какъ тебя здѣсь не стало, то меня и хлѣбомъ съ закалою *) накормить не кому. А потомъ будь здравъ». Замѣчательное письмо это было писано, какъ и прочія письма, на узкомъ листѣ или столбцѣ и состоитъ почти исключительно изъ собственныхъ именъ, какъ то: Борисъ, Андрей, Родіонъ, Трофимъ, Калистъ, Андрей, Калистъ и т. д., въ концѣ подписано: А потомъ будь здравъ. Письмо это чрезъ покойнаго А. Ѳ. Малиновскаго было препровождено въ копіи къ графу Н. П. Румянцеву, который отдалъ его одному изъ чиновниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и тотъ прочелъ его. Онъ подписалъ всѣ имена и односложныя слова, каковы: азъ, ахъ, и т. п. одно подь другимъ, и отъ первыхъ отчеркнутыхъ буквъ вышелъ акростихъ — содержанія, приведеннаго выше	104
Два письма Царя Алексѣя Михайловича къ стольнику и московскому ловчему А. П. Матюшкину. Хранятся въ Археографической комиссіи	

*) Хлѣбомъ съ закалою называется такой хлѣбъ, въ которомъ нижняя корка не совсѣмъ допечена, и на ней остается слой сырого тѣста.

въ С.-Петербурѣ. *Львовъ*: писанное изъ с. Покровскаго въ 1646 г. 3 Апрѣля съ собственноручною припискою. «Отъ Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи стольнику нашему Аонасію Ивановичю Матюшкину: какъ ся наша грамота придетъ, и тебѣ бѣ взять в золотой полатѣ на окиѣ трои обносы *), да запечатать и прислать ко мнѣ тотчасъ, да чернильницу мою с трупками, а чернилъ возьми у Григорья у Львова **), да и перья ему вели очинить. Да сказавою тебѣ, что утокъ безчисленная много по лужамъ а ѣздить по палямъ топко, а изымать нѣчемъ, ястребы не поспѣли. А тебѣ от меня: будь здоровъ, да и сынъ у тебя вскоре будетъ, а стану звать Никулою. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Покровскомъ, лѣта 7154 Апрѣля въ 3 день. *Да съѣзди к Василью Сертьеву, да от меня спроси о здоровья, да отпиши ко мнѣ обо всемъ*». *Правое*: Въ немъ Царь называетъ Матюшкина — *Слынымъ*: «Отъ Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, стольнику нашему Аонасію Слѣпому. Нарядись въ ѣздовое платье да съѣзди къ сестрамъ, будто ты отъ меня пріѣхалъ, да спрошай о здоровьѣ, да скажи, што я буду въ воскресенье, что будетъ, а то конче что въ понедѣльникъ часу въ четвертомъ дни. Да извѣщаю тебе, што тѣмъ утѣшаюся, што столниковъ безпрестанни купаю ежеутрѣ въ прудѣ; Иорданъ хороша сдѣлана, человѣка по четыре и по пяти и по двѣнадцати человѣкъ, за то: кто не поспѣетъ къ моему смотру, такъ того и купаю; да послѣ купанья жалую, зову ихъ ежедень, у меня купалщики тѣ ядятъ вдоволь, а иные говорятъ: мы де норокомъ не поспѣемъ, такъ де и насъ выкупаютъ да и за столъ посадятъ; многіе норокомъ не поспѣваютъ. Да сходи ко архимариту Чудовскому, да спроси отъ меня о спасеньи, да молви ему отъ меня, штобы молебень у Чюдотворца при тебѣ за мое здоровье отпѣлъ, да молви ему отъ меня, штобы благословилъ голубы на мельницѣ половить. Да отпиши ко мнѣ обо всемъ 109

Концовка II^{ой} главы. Съ рис. Н. С. Самокина 112

*) Обносы или онучи для ноги сокола.

***) Григорій Львовъ — думный дякъ, учившій письму Царевича Алексѣя Михайловича въ бытность Львова подъячимъ Посольскаго приказа (Забѣлинъ). Видно, Царь съ малолѣтства привыкъ писать перьями очинки своего учителя.

	СТР.
Заголовокъ къ III ^{ей} главѣ: орнаментъ и буква XVI стол. Орелъ взятъ изъ колчана Царя Алексѣя Михайловича. Съ рис. Н. С. Самокиша	113
Видъ г. Москвы и стѣны Китай-города. Съ рис. Н. С. Самокиша	117
Виньетка карты путешественника Беринга. Собрание П. Я. Дашкова	121
Выѣздъ Царя на охоту. Съ рис. Н. С. Самокиша	124 и 125
Царскій охотникъ XVII столѣтія. Съ рис. Н. С. Самокиша	128
Драгоцѣнное запястье къ паперсти сѣдла Царя Алексѣя Михайловича. Хранится въ Оружейной палатѣ, въ г. Москвѣ. Съ рис. Н. С. Самокиша	133
Концовка къ III ^{ей} главѣ: парадные протозаны и лядунки съ пороховницей, хранящіяся въ Оружейной палатѣ, въ г. Москвѣ. Съ рис. Н. С. Самокиша	138
Заголовокъ къ IV ^{ой} главѣ: представленіе иноземному государю русскаго посольства съ соколами отъ Царя. Съ рис. Н. С. Самокиша	139
Часть Коломенскаго дворца Царя Алексѣя Михайловича, съ восточной стороны. Съ рис. Н. С. Самокиша	142
Виньетка: Съ рис. Н. С. Самокиша	147
Планъ Саввы-Сторожевскаго монастыря близъ г. Звѣнигорода и окружающей его мѣстности (любимыя мѣста охотъ Царя Алексѣя Михайловича), XVII стол. Хранится въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.	150
Преподнесеніе почетной рукавицы Царю, «Начальнымъ сокольникомъ», на соколиной охотѣ. Съ рис. Шварца, въ Третьяковской галереѣ, въ г. Москвѣ	155
Возвращеніе съ лосиной охоты. Съ рис. Н. С. Самокиша	159
Концовка къ IV ^{ой} главѣ: парадный колпачекъ сокола и бубенцы XVII стол., хранящіяся въ Оружейной палатѣ, въ г. Москвѣ. Съ рис. Н. С. Самокиша	162
Заставка къ примѣчаніямъ: голова лося. Съ рис. Н. С. Самокиша	163
Концовка къ примѣчаніямъ: картушъ для карты Россіи XVII стол. Голландскій офортъ	316

Ф. АН. 47

С. П. Пинин

Глава I.

Цари Михаилъ Θεодоровичъ и Алексѣй
Миханловичъ.

Время, протекшее отъ смерти царя Бориса Годунова до вступленія на престоль Михаила Θεодоровича, было совершенно неблагопріятно для развитія и процвѣтанія царскихъ и частныхъ охотъ. Въ исторіи царскихъ охотъ это самый глухой періодъ. Правда, при первомъ самозванцѣ охота на время оживаетъ, устраивается отчасти на европейскій

Царь Михаилъ Теодоровичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.

образецъ и, повидимому, имѣеть довольно данныхъ для пышнаго расцвѣта въ будущемъ; но смерть самозванца положила конецъ начинаніямъ въ области охоты, и самая память о нихъ какъ бы развѣялась вмѣстѣ съ его прахомъ. Наступившее, вслѣдъ затѣмъ, безвременье, которое современники мѣтко обозвали «московскою разрухой», въ корнѣ потрясло строй жизни государственной и надолго нарушило порядки и мирное теченіе жизни обыденной, въ которой русскому человѣку привычно было труды и заботы чередовать съ отдыхомъ и забавами. Въ это ужасное время русскимъ людямъ не до забавъ было и не до отдыха. Предъ всѣми и каждымъ стоялъ грозный вопросъ о самосохраненіи; предъ немногими — вопросъ не о себѣ только, но и о томъ, какъ изжить — избыть бѣду, черной тучей налетѣвшую на Русь. Въ общемъ смятеніи, когда все приходило въ упадокъ и разрушеніе, не могла, конечно, уцѣлѣть и сохраниться былая организація царскихъ охотъ. Оттого въ историческихъ документахъ за все смутное время почти нѣтъ прямыхъ и ясныхъ указаній на бывшя охоты; и такое безмолвіе источниковъ объ охотахъ продолжается вплоть до воцаренія Михаила Ѳеодоровича.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ. Извнѣ, была война съ Польшей и Швеціей. Внутри государства, многіе города были сожжены до тла, и сама Москва лежала въ развалинахъ. Повсюду бродили шайки подъ названіемъ «казаковъ», которые грабили, сожигали жилища, убивали и мучили жителей. Внутреннія области сильно обезлюдѣли. Поселяне умирали отъ голода. Повсюду господствовала нищета; въ казнѣ не было денегъ, и трудно было собрать ихъ съ разоренныхъ жителей. Одна бѣда вела за собою другія, но самая великая бѣда была въ томъ, что русскіе люди, по мѣткому выраженію матери малолѣтняго царя Михаила, «измалодушествовались». Смутное время, равно какъ и предшествовавшія ему эпохи Грознаго и Годунова, выработали поколѣніе людей, мелкихъ по чувствамъ, ихъ одушевляв-

1*

шимъ, и по характеру слабыхъ. Неудивительно, что въ такомъ поколѣннн значительно ослабѣлъ, на ряду съ другими жизненными свойствами, и здоровый инстинктъ охоты. Въ этомъ отношеннн молодому царю предстояла задача разбудить въ своихъ современникахъ заснувшую охотничью удаль; но эта задача въ первое время должна была отодвинуться на задннй планъ въ виду другихъ болѣе существенныхъ и неотложныхъ заботъ. Нужно было уладить внѣшннй отношеннй съ враждебными государствами; скрѣпить расшатавшіеся устои государственной жизни; усмирить разбойничьи шайки, капризной и грозной волною перебрасывавшіяся изъ конца въ конецъ и отъ города къ городу; наконецъ, молодому царю приходилось подумать даже объ устройствѣ собственнаго жилища, потому что «прежннй царскія хоромы и палаты были безъ кровель, безъ половъ и безъ лавокъ, безъ окончинъ и безъ дверей» ¹⁾).

Первые годы царствованнй Михаила Ѳеодоровича прошли въ этихъ трудахъ и заботахъ. Устраняя и успокоивая расшатавшееся и разоренное царство, молодой царь только спустя пять—шесть лѣтъ могъ серьезно позаботиться о возстановленнн былыхъ охотъ и потѣхъ. И можно думать, что охоты и потѣхи приходилось не столько возстановлять, сколько устраивать заново, хотя и по старымъ порядкамъ. Для псовыхъ охотъ не было хорошихъ собакъ; поизвелись также и медвѣди для дворцовыхъ потѣхъ. Нужно было вновь завести псарннй дворъ и звѣрннцы, какіе были въ старину. Съ этой цѣлью въ 1619 году Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ въ сѣверную медвѣжью сторону — въ Галичъ, Чухлому, Солигаличъ, Судай, Парѣеневъ, Кологривъ и на Унжу — двухъ охотниковъ и трехъ конныхъ псарей съ порученнємъ брать въ тѣхъ мѣстахъ у всякихъ людей собакъ борзыхъ, гончихъ, меделянскихъ и медвѣдей. Успѣхъ этого порученнй обезпчивался царской грамотой, посланной на имя Галичскаго губного старосты, а чрезъ него и во всѣ другіе указанные пункты. Этою грамотою царь приказывалъ мѣстнымъ властямъ оказывать всякое

содѣйствіе посланнымъ охотникамъ и псарямъ: давать подъ нихъ, собакъ и медвѣдей, подводы и провожатыхъ отъ города и до города, снабжать кормомъ для собакъ и медвѣдей, «чѣмъ имъ мочно сытимъ быть», наконецъ, давать имъ стрѣльцовъ, пушкарей и разсылщиковъ въ помощь противъ ослушниковъ, т.-е. противъ тѣхъ бояръ, дворянъ и прочихъ мѣстныхъ жителей, которые не захотѣли бы добровольно разстаться съ любимыми псами и медвѣдями. Приказъ этотъ распространялся одинаково на села дворцовыя и княжескія, боярскія, дворянскія и «всякихъ людей» помѣстья, на волости царской матери, инокини Марѣы Ивановны, на вотчины патриаршіи, митрополичьи, владычныя и монастырскія ²⁾). Недостатокъ въ хорошихъ собакахъ и медвѣдяхъ былъ, какъ видно, слишкомъ чувствителенъ и великъ, если принята была столь рѣшительная мѣра: принудительное, почти военное отчужденіе живого охотничьяго инвентаря частныхъ людей. Нѣтъ, однако, основаній думать, что Михаилъ Ѳеодоровичъ рѣшился на эту мѣру для удовлетворенія личной его страсти къ охотѣ; напротивъ, этого требовали обиходъ двора и уваженіе къ исконнымъ порядкамъ царскаго быта: съ давнихъ временъ охоты и потѣхи сдѣлались необходимою принадлежностью царской жизни, и молодому царю, воспитанному на преданіяхъ старины, не приходилось останавливаться даже предъ крутыми мѣрами, когда дѣло касалось восстановления былыхъ порядковъ царской жизни, стариной завѣщанныхъ.

Этимъ фактомъ открывается исторія царскихъ охотъ при дворѣ дома Романовыхъ. Отобранные такимъ путемъ медвѣди и собаки составили ядро охоты, возобновленной Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, постепенно съ теченіемъ времени развивавшейся и достигшей пышности и великолѣпія при Алексѣѣ Михайловичѣ.

И Михаилъ Ѳеодоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ, оба заботились о развитіи и процвѣтаніи своихъ охотъ, но въ исторіи царскихъ охотъ значеніе Алексѣя Михайловича гораздо выше и важнѣе, чѣмъ значеніе его отца. Въ отцѣ и сынѣ неодинаково былъ развитъ

интересъ къ охотѣ; неодинаково она ихъ волновала и заботила. Въ то время, какъ для отца охота была немногимъ болѣе, чѣмъ обязательная подробность царской жизни, для сына она составляла особый міръ, полный своеобразной, чарующей прелести и непреодолимо влекшій его къ себѣ. Эта разность въ отношеніяхъ къ охотѣ вытекала изъ особенностей личнаго характера того и другого царя и отчасти была подготовлена несходной обстановкой ихъ первоначальнаго воспитанія.

Отецъ Михаила Ѳеодоровича, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, въ послѣдствіи невольный монахъ и патріархъ Филаретъ, въ дни мірскаго житія былъ страстнымъ охотникомъ въ духѣ своего вѣка, и даже, какъ мы видѣли, въ ангельскомъ чинѣ не переставалъ вздыхать и тосковать о былыхъ утѣхахъ отъѣзжаго поля. Казалось бы, что сынъ наслѣдуетъ отцовскую страсть; но наслѣдственность имѣетъ свои капризы, а врожденные склонности и страсти гаснутъ, если не находятъ пищи и упражненія. Быть можетъ, въ натурѣ Михаила Ѳеодоровича и таился скрытый зародышъ охотничьей страсти, но онъ въ немъ не развился и не выросъ, потому что условія жизни совершенно этому не благоприятствовали. Бѣда разразилась надъ семьей Романовыхъ, когда Михаилъ былъ еще ребенкомъ: отца и мать насильно постригли и сослали порознь въ дальніе монастыри, а маленькаго Михаила съ теткой отправили на Бѣлоозеро. Не свѣтлыя грѣзы золотого дѣтства, но безотчетный ужасъ, навѣянный непонятною ему драмой, — вотъ что привезъ съ собою на Бѣлоозеро малолѣтній Михаилъ. Бѣдная, угрюмая природа Бѣлозерскаго края; сѣрая, томительно-однообразная обстановка отшельнической жизни; отсутствіе развивающаго товарищества подвижныхъ сверстниковъ; отсутствіе нѣжной материнской ласки, — вотъ условія, въ которыхъ протекли уныло и печально дѣтскіе годы Михаила, годы, когда слагаются первыя основныя черты характера. Въ такой обстановкѣ не могъ выработаться характеръ, свойственный охотнику, — подвижной, смѣлый

и бодрый; напротивъ, въ характеръ Михаила, что вполне естественно, мы видимъ слѣды задержаннаго развитія, вялости и тихой, глубокой грусти. Такіе характеры могутъ быть упорны, но всегда не самостоятельны, лишены духа почина и предприимчивости и легко поддаются чужому вліянію. Такъ было и съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ: молодой царь сначала находился въ полной покорности инокинѣ-матери, затѣмъ, подчинился сильному вліянію отца-патріарха, а внѣ этихъ вліяній всегда былъ во власти одолѣвавшей его «кручины».

Была въ характеръ Михаила и еще одна черта, которая также не осталась безъ вліянія на его отношенія къ охотѣ: это—слишкомъ большая преданность обряду, внѣшней сторонѣ дѣла. Правда, это не столько его личная черта, сколько историческая вѣковая болѣзнь всей русской жизни; но у сильныхъ натуръ свободный порывъ

господствуетъ надъ формою и обрядомъ и одухотворяетъ ихъ, а у натуръ слабыхъ онъ безслѣдно растворяется въ тѣсныхъ рамкахъ формы, обряда или чина. Сообразно съ этимъ, Михаилъ могла занимать въ охотѣ больше ея внѣшняя, обстановочная сторона, чѣмъ самый процессъ охоты. Въ историческихъ документахъ сохранилось довольно много извѣстій объ охотахъ Михаила Ѳеодоровича, но мы не найдемъ здѣсь особенно яркихъ фактовъ, которые позволяли бы сравнивать Михаила Ѳеодоровича, какъ охотника, со знаменитыми охотниками-князьями предшествующихъ эпохъ.

Первая изъ извѣстныхъ намъ охотъ Михаила Ѳеодоровича относится къ 1615 году. Это было «лошье и медвѣжье поле» въ имѣніяхъ князя Ѳеодора Ивановича Мстиславскаго, вѣроятно, въ окрестностяхъ его родового села Хвили, въ Кунцовской мѣстности, близъ г. Москвы; въ этой охотѣ принимали участіе люди князя Мстиславскаго, за что и были награждены изъ царской казны³⁾. Повидимому, этотъ фактъ указываетъ на существованіе организованной царской охоты уже въ самые первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, и какъ бы устраняетъ собою другой отмѣченный выше фактъ, что первыя серьезныя мѣры по организаціи охотъ начались съ 1619 года. Но спрашивается: охота 1615 года была ли собственно царская и производилась ли она съ помощью служащихъ и живого инвентаря царскихъ охотъ, или это была охота, всецѣло устроенная кн. Мстиславскимъ, а царь Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ лишь желаннымъ гостемъ на княжеской охотѣ? Признать ее царской нѣтъ никакихъ данныхъ; напротивъ, считать ее частной княжеской охотою склоняетъ участіе въ ней княжескихъ ловчихъ, признакъ во всѣхъ другихъ случаяхъ не существенный, но въ данномъ имѣющей рѣшающее значеніе. Есть, однако, другія указанія, на первый взглядъ еще болѣе вѣскія, что царскія охоты и до 1619 года имѣли уже характеръ вполне устроенныхъ охотъ: въ 1617 году осочили (обкладывали) медвѣдницу съ медвѣдемъ; въ 1618 году были большія царскія охоты

на лосей, устроенныя ловчимъ Тверского пути Григоріемъ Григорьевичемъ Маматовымъ, при участіи псовника Василя Усова и 10 охотниковъ ловчаго пути; въ 1619 году Маматовъ вновь тѣшилъ царя лосиными ловлями ⁴⁾). Всѣ эти охоты производились при помощи собственнаго персонала царскихъ охотъ — охотниками ловчаго пути, подъ общимъ руководствомъ ловчаго и псовника, что и указываетъ на существовавшую уже нѣкоторую организацію царской охоты. Но собрать охотниковъ-знатоковъ своего дѣла было не особенно трудно даже послѣ «московской разрухи», потому что занятіе это наследственно передавалось въ извѣстныхъ семьяхъ отъ отца къ дѣтямъ, и, конечно, не перевелись окончательно за смутное время подобныя семьи. Иначе стояло дѣло съ собаками. Царская псарня, несомнѣнно, была въ плачевномъ состояніи, и весьма возможно, что именно эти охоты 1616, 1618 и 1619 гг. воочию показали царю бѣдность и недостаточность его псоваго состава. Весьма возможно также и то, что уже на охотѣ 1615 года у князя Мстиславскаго царю впервые пришла мысль пополнить свою псарню за счетъ охотъ боярскихъ и дворянскихъ. Во всякомъ случаѣ царская охота показала себя въ полномъ порядкѣ и благоустройствѣ въ первый разъ почти годъ спустя послѣ извѣстной грамоты 1619 года. Въ Январѣ 1620 года, вѣроятно въ окрестностяхъ Черкизова, была устроена въ большихъ размѣрахъ царская охота на лосей и медвѣдей. На этихъ «лосиныхъ и медвѣжьихъ ловляхъ» участвовало 14 охотниковъ ловчаго пути, 63 конныхъ и 24 пѣшихъ псаря ⁵⁾). Ради этой охоты былъ отмѣненъ назначенный на тотъ день (17-го Января) пріемъ шведскаго посла. Сопоставляя этотъ фактъ съ огромнымъ числомъ участвовавшихъ въ охотѣ псарей, конныхъ и пѣшихъ, не трудно догадаться, что эта охота была первою полевою пробою собакъ, собранныхъ на государеву псарню по грамотѣ 1619 года; потому-то она такъ заинтересовала царя, что онъ рѣшилъ отмѣнить назначенный пріемъ шведскаго посла. Имѣется легкій намекъ, что охота была веселая и жаркая.

Когда отложенный прием шведского посла был послѣ охоты назначенъ вновь, то рындой къ царю во время церемоніи приема назначили явиться нѣкому Ивану Петрову сыну Чихачеву; послѣднему очень не хотѣлось присутствовать при церемоніи, благодаря мѣстническимъ счетамъ съ другимъ рындой, княземъ Аѳанасіемъ Шаховскимъ, и онъ не поѣхалъ въ городъ, сказавшись больнымъ; однако, когда его потребовали для объясненій къ боярамъ въ золотую палату, онъ явился туда на костыляхъ — «о дву посохахъ» — и оправдывался предъ боярами тѣмъ, что «лошадь ногу изломала, какъ государь тѣшился за лосми, затѣмъ-де и въ городъ не поѣхалъ»; эта отговорка не спасла Чихачева отъ наказанія: бояре «велѣли бить его кнутомъ», а чтобы не откладывать наказанія «долго де того ждать», думный дьякъ да бояринъ Романовъ знатно били здѣсь же Чихачева по спинѣ и по ногамъ его же собственными посохами, «и, бивъ его, велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ (т.-е. рындой) по прежней сказкѣ»⁶⁾.

Въ слѣдующемъ 1621 году вновь производились лосинья оскіи и медвѣжьи ловли подъ руководствомъ Тверского ловчаго Григорія Маматова. Это была также большая царская охота, такъ какъ въ ней участвовало 54 конныхъ и 20 пѣшихъ псарей и 16 охотниковъ⁷⁾. Послѣ этой охоты, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, приблизительно до 1625 - 1626 г., Михаилъ Осодоровичъ, повидимому, не принималъ личнаго участія въ охотничьихъ поѣздкахъ, но царская охота и за это время не бездѣйствовала: по крайней мѣрѣ, въ этотъ промежутокъ времени многіе чины личнаго состава царской охоты получали награды за охоты⁸⁾. Мы не знаемъ причинъ, почему Михаилъ Осодоровичъ почти на 4 года забылъ и покинулъ охоту; однако, самый фактъ для характеристики царя важенъ, какъ доказательство, что Михаилъ Осодоровичъ не былъ охотникомъ по натурѣ: истинному охотнику трудно выдержать четырехлѣтній искусъ воздержанія отъ любимаго дѣла. Но послѣ этого перерыва и почти до конца своего

*Николо-Угрьшскій монастырь,
по рисунку съ натуры конца XVIII столѣтія.*

царствованія онъ каждый годъ находилъ досугъ и желаніе позабавиться охотой. По большей части эти охоты соединялись съ поѣздками царя на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру, въ Николо-Угрьшскій и Симоновъ монастыри и производились обыкновенно на обратномъ пути въ Москву. Въ такихъ случаяхъ государя обыкновенно сопровождали на богомолье чины царскихъ охотъ, псовой и соколиной, псаря и охотники ловчаго пути. Иногда царь дѣлалъ поѣздки исключительно для охоты и съ этою цѣлью отправлялся преимущественно въ недалекія подмосковныя села, удобныя для охотъ, чаще всего въ Покровское-Рубцово ⁹⁾. Отдѣльныхъ эпизодовъ и интересныхъ подробностей относительно этихъ охотъ не имѣется. Впрочемъ, въ двухъ случаяхъ охота сопровождалась, можетъ-быть, заканчивалась своеобразнымъ развлеченіемъ: государя тѣшили стрѣльбой въ шапки. Въ первомъ случаѣ (1630 г.) были разстрѣяны шапки стольника князя Пронскаго, окольничаго князя Львова и князя Одоевскаго, а во второмъ (1634 г.) этой чести удостоилась простая шапка задворнаго конюха Степана Карпова: «Государевы комнатные

2*

государя тѣшили, по его (конюха) шапкѣ стрѣляли изъ луковъ и изъ пистолей и шапку изстрѣляли». За испорченныя шапки бояре и простой конюхъ получили изъ казны матеріалъ для новыхъ шапокъ, при чемъ первымъ былъ отпущенъ бархатъ-кармазинъ и на опушку соболь, а послѣднему — сукно вишневаго цвѣта и для опушки лисьи лапы.

Любимой охотой Михаила Теодоровича была охота на медвѣдей; по крайней мѣрѣ, чаще всего онъ охотился за ними. Государю случилось однажды обмолвиться фразой, которая показываетъ, что онъ хорошо зналъ медвѣжій нравъ и повадки. Одинъ голландецъ рассказываетъ, что когда молодому царю доложили о какомъ-то лицѣ, которое слѣдовало наказать за важный учиненный имъ проступокъ, то Михаилъ Теодоровичъ, между прочимъ, отвѣтилъ: «вы развѣ не знаете, что наши московскіе медвѣди въ первый годъ на звѣря не нападаютъ, а начинаютъ охотиться только съ лѣтами»¹⁰⁾.

Соколиной охотой царь тѣшился вмѣстѣ съ сыномъ, царевичемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ теченіе лѣта 1632 года отецъ и сынъ хаживали на охоту съ ловчими птицами весьма часто. Въ 1635 году, по свидѣтельству Олеарія, дядькою царевича Алексѣя была устроена соколиная охота въ присутствіи иностранныхъ пословъ. Это была веселая и занимательная охота и, какъ кажется, устроена она была для сравненія искусства и ловкости русскихъ соколиныхъ охотниковъ съ охотниками иноземными, такъ какъ незадолго передъ этой охотой нѣкоторые изъ чиновъ голштинскаго посольства показывали въ Рубцовѣ, въ присутствіи царя и царевича, свое умѣнье и пріемы въ соколиной охотѣ.

Въ томъ же Рубцовѣ-Покровскомъ состоялась и послѣдняя, извѣстная намъ, охота царя Михаила Теодоровича: 10 Сентября 1643 г. государь тѣшился здѣсь соколами царевича Алексѣя Михайловича¹¹⁾.

Въ ряду русскихъ царей-охотниковъ Алексѣй Михайловичъ занимаетъ совершенно особое положеніе: это былъ самый замѣчатель-

ный, единственный въ своемъ родѣ царь-охотникъ. Онъ напоминаетъ собою отчасти двухъ другихъ замѣчательныхъ охотниковъ древней Руси — Владимира Мономаха и Василя III Ивановича: перваго — своимъ серьезнымъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ охотѣ, втораго — страстнымъ наслажденіемъ ея художественными сторонами. Сливая эти черты ума и сердца въ своемъ характерѣ, Алексѣй Михайловичъ прежде всего, однако, искалъ въ охотѣ удовлетворенія эстетическихъ склонностей своей художественной натуры. Онъ жилъ охотою и отдавался ей весь безраздѣльно, какъ поэтъ — своему вдохновенію. По своей натурѣ, благодушной, глубоко спокойной и порою созерцательной, Тишайшій Царь не могъ любить волненій рѣзкихъ и сильныхъ, но лишь такія, которыя растутъ, усиливаясь постепенно, не внося съ собою смуты и бури въ душевную жизнь; а такія волненія, легкія и пріятныя, дасть только одинъ родъ охоты — охота соколиная. Вотъ почему Алексѣй Михайловичъ отдавался столь беззавѣтно потѣхѣ съ ловчими птицами.

Къ птицамъ и къ птичьей охотѣ Алексѣй Михайловичъ привязался душою еще съ самаго ранняго дѣтства. Когда онъ былъ ребенкомъ, ему покупали разныхъ потѣшныхъ птичекъ: живыхъ воробьевъ, чечетокъ и всякихъ другихъ. Инстинктивная привязанность царевича къ птицамъ не могла ускользнуть отъ умнаго и наблюдательнаго воспитателя его — или, по тогдашнему названію, «дядьки» — боярина Морозова, и едва ли можно сомнѣваться, что именно онъ и пристрастилъ маленькаго царевича къ соколиной охотѣ. По свидѣтельству Олеарія, у Морозова была своя соколиная охота, и ему случалось иногда тѣшить ею за городомъ заѣзжихъ иноземцевъ и пословъ, конечно, не безъ расчета снискать ихъ расположеніе. И въ дѣлѣ воспитанія царевича соколиная охота сослужила Морозову добрую службу. Познакомивъ своего воспитанника съ прелестью соколиной охоты, Морозовъ далъ движеніе врожденнымъ склонностямъ чуткой души царевича, съ ея поэтическимъ одушевленіемъ

Царь Алексѣй Михайловичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михайловича.

и присущей ей любовью къ природѣ, — и тѣмъ самымъ навсегда привязалъ къ себѣ своего царственнаго воспитанника.

Съ лѣтами, когда царевичъ росъ и мужалъ, росла и крѣпла въ немъ страсть къ охотѣ, и развивалось сознательное и заботливое отношеніе ко всему, что касалось любимой забавы. Въ ранніе годы царствованія Алексѣй Михайловичъ еще не въ силахъ былъ господствовать надъ своею страстью и съ юношескимъ увлеченіемъ отдавался охотамъ больше, чѣмъ царственнымъ трудамъ; но въ зрѣлую пору умѣлъ дѣлать свое время и точно слѣдовалъ своему девизу: «дѣлу — время, а потѣхѣ — часъ». Однако, и среди трудовъ и заботъ государственныхъ онъ, казалось, ни на минуту не забывалъ своихъ любимыхъ птицъ и постоянно мыслью переносился на свою кречатню, гдѣ всегда чувствовалъ себя въ своей сферѣ, около дѣла близкаго, дорогого, ничѣмъ незамѣнимаго. Случалось, что дѣла государственныхъ и заботы семейныя вынуждали его на время отказываться отъ любимой охоты, но не всегда онъ былъ въ силахъ подчиниться этой необходимости. Такъ, 16-го Января 1648 года Алексѣй Михайловичъ женился на Маріи Ильинишнѣ Милославской, однако, уже 21-го Января, всего черезъ пять дней, онъ охотился въ имѣніи Морозова, на пути въ Троицкую лавру. Или другой случай: въ Сентябрѣ 1674 г. объявлено было, что до весны «похода» государя съ Москвы не будетъ, и опять онъ не утерпѣлъ — въ томъ же мѣсяцѣ дѣлалъ походъ въ Коломенское. Алексѣй Михайловичъ глубоко и нѣжно любилъ свою жену, серьезно и строго относился къ обязанностямъ правленія, но ему, живому и подвижному, какъ бы не сидѣлось дома. Его постоянно тянуло изъ царскихъ хоромъ, изъ царицына терема, на широкій просторъ подмосковныхъ полей, подъ своды голубого неба, куда, вслѣдъ за взмывшимъ соколомъ, неслась и душа охотника-царя. Въ полѣ, «за красной и славной птичьей потѣхой», онъ все забывалъ, и кручины и радости, и весь преображался, охваченный живымъ восторгомъ, передавая свое настроеніе всѣмъ, кто бывалъ съ нимъ.

Неудивительно послѣ этого, что большую часть своего тридцатилѣтняго царствованія онъ провелъ въ разъѣздахъ или, какъ тогда говорилось, «въ походахъ». Зимой и осенью, весной и лѣтомъ, въ погоду и въ распутье и бездорожье, царь то-и-дѣло совершалъ «походы» или въ ближнія подмосковныя села, въ особенности въ Коломенское, для красной и славной птичьей потѣхи, или въ дальніе монастыри на богомолье — въ Троицкую лавру, въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, въ Боровскъ, Можайскъ и многія другія мѣста. Но и въ этихъ богомольныхъ походахъ онъ пользовался всякимъ случаемъ позабавиться охотою, соколиной или псовой. Даже во время военныхъ походовъ царь, повидимому, находилъ возможность иногда на охотѣ отдохнуть отъ военныхъ тревогъ: въ 1655 г., находясь въ походѣ противъ польскаго короля, Алексѣй Михайловичъ приказываетъ немедленно выслать съ Москвы къ нему въ Шкловъ, гдѣ онъ тогда стоялъ, коннаго псаря Терешку Фролова, конечно, не для воинскихъ надобностей, но — полагаемъ — для охоты, при которой этотъ Терешка Фроловъ могъ быть нужнымъ человѣкомъ, какъ мастеръ своего дѣла.

Такимъ образомъ, вся жизнь Алексѣя Михайловича тѣсно сплеталась съ охотами, и никакія событія, какъ бы крупны они ни были, касались ли его личной жизни, или государственной, не могли заставить царя надолго позабыть или покинуть любимую забаву. Это былъ охотникъ, никогда не измѣнявшій своей страсти, и его всего лучше можно охарактеризовать его же собственнымъ выраженіемъ — «охотникъ достовѣрный», т.-е. истый, заклятый охотникъ. Никто лучше его не понималъ поэтической стороны охоты, да едва ли кто могъ соперничать съ нимъ и относительно технической стороны охотничьяго дѣла.

Поэтическую сторону соколиной охоты Алексѣй Михайловичъ прекрасно изобразилъ въ своемъ предисловіи къ «Уряднику Сокольничья пути». Особый тонъ этого предисловія, отдѣльные обороты

Слапниі мой
Сольпниши, Иду
Слапърниі, Игумъ
Дриі охотниши,
раждѣтсея Всесе:
ДитесеА. Хѣтѣшѣ
тесея, Ина Сѣ
Дѣтесея. срѣхми

Слоими. Дорамъ
ВесеСѣ Сѣмъ Хѣтѣ
шениемъ. Игуре
Идѣщесе ЛѣтѣА.

Прягого днѣныи-рѣсѣ
СА притѣа Дѣше
Дне Желесесе.

Снимокъ съ „Книги малолетняя урядникъ новое уложение и устроение чина
сокольничья пути“ Царя Алексѣя Михайловича.

рѣчи, витѣватой, но очень выразительной, показываютъ, что предметъ, о которомъ писалъ царь — соколиная охота — слишкомъ волнуется его, затрогиваетъ всю его душу и заставляетъ ее вылиться въ массѣ звучныхъ словесныхъ оборотовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вчитываясь въ это предисловіе, почти слышишь, какъ въ немъ бьется объятая восторгомъ душа охотника-поэта:

«Зълю пошъха сія полевая ушъиаетъ сердца печальныя и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча. Безмѣрно слава и хвальна кречатъя добыча. Удивительна же и ушъишительна и чельна кречатъя добыча. Угодительна пошъиша дерм.штова перелазка и добыча. Красношощришеленъ же и радостенъ высокова сокола лешъ. Премудра же соколя добыча и лешъ. Добровидна же и кощова добыча и лешъ. По сихъ доброушъишна и привъшлива правленыхъ ястребовъ и челиговъ ястребыхъ ловля; къ водамъ рыщеніе, ко птицамъ же доступаніе. Начало же добычи и всякой ловли — разсужденіе охотниковъ временамъ и порамъ; раздѣленіе же птицамъ въ добычахъ. Достоверному же охотнику нѣсть въ добычи и ловль разсужденія временамъ и порамъ; всегда время и погода въ поль.

«Будите охочи, забавляйтесь, ушъиайтесь сею доброю пошъхою, зълю пошъино и уодно и весело, да не одолжють васъ кручины и печали всякія. Избирайте дни, ыздите часто, пауускайте, добывайте, целъниво и безскучно, да не забудуть птицы премудрую и красную свою добычу».

Еще сильнѣе чувствуется въ Алексѣѣ Михайловичѣ охотникъ-поэтъ, когда онъ съ неподражаемою изобразительностью описываетъ подвиги — ловъ и лешъ — своихъ любимыхъ соколовъ. Однажды онъ поѣхалъ «ошвъдывать», пробовать птицъ «на добычахъ», и вотъ между Сущовымъ и Напруднымъ (т.-е. въ нынѣшней мѣстности между Бутырскою и Троицкою заставами г. Москвы) наѣхалъ на «прыскъ», т.-е. на наѣзженное торное мѣсто, которое по весеннему времени было еще залито волюю, и сталъ пробовать взятыхъ съ собою соколовъ. «Ошущили» — пишетъ онъ — «сокола Мадина и онъ хорошо по-

летѣлъ, да не слезъ, а утки мноше связы и шлохвосты и чирята, а въ длину вода та тесъ сажень и поперегъ двѣ сажени, да тѣмъ хорошо, что нѣкуда утечь, нѣтъ нѣхъ водищъ близко; такъ Модину соколу дали вабло да отпустили сокола Семена Ширяева дикомытъ: такъ безмѣрно каквово хорошо летѣлъ, такъ поналъ да осадилъ въ одномъ концѣ два гнезда шлохвостей, да полтретья гнезда чирятъ, такъ въ другоретъ поналъ, такъ понеслось одно утя шлохвость и милостию Божиею и твоими» (Матюшкина) «молитвами и счастиемъ какъ еъ мякнетъ по шепъ, такъ она десятью перекинулась да утла тына въ воду оять: такъ хотѣли по ней стрелять, почали што худо заразилъ а онъ еъ такъ заразилъ, што кишки вонъ; такъ она полавала немножко да побежала на берегъ, а соколотъ и сълъ на ней»... Въ этомъ безыскусственномъ описаніи сказалась вся страсть охотника, который, то съ опасеніемъ, то съ восторгомъ, но въ обоихъ случаяхъ съ одинаково глубокимъ волненіемъ, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ любимаго сокола и безмѣрно счастливъ, когда соколъ не срамитъ его надеждъ; въ частомъ и страстномъ повтореніи слова „такъ“ чувствуется, какъ на этой охотѣ возрастали восторгъ и волненіе царя, и изъ всего описанія встаетъ, какъ живая, фигура царя, гордаго побѣдою своего сокола.

На охотахъ съ соколами Алексѣй Михайловичъ внимательно изучалъ каждого отдѣльнаго сокола, подмѣчалъ отличительныя черты въ пріемахъ охоты того или другого изъ нихъ и, на основаніи этихъ наблюденій, напередъ умѣлъ разгадывать свойства соколовъ гораздо раньше, чѣмъ они проявлялись на дѣлѣ: «видитца какбы тяжелъ» — пишетъ онъ про одного сокола — «а добръ добръ будетъ». Самъ слѣдилъ на охотахъ и съ точностью отмѣчалъ и записывалъ, сколько «ставокъ» дѣластъ тотъ или другой соколъ и какой «верхъ» беретъ. Неудивительно, что обитателей своей кречатни онъ зналъ и цѣнилъ безошибочно, какъ глубокой знатокъ своего дѣла. Его заботы о птицахъ доходили до самыхъ мелкихъ подробностей: онъ самъ давалъ имена новымъ соколамъ, самъ указывалъ, какъ ихъ учить, какъ

3*

нужно примѣняться къ ихъ характернымъ особенностямъ. Однимъ словомъ, внутренняя жизнь и распорядки кречатни находились подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ самого царя. Можно сказать, что, если бы на плечахъ государя не лежало бремя государственныхъ заботъ, онъ всего себя отдалъ бы кречатнѣ, потому что съ этимъ уголкомъ тѣсно связаны были лучшія мгновенья его жизни. Но заботы правленія брали почти все *время*, для потѣхи оставались лишь *часы*, а между тѣмъ соколиная охота, со всѣми ея порядками, требовала постоянного и буквально неусыпнаго наблюденья; вотъ почему Алексѣю Михаиловичу необходимо было найти себѣ въ этомъ дѣлѣ вѣрныхъ помощниковъ, а за собою оставить лишь верховный надзоръ и главное руководство всѣмъ, что касалось красной и славной птичьей потѣхи. Талантъ истаго охотника, инстинктомъ отгадывающаго среднюю себѣ натуру, помогъ царю остановить свой выборъ на двухъ лицахъ — его бывшихъ сверстникахъ и совоспитанникахъ: Аѳанасіи Ивановичѣ Матюшкинѣ и Василии Яковлевичѣ Голохвастовѣ.

Въ исторіи охоты царя Алексѣя Михаиловича Матюшкину принадлежитъ исключительная роль и значеніе. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что во всемъ, касавшемся охоты, онъ былъ самымъ надежнымъ и вѣрнымъ помощникомъ царя: это было какъ бы «око государево», неусыпно наблюдавшее за кречатней, съ ея птицами и многочисленной прислугой, съ ея своеобразными порядками и обычаями. Матюшкинъ отдавалъ кречатнѣ не только время, но и душу, работалъ, заботился и волновался дѣлами охоты не изъ страха предъ гнѣвомъ царя, но изъ великой любви къ дѣлу и еще большей къ личности царя, съ которымъ онъ былъ связанъ узами родства, товарищества и тѣсной дружбы, покоившейся на единствѣ вкусовъ, на одинаковой любви къ одному и тому же дѣлу — охотѣ. Двоюродный братъ царя по матери, Аѳанасій Ивановичъ, неизмѣнно пользовался расположеніемъ царя, и платилъ ему самую горячую любовью и неизмѣнною преданностью во всемъ, что касалось завѣтныхъ же-

Царь Алексей Михайлович
 Государю нашему Афанасию Ивановичу на подлинну
 по городу за то что он бо с то пашами до сего про
 мышлетте с амань ароба держите в рдях и
 что перевахиди и в живы рдяхи по пере
 вши конбдичи и сего хомано вши рдяхи в
 хнаш даги хати и на сего хрестам одра и
 и в арида за рдяхи в ахиди о сорь ахиди хати
 с ани сего хати не свбете и в ахиди одра и с ари
 лато не сего и в пере живое хати в ахиди до

По и к хати наше мд) мо (до в (ком
 до в се мд а о на сего хати в ахиди с ари
 до и в ахиди

Письмо, адрес и печать Царя Алексея Михайловича кь стольнику
 и московскому ловчему А. П. Матюшкину.

ланій царя. Долгое время (до 1655 г.) не занимая офіціального положенія при царскихъ охотахъ, онъ тѣмъ не менѣе на дѣлѣ всегда былъ главнымъ лицомъ въ этой области. Черезъ него шли всѣ распоряженія царя относительно охотъ, черезъ него посылались похвалы и одобренія, равно какъ и гнѣвъ, и порицанія царя, начальнымъ и простымъ охотникамъ. Когда государь былъ въ «походахъ», Матюшкинъ, оставаясь въ Москвѣ, вполне замѣщалъ его въ отношеніи кречатни и несъ всю отвѣтственность за цѣлость и здоровье птицъ, за строгое и точное исполненіе заведенныхъ порядковъ, за вѣрную службу многочисленнаго личного состава царскихъ охотниковъ. И онъ умѣлъ оправдать довѣріе царя. Въ своихъ письмахъ къ Матюшкину Алексѣй Михайловичъ не разъ выражалъ ему свое удовольствіе и благоволеніе за распорядительность и усердіе къ безпокойнымъ дѣламъ охоты. Въ одномъ изъ этихъ писемъ царь ясно выразилъ, какъ незамѣнимъ и дорогъ ему Матюшкинъ въ роли вѣрнаго человѣка при царской охотѣ; въ 1650 г., посылая изъ Калязина разныя порученія по кречатнѣ Матюшкину вмѣстѣ съ Голохвастовымъ и Хомяковымъ, Алексѣй Михайловичъ писалъ: *«Я теперѣ кладуся на васъ во всемъ, какъ лучше, такъ и дѣлайте»*. Нелегко было вполне оправдать царское довѣріе, и Матюшкину, при всей его близости къ Алексѣю Михайловичу, знакомы были и страхъ царскаго гнѣва и горечь царскаго упрека. Въ томъ же письмѣ, вслѣдъ за вышеприведенными словами, стоятъ слѣдующія строки: *«а будетъ вашимъ небреженіемъ Адарь, или Мурашь, ли Булатъ, или Стреляй, или Лихачъ, или Салтанъ (соколы) умрутъ и вы меня и не встрѣчайте»*, т.-е., другими словами, готовьтесь къ опалѣ. Въ другой разъ, возвращая къ Матюшкину сокола, «утекшаго» съ кречатни, но пойманнаго близъ Рязани какимъ-то боярскимъ сыномъ, Алексѣй Михайловичъ шлетъ Матюшкину упрекъ: *«вы теряете, а мы сыскиваемъ»*. Вѣроятно, также за какой-нибудь недосмотръ, быть можетъ, даже невольный, со стороны Матюшкина, на одномъ изъ своихъ писемъ царь дѣлаетъ такую надпись: *«Письмо*

С С Ц Р А н в а ш н о т о н з а м а д а
м и х а л о л и ч а п е с а л е ш и н а ж м а р я
р о м е с а м о р а х и а н б р а н н ы м
н ш м в н в б р н о м в с о н н и о м
ж а о т в д т р и с о р о в с т о л а р ш и
о н а д в а ш н о т о с т а р а м а т о с
д о л о д а п о н ш м в с т а р а д и а т о в о д у
б и н с о н н и м в п е с н о б м т л о т н е а m t o
г о л о д а ж а ш м в о т а т л а ж а ш м и ж а ш м а
д о н а с о н н а ж а р о т о м в б а н ш м t v
т а л а р ш и а ш и

Х м а л а р ш и а ш в т о р и д о б а д и н в с о н н и м
н ш м в s t a p e s o n n i m d i n o j e t a d
с и т а т а с м и д в а м т о б о л и н и m
Г о р о в о в о н о н д п o r o c a x u j m a d b m a d
б и т а б а т о j i n e ш а н о j a m m k t o j i c o n n i
ч л а j i n d j o n b a o l o c h e c t a f i n a
j a l a p a j i n o t o t a o p o x a n n o j a t o x a
в а л и м а л а j i n n i s t a p e s e l b m e m
б а т а п а т р e m a n n i x d o n o x a d a r b e a
Г р з j i m o d o j a m d b m a m v n a b o r m d
7 н о 4 0 0
3 8 р о i t u
н е п о р e k o n a t a j a n a d a s i n o m j a r d
н а j a c e t y c e n e c o t p o t m e s e a m i c
ж и т ь х о н а d a s i n o t o t a p a c l o b a
в ш а n n o j i z a b a n a n e d o r b

С С Ц Р А н в а ш н о т о н з а м а д а
м и х а л о л и ч а п е с а л е ш и н а ж м а р я
р о м е с а м о р а х и а n b r a n n ы н ш m
н р д ы м в s o n n i o m v e d m d t r i s o r o v d
с т о а р ш и o n a d p a j i n o t o s t a r a m a t o s
д о л о п o n ш m в s t a p e s o n n i m d i n o j e t a d
р ы ш e m d a m m v s o n n i o m p e s n o b m t l o t n e
п о т n e a m a m j o l o v a j a c h o t o j a m e
j o m m e n j a c h o l a d o n a s o n n a j a r o t o
п о m d o m m d a d t o p a r m i a d a m i
Х м а л а р ш и a m b o r m m a t a d a n m m o
м d m d n o t a d m a c a n m m d s t a p e s
m t a m m d s o n n i m m i n o j e t a s i t a
т а c m i d e m o d a j i n n i m t o r a d a m m d
с и n o m t o o t o r o m d x i j m b
н а п o t a m j o r o d e m i j m m a d b m
с л o b m t a b o t o j i n e ш a n o j a m m d m
j i c o n n i m a m d j o n b a o l o c h e c t a f i n a
j o l a d a j i n o t o t a o p o x a n n o j a t o x a
j o a m m a s i n n i s t a p e s e l b m e m
б а т а п а т р e m a n n i x d o n o x a d a r b e a
Г р з j i m o d o j a m d b m a m v n a b o r m d
m d m d e n o d a r o m m n e t o r e d n o m a m
j a m d p a j i n o m s t a p e s n a j i n a c a
п р e n e t o p p o t m a r a m a d i c d x i m
Х о n a d p a j i n o t o s t a r a m a t o s
n n o j i z a b a n a n e d o r b t i s a n a m e
с т a n d p p o t m m m j o r o d a m d o l o v a m d
o r m m d o r a d j

Приказъ Царя Алексѣя Михайловича сокольникамъ, относящійся къ 1655 г.

отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Россіи самодержца, стольнику нашему Аванасью сльному».

Вообще переписка Алексѣя Михайловича съ Матюшкинымъ, дошедшая до насъ въ числѣ 25 писемъ, даетъ много матеріала для характеристики какъ самого царя, такъ и его помощниковъ въ дѣлахъ соколиной охоты. Когда въ письмахъ Алексѣй Михайловичъ дѣлится съ Матюшкинымъ впечатлѣніями своихъ охотъ, предъ чита-

*Надпись на приказъ Царя Алексѣя Михайловича
сокольникамъ.*

телемъ встаетъ царь-охотникъ; когда онъ дѣлаетъ распоряженія относительно птицъ и порядковъ кречатни или другихъ предметовъ охоты, — читатель чувствуетъ присутствіе заботливаго, разумнаго и дѣловитаго хозяина, вникающаго во всѣ малѣйшія подробности дѣла. Царь хочетъ всегда знать о состояніи здоровья каждаго сокола; когда птицы больны, онъ требуетъ увѣдомленія, чѣмъ больны, и какъ ихъ лечить; вообще о состояніи кречатни требуетъ самыхъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній: «*отписать бы вамъ къ намъ... подлинно про все, статья противъ статьи, и не оставить ни одной строки, противъ которой къ намъ не отписать*». Понимая, что въ такомъ дѣлѣ, какъ соколиная охота, успѣхъ и процвѣтаніе зависятъ всего больше отъ правильныхъ порядковъ и дисциплины, онъ приказывалъ Матюшкину, Голохвастову и Хомякову: «*робяшъ*» (т.-е.

низшій служебный персоналъ) *держатъ въ рукахъ, чтобъ были въж-
ливы...., чтобъ отъ также были въ совѣтѣ межъ себя и въ дружбе и
раздору бѣ межъ ихъ не было никаково*. Последнее желаніе царя весьма
важно, потому что, при существованіи раздора и ссоръ между началь-
ными или рядовыми охотниками, взаимная мстительность, несомнѣнно,
выразилась бы въ намѣренной порчѣ ловчихъ птицъ. Еще сильнѣе царь
опасался подобной вражды между Матюшкинымъ и Голохвастовымъ и
заклиналъ ихъ Богомъ *«быть в совѣтѣ и в любви; а будетъ вы Бога и
меня не послушаете, и вы да будете прокляти в сей вѣкъ и в будущій»*.

Порядокъ и согласіе низшихъ лицъ, служившихъ при соколиной
охотѣ, поддерживались со стороны царя мѣрами двоякаго рода: за
нерадѣніе о птицахъ, за нарушеніе обычаевъ и порядковъ службы,
виновнымъ угрожали царскіи гнѣвъ и кнутъ¹²⁾; напротивъ, усерд-
нымъ и старательнымъ улыбались царская милость, похвала и награда.
Случалось, конечно, и то, и другое; но царь прекрасно понималъ,
что въ такомъ дѣлѣ одного страха и угрозъ мало, и съ большимъ
тактомъ умѣлъ заставить всѣхъ служащихъ полюбить дѣло охоты и
работать для него охотно, радостно, любовно. Для этого онъ иногда
велитъ рассказать сокольникамъ объ успѣхахъ того или другого
сокола, такимъ образомъ намекая имъ, что онъ цѣнитъ ихъ труды по
«держанью» и вообще по уходу за птицами, — что имъ онъ немало
обязанъ ловчими подвигами своихъ птицъ; шлетъ имъ похвалы или
приказываетъ *«спросить объ ихъ здоровьи»*, въ отдѣльныхъ случаяхъ
требуетъ даже точныхъ свѣдѣній о ходѣ болѣзни даже рядовыхъ
сокольниковъ. Трогательна эта заботливость царя о маленькихъ лю-
дяхъ: *«всталъ-ли Карпушка»*, или: *«сокольникамъ Паршушке, Михѣйке,
Левке, Мишрошке, Корчмицу, Шатилову, Марке есть-ли легче... и ужли-ль
по шарому ставяцца»*, т.-е. ходятъ въ нарядѣ по службѣ? Безъ со-
мнѣнія, это теплое и участливое отношеніе царя къ своимъ охотни-
камъ порождало въ нихъ безграничную преданность самому царю и
беззавѣтную любовь къ охотѣ.

Исключительная привязанность Алексѣя Михайловича къ соколиной охотѣ составляла главную основу его охотничьей дѣятельности; но рядомъ съ нею въ душѣ царя-охотника сильна была одно время и склонность къ звѣровой охотѣ. Въ первые годы царствованія Алексѣй Михайловичъ едва не поплатился жизнью за удовольствіе поохотиться на медвѣдя. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской г., существуетъ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, основанный Св. Саввою еще въ 1377 году. Изъ этой обители, въ одно изъ своихъ посѣщеній, Алексѣй Михайловичъ отправился разъ на охоту въ окрестные лѣса. Случилось, что сопровождавшія его лица разбрелись по лѣсу, и царь, оставшись одинъ, увидѣлъ шедшаго прямо на него медвѣдя. Убѣжать и спастись не было никакой возможности, и царь ждалъ уже неминуемой смерти, какъ вдругъ передъ нимъ явился благолѣпный старецъ-инокъ, и медвѣдь тотчасъ же ушелъ. Царь спросилъ старца объ его имени, и старецъ сказалъ, что онъ одинъ изъ иноковъ Сторожевскаго монастыря, именемъ Савва; и, сказавъ это, старецъ скрылся въ лѣсу. Въ монастырѣ царь спросилъ объ этомъ инокѣ Саввѣ, но въ обители не оказалось ни одного инока съ такимъ именемъ. Но, увидавъ здѣсь икону Преподобнаго Саввы, написанную еще при жизни Святого (и донинѣ хранящуюся въ монастырѣ), царь понялъ, что его спасъ отъ смерти самъ Преподобный Савва, и въ благодарность тогда же положилъ открыть его мощи. Въ Январѣ 1652 г. гробъ Преподобнаго былъ открытъ патриархомъ Юсифомъ, и обрѣтенныя нетлѣнныя мощи были поставлены у южныхъ дверей соборнаго монастырскаго храма Рождества Богородицы, гдѣ находятся и нынѣ. Поэтъ Л. Мей въ чудныхъ стихахъ изобразилъ этотъ моментъ, которые я и привожу дословно:

ИЗБАВИТЕЛЬ.

Какъ любилъ Государь, православный царь,
Алексѣй Государь — свѣтъ Михайловичъ,
Какъ любилъ Государь больно жаловалъ

Ту потѣху свою государскую,
Ту охоту свою соколиную;
Да, любилъ Государь позабавиться —
Заоблавить въ дубровѣ сохатаго,
Аль расправить плечо неподатное
И медвѣдя поднять на рогатину...
Вотъ и было къ весиѣ, о Грачевникѣ,
Пріѣзжалъ Государь со боярами
Въ свою отчину, — городъ Звенигородъ,
Помолиться святому угоднику;
Въ келью сталъ къ самому настоятелю...
Будетъ — такъ, о полудиѣ, на третій день,
Мужичекъ и приходитъ къ келейнику:
«Обошелъ я медвѣдя для батюшки,
Для царя Алексѣя Михайловича,
Тамъ и тамъ: матерой, да породливый,
Только царской рукѣ и угодливый».
Доложили царю — усмѣхается,
А съ самимъ собой думушку думаетъ:
Аль пойти въ одиночку помѣряться,
Въ молодецкой удачѣ провѣриться?
И пошелъ... За плечами рогатина,
А у пояса ножъ златокованный...
И пошелъ монастырскою пушею...
Видитъ — тропка проложена по снѣгу,
И промерзлые сучья надломлены —
«Быть сюда!» И пошелъ, не задумавшись,
По тропѣ снѣговой, межъ березами.
Что ни шагъ, то нога оступается, —
Въ снѣгъ уходитъ по берцу, а охобень
Заметаеть сугробы, а инеемъ
Вся бобровая шапка осыпана...
Засвѣтилась полянка... Подъ соснами
Куча хвороста снѣгомъ надавлена,
Бѣлый паръ такъ и валить въ отдушину;

Тутъ берлога... И царь сноровляется:
У рогатины жало осматриваль,
Поясокъ свой шелковый подтягиваль,
Съ плечъ спускаль соболиный свой охобень,
И задумаль загадку мудреную:
Быть — не быть, а свалить косолапаго...
Вотъ подняль онъ корягу изъ-подъ снѣга,
И ударилъ корягой по хворосту.
И медвѣдь заревѣль, — такъ что дерево
Надъ берлогой его закачалось, —
Показаль онъ башку желтоглазую,
Вылѣзь онъ изъ берлоги съ оглядкою,
Дыбомъ сталъ и полѣзь на охотника,
А полѣзь — угодилъ на рогатину.
Подъ косматой лопаткою хрустнуло,
Чернобурая шерсть побагровѣла...
Обозлился медвѣдь и рогатину
Перешибъ пополамъ, словно жердочку,
И подмяль подъ себя онъ охотника,
И налегъ на него всею тушею.
Не сробѣль Государь — руку къ поясу —
Хвать! анъ ножъ-то его златокованный
И сорвался съ цѣпочки серебряной.
Воздохнулъ Государь — и въ послѣднее
Осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменемъ...
Вдругъ скользнула съ плеча его царскаго
Стопудовая лапа медвѣжая;
Разогнулись когти и замерли,
И медвѣдь захрипѣль, какъ удушенный,
И свалился онъ на бокъ колодою.
Глянулъ царь — видитъ старца маститаго,
Ряса инока; взглядъ благовѣстника;
Въ шуйцѣ крестъ золотой, а десницею
Опустилъ онъ топоръ окровавленный...
Поднялся Государь — нѣту инока —

4*

Какъ во снѣ приходилъ — и никѣмъ никого
На полянкѣ и между деревьями,
Только звѣрь околѣлый валяется,
И башка у него вся раскрыта. —
Постоялъ Государь — поглядѣлъ кругомъ
И пошелъ въ монастырь, призадумавшись...
А пришелъ, все сказалъ настоятелю
И велѣлъ привести честныхъ иноковъ
Передъ очи свои государевы:
Всѣ пришли, а его избавителя
Между честными старцами не было.
Царь и крѣпче того призадумался;
«Помощь свыше, десница Господняя»!...
Молвилъ онъ и пошелъ въ церковь Божию.
Тамъ на царское мѣсто, у клироса,
Становился и началъ молиться
Передъ образомъ свѣтлымъ угодника;
Да какъ глянулъ на ликъ преподобнаго —
Такъ и палъ на чело свое царское:
Понялъ — кто былъ его избавителемъ.
На другой день, за ранней обѣдней,
Отслужилъ онъ молебенъ угоднику
И вернулся къ Москвѣ бѣлокаменной.
А вернувшись къ Москвѣ бѣлокаменной,
Ко двору своему златоверхому,
Приходилъ Государь — не откладывая —
Въ терема къ Государынѣ ласковой,
Что своей ли Натальѣ Кириловнѣ,
Слезно съ ней обнимался — здоровался,
И сажалъ Государь, ухмыляючись,
На колѣни меньшаго царевича,
Государя Петра Алексѣича;
Цѣловалъ — миловалъ, приговаривалъ:
— «Охъ ты, дитяtko, сердце строптивное,
Спозаранокъ въ тебѣ, мое дитяtko,

Расходилася кровь богатырская —
На румяныхъ щекахъ заалѣлася,
Въ соколиныхъ очахъ загорѣлася...
Подростешь ты, случится безвремяе —
Разобидятъ завистники недруги,
Аль наступятъ на Русь на кормилицу,
И пойдешь ты войною на вороговъ —
Не надѣйся на силу могучую,
А надѣйся на милость Господнюю,
Да припомни ты слово отцовское:
Охраняютъ святыя угодники,
И Господь благодатью пожаловалъ
Домъ честной Пресвятой Богородицы,
Вседержавную Русь православную».

Послѣ этого, въ продолженіе всей своей жизни, движимый чувствомъ признательности къ Преподобному Саввѣ, Алексѣй Михайловичъ не переставалъ благотворить этой обители, богато украшалъ ее, дѣлалъ крупныя вклады, построилъ при ней дворецъ для себя, другія зданія и ограду съ башнями. Часто посѣщалъ эту обитель и подолгу жила въ ней, посѣщая въ дни памяти Преподобнаго рѣшительно всѣ богослуженія; самъ завѣдывалъ дѣлами и денежными счетами обители, входилъ во всѣ подробности ея хозяйства, зналъ поименно всѣхъ ея иноковъ — словомъ, былъ какъ бы настоятелемъ этой царской обители своей.

Чудесное спасеніе отъ неминуемой смерти произвело на царя, какъ видно, глубокое впечатлѣніе, и воспоминаніе объ этомъ случаѣ всю жизнь не покидало его. Ужасныя минуты, пережитыя при этой встрѣчѣ съ глазу на глазъ съ разъяреннымъ медвѣдемъ, не прошли безслѣдно и для охотничьихъ склонностей царя, но нѣсколько поохладили его молодое увлеченіе рискованными охотами на медвѣдей. По крайней мѣрѣ, послѣ 1650—1651 года, къ которому относится этотъ случай, царскія охоты на медвѣдей становятся весьма рѣдкими,

Handwritten text in two columns, written in an old Cyrillic script. The text is arranged in approximately 15 horizontal lines across the page. The script is dense and characteristic of 17th-century Russian manuscripts. The paper shows signs of age, including staining and some fading of the ink. The right side of the page has a large rectangular area that appears to be a missing section or a significant stain, with some text visible above and below it.

Рукоприкладства ближних бояръ, приглашенных ѣхать на медвѣжьей охотѣ,
на оборотной сторонѣ „Потышной“ Царя, въ 1646 году.

тогда какъ до этого времени, въ теченіе 1645—1650 гг., Алексѣй Михайловичъ весьма часто ходилъ на волковъ, на лисы «осоки», и очень любилъ охоту на обложенныхъ медвѣдей. На эти охоты, веселыя и шумныя, царя обыкновенно сопровождали его полчане и стольники, все молодежь, такая же живая и подвижная, какъ и самъ Алексѣй Михайловичъ; но иногда, желая устроить медвѣжью охоту на славу, царь звалъ съ собою на охоту и старшую дружину — бояръ. Въ 1646 году, когда Алексѣю Михайловичу было только 17 лѣтъ, собрался онъ охотиться на медвѣдя въ одной изъ подмосковныхъ дачъ, въ селѣ Озерецкомъ, и на этого медвѣдя звалъ съ собою поохотиться и бояръ, при чемъ приглашеніе было сдѣлано имъ въ формѣ «челобитья» молодого царя къ знатымъ боярамъ: Борису Ивановичу Морозову, Никитѣ Ивановичу Романову; князьямъ: Черкасскому, Львову, Трубецкому, Куракину, Темкину, Литвинову-Масальскому; окольными: Далматову-Карпову и Собакину, и стряпчему Ртищеву. Приглашая ихъ на охоту отъ своего и своихъ полчанъ имени и указывая порядокъ предстоящей охоты, царь пишетъ въ своемъ челобитѣ: *«иожалуйте поступитесь, о чемъ я у васъ съ своими полчаны прошю, а я встѣмъ вамъ поступался, кто о чемъ билъ челомъ»*, и далѣе каждому приглашаемому боярину въ отдѣльности напоминаетъ о тѣхъ ихъ челобитьяхъ, какія онъ охотно исполнялъ для нихъ; въ концѣ «челобитья» младшая дружина царя — *«стольники, и стряпчие и дворяне руки приложили: любо такъ бышь, какъ вашъ государь и нашъ изволилъ»*, и убѣдительно добавляли: *«всегда мірскихъ рѣчей слушающъ»* ¹³⁾. Нельзя сомнѣваться, что эта охота была одна изъ самыхъ оживленныхъ и интересныхъ, такъ какъ среди приглашенныхъ бояръ были настоящіе любители ея и мастера своего дѣла, въ особенности бояринъ Морозовъ и князь Черкасскій.

Весьма характерно, что увлеченіе Алексѣя Михайловича звѣровыми охотами относится къ его юнымъ годамъ. Въ этомъ увлеченіи отразились не сложившіеся охотничьи вкусы царя, но избытокъ мо-

людыхъ силъ и свойственная молодости жажда сильныхъ ощущеній. Дѣйствительные охотничьи вкусы царя сложились позже, въ возрастѣ около 25 лѣтъ, когда онъ уже безповоротно весь отдается соколиной охотѣ и знаетъ и цѣнитъ только ее одну. Правда, и позднѣе встрѣчаются изрѣдка извѣстія о звѣровыхъ охотахъ царя, но число ихъ въ сравненіи съ соколиными столь ничтожно, что и въ счетъ нейдетъ, а самыя извѣстія о нихъ такъ глухи и малозначительны, что не даютъ повода считать эти охоты сколько-нибудь похожими на Озерецкую. Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ своего царствованія Алексѣй Михайловичъ почти исключительно тѣшился охотой съ ловчими птицами; но пора наибольшаго увлеченія, пора наиболѣе частыхъ ради нея поѣздокъ, относится къ десятилѣтію между 1657—1667 гг. ¹⁴).

За 1657 годъ имѣются подробныя указанія объ охотахъ Алексѣя Михайловича въ сохранившемся отрывкѣ его охотничьяго дневника. Еще въ 1650 году царь приказалъ Матюшкину *«записывать въ который день и которая числа дождь будетъ»*, и это приказаніе послужило основаніемъ къ составленію особыхъ «дневальныхъ записокъ», изъ которыхъ до насъ дошла только часть, относящаяся къ 1657 году. Время отъ времени, иногда по нѣсколькимъ днямъ сряду, записки обозначаютъ, когда ходилъ государь тѣшиться на поле и въ какихъ именно поляхъ тѣшился. Съ весны до осени этого года государь тѣшился соколами, по среднему расчету, черезъ день: въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ дневникѣ отмѣчено 11 дней, когда онъ ходилъ въ поле, въ Маѣ — 16, въ Іюнѣ — 20, въ Іюлѣ — 18 и въ Августѣ — 9. Въ нѣкоторые дни, когда погода была особенно хороша для охоты, Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ поле по два раза въ день. Охота съ соколами производилась въ разные часы дня: иногда государь шелъ въ поле съ ранняго утра, едва только разсвѣтало, иногда «послѣ ранняго кушанья», т.-е. послѣ завтрака, но гораздо чаще «до и послѣ столоваго кушанья», т.-е. послѣ полудня; съ охоты

Коломенскій дворець, сооруженъ Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ.
 Воспроизведеніе офорта Гильфердинга XVIII столѣтія.

возвращался по большей части къ вечеру, а иногда уже съ наступленіемъ ночи ¹⁵).

Безъ сомнѣнія, и въ другіе годы этого десятилѣтія царь охотился столь же часто, какъ и въ 1657 году, хотя и не сохранилось дневальныхъ за эти годы записокъ. Вообще, въ этотъ періодъ для царя

было большой досадой, если въ теченіе нѣсколькихъ дней ему не удавалось позабавиться охотой съ соколами. Въ Іюль 1660 года онъ въ письмѣ къ Матюшкину, между прочимъ, жаловался на подобный случай: «*Не ходилъ на поле тысяща Іюля съ 25 числа Іюля по 5 число, и птичий промыселъ поизмывался*». Въ годы, слѣдовавшіе за этимъ десятилѣтіемъ, вплоть до самой своей смерти, Алексѣй Михайловичъ не переставалъ любить соколиную охоту, но пошатнувшееся здоровье не всегда позволяло ему отдаваться любимой забавѣ съ беззавѣтностью прежнихъ лѣтъ. Въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича случались перерывы въ его охотахъ на полгода, на девять мѣсяцевъ и на цѣлый годъ, когда онъ не покидалъ Москвы для соколиныхъ охотъ. Его послѣдняя, извѣстная по документамъ, поѣздка на соколиную охоту въ окрестностяхъ селъ Семеновскаго и Измайловскаго была 16 Августа 1675 г. Въ Январѣ слѣдующаго 1676 г. Алексѣй Михайловичъ тихо скончался.

Послѣ его смерти соколиная охота постепенно приходитъ въ упадокъ и отходитъ въ область преданій былыхъ невозвратныхъ временъ ¹⁶⁾).

Въ такомъ видѣ представляется охотничья дѣятельность двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ. Благодаря ихъ заботамъ и трудамъ, охотничье дѣло, совершенно забытое въ эпоху смуты, вновь возродилось, и въ веселыхъ окрестностяхъ Москвы попрежнему закипѣла шумная охотничья жизнь. Бóльшая часть этихъ охотъ происходила вблизи Москвы, въ окрестностяхъ селъ, со всѣхъ сторонъ опоясывавшихъ Первопрестольную. Наиболѣе любимыми мѣстами царскихъ охотъ въ эту эпоху служили слѣдующія села:

С. Коломенское, расположенное по рѣкѣ Москвѣ, въ 6 верстахъ отъ Серпуховской заставы и изстари принадлежавшее къ вотчиннымъ землямъ московскихъ князей. Эта мѣстность представляла собою одну изъ самыхъ красивыхъ московскихъ окрестностей, а для соколиной охоты — одну изъ самыхъ удобныхъ, благодаря обилію въ ней залив-

5*

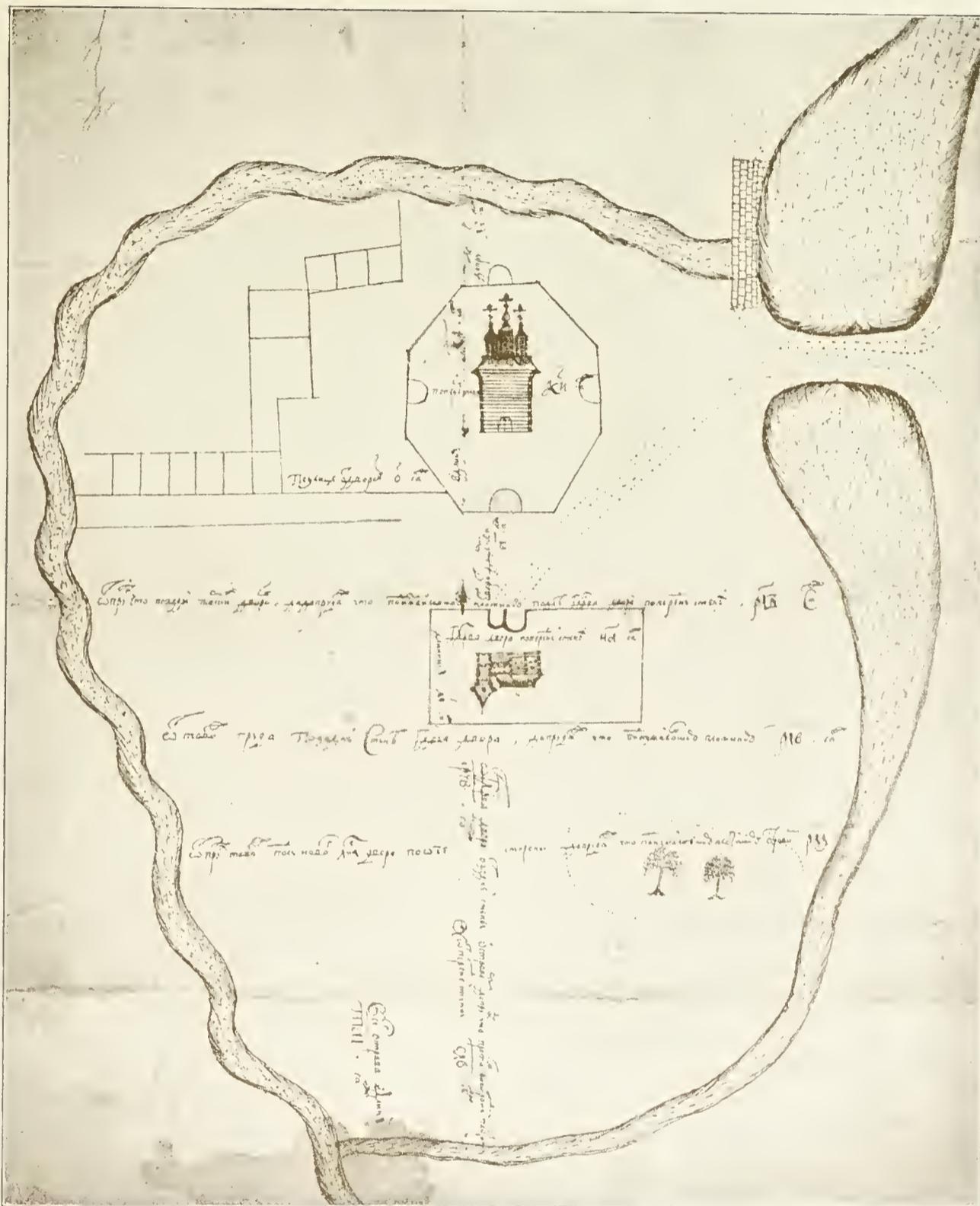
ныхъ луговъ. Во время половодья на этихъ лугахъ появлялось великое множество дичи, и раннею весною соколиныя охоты устраивались здѣсь особенно часто.

С. Измайловское въ охотничьемъ отношеніи представляло меньше удобствъ (хотя и здѣсь соколиныя охоты бывали нерѣдко), но зато славилось, какъ прекрасно устроенный царскій хозяйственный хуторъ, который показывали иноземцамъ, какъ достопримѣчательность. Начало Измайловскаго царскаго хозяйства относится къ 1663 году, когда Алексѣй Михайловичъ сталъ переселять сюда крестьянъ изъ другихъ дворцовыхъ вотчинъ. Съ того времени заведена здѣсь пашня въ огромныхъ размѣрахъ, садоводство, пчеловодство и другія хозяйственныя статьи, въ томъ числѣ даже шелководство. Въ устройствѣ хуторскаго хозяйства, какъ увидимъ ниже, принимали участіе и чины сокольничья пути.

С. Семеновское, которое было расположено въ мѣстности нынѣшней Лефортовской улицы въ Москвѣ. Близъ этого села, на озерахъ и болотахъ, прикармливались дикіе утята, для чего при Алексѣѣ Михайловичѣ отнускался казенный овесъ.

С. Покровское, иначе называвшееся (при Михаилѣ Теодоровичѣ) Рубцовымъ, часто служило мѣстомъ соколиныхъ охотъ Михаила Теодоровича. Здѣсь былъ знаменитый садъ, устроенный еще въ 1635 году и заботливо поддерживаемый въ царствованіе Михаила Теодоровича, такъ какъ царское семейство обыкновенно проводило здѣсь лѣто.

С. Хорошево, въ семи верстахъ отъ Прѣсенской заставы, по Звенигородской дорогѣ, оправдывало свое названіе красивымъ мѣстоположеніемъ, такъ что въ народѣ ходила даже поговорка: «Хорошо Хорошево, да не наше, а царёво». Оно изстари принадлежало роду бояръ Романовыхъ, а при Михаилѣ Теодоровичѣ перешло въ составъ дворцовыхъ вотчинъ. Во время охотничьихъ отъѣздовъ цари часто останавливались въ существовавшемъ здѣсь деревянномъ дворцѣ и нерѣдко выѣзжали сюда на лѣтнее временное пребываніе.

Планъ села Измайлово, XVIII стол. — Островъ около царныхъ дворовъ.
 (Хранится въ Архивъ Министерства Иностр. дѣлъ, въ г. Москвѣ).

По сосѣдству съ Хорошевымъ была расположена Кунцевская мѣстность. Кунцево въ началѣ XVII в. представляло изъ себя не-

большую деревушку, на лѣвомъ берегу рѣчки Хвилки, и принадлежало селу Хвилямъ, которое было родовой вотчиною князей Мстиславскихъ; въ срединѣ XVII вѣка оно перешло въ дворцовое вѣдомство, а послѣ женитьбы Алексѣя Михайловича на Милославской, оно было пожаловано царскому тестю, боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому. Кунцевская мѣстность изобиловала болотами и густыми старыми лѣсами, гдѣ много водилось всякаго лѣснаго звѣря: волковъ, медвѣдей, лисицъ и зайцевъ. Эта мѣстность была заповѣдною стороною и строго охранялась собственно для царскихъ охотъ, звѣриной и птичьей. Для Алексѣя Михайловича она была особенно любезна тѣмъ, что чрезъ нее лежала дорога въ три дорогіе для него пункта: въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, къ тестю Милославскому и къ дядькѣ Морозову, не говоря уже о томъ, что Хвильскія и Хорошевскія болота, расположенныя въ этой мѣстности, сами по себѣ представляли много заманчиваго для соколинаго охотника. Ему часто приходилось здѣсь «пробовать» своихъ соколовъ, и онъ великолѣпно зналъ эту мѣстность, очень заботился о болотахъ и строго приказывалъ беречь на нихъ всякихъ птицъ, и постороннимъ сюда отнюдь не ѣздить и не травить соколами, особенно, когда нужно было «править», т.-е. учить царскихъ соколовъ. Въ Кунцевскихъ лѣсахъ Алексѣю Михайловичу случалось не разъ охотиться на звѣрей: бывали здѣсь горячія лисьи осокни, осыпали медвѣдей, и однажды даже объѣхали волка, что почиталось большимъ охотничьимъ искусствомъ. Словомъ, это было одно изъ любимыхъ мѣстъ Алексѣя Михайловича, и онъ часто перебрасывалъ свои потѣхи изъ Коломенскаго прямо въ Хорошево и Кунцевскую мѣстность.

Изъ другихъ охотничьихъ мѣстностей слѣдуетъ отмѣтить село *Преображенское*, близъ Москвы, на лѣвомъ берегу рѣки Яузы; *Сокольники* или Сокольничье поле, гдѣ жили сокольники и выпашивались царскіе соколы; *Роскино* въ 4 верстахъ отъ Москвы, по дорогѣ къ Трошкѣ лаврѣ; *Островъ*, дворцовое село, въ 20 верстахъ

отъ Москвы; *Тарасовку* на Клязьмѣ, въ 24 верстахъ; *Пустынь*, дворцовое село, въ Домодѣдовской волости; *Тонинское* по Дмитровской дорогѣ, въ 33 верстахъ; *Роючево*, близъ Троицкой лавры, въ 60 верстахъ отъ Москвы, и другія менѣе значительныя мѣстности ¹⁷⁾.

Охота въ мѣстностяхъ, болѣе отдаленныхъ отъ Москвы, производилась царями по бѣльшей части во время ихъ походовъ на богомолье въ чтимые монастыри: Троицкую лавру, Саввинъ-Сторожевскій монастырь, или во время ихъ поѣздокъ «для своего государева и земскаго дѣла» въ разные города, напр., въ Смоленскъ, Можайскъ, Боровскъ и т. п. ¹⁸⁾.

Отправляясь изъ Москвы «въ походъ» въ дальніе или ближніе монастыри или въ подмосковныя села для охоты и лѣтняго пребыванія, государи, по заведенному порядку, поручали оберегать Москву двумъ боярамъ, одному или двумъ окольныхчимъ и двумъ думнымъ дьякамъ, и эти лица въ отсутствіе царя вѣдали всѣ текущія дѣла правленія ¹⁹⁾. Самый выѣздъ царей изъ Москвы совершался съ большою торжественностью. Впередъ обыкновенно отправлялся кто-нибудь изъ окольныхчихъ «пути строить и для дворовыя заимки становъ». Царя сопровождали бояре, окольныхчіе, думные и ближніе люди, стряпчіе, дворяне, жильцы, всѣ по особой росписи, и значительный конвой изъ воинскихъ чиновъ. Насколько была величественна общая картина царскаго выѣзда, можно судить по слѣдующему описанію. Въ Апрѣлѣ 1651 г. Алексѣй Михайловичъ дѣлалъ выѣздъ въ село Покровское. Напередъ былъ отправленъ въ Покровское съ постельнымъ возкомъ постельничій и съ нимъ стряпчій съ ключемъ Григорій Ртищевъ, которыхъ сопровождали жильцы, въ количествѣ 300 чловѣкъ, въ цвѣтномъ платьѣ, ѣхавшіе на аргамакахъ и жеребцахъ, убранныхъ ратною сбруею; жильцы были выстроены въ колонну по три въ рядъ. За ними ѣхалъ стрѣлецкій голова Михайло Зыбинъ съ сотниками стрѣлецкаго приказа и стрѣльцами на коняхъ; 300 стрѣльцовъ, также въ цвѣтномъ платьѣ и съ карабинами, ѣхали по пяти

*„Золотыя ворота“ въ селѣ Измайлово подѣ 1. Москвой
(сообщ. А. Бахрушинъ).*

человѣкъ въ рядѣ. За стрѣльцами ѣхало 500 рейтаровъ, построенные рейтарскимъ строемъ, имѣя во главѣ полковниковъ и иныхъ начальныхъ людей. За ними 12 человѣкъ стрѣлковъ съ длинными пищалями. Далѣе слѣдовалъ дьякъ конюшеннаго приказа Дмитрій Булгаковъ, а за нимъ конюха вели государева сѣдла простыхъ жеребцовъ, аргамаковъ, коней и иноходцевъ, всего 40 лошадей въ великолѣпныхъ сѣдлахъ и полномъ «большомъ» нарядѣ; за верховыми лошадьми слѣдовали двѣ перемѣны возниковъ, т.-е. упряжныхъ лошадей, въ бархатныхъ и цвѣтныхъ суконныхъ расшитыхъ чехлахъ: 6 возниковъ были темносѣрые, другіе шесть буланые. Далѣе ѣхалъ самъ царь въ англійской каретѣ, запряженной шестерикомъ темнокарихъ возниковъ, съ крашенымъ нѣмецкимъ перьемъ въ начѣлкахъ; кучера были одѣты

въ червчатые бархатные кафтаны и собольи шанки съ нѣмецкими перьями. Съ государемъ въ каретѣ ѣхали: противъ государя бояринъ Морозовъ, по правую сторону у дверцы князь Трубецкой, по лѣвую князь Одоевскій. Впереди кареты ѣхалъ бояринъ Стрѣшневъ, подлѣ кареты справа—окольничій князь Хворостининъ. За каретой слѣдовалъ рында стольникъ князь Григорій князь Сунчалѣевъ сынъ Черкасской съ 12 жильцами въ цвѣтномъ платьѣ, далѣе—ясельничій, за которымъ 8 пѣшихъ конюховъ вели двухъ лошадей государева сѣдла, въ большомъ конскомъ нарядѣ и подъ нарядными большими сѣдлами, а въ рукахъ тѣ же конюхи несли нарядные сѣдельные покровцы. По обѣ стороны дороги шли 300 пѣшихъ стрѣльцовъ, въ цвѣтныхъ зипунахъ, при шпагахъ и кованыхъ батогахъ. Вблизи самой кареты шли стрѣлецкіе головы и сотники, одѣтые въ шитыхъ золотомъ бархатныхъ ферязяхъ и чюгахъ, съ саблями и оправными топорами. Въ хвостѣ этого кортежа ѣхали стольники, стряпчіе, дворяне и всякихъ чиновъ люди, по 3 въ рядъ, въ цвѣтномъ, расшитомъ золотомъ, платьѣ, на аргамакахъ и другихъ породъ хорошихъ коняхъ, въ великолѣпной сбруѣ. Шествіе замыкалъ стряпчій съ государевымъ запаснымъ возкомъ, имѣя позади себя простыхъ стряпчихъ, въ цвѣтномъ платьѣ, по 3 въ рядъ, на коняхъ ²⁰).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда государь совершалъ выѣздъ со всей своей семьей, сопровождавшій ихъ кортежъ былъ еще значительнѣе, при чемъ въ немъ участвовало немало особъ женскаго пола, состоявшихъ при царцѣ и царевнахъ. Во время похода въ с. Преображенское, въ Октябрѣ 1674 г., Алексѣя Михайловича сопровождали царца, царевичи и царевны. Царь ѣхалъ въ каретѣ съ царевичемъ Сеодоромъ Алексѣевичемъ; далѣе, въ своей каретѣ ѣхалъ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ съ дядькой и стольниками; за нимъ ѣхала государыня въ колымагѣ, запряженной 12 цвѣтными возниками, имѣя съ собою царевича Петра Алексѣевича и меньшихъ царевенъ, съ которыми ѣхали мамки и боярскія жены; въ слѣдующей колымагѣ, также запряженной 12 цвѣтными возниками, сидѣли большія царевны

и при нихъ боярыни дворовыя; позади въ особыхъ колымагахъ слѣдовали верховыя боярыни, казначей, карлицы и постельницы ²¹). Во время этихъ походовъ особыя лица везли за государемъ его гардеробъ, столовыя принадлежности, шатры, палатки. На пути, при «слазкахъ», т.-е. краткихъ остановкахъ, государь иногда переодѣвался, конечно, не столько ради необходимости, сколько ради «чина», заведеннаго порядка. Обычное ѣздовое платье государя во время такихъ выѣздовъ отличалось блескомъ и роскошью: для лѣтнихъ поѣздокъ бѣлый атласный зипунъ, съ обнизью изъ драгоценныхъ камней; червчатая бархатная чюга, съ канительной нашивкой и жемчугомъ; шитый золотомъ по лазоревому фону кушакъ; ѣздовая ферязь изъ малиновой зуфи, съ жемчужнымъ украшеніемъ; горлатная шапка съ колпакомъ и посохъ; зимою теплый ѣздовой соболій кафтанъ, суконная ферязь на собольемъ мѣху и зипунъ изъ бѣлой тафты; шапка бархатная яркихъ цвѣтовъ ²²).

Во время поѣздокъ на охоты или дачной жизни государь приказывалъ иногда раскинуть шатры. Палатками и шатрами завѣдывалъ особый шатерничій, сопровождавшій царя въ поѣздкахъ со всѣмъ шатернымъ скарбомъ. Царскіе шатры отличались большою роскошью, которая поражала даже издавшихъ виды иноземцевъ. Англичанинъ Коллинсъ, прожившій 9 лѣтъ при дворѣ Алексѣя Михайловича въ качествѣ врача, рассказываетъ, что у царя были 3 великолѣпныя палатки: для себя, царицы и дѣтей. Государева палатка была сдѣлана изъ золотой парчи и украшена соболями, царицына изъ серебряной и украшена горностаями, палатка князей была нѣсколько проще и скромнѣе. Царскія палатки располагались кругомъ, въ центрѣ котораго помѣщалась палатка для походной церкви. «Видъ на нихъ такъ величественъ» — говоритъ Коллинсъ — «что я не видывалъ ничего подобнаго въ этомъ родѣ. Впереди поставлены рогатки и стражи на ружейный выстрѣлъ отъ палатокъ, и никто не можетъ пройти эту ограду безъ повелѣнія, потому что царь не хочетъ, чтобы про-

Выездъ боярина на охоту изъ г. Коломны въ началъ XVII стол.

Съ современной трактовки по рисунку Н. Витзенъ.

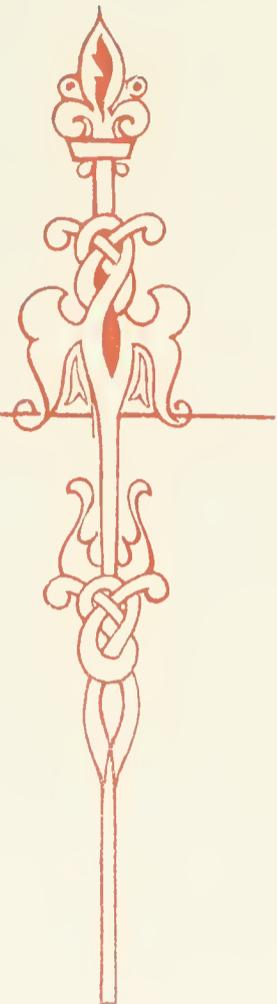
стой народъ видѣлъ, какъ онъ забавляется»²³). Кромѣ этихъ, видѣнныхъ Коллинсомъ, царскихъ шатровъ, у Алексѣя Михайловича много было и другихъ, не менѣе роскошныхъ, палатокъ, и въ томъ числѣ одна, подаренная ему бухарскимъ царемъ, а другая, поднесенная турецкимъ посломъ²⁴).

Обыкновенныя поѣздки царей на дѣйствительную охоту совершались съ бѣльшей простотой и безъ ненужной толпы. Государя сопровождали только люди, необходимыя при псовой и соколиной охотѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда охота устраивалась для развлечения царской семьи, поѣздки опять были пышныя, многолюдныя и шумныя. На охоту ѣхали въ каретахъ и съ большими церемоніями; въ толпѣ сопровождавшихъ царскую семью боярѣ, окольныхкихъ, думныхъ дворянѣ, ближнихъ людей, стольниковъ и иныхъ чиновъ дѣйствительныя охотники ступшевывались; въ поѣздкѣ, ради «чина», конечно, участвовали мамы, боярыни, казначей, кормилицы и другія женщины,

6*

служившія при царицѣ и царевнахъ ²⁵⁾). При столь многолюдномъ и не совсѣмъ подходящемъ для охотъ составѣ участниковъ, эти охоты едва ли были особенно удачны, но шуму, забавѣ и потѣхи бывало не мало, что, конечно, главнымъ образомъ и имѣлось въ виду при устройствѣ подобныхъ поѣздокъ.

Глава II.

Царскія охоты и потѣхи.

Словія охоты, какъ царской, такъ и народной, въ XVII в. были менѣе благопріятны, чѣмъ въ вѣка, ему предшествовавшіе. Благодаря заселенію дѣвственныхъ пространствъ, истребленію лѣсовъ, постояннымъ охотамъ, количество звѣрей постепенно уменьшалось, и Россія XVII в. не могла уже похвалиться тѣмъ разнообразіемъ породъ звѣрей и дичи, какимъ славилась древняя Русь. Нѣкоторыя породы звѣрей совсѣмъ перевелись и исчезли, другія перекочевали на востокъ, въ Сибирскія страны, менѣе людныя и для нихъ болѣе спокойныя. Къ этому времени соболь окончательно покинулъ Россію и удалился за Уральскій хребетъ, уходя все глубже и глубже на сѣверо-востокъ Сибири, вплоть до самаго Охотскаго моря. Вслѣдъ за

соболемъ отодвигаются къ востоку пушковые бобры; бобровые гоны еще существовали по мѣстамъ, но ихъ къ XVII в. уцѣлѣло очень немного и они были поставлены подъ особое покровительство законовъ: во-первыхъ, строго запрещалась хищническая охота на бобровъ при помощи капкановъ, при чемъ капканы конфисковались, а ослушники и кузнецы, починявшіе старые капканы или дѣлавшіе новые, наказывались «доправкой» (штрафомъ) и были биты кнутомъ; при троекратномъ нарушеніи закона ихъ били кнутомъ нещадно и сажали въ тюрьму, донося о нихъ самому царю ²⁶); во-вторыхъ, запрещалось кому бы то ни было отгонять бобровъ отъ мѣстъ, гдѣ объявятся бобровые гоны, и въ такихъ случаяхъ владѣлецъ земли, на которой объявились они, могъ искать судомъ съ виновныхъ денежнаго удовлетворенія за отпуганныхъ, похищенныхъ или побитыхъ бобровъ «по указной цѣнѣ»; но если бы бобры сами перешли на землю другого владѣльца, то онъ считался ихъ собственникомъ, а прежнему владѣльцу «до того новаго боброваго гнѣзда дѣла нѣтъ» ²⁷). Одинъ иностранецъ, писавшій о современной ему русской торговлѣ 1647 г., утверждалъ даже, что «въ Россіи бобровъ нѣтъ и что туда ихъ привозятъ Голландцы и Гамбургцы» ²⁸). Хотя это сообщеніе совершенно невѣрно, но оно отчасти объясняется значительнымъ оскудѣніемъ бобровъ въ центральной полосѣ Россіи. Въ XVII в. бобровые гоны лишь изрѣдка встрѣчались въ сѣверо-западныхъ, бѣлорусскихъ областяхъ, въ большомъ количествѣ имѣлись на восточной границѣ, но въ срединной полосѣ совсѣмъ не попадались, и одна только Сибирь была еще очень богата бобрами всякихъ сортовъ.

Оскудѣніе звѣрей и дичи въ Россіи XVII в. было, однако, относительное только въ сравненіи съ неисчерпаемымъ богатствомъ и разнообразіемъ звѣрей въ древней Русіи. Въ этого сравненія она все же была богата всякимъ звѣремъ, и, съ этой стороны, удивляла иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ періодъ царствованія Михаила Осодоровича и Алексѣя Михайловича. Многіе иностранные писатели

говорятъ о богатствѣ звѣрей и птицъ въ Россіи за этотъ періодъ ²⁹). «Вся Россія, какъ и Ливонія», пишетъ Олеарій, «повсемѣстно, за исключеніемъ пространствъ, выжженныхъ подъ хлѣбныя поля, покрыта кустарниками и лѣсами; оттого-то тамъ бездна всякой лѣсной дичи, птицъ и звѣрей. Пернатая дичь, водящаяся тамъ въ громадномъ числѣ, не считается за рѣдкость и не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, разныхъ рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ, журавлей, лебедей тоже бездна, мелкихъ же птицъ, какъ дроздовъ, жаворонковъ и пр., хоть ихъ и множество, считаютъ не стоящими того, чтобы ихъ ловить и употреблять въ пищу... Лѣса богаты всякаго рода дикими звѣрями, за исключеніемъ оленей, которыхъ тамъ или вовсе нѣтъ, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые, встрѣчаютъ очень рѣдко. Зайцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ Ливоніи вездѣ, лѣтомъ сѣрые, а зимою бѣлые, какъ снѣгъ. Замѣчательно, что въ Куроніи, граничащей съ Ливоніей и отдѣляющейся отъ нея только рѣкою Двиною, зайцы и зимою остаются сѣрые. Поэтому, если поймутъ послѣ замерзанія Двины въ Ливоніи такого зайца, его называютъ Куронскимъ перебѣжчикомъ... Кроме этихъ... въ Россіи водится множество хищныхъ звѣрей: медвѣдей, волковъ, рысей, тигровъ (рѣчь идетъ, вѣроятно, о тигровой рыси), лисицъ, соболей (?) и куницъ, мѣхами которыхъ Русскіе ведутъ значительную торговлю». Каждая мѣстность имѣла своихъ звѣрей, сообразно съ климатическими и другими естественными условіями, но, какъ общее правило, фауна была и многочисленнѣе, и разнообразнѣе тамъ, гдѣ мѣстность была рѣже заселена людьми. Поэтому страны, лежавшія на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, — области Двинская, Югорская и Пермская, — особенно изобиловали дикими звѣрями и животными. Здѣсь большими стадами водились сѣверные олени, которыхъ Олеарій описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Сѣверные олени величиною и видомъ походятъ на обыкновеннаго оленя, но цвѣтомъ бѣлые и сѣроватые, имѣютъ широкія, какъ у коровы, копыта, дѣлаются легко ручными,

какъ домашній скотъ, и употребляются вмѣсто лошадей, для чего ихъ впрягаютъ въ небольшія легкія сани, похожія видомъ на полулодку или половину бота, и въ этихъ саняхъ они чрезвычайно быстро могутъ пробѣгать довольно далекія разстоянія»³⁰). Восточная и юго-восточная полоса Россіи, начиная отъ южной границы Пермской области и кончая Казанью и Астраханью, изобиловала самою разнообразною дичью, а изъ звѣрей — дикими кабанамн. Здѣсь цѣлыми тучами носились дикіе гуси, красныя утки, встрѣчались пеллканы, бакланы и колпицы (*Platalea leucordia*), попадался зобовый гусь, называвшійся «бабою» и, какъ рѣдкость, весьма интересовавшій собою иностранцевъ³¹). Олсарій такъ описываетъ внѣшній видъ «бабы»: «Зобовый гусь во многомъ похожъ на обыкновеннаго гуся, особенно лапами, короткими ногами, шеей и перомъ, но величиною превосходитъ лебедя, имѣетъ длинный въ $\frac{3}{4}$ локтя и широкій въ 2 пальца красивый клювъ съ загнутымъ крючкомъ напередн. На нижней половинѣ клюва и у горла виситъ большой, изъ тонкой съезжившейся кожи, мѣшокъ, который такъ широко растягивается, что въ него можно упрятать обутую въ сапогъ ногу, или влить 5 штофовъ воды. Въ мѣшокъ этотъ птица собираетъ себѣ рыбу; горло у птицы широкое. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ птицу эту приручаютъ и употребляютъ для ловли рыбы; но въ такомъ случаѣ вокругъ шеи птицы завязываютъ особый узелъ, чтобы пойманную рыбу она не въ состояніи была проглотить, но такъ бы и принесла ее въ мѣшкѣ къ хозяину. Персы мѣшокъ этотъ употребляютъ на бубны и имъ же обтягиваютъ особый родъ гудковъ; растянутый мѣшокъ этотъ такъ же прозраченъ, какъ бычачій пузырь». Благодаря обилію дичи въ юго-восточной полосѣ, мѣстное татарское населеніе вело постоянную охоту съ соколами и орлами; подъ Астраханью у каждаго татарскаго аула легко было встрѣтить либо сокола, либо орла³²).

Другія мѣстности, на западной и южной окраинахъ Россіи, конечно, не были совсѣмъ свободны отъ звѣрей, но, вѣроятно, осо-

*Мостовая дорога Новгородской Пятины,
съ голландской гравюры начала XVIII столѣтія.*

беннымъ богатствомъ въ этомъ отношеніи не отличались; по крайней мѣрѣ, прямыхъ указаній на это за рассматриваемый періодъ не имѣется. На сѣверо-западѣ была мѣстность, по богатству и разнообразію фауны, весьма замѣчательная, именно въ Смоленской области, въ предѣлахъ Каспленскихъ и Еленскихъ лѣсовъ, расположенныхъ въ нынѣшнихъ границахъ Смоленскаго и Порѣчскаго уѣздовъ: отсюда привозили ко двору Алексѣя Михайловича лосей, бобровъ, рысей, куницъ и дикихъ кабановъ. Въ 1666 г. мѣстный стрѣлецкій голова Данилъ Чернцовъ, по царскому приказу, долженъ былъ, «выбравъ звѣринаго промыслу охотниковъ лутчихъ людей, сколько человекъ пригоже, послать Смоленскаго уѣзду въ лѣса, въ которые пристойно, и убить дву лосей, а убивъ, вычистя и набивъ въ нутры и щеки снѣгу, и бобры, и рыси, и куницы, и медъ, что собралъ онъ съ стряпчимъ, прислать къ Москвѣ тотчасъ, безъ всякаго мотчанья». Исполнительный голова тотчасъ снарядилъ на охоту двухъ рейтаръ и 13 стрѣльцовъ, и они убилли восемь лосей и двухъ вепрей; двухъ вепрей и двухъ лосей, опаливъ, вычистивъ и набивъ снѣгомъ, голова

7

отправилъ въ Москву, а остальныхъ шесть лосей, за неимѣніемъ ямскихъ подводъ, предусмотрительно посолилъ въ кадкахъ и спрашивалъ царскаго приказа, какое изъ этого мяса сдѣлать употребленіе, а равно просилъ распоряженія относительно лосиныхъ шкуръ и доставки мѣда; на этой отпискѣ была сдѣлана помѣта, что лосиные шкуры и мѣдъ должно прислать къ Москвѣ «по просухѣ», а лосиное мясо раздать въ Смоленскѣ стрѣльцамъ и солдатамъ ³³).

Проведя отъ этого обильнаго дичью охотничьяго уголка линію по теченію Зап. Двины и другую по старой Смоленской дорогѣ къ Москвѣ, мы получимъ мѣстность, также весьма богатую въ XVII в. звѣрями. Это было пространство, тогда почти сплошь закрытое хвойнымъ, въ перемежку съ лиственнымъ, лѣсомъ, и по направленію къ устью Зап. Двины встрѣчалось множество лосей и медвѣдей, а по направленію къ Москвѣ водились въ громадномъ количествѣ лисы, зайцы, волки и медвѣди, и путь къ Москвѣ, благодаря имъ, былъ далеко не безопасенъ ³⁴).

Центральныя области Россіи, съ Москвою въ срединѣ, какъ наиболѣе заселенныя, не были удобны для нѣкоторыхъ породъ звѣрей и животныхъ, по натурѣ дикихъ и пугливыхъ; встрѣчались, правда, здѣсь лоси, хотя въ ограниченномъ количествѣ, но зато здѣсь было богатство лисъ, волковъ и медвѣдей, которые тяготѣютъ къ людскимъ поселеніямъ и хищнически кормятся на счетъ людской оплошности и неосторожности. Такъ же, какъ и теперь еще въ глухихъ деревняхъ, въ XVII в. «волки» — по сообщенію Олеарія — «зимою безбоязненно бѣгали по дворамъ и, если скотина была заперта, подкапывались подъ заборы и таскали овецъ, часто таскали и собакъ со двора, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дороги ночью были отъ нихъ весьма опасны» ³⁵). Олеарію записалъ нѣсколько слышанныхъ имъ разказовъ относительно продѣлокъ волковъ и медвѣдей, но онъ самъ сознается, что они могутъ показаться неправдоподобными. Такъ, напримѣръ, ему рассказывали, какъ однажды медвѣдь схватилъ близъ

Риги женщину и продержалъ ее у себя въ берлогѣ четырнадцать дней, пока ее случайно не спасли охотники. Или еще ему рассказывали, будто медвѣди выкапываютъ человѣческіе трупы, неглубоко зарытые въ могилахъ, и пожираютъ ихъ ³⁶).

Таковы были естественныя условія охоты въ Россіи XVII в. Охотничьихъ звѣрей и пернатой дичи было еще очень много, но въ промысловыхъ звѣряхъ, дорогихъ пушныхъ, уже чувствовался въ самой Россіи большой недостатокъ. Въ XVII в. промысловая охота въ нѣдрахъ Россіи пришла въ упадокъ, царскіе «ловчіе пути» потеряли свое значеніе, и центромъ промысловой охоты и главнымъ источникомъ, откуда шли дорогіе мѣха въ царскую мѣховую казну, становится съ этого времени Сибирь ³⁷).

Инородческія племена, населявшія Сибирь и смежныя съ нею сѣверо-восточныя области Россіи, были обложены въ XVII в. особою данью, которая называлась ясакомъ и заключалась въ ежегодной доставкѣ въ царскую казну мѣховъ пушныхъ звѣрей въ опредѣленномъ количествѣ.

Ясачные народцы поставляли въ царскую казну соболей разнаго достоинства, куніцъ большихъ и малыхъ, выдръ большихъ и малыхъ, бобровъ карихъ, чернокарихъ и рыжихъ, кошлоковъ (молодыхъ камчатскихъ бобровъ) черныхъ, чернобурыхъ, карихъ и рыжихъ, ярцевъ (годовалыхъ бобровъ), лисицъ черныхъ, чернобурыхъ, красныхъ, синедушчатыхъ, черногривыхъ и черночеревыхъ, горностаевъ, россомахъ, бѣлокъ, песцовъ черныхъ и голубыхъ, волковъ обыкновенныхъ и черношерстныхъ и, наконецъ, рыбіи (моржевой) зубъ ³⁸). Кромѣ сибирскихъ инородцевъ, ясакомъ обложены были также инородцы (преимущественно татары) Казанскаго и Астраханскаго царствъ и понизовыхъ городовъ.

Сборомъ ясака и всѣми дѣлами, касавшимся его, вѣдали приказы сибирскій и Казанскаго дворца. Для оцѣнки и приѣма ясака при приказѣ состояла особая комиссія, въ составѣ «головы» (т.-е. ^{7*}

предсѣдателя) и нѣсколькихъ «товарищей» (т.-е. членовъ), называвшихся «цѣловальниками и сторожами». Всѣ эти лица избирались ежегодно торговыми людьми изъ своей среды и приносили присягу— «за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ», что они не будутъ красть царской казны, мѣнять свои худые мѣха на хорошіе изъ царской казны, а оцѣнку ясачныхъ мѣховъ будутъ производить по совѣсти, безъ корысти и лицепріятія, ставя цѣну всякимъ звѣрямъ по прямой московской цѣнѣ, немногимъ дешевле рыночной ³⁹⁾. Ясачные мѣха доставлялись въ приказы самими данниками только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ ⁴⁰⁾; обыкновенно же сборъ ясака производился на мѣстѣ воеводами ясачныхъ мѣстностей, при помощи состоявшихъ при нихъ цѣловальниковъ и служилыхъ людей, и, затѣмъ, транспортъ ясака отправлялся въ Москву съ тѣми же служилыми людьми. Вслѣдствіе отдаленности ясачныхъ мѣстностей отъ Москвы, такой порядокъ сбора неминуемо велъ къ злоупотребленіямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воеводы и ихъ чиновники притѣсняли инородцевъ, брали съ нихъ ясакъ «своимъ насильствомъ не по правдѣ», требовали лишнихъ подводъ подъ ясакъ, вымогали «посулы и поминки великіе». Иногда притѣсняемые инородцы искали правды и защиты на Москвѣ и находили ихъ тамъ ⁴¹⁾; въ другихъ случаяхъ, будучи не въ состояніи платить ясакъ и накопившіяся недоимки, предпочитали бросать свои мѣста и убѣгали въ сосѣдніе округа, но такихъ бѣглецовъ приказывалось силою водворять на прежнихъ мѣстахъ жительства и доправлять на нихъ недоимку, по возможности сполна за всѣ недоимочные годы ⁴²⁾. Инородцамъ приходилось терпѣть притѣсненія не отъ однихъ только властей; ихъ обижали также разные «сторонніе люди» и въ особенности торговые люди— мѣхопромышленники. Въ первой четверти XVII в. чюсовскіе вогуличи просили защиты у царя Михаила Ѳеодоровича противъ Максима Строгонова, который послалъ въ ихъ вотчины своихъ людей, татаръ и русскихъ, тайкомъ ловить соболей, куншъ, бобровъ и всякаго

звѣря, отчего вогуличамъ стало трудно выплачивать исправно свой ясакъ. По ихъ челобитной приказано было отправить въ ихъ вотчины «стрѣльцовъ и казаковъ, сколько человѣкъ пригоже», и «тѣхъ чюсовскихъ вогуличъ отъ Строгоновыхъ и стороннихъ людей отъ обидъ и насильства беречи», а ослушниковъ приводить на Верхотурье и «чинить имъ по сыску наказанье, смотря по винѣ, чтобъ отъ того насильства чюсовскіе вогуличи розно не розбрелся, и намъ бы ясачный сборъ въ томъ не залегъ»⁴³). Въ половинѣ XVII в. предписывалось якутскому воеводѣ принять всѣ мѣры къ защитѣ якутовъ отъ своеволя и притѣсненій мѣхопромышленниковъ. Последніе, съ самаго перевозимья и до весны, своевольно ловили на земляхъ якутовъ соболей самыми хищническими способами: кулемниками (т.-е. западнями) и капканами, считая уже невыгоднымъ охотиться на соболей «обметомъ» и съ собаками⁴⁴). Противъ такихъ хищниковъ необходимы были строгія и энергическія мѣры, потому что соболи, напуганные истребительными способами ихъ ловли, уходили на восточныя окраины Сибири, къ Охотскому морю, гдѣ туземцы еще не знали такихъ способовъ ловли и по старинѣ охотились за соболемъ съ однимъ только лукомъ въ рукахъ⁴⁵); въ другихъ же мѣстахъ Сибири, не столь отъ Москвы отдаленныхъ, «звѣриный ловъ (благодаря этому) помѣшался», соболи ловились только средніе и плохіе, оттого цѣны на соболя мѣха поднялись, и къ концу XVII в. сказался нѣкоторый недостатокъ мѣховъ даже въ самой Сибири⁴⁶).

Въ виду огромной важности ясака для государственной казны, Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ охотно защищали отъ обидъ и притѣсненій инородцевъ, уже платившихъ ясакъ, и всѣми мѣрами стремились расширить районъ ясачныхъ областей, привлекая къ ясаку другія племена лаской и подарками, а если это не помогало, то оружіемъ. Приведемъ на этотъ счетъ крайне характерный фактъ. Въ 1639 году енисейскій воевода Веревкинъ, по царскому приказу, отправилъ изъ енисейскаго острога пятидесятника Родюкова,

со служилыми людьми, вверхъ по Тунгузкѣ рѣкѣ, подѣ Ленскій во-локъ, оттуда по волоку на Лену, а по ней на Чичюй и Олѣкму рѣку и «въ новыя иныя захребтовые землицы для государева царева... ясачнаго сбора». Родюковъ посылался на смѣну другому пятидесятнику Шаламу; у послѣдняго онъ долженъ былъ принять острожекъ, ключи отъ острожка, порохъ, свинець, суда съ судовыми снастями и разными матеріалами и запасами, именныя списки ясачниковъ и толмача. Затѣмъ, онъ долженъ былъ пригласить къ себѣ «тунгузскихъ князей и всякихъ улусныхъ людей» и сказать, чтобы они были «на Государеву милость надежны» и подѣ его «высокою рукою послушны», чтобы платили ясакъ, за что государь жалуетъ ихъ жалованьемъ и приказываетъ своимъ служилымъ людямъ оберегать ихъ землю «отъ иныхъ землицъ». Послѣ этого должно было накормить и напоить гостей «государевыми запасами довольно» и тогда уже принять ясакъ, какъ отъ старыхъ ясачныхъ людей, такъ и отъ новыхъ, впервые приносящихъ мягкую рухлядь. При этомъ ясакъ указы-

валось брать осмотрительно, «какъ мочно, чтобы имъ было не въ тягость и тѣмъ бы ихъ наперво не ожесточить и отъ государя царя высокіе руки не отогнать, а въ государевѣ бѣ казнѣ въ ясачномъ сборѣ учинити прибыль». Въ видѣ ясака надлежало принимать только добрыхъ соболей, «а худыхъ соболей и вешныхъ и недособолей въ государевъ ясакъ не имати». Если же мѣстные князьки ясака платить не захотятъ, «Семейкѣ (Родюкову) съ товарищи, прося у Бога милости, поискъ надъ ними чинити и промысляти и битца съ ними, сколько Милосердый Богъ помощи подастъ, чтобъ онѣ впредь были подъ государевою царскою высокою рукою послушны и стоятельны и въ вѣчномъ холопствѣ неотступны». Подъ страхомъ «великой опалы и жестокаго наказанья» Родюкову приказывалось употребить всѣ старанія на это дѣло. Съ нимъ отправленъ былъ, для принятія ружьяди, особый цѣловальникъ и, въ качествѣ писаря, одинъ служилый человѣкъ. Экспедиція Родюкова была снабжена запасомъ пороха и свинца, по полупуду того и другого, «пудомъ мѣди зеленой въ котлахъ и тазѣхъ, пудомъ олова въ блюдѣхъ и торелѣхъ»—для обмѣна на мѣха, и различными письменными принадлежностями, между прочимъ 2 десямями бумаги ⁴⁷).

Сборъ ясака и вообще мѣховой промыселъ въ Сибири въ XVII в. доставляли правительству немало хлопотъ по упорядоченію дѣла въ интересахъ казны и по искорененію злоупотребленій, допускавшихся служилыми людьми и мѣхопромышленниками. Желая имѣть въ своей казнѣ высшіе сорта соболей, государи запрещали частнымъ лицамъ продавать и покупать мѣха соболей стоимостью за пару свыше 20 рублей или за сорочекъ свыше 300 рублей, для чего въ Сибири, на трактѣ повсюду, учреждены были заставы, гдѣ и производился досмотръ транспортируемымъ мѣхамъ, и мѣха вышеуказанной доброты отбирались въ царскую казну безденежно; впрочемъ, вывозъ дорогихъ соболей не въ видѣ мѣховъ, а въ видѣ шубъ и платья, сдѣланныхъ для собственнаго употребленія, «про себя», не запрещался ⁴⁸).

Даже покупка мѣховъ на мѣстѣ, въ самой Сибири, считалась состоявшейся лишь послѣ досмотра покупаемыхъ мѣховъ мѣстными служилыми людьми. Самимъ служилымъ людямъ сибирскимъ строго запрещена была торговля мѣхами, и лишь въ видѣ исключенія имъ дозволялось покупать мѣха только для собственной надобности, — «для большіе ихъ сибирскіе нужи», при чемъ, однако, предписывалось кому слѣдуетъ «однолично надъ ними смотреть и беречи накрѣпко, чтобъ та ихъ рухлядь, которая имъ отдать доведется, была не посульная (т.-е. не взятка) и не насильствомъ взята и не прежь государева ясачнаго сбора была куплена»⁴⁹). Иногда, въ видѣ исключительной мѣры, вѣроятно, по особой нуждѣ или при большомъ спросѣ на нѣкоторые мѣха, временно запрещалась частная торговля ими, и устанавливалась принудительная продажа ихъ въ казну по извѣстной цѣнѣ. Такъ, въ 1675 г. верхотурскому воеводѣ предписано было всѣ мѣха черныхъ и голубыхъ песцовъ отбирать на заставахъ у купцовъ и другихъ людей, уплачивая за мѣха ихъ стоимость⁵⁰). Несмотря, однако, на всѣ эти стѣсненія, торговые люди умѣли найти лазейку для обхода строгихъ правилъ, входили въ сдѣлку со служилыми людьми, водившими караваны ясака на Москву, и провозили, до поры-до-времени благополучно, свои «неявленные» мѣховые товары подъ видомъ царской мѣховой казны. Въ пресѣченіе этого зла и чтобы царскому «денежному сбору истери не было», еще въ 1621 г. предписано было верхотурскимъ воеводамъ снабжать провожавшихъ караванъ служилыхъ людей подробною росписью, сколько и какихъ мѣховъ идетъ съ караваномъ, а въ проѣзжихъ грамотахъ обозначать съ точностью, какіе именно служилые люди везутъ ясакъ⁵¹).

Ясакъ составлялъ одну изъ самыхъ важныхъ статей государственнаго дохода въ XVII в. Катошихинъ, человекъ близко стоявшій къ государственнымъ дѣламъ того времени, исчислялъ доходъ отъ ясака свыше 600.000 рублей въ годъ. При слабомъ развитіи денежнаго обращенія въ Россіи XVII в., мѣховая царская казна имѣла

крупное финансовое и экономическое значеніе. Внѣшняя торговля съ греческими, персидскими и отчасти европейскими купцами производилась въ значительной степени въ обмѣнъ на мѣха. Мѣхами выдавалось государево «жалованье» людямъ всякаго чина. Мѣха, вообще, обращались, какъ деньги, и на нихъ совершались кредитныя сдѣлки, «кабалы», при чемъ мѣха, какъ деньги, давались въ долгъ съ поручительствомъ третьихъ лицъ. Въ сферѣ внѣшнихъ сношеній мѣха служили для подарковъ иностраннымъ государямъ и отпускаясь въ видѣ пособія на поддержку восточныхъ церквей и патріарховъ⁵²). При большой свободной наличности мѣховъ въ казнѣ, но при маломъ расходѣ на государственныя нужды, мѣха поступали въ продажу и, усиливая количество предложенія, понижали рыночную цѣну мѣховъ, продававшихся частными торговцами. Въ тѣ годы, когда ловъ и привозъ звѣрей были не особенно значительны, мѣха, въ особенности соболы, или вовсе не поступали изъ казны въ продажу, или же «съ царскаго повелѣнія» продавались по цѣнѣ гораздо выше средней рыночной⁵³).

Цѣна мѣховъ зависѣла отъ рѣдкости того или другого звѣря, сорта мѣха и, наконецъ, отъ степени спроса на тѣ или иные мѣха. Московскія цѣны на мѣха были выше сибирскихъ; еще въ 30-хъ годахъ XVII в. сибирскимъ воеводамъ предписано было, при пріемѣ ясака и «поминокъ», сортировать мѣха по достоинству и при этомъ цѣнить ихъ «Сибирскою прямою цѣною, а не дорогою, чтобы государевой всякой мягкой рухляди на Москвѣ по московской цѣнѣ передъ сибирскою цѣною была прибыль, а убыли бы въ цѣнѣ не было»⁵⁴). Мѣха продавались или цѣльными, или въ видѣ отдѣльныхъ частей шкурокъ, какъ-то ланки, брюшки, душки и хвосты составляли отдѣльный товаръ. Счетъ мѣхамъ велся на пары и на сорока, какъ въ XVI в. Рыночныя цѣны на соболей колебались въ XVII в. въ весьма широкихъ размѣрахъ, въ зависимости отъ достоинства мѣха. При Михаилѣ Осодоровичѣ средняя цѣна на соболей была 50 руб-

лей за сорочекъ, но за высокіе сорта платили до 200 рублей. При Алексѣѣ Михайловичѣ цѣны были выше; въ началѣ его царствованія цѣна соболей была отъ 30 до 300 рублей, а въ концѣ за лучшихъ соболей платили до 1000 рублей за сорочекъ⁵⁵). Бобры считались десятками, и лучшіе бобры были черные. Десятокъ бобровъ въ XVII в. продавался, по свидѣтельству Кнльбургера, отъ 6 до 8 рублей; но въ продажѣ ихъ было мало, быть-можетъ, потому, что весь привозъ бобровъ изъ Сибири шелъ на потребности царскаго обихода. Сорочекъ цѣльныхъ кунныхъ шкурокъ стоить по средней цѣнѣ около 13 рублей. Цѣны на лисьи мѣха были самыя разнообразныя, въ зависимости отъ цвѣта мѣха; мѣхъ черной лисицы, считающійся лучшимъ, цѣнился до 50 рублей. Горностаи рѣдко доставлялись въ XVII в. въ Москву, и въ продажѣ ихъ не было. Мѣха сибирскихъ обыкновенныхъ волковъ продавались дешево, копѣекъ по 90 за шкуру, но черные волки, съ мягкой и длинной шерстью, достигали цѣны въ 4 рубля за шкуру⁵⁶). Сырыя лосиные шкуры продавались (по большей части нѣмцамъ) отъ 3 до 4 рублей за штуку, а за выдѣланныя нѣмцами русскимъ приходилось платить въ десять разъ дороже, отъ 30 до 40 рублей. Выдѣлка лосиныхъ кожъ отчасти производилась и въ Россіи, но не русскими, а нѣмцами: въ 1634 г. была выдана девятилѣтняя привилегія нѣмцу Фимбранду на выдѣлку лосиныхъ кожъ⁵⁷).

Значительные доходы казна извлекала изъ продажи рыбьяго зуба. Это были бивни моржей, которыхъ убивали у береговъ Новой Земли, Охотскаго моря и по рѣкамъ: Анадырю (гдѣ ихъ водилось весьма много), Ленѣ и другимъ, въ Сибири. Моржевый промыселъ наполовину былъ правительственной регаліей. Мѣстнымъ «охочимъ людямъ» позволялось бить моржей подъ условіемъ уплаты въ казну половины добытыхъ моржевыхъ костей, другая половина шла въ ихъ пользу, однако не цѣликомъ, но за вычетомъ десятой части въ видѣ десятиной пошлины съ промысла; оставшуюся на долю охотниковъ часть

*Рыбная ловля,
съ современной нравюры начала XIII столѣтїя.*

костей они должны были продавать въ казну по указной цѣнѣ. По сообщенію Кильбургера, моржевые клыки цѣнились дороже слоновой кости, и чѣмъ болѣе кость испещрена на подобіе мрамора, тѣмъ она рѣже и дороже. Моржевая кость цѣнилась соотвѣтственно своимъ размѣрамъ. Иногда пудъ костей выходилъ изъ 2 костей, иногда изъ 3, 4 или 8. Мелкая кость заключала въ пудѣ отъ 8 до 16 костей и цѣнилась гораздо дешевле. Средняя цѣна рыбаго зуба доходила въ XVII в. въ Сибири до 1 рубля за фунтъ, но, при обя-

8*

зательной продажѣ въ казну, за крупную кость уплачивалось отъ 15 до 20 рублей за пудъ, а за мелкую — до 12 рублей. Какъ прибыльна была охота за моржами, даже при такой низкой казенной оцѣнкѣ рыбьяго зуба, видно изъ того, что промышленники иногда за одинъ разъ добывали до 50 пудовъ моржевой кости⁵⁸).

Въ противоположность промысловой охотѣ, постепенно въ XVII в. приходившей въ упадокъ въ самой Россіи, любительская охота, царская и частная, въ теченіе этого вѣка обнаруживаетъ большое оживленіе и быстро развивается. Возстановленная Михаиломъ Теодоровичемъ послѣ разгрома смутнаго времени, она скоро достигаетъ той степени, на какой стояла въ лучшіе періоды предшествующихъ вѣковъ. Звѣровая и соколиная охоты въ оба царствованія существуютъ параллельно, но при Михаилѣ Теодоровичѣ перевѣсъ и преимущество были на сторонѣ звѣровой охоты, а при Алексѣѣ Михайловичѣ соколиная охота не только первенствуетъ, но почти затмеваетъ собою охоту звѣровую.

Мы уже говорили въ началѣ очерка, въ какомъ запущеніи или, вѣрнѣе, разореніи находилась царская псарня въ началѣ царствованія Михаила Теодоровича. Собаки, отобранныя по царскому приказу у бояръ, дворянъ и всякаго чина людей, составили ядро новой псарни, которая, затѣмъ, пополнялась приплодомъ, покупкою новыхъ собакъ, присылкою ихъ въ подарокъ отъ иностранныхъ государей или отъ русскихъ бояръ, имѣвшихъ собственныя охоты. Въ 1647 г. посланникъ англійскаго короля Карла I, Нейтингаль, привезъ Алексѣю Михайловичу въ подарокъ собакъ въ мѣдныхъ ошейникахъ, на которыхъ было вырѣзано «Карлусъ-Король», а въ 1665 г. бояринъ Благово ударилъ царю челомъ двумя охотниками и десятью лопыми собаками, за что и получилъ цѣнный царскій подарокъ — 100 рублей денегъ⁵⁹). Въ царской псарнѣ имѣлись разныя породы охотничьихъ собакъ: гончія, борзья, меделянскія, ищейные кобели, особыя лопыи (лосиные) собаки, британы (англійскіе доги) и «другихъ страшныхъ

породъ», вѣроятно, восточныхъ и кавказскихъ ⁶⁰). О численномъ составѣ царской псарни, равно какъ и о тогдашнихъ способахъ натаскиванія и приученія собакъ къ полю, свѣдѣній не сохранилось. Царская псарня до 1636 г. помѣщалась въ Бѣломъ Царевомъ городѣ, а затѣмъ, была переведена на Старое Ваганьково, гдѣ для нея построены были новыя помѣщенія. При этомъ переводѣ всѣмъ псарямъ приказано было свозить на Старое Ваганьково и ихъ «дворишки»; но это распоряженіе очень ихъ затруднило, и они коллективно, «всѣмъ чиномъ», подали государю челобитную, что имъ «не мочно» перевозить свои дворнишки, потому что «хоронишки ихъ стары и погнили»; и, ссылаясь на свою вѣрную службу, псаря просили позволенія — дворнишки и мѣста продавать «безпенно», что и было имъ дозволено ⁶¹).

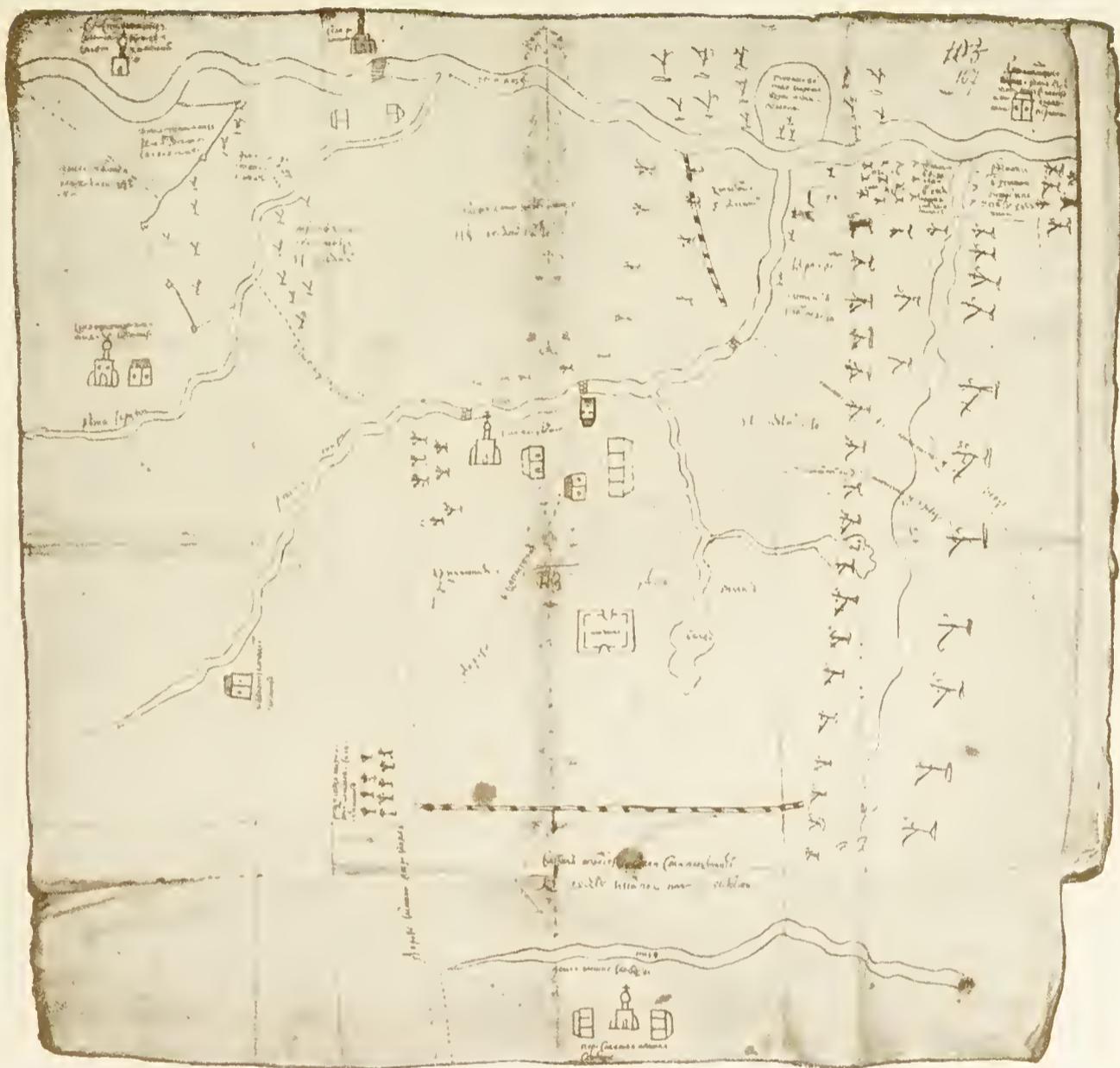
На ряду съ псарней существовали особыя звѣринцы, въ которыхъ содержались охотничьи звѣри для устройства садокъ и притравливанія молодыхъ собакъ, еще не ходившихъ въ поле. Звѣринцы эти назывались волчьими дворами, потому что въ нихъ всего больше содержалось волковъ, но были также медвѣди и лисы. Такихъ волчьихъ дворовъ въ XVII в. было много, и помѣщались они въ селахъ, близъ которыхъ въ тѣ времена часто производились царскія звѣровыя охоты. Это наводитъ на догадку, что, при неудачныхъ облавахъ и осѣнкахъ находящихся на свободѣ звѣрей, устраивалась, въ видѣ утѣшенія, травля звѣрей, выпускаемыхъ изъ звѣринца. Извѣстны слѣдующіе волчьи дворы: Измаиловскій, Хорошевскій, Чертановскій, Осѣевскій, въ селахъ Ермолинѣ, Дмитровскомъ и Балобановѣ. Имъ завѣдывали конные псаря или стремянные конюха, иногда даже сокольники ⁶²).

Для звѣровой охоты, какъ и для соколиной, имѣлись особыя охотничьи лошади, какъ для личнаго царскаго обихода, такъ и для большинства чиновъ охоты. Какъ и въ XVI в., охотничьи лошади добывались изъ ногайскихъ степей, отъ ногаевъ и татаръ. Пригонъ лошадей изъ Ногаи составлялъ въ Москвѣ въ XVII в. въ нѣкоторомъ

родѣ событіе и носилъ названіе Орда-Базарной станицы. Табуны пригонялись кочевниками, при непосредственномъ наблюденіи заблаговременно посылаемыхъ изъ Москвы въ степи чиновниковъ, называвшихся табунными воеводами. Каждый воевода наблюдалъ за однимъ своимъ табуномъ и не могъ вмѣшиваться въ распоряженія другихъ табунныхъ воеводъ. Общее число пригонявшихся лошадей достигало 30, 40, 50 и болѣе тысячъ ежегодно, но изъ этого числа еще въ Казани и Астрахани табунныя воеводы отбирали лучшихъ лошадей про государевъ обиходъ, тысячъ 5, 6—8, и клали «пятно» (тавро) и дѣлали имъ опись. Но это еще не считалось окончательнымъ приемомъ отобранныхъ лошадей въ казну; въ Москвѣ изъ «запятнанныхъ» лошадей производился ясельничимъ новый отборъ самыхъ лучшихъ изъ нихъ — въ количествѣ по царскому указанію — для самого государя, для патріарха и для Троице-Сергіева монастыря. Остальныя лошади поступали въ общую продажу. Татары и ногаи, пригонявшіе табуны въ Москву, — ихъ иногда прѣзжало до 200 человекъ, — при отъѣздѣ бывали на приемѣ у государя, послѣ котораго имъ предлагался «столь на царскомъ дворѣ довольный»; на приемѣ у государя въ отношеніи ихъ соблюдался этикетъ такой же, что съ крымскими и калмыцкими послами, да и подарки дѣлались имъ того же достоинства ⁶³).

Цѣны на лошадей ногайскихъ въ XVII в. стояли слѣдующія: при Михаилѣ Феодоровичѣ за жеребца платили 8 руб., за мерина половину, за кобылу 6 руб., за простую табунную 3 руб., за жеребенка ногайскаго 3 руб. и простого 1 $\frac{1}{2}$ руб.; при Алексѣе Михайловичѣ средственный татарскій конь стоилъ отъ 5 до 15 рублей, а боярскія лошади, аргмаки, — значительно дороже; грузинскіе аргмаки въ началѣ XVII в. стоили отъ 30 до 65 руб., а боярскіе мерины — отъ 12 до 16 руб. ⁶⁴).

Не обходилось дѣло безъ злоупотребленій и въ торговлѣ ногайскими лошадьми. Въ подрывъ царскимъ конюшнямъ дѣйствовали

Планъ мѣстности около Москвы ХVII столѣтія.

Села: Останкино, Ростокино, Алексѣевское, — мѣста охотъ Царя Алексѣя Михайловича.

воеводы и служилые люди казанскіе и астраханскіе, а равно московскіе бояре, окольнічіе, дворяне и торговые люди. Тайкомъ, безъ проѣзжихъ грамотъ, они посылали съ толмачами своихъ людей къ мурзамъ и по улусамъ, скупали по дешевой цѣнѣ самыхъ лучшихъ аргамаковъ и жеребятъ и контрабандой переправляли ихъ изъ Понизовья въ вотчины и помѣстья, отчасти для личнаго употребленія, но больше для корыстнаго торга. Вслѣдствіе этого на Москву въ

табунахъ пригонялись «клячи самыя худыя и жеребята малыя, которыхъ ужъ въ Астрахани никто за худобою не купитъ, и изъ тѣхъ лошадей на государеву конюшню лошадей выбратьи не изъ чего». Противъ такихъ злоупотребленій еще въ 1625 г. былъ данъ астраханскимъ воеводамъ строгій наказъ: слѣдить, чтобы частныхъ закупокъ лошадей у мурзъ и по улусамъ отнюдь не производилось; позволять покупку лошадей только станичникамъ, посылаемымъ съ государевымъ дѣломъ къ Москвѣ, но и то не болѣе одной-двухъ и только при крайней нуждѣ — трехъ; а астраханскимъ служилымъ людямъ и обывателямъ позволять покупку лошадей только для себя, а не для продажи, и требовать при этомъ явки и записи въ таможенныя книги; самимъ воеводамъ абсолютно воспрещалась всякая покупка лошадей, даже для своей надобности, исключая пріобрѣтенія лошадей для служебной надобности; наконецъ, имъ предписывалось всѣми мѣрами и обѣщаніемъ царскихъ милостей склонять ногаевъ и татаръ къ тому, чтобы они лучшихъ лошадей не продавали на мѣстѣ, а пригоняли въ Москву ⁶⁵).

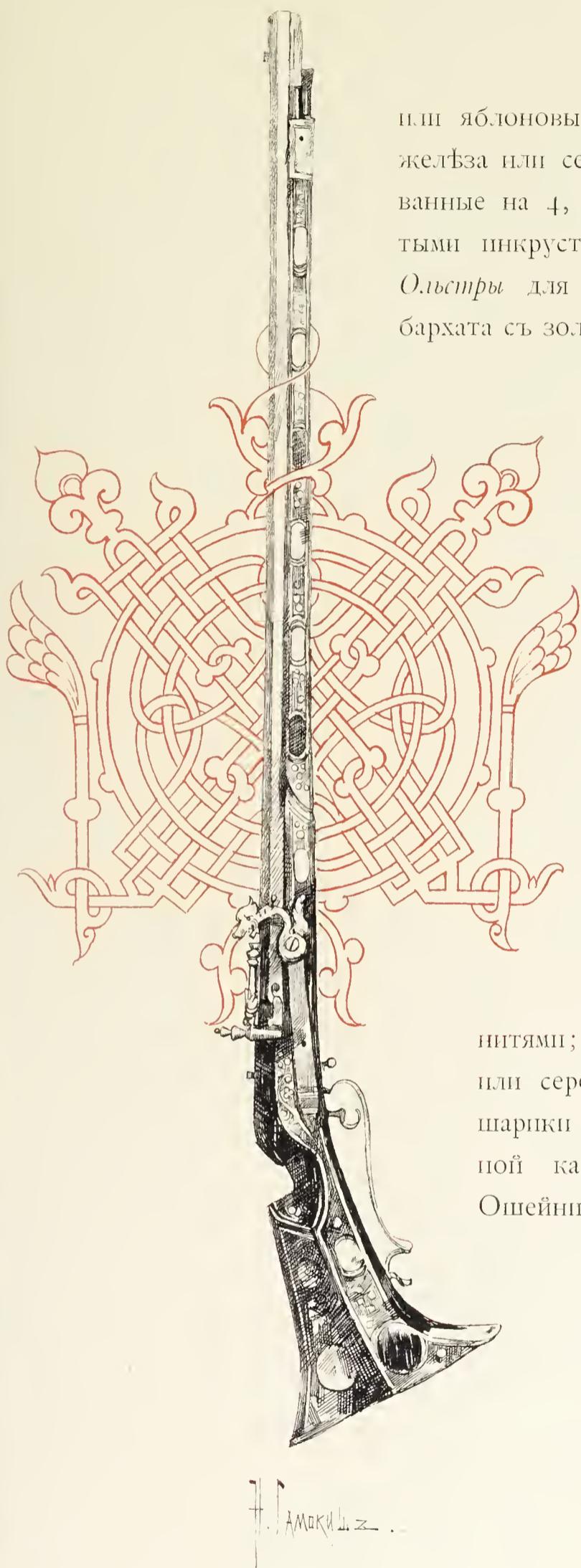
Быть можетъ, въ связи съ подобными же злоупотребленіями стоятъ заботы Алексѣя Михайловича о развитіи коннозаводскаго дѣла, заботы, хорошо отгѣненныя слѣдующимъ сообщеніемъ: 1675 г., Марта 25-го, послѣ всенощнаго, ясельничій Вышеславцевъ докладывалъ: «которыхъ Великій Государь укажетъ жеребцовъ и къ которымъ кобылицамъ припущать» ⁶⁶).

Что касается вооруженія охотниковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, то въ этомъ отношеніи XVII в. не представляетъ большой разницы въ сравненіи съ XVI вѣкомъ. Техника оружейнаго дѣла къ этому времени не успѣла еще настолько развиться и усовершенствоваться, чтобы изобрѣсти для охоты особое оружіе, отличное отъ воинскаго. Въ XVII в. охотникъ шелъ на звѣря съ такимъ же оружіемъ, съ какимъ воинъ выступалъ на битву съ непріателемъ. Для охоты употреблялось какъ холодное (преимуще-

ственно колющее), такъ и огнестрѣльное оружіе. Лукъ и стрѣлы попрежнему были въ большомъ ходу, предпочтительно восточнаго производства: бухарскіе, едринскіе, крымскіе, мешетецкіе (грузинскіе), турскіе и черкасскіе, но были и мѣстные, московскіе. Части лука носили слѣдующія названія: все древко лука — *кибити*; каждая половина кибити — *рогъ*; нижняя сторона рога — *подзоръ*; верхнія накладки подлѣ оконечностей роговъ — *мадяны*; двѣ костяныя вставки съ низу роговъ — *кости*; черезъ послѣднія проходила *тетива*. Налучіе, влагалище лука, именовалось *любьемъ саадачнымъ*, дѣлалось изъ кожи или сафьяна и обтягивалось атласомъ, бархатомъ или парчей; вышивалось золотомъ, серебромъ и шелками, украшалось каймами. Стрѣлы для лука были тростяныя, камышовыя, березовыя, яблоневыя, кедровыя и кипрасовыя (кипарисовыя). На одномъ концѣ стрѣлы при дѣлывалось обыкновенно острое желѣзцо или *накосточекъ*, на другомъ — *ушко* или вырѣзка и перье. Желѣзцо или копейцо дѣлалось дву-трех- или четырехграннымъ, гладкимъ, желобчатымъ, съ врѣзными или вырѣзными украшеніями. Перье было орловое, кречатье, лебяжье и пр. Ушки изготовлялись изъ рыбьяго зуба и другой кости и нерѣдко убирались драгоценными каменьями. Подъ перьемъ переливалось золотомъ или серебромъ. Полный приборъ вооруженія коннаго воина (или охотника) именовался *саадакомъ*. Особый родъ лука назывался самострѣломъ: это стальной лукъ, вдѣланный въ деревянную *соху* (прикладъ) съ *полосою* (ложею); тетива у самострѣла дѣлалась всегда толстою и спускалась особымъ воротомъ, называвшимся *коловшомъ самострѣльнымъ*.

Кромѣ лука со стрѣлами, охотники вооружались *копьями, прото-запями, влами и роаптами*. *Протозаномъ* называлось оружіе, состоявшее изъ длиннаго древца, съ широкимъ глухимъ или прорѣзнымъ копьемъ на концѣ, украшенное кистью. Это было обыкновенное оружіе сокольниковъ, наряжавшихся въ парадъ при встрѣчахъ или проходахъ иностранныхъ пословъ, врядъ ли удобное для самой охоты. *Вилы*

были желѣзныя и деревянныя и обыкновенно употреблялись для медвѣжьяго боя на домашней царской потѣхѣ. *Рогатиной* называлось широкое, плоское, на обѣ стороны острое копье, насаженное посредствомъ *тулеи* (трубки) на *скешице* или короткое *ратовице*. Охотничьи рогатины, съ которыми ходили на медвѣдя, имѣли въ старину, подобно нынѣшнимъ, отроги у тульи. Изъ огнестрѣльнаго оружія употреблялись *пищали*, *самопалы*, *карабины* и *пистолы*. Нѣкоторыя части ихъ изготовлялись въ самой Россіи; такъ, замки и станки были иногда «русскаго дѣла» или «новгородскаго дѣла», другія части, а иногда и все оно, были польскаго дѣла, датскаго, курляндскаго. При Алексѣѣ Михайловичѣ стволы и замки преимущественно употреблялись шкотскіе (шотландскіе). Составными частями пищали были: деревянный *станокъ* съ *прикладомъ* и желѣзный *стволъ*, прикрѣпленный къ станку *обоймицами* или *щурками*. Станокъ это то же, что ложа; мѣсто прикрѣпленія ствола къ станку называлось *ложалнице*; отверстіе, куда всыпалось *зерне* (порохъ), называлось *устьемъ*; часть ствола у устья именовалась *дуломъ*, противоположная часть — *казной*, а расположенная между ними — *срединной*. Зарядъ пищали воспламенялся посредствомъ пальника или фитиля. Огниво съ фитилемъ приводилось въ движеніе посредствомъ *щуска*; впрочемъ, уже въ началѣ XVII в., при Михаилѣ Осодоровичѣ, появились замки съ коловоротомъ или съ колесомъ («замокъ колесной»). Были пищали винтованныя, преимущественно польскаго дѣла. Пищаль съ замкомъ и огнивомъ называлась *самопаломъ*. Охотники вооружались также карабинами солнестрами и пистолыи солнестрами съ колесными замками датскаго и курляндскаго дѣла. Пищали, карабины и пистолы заключались въ особые чехлы, называвшіеся *ольстрами*. Царское оружіе изготовлялось въ Оружейной палатѣ, или, точнѣе, здѣсь производилась сборка частей, частью выписанныхъ изъ-за моря (Шотландіи), частью сдѣланныхъ дома, въ Россіи. Оно отличалось высокимъ достоинствомъ матеріала, богатствомъ и роскошью украшеній. Станки были изъ кинарисоваго дерева,

или яблоневые и кленовые, съ вызолоченной оправой изъ желѣза или серебра. Стволы были или гладкіе, или винтованные на 4, 6, 7 и 8 винтовокъ; они украшались богатыми инкрустаціями изъ золота и серебра съ финифтью. *Ольстры* для царскаго оружія шились или изъ краснаго бархата съ золотыми галунами, или изъ сукна съ золотыми и

серебряными галунами. *Царскій протозанб* былъ рѣзной съ позолотою; копье калмыцкое изъ краснаго желѣза, по мѣстамъ золоченое. *Царскій лукъ* былъ расписанъ однимъ золотомъ по красному фону, или золотомъ и серебромъ; къ луку присоединялось нѣсколько гнѣздъ томаровъ и сръзней. Кромѣ того, къ царскому оружію принадлежали ножевые ставки, на 6 ножей каждый, и большой рогъ⁶⁷⁾.

Изъ принадлежностей звѣровой охоты царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича упоминаются *своры*, *ошейники собакъ*, *трещотки* и *фурмы*. *Парадные своры* были роскошны: онѣ дѣлались изъ шелка, плетенаго съ золотыми или серебряными нитями; кисти къ нимъ также были изъ золотыхъ или серебряныхъ нитей; «ворворки» или подвижные шарики надъ кистями обшивались золотой и серебряной канителью и украшались иногда жемчугомъ. Ошейники употреблялись «гзовые яринные» (т.-е. изъ козловой кожи) и дѣлались въ Оружейной палатѣ; «плащи» для нихъ, по четыре на каждый ошейникъ, выковывались или изъ литой зеленой мѣди и золотились, или изъ

9*

серебра. Употребленіе *трѣщотокъ* было то же, что и нынѣ; но для чего служили *фурмы*, — сказать трудно, потому что нѣтъ для этого никакихъ указаній, а самое названіе, обозначающее «пустой внутри желѣзный конусъ», не оставляетъ мѣста даже для догадокъ⁶⁸).

Къ числу охотничьихъ принадлежностей должно отнести также уборы охотничьихъ лошадей. Царскіе охотники въ парадныхъ случаяхъ выѣзжали на богато убранныхъ коняхъ. Еще бѣльшею роскошью и богатствомъ, конечно, отличались уборы коней государевыхъ. Охотничья сбруя царскихъ коней хранилась конными псарями. Деревянный сѣдельный приборъ назывался арчакомъ. Сѣдла были обыкновенно высокія съ короткими стременами, перѣдко окованныя золотомъ и серебромъ и украшенныя драгоценными каменьями. Сохранилось описаніе одного такого царскаго сѣдла: оно было расшито волоченымъ золотомъ, подпруги — пряченымъ золотомъ и серебромъ, стремяна желѣзные высеребренные, войлокъ опушенъ по краямъ бархатомъ, а по всей поверхности обшита дорогимъ алымъ сукномъ, съ плетеными кружевами. У сѣдла привѣшивался особый кусокъ кожи, четырехугольнаго вида, называвшійся *табенекъ* и служившій для защиты ноги отъ тренія о стремянной ремень. Сѣдла покрывались барсовыми шкурами и различными покровцами, которые шились изъ самыхъ дорогихъ матерій: бархата, атласа и «объяри» (шелковой узорчатой ткани съ золотыми и серебряными струями), обшивались золотыми и серебряными галунами и бахромой, подбивались красной тафтой и украшались иногда серебрянымъ кружевомъ двухвершковой ширины или золотымъ. Парадные узды были серебряныя и вызолоченныя мѣдныя. Поверхъ узды на лошадиную голову клался особый приборъ, ее закрывавшій, называвшійся *ухватомъ* и дѣлавшійся обыкновенно изъ шелка съ кистями и ворворками. На парадныхъ уборахъ повода замѣнялись изящными цѣпями. Кольца этихъ цѣпей состояли изъ серебряныхъ пластинокъ, шириною болѣе 2 дюймовъ и въ толщину не болѣе спинки ножа, и были такъ велики, что въ нихъ

свободно можно было продѣть руку; при малѣйшемъ движеніи, эти богатые цѣпи издавали громкій звукъ. Цѣпи изъ серебра раздѣлялись на поводныя и гремячія. Первыя висѣли отъ удила до передней сѣдельной луки, въ видѣ поводевъ, а вторыя, сдѣланныя изъ дутыхъ погремушекъ, прикрѣплялись у той же луки и висѣли иногда ниже живота лошади. Подъ шеей лошади, на шнуркѣ или цѣпочкѣ, привѣшивалась одна или нѣсколько кистей, называвшихся *паузами* и изготовлявшихся изъ шелка, пряденаго золота и серебра, съ ворворками шелковыми, золотыми и жемчужными. Спина, бока и грудь лошади закрывались *чалдыремъ* изъ металлическихъ бляхъ, набранныхъ на бархатѣ. У копытъ прикрѣплялись особыя украшенія, *остроги*, въ видѣ шпоръ съ бубенчиками, словомъ, уборъ царскаго коня былъ чудомъ роскоши, отличаясь замѣчательнымъ богатствомъ, блестя и переливаясь драгоценными каменьями: жемчугомъ, яхонтами, изумрудами и бирюзой⁶⁹).

Переходя къ вопросу о способахъ тогдашней звѣровой охоты, мы испытываемъ большое затрудненіе вслѣдствіе скудости сохранившихся на этотъ счетъ свѣдѣній. Съ положительностью, впрочемъ, можно утверждать, что основнымъ способомъ охоты на звѣря въ XVII в. была травля его собаками разныхъ породъ. Она, однако, не устраняла собою и другихъ способовъ, въ родѣ ловли тенетами и разными снарядами, а также и охоты съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. «Главное удовольствіе русскихъ состоитъ въ охотѣ» — говоритъ одинъ современный иностранецъ — «звѣрей слѣдятъ въ лѣсахъ по тропѣ и травятъ выучеными собаками; впрочемъ, иногда стрѣляютъ и изъ самопаловъ»⁷⁰). Звѣровая охота велась главнымъ образомъ на медвѣдей, волковъ, лисицъ и лосей.

Медвѣдей отыскивали по лѣсамъ, окладывали въ осоку, а затѣмъ, ловили ихъ тенетами, или травили собаками, преимущественно бульдогами. Царскія охоты на медвѣдей, извѣстныя по современнымъ документамъ, производились въ окрестностяхъ дорогъ Звенигород-

Самая организація звѣровыхъ охотъ въ XVII в. и ихъ церемоніальная сторона остаются для насъ неизвѣстными. Но, безъ сомнѣнія, существовалъ какой-либо опредѣленный порядокъ для выѣзда псовыхъ охотъ въ поле, для размѣщенія ихъ по мѣстности и для ихъ дѣйствій во время самой охоты: иначе была бы невозможна сколько-нибудь порядочная охота. Это темное мѣсто до нѣкоторой степени освѣщается лишь однимъ любопытнымъ документомъ, не такъ давно найденнымъ въ частномъ фамильномъ архивѣ графа Панина. Документъ этотъ называется «Регуль (уставъ), принадлежащій до псовой охоты»; составленъ былъ въ 1635 г. стольникомъ, рижскимъ нѣмцемъ, Христіаномъ Ольгердовичемъ Фонлессинымъ на нѣмецкомъ языкѣ; въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ переведенъ на русскій языкъ (крайне дурно даже для того времени) смоленскимъ шляхтичемъ Аркадіемъ Михайловичемъ Станкевичемъ, и, какъ значитъ въ переводѣ, былъ поднесенъ Фонлессинымъ царю Алексѣю Михайловичу. Точно ли онъ былъ поднесенъ царю, и если это такъ, то былъ ли принятъ въ руководство для царскихъ охотъ, — рѣшить это весьма трудно, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ. «Регуль» состоитъ изъ посвященія Алексѣю Михайловичу и 40 главъ текста. Поднося свой трудъ государю, Фонлессинъ говоритъ, что всю свою мысль онъ устремилъ на то, чтобы начертать «совершенные порядки» для псовыхъ охотъ, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій надъ псовыми охотами во многихъ государствахъ. «Ваше Величество! живу въ свѣтѣ 63 года, а веселости ни въ какихъ забавахъ не нахожу, кромѣ псовъ», прибавляетъ онъ, выражая надежду, что его замѣчанія относительно охотъ «полюбятся» и государю, и всему обществу. Поводъ и цѣль составленія «Регула» болѣе опредѣленно выясняются имъ въ гл. XI, носящей заглавіе «О древнемъ пересмѣшникѣ». Здѣсь Фонлессинъ прямо указываетъ, что «въ псовыхъ охотахъ въ Россіи имъ усмотрѣны *бездѣльные порядки*», которые онъ и хотѣлъ бы устранить, при помощи своего «Регула», дабы псовая

ской, Можайской и Боровской, близъ Саввина-Сторожевского монастыря, въ окрестностяхъ селъ: Пушкина, Кривотурскаго, Мыгншей, Сукова и Озарскаго ⁷¹⁾).

Волковъ обѣзжали, сочили или окладывали, устраивали на нихъ ловушки и травили собаками, иногда устраивали привады, прикармливали, для чего покупалось мясо. Олеарій, а еще раньше Герберштейнъ, и другие Рейтценфельсъ и Стрейсъ, рассказываютъ, что въ юго-восточной части Россіи, близъ Самары и Астрахани, волковъ ловили при посредствѣ злобато плода, до котораго они большіе будто бы охотники: вѣроятно этотъ плодъ, называемый иностранцами *boranez*, рѣдкій видъ или сортъ тыквы, формою въ видѣ ягненка и покрытый какъ бы шерстью въ родѣ мерлушки. Извѣстныя царскія охоты на волковъ происходили въ окрестностяхъ дорогъ Звенигородской, Можайской и Боровской близъ селъ: Хорошева, Рождественскаго, Острова, Благо, Дмитревскаго, Павловскаго, по рѣкѣ Выхонкѣ и въ Домодѣловской волости ⁷²⁾).

Ловить окладывали въ осоки: извѣстны лѣсныя осоки царей подъ селами Коломенскимъ и Голицынскимъ ⁷³⁾. Охота за лосями, которую особенно жаловалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, состояла въ томъ, что лѣсъ выдѣлывали, осочили, травили особыми лосиными собаками, или ловили живьемъ, или стрѣляли, вѣроятно, въ топку, когда лосемъ удавалось прорваться сквозь гѣнь охотниковъ. Охота на лосей производилась въ Домодѣловской волости, но также и въ другихъ мѣстахъ, въ документахъ не упомянутыхъ: имѣлись особые заповѣдныя лѣса (напр., въ Шагольѣ уѣздѣ) гдѣ съ особенною строгостію запрещалось бить лосей ⁷⁴⁾.

Кромѣ указанныхъ мѣстностей, царскія новыя охоты, — на какого зверя — неизвѣстно, — производились въ Братевскомъ осокѣ, близъ села Семеновскаго и въ Кашиевской мѣстности, въ пустошахъ села Хвосты: Ветино, Щекино, Шлытино, Игнатьево, Матренино, Якимово, Коржаково, Петроиково и въ зановѣнной Сокольничьей рощѣ ⁷⁵⁾.

Самая организація звѣровыхъ охотъ въ XVII в. и ихъ церемонаіальная сторона остаются для насъ неизвѣстными. Но, безъ сомнѣнія, существовалъ какой-либо опредѣленный порядокъ для выѣзда псовыхъ охотъ въ поле, для размѣщенія ихъ по мѣстности и для ихъ дѣйствій во время самой охоты: иначе была бы невозможна сколько-нибудь порядочная охота. Это темное мѣсто до нѣкоторой степени освѣщается лишь однимъ любопытнымъ документомъ, не такъ давно найденнымъ въ частномъ семейномъ архивѣ графа Панина. Документъ этотъ называется «Регуль (уставъ), принадлежащій до псовой охоты»; составленъ былъ въ 1635 г. стольникомъ, рижскимъ нѣмецемъ, Христіаномъ Ольгердовичемъ Фонлессинымъ на нѣмецкомъ языкѣ; въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ переведенъ на русскій языкъ (крайне дурно даже для того времени) смоленскимъ шляхтичемъ Аркадіемъ Михайловичемъ Станкевичемъ, и, какъ значится въ переводѣ, былъ поднесенъ Фонлессинымъ царю Алексѣю Михайловичу. Точно ли онъ былъ поднесенъ царю, и если это такъ, то былъ ли принятъ въ руководство для царскихъ охотъ, — рѣшить это весьма трудно, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ. «Регуль» состоитъ изъ посвященія Алексѣю Михайловичу и 40 главъ текста. Поднося свой трудъ государю, Фонлессинъ говоритъ, что всю свою мысль онъ устремилъ на то, чтобы начертать «совершенные порядки» для псовыхъ охотъ, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій надъ псовыми охотами во многихъ государствахъ. «Ваше Величество! живу въ свѣтѣ 63 года, а веселости ни въ какихъ забавахъ не нахожу, кромѣ псовъ», прибавляетъ онъ, выражая надежду, что его замѣчанія относительно охотъ «полюбятся» и государю, и всему обществу. Поводъ и цѣль составленія «Регула» болѣе опредѣленно выясняются имъ въ гл. XI, носящей заглавіе «О древнемъ пересмѣшникѣ». Здѣсь Фонлессинъ прямо указываетъ, что «въ псовыхъ охотахъ въ Россіи имъ усмотрѣны *бездѣльные порядки*», которые онъ и хотѣлъ бы устранить, при помощи своего «Регула», дабы псовая

охота «возобновилась къ веселости и въ забаву Россійскому дворянству». Страсть къ охотѣ онъ считаетъ страстью благородною и защищаетъ охотниковъ отъ нареканий «древняго Епикура или перемѣшника глупаго», который будто бы сравнивалъ ихъ съ «разбойниками, рыщущими по лѣсамъ и степямъ», — защищаетъ, однако, крайне своеобразно, но энергично: «не разсудилъ онъ о себѣ, что есть еллинскій болванъ» — вотъ его отвѣтъ Епикуру. Отсылая читателя для ближайшаго ознакомленія къ самому тексту «Регула», укажемъ здѣсь только общее содержаніе его. Первыя шесть главъ «Регула» трактуютъ о ловчемъ и необходимыхъ для него качествахъ и знаніяхъ; первое условіе для ловчаго — врожденная страсть къ охотѣ, затѣмъ, онъ долженъ быть грамотенъ, «остропамятенъ», проворенъ, расторопенъ и крайне наблюдателенъ въ отношеніи собакъ и звѣрей; строгъ въ отношеніи команды и, главное, долженъ твердо знать

порядки и время охоты. Седьмая глава посвящена названіямъ статей борзыхъ и гончихъ собакъ на охотничьемъ жаргонѣ. Восьмая глава касается самого владѣльца охоты и рекомендуетъ ему «въ полѣ быть не строгимъ, какъ ловчаго, такъ и охотниковъ, ни гиѣвомъ, ни побоями не наказывать», а, въ случаѣ ихъ вины, поступать съ ними по «Регулу». Двѣ слѣдующія главы устанавливаютъ порядокъ отвѣтственности и наказанія какъ простыхъ охотниковъ, такъ и самого ловчаго: за нарушеніе охотниками правилъ «Регула» во время охоты полагается выговоръ ловчему, какъ за недосмотръ; при троскратномъ нарушеніи правилъ, провинившійся охотникъ долженъ быть приведенъ на лобное мѣсто, гдѣ кормятъ собакъ, и здѣсь получить «25 ударовъ палкой въ позитурѣ», что, впрочемъ, охотничьей чести его не лишало; ловчій за троскратную досаду господину долженъ быть наказанъ «въ два арапника» передъ всею охотничьей командой; въ случаѣ кражи запасовъ, намѣренной порчи охотничьихъ принадлежностей или отчужденія хозяйскихъ собакъ, провинившійся псарь или наварщикъ въ первый разъ подвергался «духовному увѣщанію» ловчаго наединѣ, и если признавался и возвращалъ краденое, то не считался за вора, а только за «малосмысленнаго» человѣка; во второй разъ — заключался на сутки «въ рогатки» и, по выпускѣ, получалъ 25 ударовъ палкой, но все-таки оставался въ составѣ охотничьей команды; въ третій разъ — виноватаго, въ присутствіи самого господина и всей команды, полагалось пороть въ два арапника, сколько разсудитъ господинъ, затѣмъ, сажали на мѣсяцъ въ домовую тюрьму и исключали изъ числа охотниковъ. Семь главъ, съ XII по XIX, отведены въ «Регулѣ» собакамъ разныхъ породъ и назначеній и умѣнью распознавать ихъ достоинства, а послѣднія двадцать главъ «Регула» исключительно относятся къ собаководству, собачьей педагогикѣ и ветеринаріи. Въ отношеніи ухода за собаками и воспитанія охотничьихъ щенковъ замѣчанія Фонлессна, вѣроятно, и для современныхъ охотъ не потеряли еще своего значенія, но зато многіе его рецепты способны

10

привести въ ужасъ современнаго ветеринара. Заканчивая рѣчь объ этомъ интересномъ «Регулѣ», отмѣтимъ, какимъ представляется автору его идеальнѣйшій охотникъ: «похвальнѣйшій охотникъ — кобель рѣзовъ, самъ на конѣ бодръ, арапникъ на рукѣ, ножъ на бедрѣ, ѣдетъ — не робѣетъ» на любого звѣря ⁷⁶).

О царской соколиной охотѣ въ XVII в. мы можемъ говорить съ гораздо большею основательностью и подробностью, чѣмъ объ охотѣ звѣровой. Такъ какъ соколиная охота нынѣ почти забыта, и о ней знаютъ только по «преданьямъ старины глубокой», то представляется столько же интереснымъ, сколько и необходимымъ, возстановить, съ возможной полнотой, картину старинной «красной и славной птичьей потѣхи».

Почти всѣ, безъ исключенія, ловчія птицы соколиной охоты царей Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича принадлежали къ породѣ благородныхъ соколовъ, которымъ Бремъ отводитъ первое мѣсто между всѣми хищными птицами. «Умственные способности ихъ развиты совершенно параллельно съ физическими. По характеру своему они принадлежатъ къ самымъ страшнымъ хищникамъ, но человѣкъ прощаетъ вредъ, причиняемый ими, ради того удивленія, которое внушаетъ ему вся жизнь этихъ птицъ. Сила, ловкость, отвага, жажда охоты, благороднѣйшій видъ, почти, можно сказать, благородство мыслей, вотъ постоянныя свойства ихъ, очевидныя для каждаго.... Всѣ благородные соколы способны къ быстрому движенію, ихъ полетъ замѣчательнъ: онъ быстръ, продолжителенъ и въ высшей степени ловокъ. Соколъ необыкновенно скоро пролетаетъ огромныя пространства и, при паденіи, низвергается съ высоты, иногда очень значительной, такъ быстро, что глазъ не въ состояніи различить его фигуры...

Виды соколовъ характеризуются различнымъ полетомъ. У настоящихъ благородныхъ соколовъ онъ отличается быстро слѣдующими одинъ за другимъ ударами крыльевъ, которые нерѣдко прерываются кратковременнымъ пареніемъ; другіе же летаютъ медленно, чаще

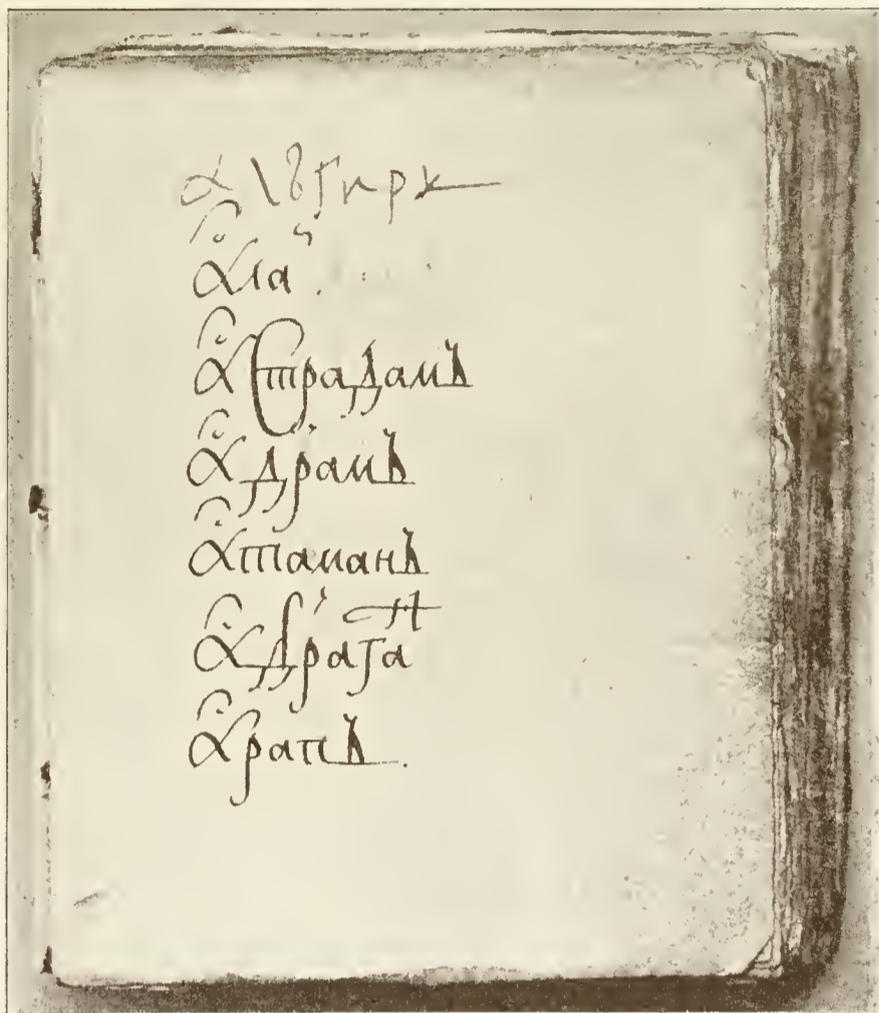
парять и долгое время держатся на одномъ мѣстѣ, вслѣдствіе особыхъ движеній, похожихъ на дрожаніе—трепещутся, какъ говорятъ орнитологи. Держатся обыкновенно благородные соколы на высотѣ отъ двухсотъ до четырехсотъ футъ.... Благороднѣйшихъ членовъ семейства благородныхъ соколовъ представляютъ кречеты (*Hierofalco*), живущіе въ самыхъ сѣверныхъ странахъ земного шара. Они отличаются очень значительной величиной, большой силой, сравнительно сильнымъ загнутымъ дугою клювомъ, плюснами, покрытыми до двухъ третей перьями, и хвостомъ, длина котораго, сравнительно съ крыльями, весьма значительна» ⁷⁷⁾. Кречеть достигаетъ въ величину до двухъ футовъ, и онъ очень красивъ, особенно потому, что чудесные черные соколы глаза его кажутся еще чернѣе и блестятъ еще ярче отъ бѣлаго цвѣта его перьевъ ⁷⁸⁾. Вполнѣ понятно, что именно кречеты занимали первое мѣсто въ царской соколиной охотѣ и изъ нихъ — лучшіе экземпляры лучшихъ видовъ. Коллинсъ говоритъ, что на царской кречатнѣ Алексѣя Михайловича были лучшіе въ свѣтѣ кречеты, привозившіеся изъ Сибири ⁷⁹⁾. Тамъ во множествѣ были и дикомыты, и молодки. Дикомыты — это кречеты, помытившіеся или перелинявшіе еще на волѣ, въ дикомъ состояніи; они трудно вынашивались, и потому имъ предпочитались молодки, которые въ свою очередь дѣлились на двѣ категоріи: гнѣздарей, т.-е. взятыхъ еще дѣтенышами прямо изъ гнѣзда, и слетковъ («перелетныхъ»), т.-е. пойманныхъ въ томъ уже періодѣ, когда они покинули гнѣзда и свободно летали вмѣстѣ со старыми. Царскіе кречеты отличались яркимъ опереніемъ: были кречеты красные, подкрасные, крапленые и цвѣтные. Красные кречеты были самыми лучшими ловчими птицами и самыми дорогими, въ особенности самки. Вообще самки ловчихъ птицъ цѣнились дороже самцовъ, потому что онѣ крупнѣе и сильнѣе самцовъ, называвшихся челигами, но зато послѣдніе, уступая самкамъ въ силѣ, превосходятъ ихъ въ рѣзвости полета. Кромѣ кречетовъ, въ соколиной охотѣ Алексѣя Михайловича были еще дермлиги, кобчики, ястребы и, какъ кажется, орлы.

10*

«Дермлиги», нужно думать, представляли собою одну изъ многихъ разновидностей соколиной породы. Извѣстный русскій охотникъ и писатель, покойный С. Т. Аксаковъ, отождествлялъ «дермлиговъ» съ извѣстными стариннымъ охотникамъ «дербниками» или «дробниками». По словамъ старыхъ охотниковъ, дербникъ бываетъ очень малъ, не болѣе кобчика, и соединяетъ въ себѣ свойства ястреба и сокола, т.-е. бьетъ птицу сверху и ловитъ въ угонъ; на травлю въ старину пускали всегда двухъ дербниковъ за разъ и травили ими мелкую птицу, и самая веселая охота была напускать ихъ на жаворонка, когда жаворонокъ самъ поднимается высоко отъ земли: одинъ дербникъ бьетъ его сверху внизъ, а другой, не допуская садиться, подбиваетъ снизу вверхъ, — зрѣлище для охотника восхитительное, и, вѣроятно, къ нему именно относится выраженіе «Урядника»: «Угодительна и потѣшна дермлигова *перелазка* и добыча». «Кобцы» или кобчики также разновидность сокола, птица небольшая, но очень красивая, съ быстрымъ, ловкимъ и легкимъ полетомъ. Кобчикъ бьетъ сверху, черкаетъ, какъ соколъ, и процессъ его охоты за пташками хорошъ, изященъ и увлекателенъ, или — по выраженію «Урядника» — «добровиденъ». Кобчикъ загадочная птица: на волѣ ловитъ чудесно, пойманный, скоро дѣлается ручнымъ, но ручной ничего не ловитъ; однако, охотники царя Алексѣя Михайловича знали секретъ, какъ заставить ручного кобчика ловить не хуже дикаго. Какіе виды ястребовъ имѣлись въ парской соколиной охотѣ, точно неизвѣстно; были, между прочимъ, ястребы бѣлые. Что же касается орловъ, то ихъ лишь предположительно можно включать въ число ловчихъ птицъ парской кречатни, на томъ основаніи, что въ документахъ, на ряду съ прочими птичьими нарядами, упоминаются «орловые клубочки»⁸⁰).

Птичій составъ парской кречатни возобновлялся и пополнялся ежегодно новыми экземплярами кречетовъ и челиговъ. Ловля и доставка ихъ попрежнему лежали на обязанности профессиональных помытчиковъ, и особыя права послѣднихъ остаются почти тѣ же,

что и раньше, хотя въ отношеніи повинностей они теперь пользовались меньшими сравнительно льготами, чѣмъ въ прежнія царствованія. Кроме этихъ постоянныхъ помытчиковъ, ловлю птицъ для царской кречатни занимались также и частныя лица, называвшіяся «охочими помытчиками». Такъ, съ сѣвера птицъ иногда доставляли самоѣды; съ Кольскаго

Имена соколовъ.

(Записная книжка Царя Алексѣя Михайловича).

острова — расквартированные на немъ стрѣльцы; изъ внутреннихъ мѣстностей — простые крестьяне, которымъ посчастливилось поймать сокола или кречета; изъ Сибири — татары и различные служилые люди. Помимо этого, по временамъ изъ Москвы посылались во внутреннія области для ловли соколовъ и кречетовъ опытные царскіе сокольники: въ царствованіе Алексѣя Михайловича такія порученія не разъ съ усиліемъ выполнялъ сокольникъ Аникѣй Сидоровъ ⁸¹⁾. Прекраснымъ составомъ ловчихъ птицъ царская кречатня обязана была, конечно, не этимъ случайнымъ «охочимъ помытчикамъ», но постояннымъ, которые систематически вели изъ года въ годъ ловлю кречетовъ и соколовъ по способамъ, завѣщаннымъ дѣдами и отцами.

Организованная ловля этихъ птицъ попережнему производилась двинскими помытчиками по морскому берегу и по рѣкамъ, по Тиунскому берегу, Терской сторонѣ и на Каниномъ Носу. Въ XVII в., вслѣдствіе исключительнаго значенія соколиной охоты при дворѣ Алексѣя Михайловича, одни двинскіе помытчики уже не могли сполна снабжать царскую кречатню нужнымъ количествомъ птицъ, и потому была организована на началахъ оброка ловля соколовъ въ далекой Сибири, изстари славившейся лучшими породами ловчихъ птицъ. Въ роли, повидимому, постоянныхъ помытчиковъ въ XVII в. упоминаются еще помытчики ростовскіе, Ярославской губерніи, но, за скудостью извѣстій о нихъ, они остаются какъ бы въ тѣни, и можно думать, что, по количеству и качеству доставляемыхъ ими птицъ, они оставались далеко позади своихъ двинскихъ или сибирскихъ собратьевъ по промыслу.

Двинскіе помытчики производили ловлю соколовъ и кречетовъ артелями, человѣкъ по сорокъ и болѣе, при чемъ въ составъ артели входили какъ оброчные общинники, такъ и сторонніе общинѣ люди, ея нанятыя и называвшіеся «кормленщиками». Этимъ наймитамъ оброчные помытчики давали кормъ и платили деньгами, что обходилось общинѣ свыше 700 рублей ежегодно.

Между тѣмъ, экономическое положеніе двинскихъ помытчиковъ къ XVII в. значительно измѣнилось къ худшему, такъ какъ они, почти наравнѣ съ тяглыми, городскими и посадскими людьми, были обременены податями и повинностями. По челобитной 1635 года ихъ матеріальное положеніе представляется въ такомъ видѣ. Община номинально состояла изъ 8 сохъ (тяголь, надѣловъ), но изъ этихъ восьми сохъ къ 1635 г. 1½ сохи успѣли «запустѣть», и такимъ образомъ податное бремя каждой отдѣльной сохи сильно увеличилось, такъ какъ наличныя 6½ сохъ несли повинности и платили подать за восемь номинальныхъ сохъ, записанныхъ въ писцовыя книги. Съ общины взимались въ казну всякіе денежныя сборы и подати:

данныя, оброчныя, подымныя, пятинныя и солдатскія деньги, и она исполняла разныя натуральныя повинности, въ родѣ посошной, даточной и воинской службы. Кромѣ того, благодаря близости къ сѣверному порту, община помытчиковъ ежегодно несла крупныя расходы по исполненію слѣдующихъ повинностей: на наемъ людей для доставки хлѣбныхъ запасовъ, вина и стрѣльцовъ въ Кольскій острогъ (крѣпость) — свыше 1500 р.; на снаряженіе мелкихъ судовъ, назначавшихся для потребностей корабельныхъ лопмановъ и для перевозки стрѣльцовъ въ Мезень, Кевролу, Пустоозеро и Кандаджскій монастырь — свыше 500 р.; на устройство и снаряженіе сторожевыхъ судовъ для корабельной пристани — 400 р.; на снаряженіе судовъ для перевозки казеннаго отпускнаго товара — свыше 6000 р.; прибавляя сюда 700 р., ежегодно затрачивавшихся помытчиками на организацію ловли кречетовъ, мы получимъ 9100 р., — ежегодный денежный расходъ помытчиковъ помимо общихъ податей и повинностей, причемъ на каждую соху (изъ наличныхъ 6 1/2) приходится 1400 р. Въ 1634 г., сверхъ всѣхъ этихъ ординарныхъ расходовъ, помытчикамъ пришлось экстренно затратить 685 р. на перевозку въ амбары пушекъ и ядеръ, привезенныхъ на корабляхъ изъ Голландіи⁸²). При такомъ обиліи повинностей и податей, трудно было общинѣ помытчиковъ быть исправной во всѣхъ отношеніяхъ, и безъ сомнѣнія здѣсь нужно искать причинъ, которыми объяснялась нѣкоторая неурядица въ ловлѣ кречетовъ къ концу царствованія Михаила Феодоровича. Въ началѣ этого царствованія количество кречетовъ и соколовъ, доставлявшихся двинскими помытчиками, достигало ста и болѣе экземпляровъ, къ концу же царствованія доставка уменьшилась на половину, да и это количество помытчики доставляли лишь послѣ грозныхъ, понудительныхъ царскихъ грамотъ. Отчасти сократился самый уловъ птицъ, потому что помытчики предпочитали ему другіе промыслы, менѣ трудныя, но болѣе вѣрныя; съ другой стороны, изъ пойманныхъ соколовъ они воровски лучшихъ и дорогихъ отбивали

на сторону за деньги или за подарки, и соколы, вмѣсто царской кречати, направлялись «за море въ инья земли». Вслѣдствіе этого на царской кречати сказывался большой недостатокъ въ лучшихъ видахъ кречетовъ, — красныхъ, подкрасныхъ и крапленыхъ, — не съ чѣмъ было ѣздить государю на потѣху въ «проѣзжее поле», и нечего было посылать въ поминкахъ съ послами въ Царьградъ, Кизилбанъ, Крымъ и другія государства. Поэтому еще въ 1632 г. строгою царскою грамотою помытчикамъ приказывалось, подъ страхомъ денежныхъ взысканій («доправокъ»), попрежнему доставлять на кречатню каждый годъ по 100—105—106 кречетовъ красныхъ, подкрасныхъ, крапленыхъ и сѣрыхъ большихъ кречетовъ, при этомъ ставилось имъ на видъ, что если они «учнутъ воровати нашимъ дѣломъ, птичьимъ промысломъ промыслять оплошно или лучшими птицами корытоваться, и про то ихъ воровство сыщется», то быть имъ «въ великой опалѣ и казни».

Въ Сибири ловля кречетовъ и соколовъ была организована при Алексѣѣ Михайловичѣ, приблизительно около 1652 г. Ловля производилась въ мѣстностяхъ, лежащихъ близъ Тобольска и Тюмени, и расположенныхъ въ волостяхъ, заселенныхъ преимущественно инородцами — татарами. И первое время помытчиками были почти исключительно татары, которымъ велѣно было добывать, взамѣнъ ясака, кречетовъ и соколовъ на великихъ государей. Впослѣдствіи составъ сибирскихъ помытчиковъ сталъ крайне разнообразнымъ: ловлею птицъ, кромѣ татаръ, занимались пѣшие и конные казаки, казаческія дѣти, посадскіе люди, пашенные и оброчные люди, охочіе русскіе люди и, наконецъ, «гулящіе» люди. Весь этотъ разнообразный людъ записывался «верстался» въ помытчики, разумѣется, изъ желанія воспользоваться льготами, какія давалъ этотъ промыселъ, и потому неудивительно, что среди сибирскихъ помытчиковъ было довольно людей, для прямого дѣла лишнихъ и ненужныхъ; ихъ впослѣдствіи предписано было обращать «въ прежніе чины», если они были русскіе, а

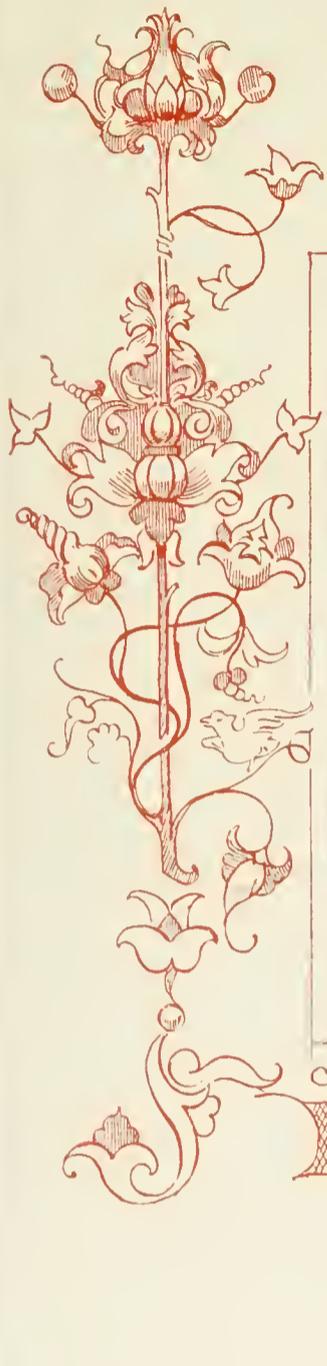
но соколы гнѣзда обыкновенно ютятся на вершинахъ неприступныхъ скалъ, и, кромѣ того, смѣльчаку угрожаетъ здѣсь опасность отъ самки, которая защищаетъ дѣтенышей съ неимовѣрною яростью. Молодиковъ, уже отлетѣвшихъ отъ гнѣзда, ловили при помощи различныхъ снастей и живой приманки, обыкновенно голубя. У Брема мы находимъ описаніе современнаго способа ловли соколовъ, но онъ едва ли многимъ отличается отъ стариннаго. Обыкновенно «сокольникъ садится, спрятавшись, на открытомъ полѣ и держитъ шнурокъ, длина котораго около 100 шаговъ, а къ другому концу шнурка привязывается живой голубь, который, впрочемъ, можетъ совершенно свободно двигаться по землѣ. На разстояніи сорока шаговъ отъ сокольника шнурокъ проходитъ черезъ кольцо, подлѣ котораго лежитъ подъемная сѣтка, и отъ нея другой шнурокъ идетъ тоже къ сокольнику. Лишь приблизится соколъ, — шнуръ ослабляютъ, вслѣдствіе чего голубь взлетаетъ, и соколъ его схватываетъ. Въ этотъ моментъ сокольникъ медленно начинаетъ притягивать къ себѣ голубя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вцѣпившагося въ него сокола — къ кольцу, гдѣ ихъ обонхъ мгновенно покрываетъ сѣткой. Очень важно при этой охотѣ знать, когда соколъ появится въ мѣстности, и для этой цѣли охотникъ беретъ себѣ усерднаго и зоркаго помощника, а именно сѣраго сорокопута, который открываетъ сокола на очень большомъ разстояніи. Сорокопута привязываютъ недалеко отъ голубя, и при появленіи сокола онъ начинаетъ издавать сильный далеко раздающійся крикъ. Подлѣ того мѣста, гдѣ привязана эта птица, выкапывается яма, въ которую сорокопуть можетъ въ случаѣ надобности спрятаться». Въ XVII в. соколовъ также ловили, по свидѣтельству Катошихина, при помощи сѣтей и голубей, а равно и другихъ снастей. Принадлежности этой ловли состояли изъ *помчей, поножей, воздей съ силками, оцрометовъ, кушей иростыхъ и четьрецуольныхъ, тайниковъ юлубиныхъ — большихъ, среднихъ и малыхъ — и тайниковъ воробьиныхъ. Помчи* — это ловушки или западни; *поножи* — силки и пленки, въ

которыхъ птица запутывалась ногами; *возди съ сльями* вбивались, вѣроятно, въ деревья, на которыя, по наблюденіямъ, съ особою охотою присаживались ловчія птицы, или вблизи гнѣздъ этихъ птицъ; *кутши* представляли собою сѣть на обручѣ и подъ нею клѣтка съ пташкой, сѣть снабжалась сторожкой; *тайники* — тоже сѣти, на двухъ шесткахъ, иногда о двухъ полотнахъ, накладываемыхъ на встрѣчу другъ другу; что же касается *офрметовъ*, то можно думать, что это — снасть, по устройству весьма близкая къ той, о которой Бремъ говоритъ въ вышеприведенномъ описаніи ловли соколовъ. Всѣ перечисленныя снасти для ловли соколовъ отличаются простотою, но ловець полагался не на нихъ, а на свою смѣтливость, терпѣніе и знаніе мѣстъ, особо удобныхъ для ловли соколовъ.

Пойманные соколы и кречеты, до отправки ихъ въ Москву, оставались на рукахъ и попеченіи помытчиковъ, при чемъ деньги на кормъ ихъ отпускались изъ казны чрезъ мѣстныхъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей. Помытчики обязывались беречь пойманныхъ птицъ и докладывать воеводамъ въ положенные сроки о здоровьѣ государевыхъ кречетовъ и соколовъ. Иногда помытчики же и вынашивали соколовъ и отправляли ихъ на Москву уже готовыми къ охотѣ, но это случалось рѣдко, въ тѣхъ случаяхъ, когда по какимъ-либо причинамъ перевозка пойманныхъ птицъ въ Москву очень замедлялась. Обыкновенно же доставка птицъ производилась по зимнему первопутку, который устанавливался въ промежутокъ времени отъ праздника Покрова до Введенія; если же санный путь, по причинѣ оттепелей, къ этому времени не устанавливался, перевозка оттягивалась иногда до самаго Рождества. Чтобы птицы въ дорогѣ не поломали перьевъ, не побились и вообще не захворали, ихъ везли съ большими предосторожностями, въ возкахъ или въ особыхъ, прикрѣпленныхъ къ санямъ, ящикахъ, которые внутри обивались войлоками и рогожами. Помытчикамъ, сопровождавшимъ птицъ, внушалось, подъ угрозою нещаднаго наказанія, смотрѣть за птицами «неоплошно»,

11*

кормить ихъ во-время, не позволять ямщикамъ ѣхать скоро, небрежно осматривать ящики и безъ осторожности поднимать и опускать сани. Сани помытчики во время пути должны были воздерживаться отъ пьянства и другихъ соблазновъ. Зимой, въ Декабрѣ 1662 г. направлялся изъ Сибири на Москву транспортъ съ кречетами для царской охоты, и вотъ какого рода наказъ былъ данъ стоявшему во главѣ транспорта боярскому сыну Елизару Гаврилову: «А ѣдучи ему Елизару дорогою, самому беречься отъ пьянства накрѣпко и служилымъ людямъ и помытчикамъ пьяного питья и табаку пить и зерною играть и никакимъ воровствомъ воровать отнюдь не давать, отъ всякого пьяного питья и отъ табаку и отъ зерни и отъ всякого воровства и отъ блядни унимать болшимъ твердымъ подкрѣпленіемъ, чтобъ ихъ служилыхъ людей и помытчиковъ нерадѣніемъ и пьянствомъ и отъ нечистыхъ и скаредныхъ людей надъ птицами великого государя, надъ кречетами, какое дурно не учинилось, и отъ пьяныхъ и нечистыхъ людей кречаты бѣ не померли». Чтобы предупредить случаи подмѣны лучшихъ птицъ на худшихъ, а также и возможное отчужденіе царскихъ соколовъ, приказывалось, при отправкѣ ихъ, снабжать помытчиковъ особою «отпискою», въ которой точно обозначалось, сколько и какихъ кречетовъ, и съ кѣмъ именно отправленныхъ препровождается на Москву. Кромѣ того, помытчикамъ вручалась проѣзжая царская грамота, за государевыми красными печатями, по которой съ помытчиковъ, везшихъ птицъ, на внутреннихъ таможенныхъ не взимали никакихъ налоговъ, а птицамъ отпускался кормъ и давались подводы восводами и населеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ караванъ дѣлалъ остановки. Казалось бы, этимъ вполне обеспечивалась безпрятственная и немедленная доставка государевыхъ птицъ въ Москву, но на дѣлѣ, однако, случались задержки, и возникали большія недоразумѣнія. Такъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при проѣздѣ двинскихъ помытчиковъ съ кречетами черезъ Важскій уѣздъ, важскіе «земскіе судейки и сотскіе и волостные крестьяне...

Церковь
села Коломенскаю.

птицамъ корму и подводъ черезъ Важской уѣздъ до Вологды не дали и Потапу Петрову, царскому сокольнику, завѣдывавшему перевозкой птицъ въ этотъ разъ, оказали невѣжливо и говорили, что имъ и впредъ подорожныхъ... не слушать и никому по подорожнымъ подводъ не давать и его Потапа били и... держанаго кречета съ руки сбили... и Великаго Государя проѣзжей грамоты что за красными печатми не послушали, во всемъ отказали». Вѣроятно, дѣло здѣсь заключалось не въ одномъ своеволіи и озорствѣ важныхъ крестьянъ, но и проѣзжавшіе помытчики были не безъ грѣха, особенно если принять во вниманіе, что во время длиннаго пути они не всегда

вели себя чинно, предавались разгулу и, вѣроятно, наносили обиды мѣстному населенію, вслѣдствіе чего и возникали ссоры и побоища. Случаи, подобные отмѣченному, бывали и на сибирскихъ дорогахъ при перевозкѣ сибирскихъ соколовъ, и это послужило поводомъ для окружной грамоты сибирскимъ воеводамъ, отправленной въ 1662 г. Въ ней строго приказывалось сибирскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ городовъ «отъ Москвы по дорогамъ до Сибирскихъ городовъ, до Верхотурья и до Тобольска» — «помытчикамъ подъ птицы давать подводы, сколько надобно, и отпущать ихъ къ Москвѣ тотчасъ безъ задержанія; а будетъ воеводы... и приказные люди учнутъ имъ кречатымъ помытчикамъ со птицы чинить задержаніе, и оттого птицамъ учинится какая поруха, и тѣмъ отъ... Великаго Государя за то быть въ великой опалѣ и въ наказаньѣ, и помѣстья ихъ и вотчины отписаны будутъ на... Великаго Государя»⁸⁴). Доставленныхъ въ Москву соколовъ и кречетовъ помытчики объявляли при отпискѣ: двинскіе — въ новгородской чети, а сибирскіе — въ сибирскомъ приказѣ, нослѣ чего птицы поступали на кречатню.

Государевыхъ кречатень было двѣ, и обѣ онѣ помѣщались на потѣшныхъ дворахъ: одна въ с. Семеновскомъ, другая въ с. Коломенскомъ. Коломенская кречатня устроена была позже Семеновской, по всей вѣроятности, въ 1650 г., когда Алексѣй Михайловичъ письмомъ, отъ 11 Іюня, изъ Калязина монастыря приказывалъ Матюшкину купить «сушило» такое же, какъ и въ Семеновскомъ, и поставить его въ Коломенскомъ, перенести сюда же чуланы и перевезти изъ Семеновскаго половину всякихъ запасовъ. «Сушило», какъ догадываются изслѣдователи, представляло собою мѣсто, раздѣленное на чуланчики, гдѣ на особыхъ колодкахъ сидѣли ловчія птицы. Помѣщенія кречатни отапливались. Входъ на царскія кречатни постороннимъ лицамъ не дозволялся, и вообще кречатни представляли изъ себя какъ бы особый мірокъ, для простыхъ смертныхъ недоступный и зорко охранявшійся людьми, его составлявшими. Въ 1657 г., въ

ожиданіи «дурной болѣзни» (чумы), Алексѣи Михаиловичъ, безпоясь за цѣлость птицъ и здоровье сокольниковъ, приказалъ заблаговременно П. С. Хомякову «запасовъ всякихъ наготовить изъ здоровыхъ мѣстъ... а для опасенія приискать мѣсто или два въ лѣсу, гдѣ-бъ близко воды, и тѣ мѣста осѣчь»; въ случаѣ, если на потѣшномъ дворѣ на людяхъ объявится «дурная болѣзнь», больныхъ приказывалось оставить на потѣшномъ дворѣ и при нихъ для ухода двухъ здоровыхъ, а остальныхъ здоровыхъ сокольниковъ съ птицами перевести на приисканное мѣсто, гдѣ они во время эпидеміи должны были «жить съ великимъ береженьемъ», оградивъ себя крѣпкими заставами, чтобы ни отъ нихъ, ни къ нимъ никто отнюдь и ни за какимъ дѣломъ не ѣздить и не ходить. Впрочемъ, и въ благополучное время кречатня была вполне изолирована отъ остального міра и жила своею жизнью, своеобразной и не лишеной для постороннихъ нѣкоторой таинственности: здѣсь царили свои порядки, обычаи, правы и былъ свой языкъ.

На царскихъ кречатняхъ господствовала суровая дисциплина, и всякій недосмотръ и упущеніе наказывались весьма строго, какъ можно судить по слѣдующему любопытному случаю. Однажды сокольникъ, Иванъ Ярышкинъ, находясь на кречатнѣ, былъ позванъ другимъ сокольникомъ, Алешкой Камчатовымъ, къ окну, при чемъ послѣдній обратился къ нему съ просьбою передать ему его, Алешкины, штаны. Ярышкинъ просимые штаны нашель, но полѣнился выйти въ дверь, передалъ штаны черезъ окно и, по разсѣянности, забылъ запереть оконную раму. Рама вскорѣ свалилась и сильно зашибла находившагося у окна сибирскаго кречета Мальца. Объ увѣчьи кречета было доложено Матюшкину, который, узнавъ, что кречетъ былъ зашибленъ рамой, сталъ допытываться, «кто тое окончину оторвалъ внутри». «Видоки» — свидѣтели случая — указали на Ярышкина, но онъ, было, въ томъ заперся, однако, уличенный свидѣтелями, сознался въ своей винѣ, и, по приказанію Матюшкина, его «били ба-

*Сокольная башня въ селѣ Коломенскомъ, сохранившаяся понынѣ
(сообщ. А. Бахрушинымъ).*

тогами, чтобъ вставляли окончину крѣпко и кречатовъ государевыхъ берегъ». По докладѣ объ этомъ случаѣ государю, Ярышкина снова били батогами и «били больно, чтобъ и инымъ впредь птицъ бить неповадно было». Вообще береженье царскихъ птицъ требовалось, да и на дѣлѣ было, самое тщательное; постороннему человѣку немислимо было проникнуть за ограду кречатни или освѣдомиться относительно царскихъ птицъ. Эта таинственность сильно интриговала иностранцевъ, и одинъ изъ товарищей австрійскаго посла, барона Майерберга, въ теченіе цѣлаго полугода тщетно добивался возможности увидать хоть одного царскаго кречета и срисовать его; только

благодаря крайней любезности самого государя Алексѣя Михайловича, посольству предоставлена была возможность полюбоваться царскими кречетами и дано было позволеніе срисовать ихъ. Майербергъ подробно и весьма любопытно рассказываетъ объ этомъ случаѣ. Послѣ долгихъ и всегда тщетныхъ попытокъ добиться разрѣшенія видѣть царскихъ кречетовъ, когда уже это желаніе успѣло поостыть и почти изгладиться, «вдругъ» — говоритъ онъ — «въ самое воскресенье на масляной недѣлѣ совершенно неожиданно представилось намъ зрѣлище ряженныхъ. Мы сидѣли еще за обѣдомъ съ собесѣдниками, когда нашъ благородный приставъ, принявъ на себя важную осанку, будто хочетъ заняться съ нами дѣломъ великой важности, просилъ насъ войти во внутренній покой и выслушать, что онъ намъ скажетъ. Когда мы вошли туда, тамъ главный начальникъ охоты великаго князя (это былъ, безъ сомнѣнія, Матюшкинъ) и шесть сокольниковъ, одѣтые въ дорогіе кафтаны изъ великокняжеской казны, держали каждый по кречету въ правой рукѣ, на которой надѣты были рукавицы съ новою золотою бахромою. Кречеты были въ новыхъ колпачкахъ изъ великолѣпной ткани и съ длинными золотыми веревочками на лѣвыхъ берцахъ, а у самаго лучшаго изъ нихъ, бѣлаго цвѣта съ крапинами, какъ у аиста, правое берцо облегало золотое кольцо съ рубиномъ значительной величины. Тогда приставъ, снявъ шапку и вынувъ изъ-за пазухи свитокъ, объяснилъ поводъ этого посольства, между тѣмъ какъ мы слушали его стоя: «Великій князь и царь Алексѣй Михайловичъ (по обыкновенію онъ пересказалъ въ подробности весь титулъ царя), узнавъ о вашемъ желаніи видѣть которую-нибудь изъ его птицъ, прислалъ посмотрѣть вамъ шесть кречетовъ изъ расположенія къ своему любезному брату, цезарю Римскому, Леопольду». Такая потраченная попусту торжественность и пышность обстановки располагала къ смѣху, и духъ, затронутый забавною картиною этого пустого чванства, разразился бы хохотомъ, если бы, сдерживаясь уваженіемъ лица, показывавшаго это зрѣлище, къ высокому званію

12

пославшаго его, мы не подавили въ себѣ возбужденнаго расположе-
нія къ смѣху. Итакъ, обратившись съ важнымъ видомъ къ приставу,
мы очень расхваливали птицъ въ напыщенныхъ выраженіяхъ, и, будто
увлекшись удивленіемъ къ большому росту ихъ, освѣдомились, въ
какихъ краяхъ онѣ водятся. — «Въ областяхъ Великаго Государя»,
отвѣчалъ онъ сухо, положивъ себѣ на уста перстъ Гарпократа, чтобы
не выболтать государевой тайны. Поблагодаривъ за то, что великій
князь удостоилъ насъ такого особаго почета, мы изъявили одобреніе
дѣйствующимъ лицамъ этой комедіи самымъ пріятнымъ для нихъ обра-
зомъ, т.-е. сдѣлали имъ подарки и отпустили ихъ». Ироническій тонъ
этого разсказа, съ оттѣнкомъ плохо скрытаго раздраженія, показы-
ваетъ, что австрійское посольство было задѣто и досадовало на столь
нескорое удовлетвореніе его просьбы; смѣшного же въ обстановкѣ
этой церемоніи не было ничего, въ особенности для пословъ, при-
вычныхъ къ условностямъ тогдашняго этикета. Думается даже, что
успія, употреблявшіяся посольствомъ на полученіе права посмотре-
ть царскихъ птицъ, дѣлались ими не столько ради самого желанія ви-
дѣть ловчихъ птицъ, сколько въ видѣ дипломатическаго способа опре-
дѣлить степенъ расположенія русскаго царя къ Леопольду. Птицъ съ
царской кречатки послы легко могли бы посмотре-ть у нѣкоторыхъ
важныхъ бояръ.

Хотя вообще ловчія птицы составляли «государеву заповѣдь»⁸⁵),
и продавать ихъ частнымъ лицамъ воспрещалось весьма строго, однако,
бояре нерѣдко имѣли собственную соколиную охоту, и случалось, что
государь жаловалъ бояръ, находившихся въ особой милости, лучшими
кречетами со своей кречатки.

Лѣтъ за шесть до описаннаго случая, бывшаго въ 1662 году, князю
Никитѣ Ивановичу Одоевскому были пожалованы Алексѣемъ Михаило-
вичемъ съ собственной кречатки четыре кречета. У этого князя, по-
добно боярину Морозову, была, повидному, собственная соколиная
охота въ его имѣніи Вешняковѣ, въ шести верстахъ отъ Москвы⁸⁶).

Уходъ за ловчими птицами заключался въ кормленіи ихъ, въ лѣченіи заболѣвавшихъ, но главнымъ образомъ — въ «вынашиваніи», т.-е. систематическомъ приученіи дикихъ птицъ къ охотѣ.

Въ отношеніи корма ловчія птицы требовали особенной заботливости. Кормили ихъ въ «уреченное время», т.-е. въ опредѣленные часы, и непремѣнно самымъ доброкачественнымъ, т.-е. свѣжимъ и здоровымъ мясомъ — говяжьимъ, бараньимъ, но преимущественно голубинымъ. Для этой цѣли при кречатнѣ имѣлся особый голубиный дворъ, на которомъ содержались свыше ста тысячъ паръ голубей. Голуби собирались сюда со всего государства отъ крестьянъ, несшихъ голубиную повинность; но этого бесплатно поставляемаго количества голубей не хватало, и приходилось, сверхъ того, прикупать за деньги, какъ и другое мясо на кормъ птицамъ. Въ документахъ того времени попадаются случайныя отмѣтки о денежныхъ выдачахъ на покупку мяса для птицъ: такъ, въ 1665 г. въ два раза было выдано 30 р., въ 1666 г. также въ два раза 250 р., въ 1668 г. одна выдача на сумму 20 р. и въ 1669 г. три выдачи на сумму 222 рубля, 17 алтынъ и 2 деньги. Эти цифры, взятые сами по себѣ, ничего не могутъ разъяснить намъ относительно средняго годового расхода на содержаніе птицъ. Только отчасти вопросъ освѣщается слѣдующими данными. Птицамъ, остававшимся временно до отправки въ Москву на рукахъ у двинскихъ (кречатниковъ) помытчиковъ, какъ равно и во время слѣдованія ихъ въ Москву, отпускалось на кормъ по двѣ деньги въ сутки на каждую птицу; но трудно рѣшить, отпускался ли перевозимымъ птицамъ усиленный паекъ, или одинаковый съ тѣмъ, какой полагался для птицъ, содержащихся на кречатнѣ. Если вѣрно послѣднее, то содержаніе каждой птицы на кречатнѣ должно было обходиться въ годъ 730 денегъ, что на наши деньги составило бы сумму 20—25 рублей; а какъ, по свидѣтельству Катошихина, на кречатняхъ бывало до трехъ тысячъ ловчихъ птицъ, то, слѣдовательно, ежегодный расходъ только на одинъ кормъ птицамъ могъ достигать

12*

крупной суммы 75,000 рублей, и едва ли бы былъ подъ силу тогдашнему бюджету, если бы не существовало голубиной повинности, т.-е. бесплатной поставки голубей крестьянами⁸⁷). Такъ напр., имѣется документъ, что въ 1660 году сокольникъ Оома Дорофѣевъ привезъ 200 гиѣздъ голубей изъ Данкова (Госуд. Арх., № 173, разр. XXVII).

Заболѣванія ловчихъ птицъ доставляли сокольникамъ много хлопотъ и безпокойства, связаннаго съ опасеніемъ, что болѣзнь птицы будетъ объяснена недосмотромъ или небрежностью со стороны сокольника, которому порученъ уходъ за нею. А заболѣвали кречеты и соколы нерѣдко. Болѣзни ихъ зависѣли и отъ несвойственнаго ихъ природѣ московскаго умѣреннаго климата, и отъ состоянія неволи, съ которою онѣ, вольныя птицы, свыкались нелегко. Наиболѣе частыя формы заболѣваній были: страданія печени, расстройство пищеварительныхъ органовъ, болѣзнь пупа и глазныя болѣзни, кончавшіяся иногда полной слѣпотою⁸⁸). Лѣчили птицъ домашними способами, и, очевидно, среди сокольниковъ были своего рода знахари.

Чѣмъ и какъ лѣчили, сказать трудно, но, всего вѣроятнѣе, разными цѣлебными травами, о сборѣ которыхъ Алексѣй Михайловичъ часто дѣлаетъ распоряженія въ перепискѣ съ Матюшкинымъ. Въ случаѣ смерти любимыхъ царскихъ кречетовъ всѣмъ служащимъ при кречатнѣ угрожалъ царскій гнѣвъ и великая немилость, а сокольниковъ за это нещадно пороли кнутомъ⁸⁹).

Мы уже говорили въ I выпускѣ «Исторіи охоты», что «вынашивание» ловчихъ птицъ составляло трудъ крайне серьезный и крайне безпокойный. Когда вынашивались птицы, всѣмъ на кречатнѣ, начиная съ рядовыхъ сокольниковъ и кончая сокольничимъ, приходилось увеличивать свою бдительность до крайней степени напряженія, приходилось жертвовать не только отдыхомъ, но даже сномъ. Вынашивание птицъ начиналось «держаньемъ». «Держать» сокола или кречета значило не давать птицѣ въ теченіе нѣкотораго времени спать, и

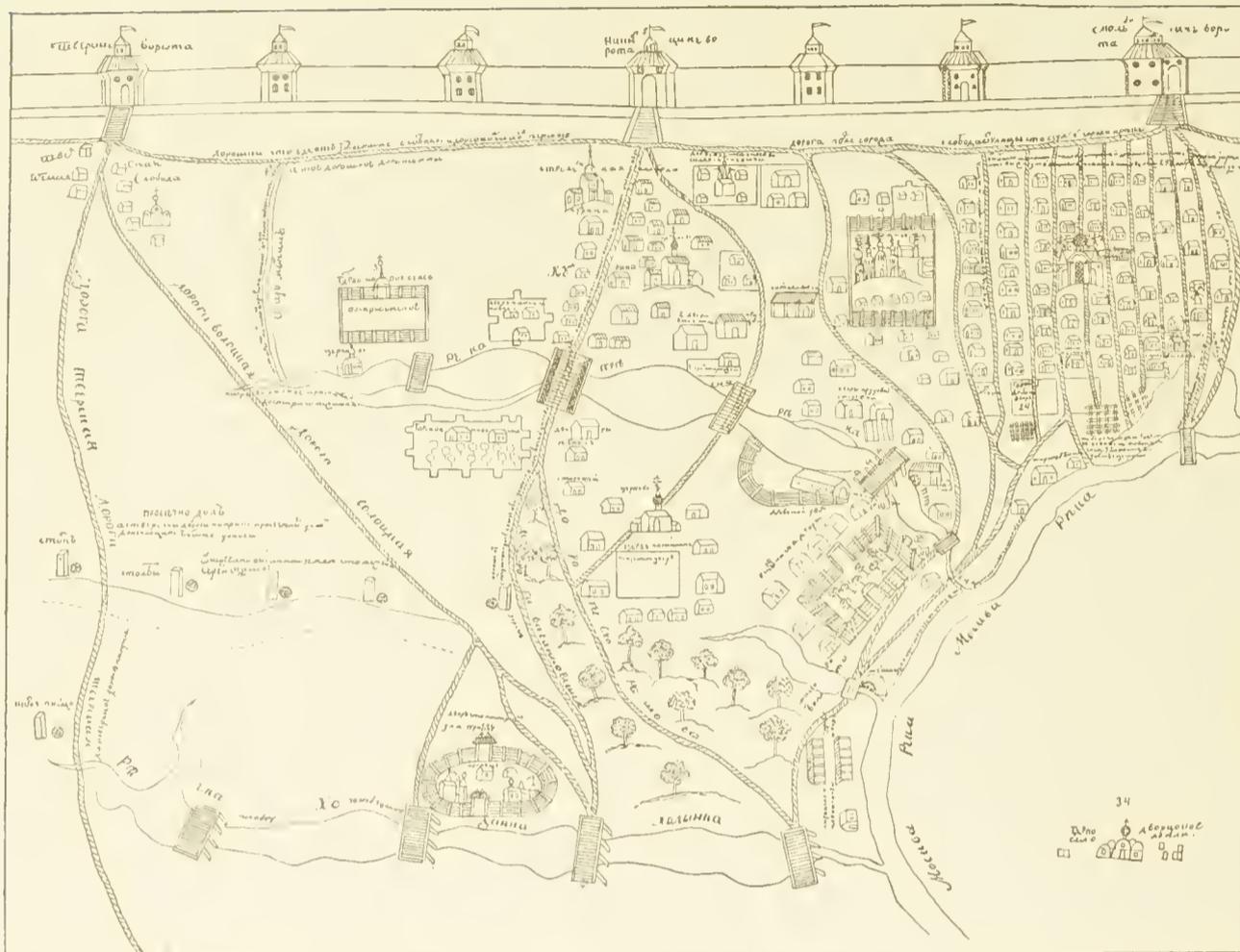
этотъ промежутокъ времени колебался отъ трехъ до четырехъ сутокъ. Утомленный продолжительной бессонницей, соколъ впадаетъ въ состояніе безпамятства и изъ дикой и непокорной птицы становится ручною и повинуется уже волѣ «державшаго» его сокольника. Если во время «держанья» дать птицѣ заснуть хоть на короткій срокъ, то этимъ можно испортить все дѣло, и предшествующій трудъ «держанья» становится потраченнымъ попусту. Поэтому «держанье» обыкновенно поручалось самымъ надежнымъ сокольникамъ, уже испытаннымъ ранѣ со стороны ихъ серьезнаго отношенія къ дѣлу. За сокольниками, занятыми «держаньемъ» кречетовъ, бдительно наблюдали начальные сокольники, а за тѣми и другими вмѣстѣ зорко слѣдилъ неусыпный глазъ Матюшкина, или, въ его отсутствіе, подсокольничій Петръ

Семеновичъ Хомяковъ. Иногда «держанье» соколовъ поручалось даже стольникамъ государевымъ, на которыхъ царь могъ положиться болѣе, чѣмъ на простыхъ сокольниковъ. Когда дикая птица была укрощена и приведена въ полную покорность человѣку, приступали къ дальнѣйшимъ пріемамъ вынашивания. Эти пріемы почти не отличаются отъ нынѣ практикуемыхъ. Мы опишемъ ихъ, руководствуясь рассказомъ Брема и сопоставляя его рассказъ съ данными, заключающимися въ перепискѣ царя Алексѣя Михайловича съ Матюшкинымъ, Голохвастовымъ и Хомяковымъ.

По Брему, обученіе сокола, вѣрнѣе сказать «держанье», начинается съ того, что голову птицы покрываютъ колпачкомъ («клобучкомъ», по терминологіи XVII в.), на ноги надѣваютъ кожанья путы («обносцы») и оставляютъ безъ пищи и сна 24 часа, послѣ чего сажаютъ на кулакъ, снимаютъ колпачекъ и кормятъ какой-нибудь птицей. Въ XVII в. это называлось «клобучечить» сокола. Но какъ теперь, такъ и тогда не всѣ ловчія птицы скоро приручались подъ гнетомъ «клобучка»; о птицахъ, долго или совсѣмъ не уступавшихъ «клобучеченью», говорили, что онѣ «къ клобучку жестоки»; напротивъ, о тѣхъ, вѣроятно, молодыхъ птицахъ, которыя скоро поддавались дѣйствию «клобучка», употреблялось выраженіе: «къ клобучку смірны». Упрямые экземпляры соколовъ послѣ перваго опыта клобучеченья отказывались даже отъ корма, но въ отношеніи ихъ клобучеченье повторялось безъ всякаго милосердія вновь и на вторыя, и на третьи сутки. Лишь немногіе соколы стойко выдерживали эту пытку, истощая всякое терпѣніе сокольниковъ. Такихъ непокорныхъ птицъ приходилось приручать, долго вынашивая на рукахъ безъ колпачка. Какъ только птица была «исклобучечена», ее начинали «вабить». «Вабить» на старинномъ языкѣ вообще значило звать; въ примѣненіи къ соколиной охотѣ «вабить» означало приманивать птицу къ корму, заставляя ее пролетать извѣстное разстояніе. Сокола сажали на спинку стула, а въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ стула

становился сокольникъ съ «вабиломъ» въ рукахъ. «Вабило» — это или кусокъ мяса, или убитая птица, или птица живая, но со связанными крыльями. Приманивая сокола «вабиломъ», сокольникъ постепенно увеличивалъ разстояніе отъ спинки стула до своего кулака, на который долженъ былъ сѣсть соколъ, чтобы заслужить себѣ кормъ ⁹⁰⁾. Когда соколъ привыкалъ, по волѣ охотника, пролетать до «вабила» съ тридцать и болѣе саженой, обученіе его изъ кречатни переносилось въ поле, но, чтобы соколъ не улетѣлъ, въ полѣ на первыхъ порахъ его «вабили съ вервью», т.-е. держа его на длинномъ шнуркѣ, привязанномъ къ путамъ или «обносцамъ». При упражненіяхъ на открытомъ мѣстѣ, въ полѣ или на лугу, сокольникъ становится такъ, чтобы соколу приходилось летать противъ вѣтра, потому что по вѣтру соколъ летаетъ неохотно. Каждый разъ послѣ такихъ упражненій птицѣ даютъ пищу на кулакѣ, а затѣмъ, носятъ до вечера и цѣлую ночь качаютъ ее въ кольцо, не давая заснуть; на четвертыя сутки соколу даютъ немного отдохнуть въ теченіе ночи, а на слѣдующее утро приступаютъ къ новымъ упражненіямъ: его свободно сажаютъ на землю безъ шнурка, но зато въ длинныхъ путахъ, и онъ вновь долженъ взлетать на кулакъ сокольника для полученія корма; если онъ пролетитъ мимо, за нимъ ходятъ и приманиваютъ его «вабиломъ», пока онъ не сядетъ на кулакѣ. Потомъ сокола «вабили къ лошади», т.-е. приучали его взлетать на кулакъ сокольника, сидящаго на лошади. Въ результатѣ всѣхъ этихъ предварительныхъ упражненій получалось то, что соколъ совершенно переставалъ бояться людей, лошадей и собакъ. Вслѣдъ за этимъ начинались уже иныя упражненія, подготовлявшія сокола къ охотѣ за птицами. Для этого подбрасывали въ воздухѣ мертвую птицу и пускали привязаннаго на длинномъ шнуркѣ сокола, позволяя ему на первый разъ клюнуть мертвую птицу, но впоследствии вабило быстро отнималось, и соколъ получалъ птицу на кулакѣ. Затѣмъ, вабиломъ служили живыя птицы съ обрѣзанными или свя-

Планъ Москвы XVII столѣтія.

(Хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ г. Москвѣ).

занными крыльями: голуби, грачи, вороны и осорьы или болотные коршуны ⁹¹). При вабленіи на живую птицу, соколу позволяли только «загрызть» ее, т.-е. убить, а пищу опять-таки давали съ кулака. Дальше, въ порядкѣ упражненій слѣдовалъ «выпускъ» или «напускъ»: предъ соколомъ пускали живую несвязанную птицу и, освободивъ его отъ клубочка, позволяли летѣть за ней. Если соколъ, не рассчитавъ удара, промахнется и не убьетъ пущенной птицы, его приманиваютъ назадъ живою птицею со связанными или укороченными крыльями. «Выпускъ» соколовъ на живыхъ птицъ, пущенныхъ свободно, былъ рѣшительнымъ моментомъ въ дѣлѣ пріученія соколовъ къ охотѣ; совершался «выпускъ» съ большою осмотрительностью и не иначе, какъ по личнымъ указаніямъ самого

царя Алексѣя Михайловича. Такъ, въ письмѣ своемъ изъ Калязина монастыря, отъ 11 Юня 1650 г., царь, между прочимъ, пишетъ Матюшкину: «и впередъ живое класть въ вабило... а пускать безъ нашего указа не смѣете» (письмо VI). За «выпускъ» ловчихъ птицъ безъ его вѣдома виновные наказывались жестоко: въ 1656 г. посланный изъ Смоленска въ Москву съ кречатымъ челигомъ Алешка Багачъ дорогою вздумалъ напускать челига на птицъ и «потерялъ» его; государь приказалъ, чрезъ Хомякова, Алешку «бить кнутомъ, привязавъ къ кольцу, да посадить его на шесть недѣль на цѣпь за то, почему онъ безъ государева указа, дорогою ѣдучи, челига напускалъ на птицъ, чтобъ на то смотря дуровать инымъ было неповадно». Одновременно съ «выпускомъ» соколовъ пріучали возвращаться къ охотнику съ пойманною добычею, что на языкѣ XVII в. называлось «ворочать» сокола. Подготовка соколовъ къ охотѣ заканчивалась пріученіемъ ихъ къ борьбѣ съ сильными и хищными птицами: цаплями, осорьями, коршаками, орлаками и сарычами. При кречатнѣ всегда содержалось большое количество этихъ птицъ, которыхъ частію покупали, а частію ловили сокольники или солдаты во время походовъ. И въ этихъ упражненіяхъ соблюдалась строгая постепенность, тѣмъ болѣе необходимая, что борьба съ этими хищниками труднѣе и мудренѣе, нежели съ οποю другою птицею. Для того, чтобы облегчить кречету первую борьбу съ коршакомъ, послѣдняго ослѣпляли; слѣпой коршакъ не могъ увернуться отъ удара кречета, и борьба рѣшалась съ одной ставки. Слѣдующія упражненія велись уже съ коршакомъ, такъ сказать, на равныхъ условіяхъ для обѣихъ борющихся птицъ; при этомъ сокольники старались довести число ставокъ до пяти-шести, но не болѣе, такъ какъ пріученіе сокола къ большому числу ставокъ велось, повидимому, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ самого царя. Въ отсутствіе Алексѣя Михайловича упражненія съ хищниками совершались на молодыхъ и не особенно сильныхъ и рѣзвыхъ

экземплярахъ, а лучшія изъ этихъ птицъ приберегались для «выпусковъ», лично производившихся царемъ⁹²). При упражненіяхъ съ цаплями и журавлями клювъ этихъ птицъ, опасный по своей остротѣ, обыкновенно вставляется въ особый футляръ, а шея птицы обертывается мягкой кожею, для того чтобы соколъ не могъ задушить птицы сразу; при выпускѣ на цаплю соколъ поднимается, какъ можно выше, чтобы сдѣлать ударъ сильнѣй, но цапля также поднимается все выше и выше и съ необыкновенной быстротой направляетъ противъ сокола свой клювъ въ расчетѣ, что соколъ на него наткнется, и если клювъ не заключенъ въ футляръ, то шансы побѣды не всегда на сторонѣ сокола. Какъ приучали сокола въ охотѣ Алексѣя Михайловича къ борьбѣ съ цаплями, и какія для этого дѣлались приспособленія, не знаемъ. При напускѣ соколовъ на дикихъ птицъ, наблюдалось, чтобы соколы не «взыгрывали» и далеко не отлетали; излишнюю рѣзвость и непослушаніе соколовъ умѣряли діэтой и «держаньемъ»; государь строго приказывалъ — соколамъ и кречетамъ «разметоватца не давать, а доходить сквернами (падалъ) да водяниною (сильно вымоченное въ водѣ мясо) да держаньемъ»: отъ плохого питанія птица худѣла и теряла часть силы и рѣзвости, а отъ держанья вновь становилась послушнѣй и «вѣжливѣй». Выношенныхъ соколовъ, чтобы они «не засидѣлись и не забыли добычу», старались упражнять въ охотѣ возможно чаще. Въ особенности это нужно было для соколовъ молодыхъ, легко «забывающихъ добычу»⁹³); Алексѣй Михайловичъ наказывалъ сокольникамъ почаще «челиговъ напускать на дикое, чтобы молодежь (т.-е. молодые птицы) не остербла», т.-е. не переросла, потому что только въ молодомъ возрастѣ самцы (челиги) легко поддаются вынашиванію. Для вѣщаго успѣха, при вынашиваніи молодыхъ соколовъ и при охотѣ съ ними, къ нимъ присоединяли иногда выношеннаго стараго кречета, опытнаго въ охотѣ, мастера своего дѣла, чтобы молодѣжь могла перенять отъ него лучшіе пріемы охоты⁹⁴).

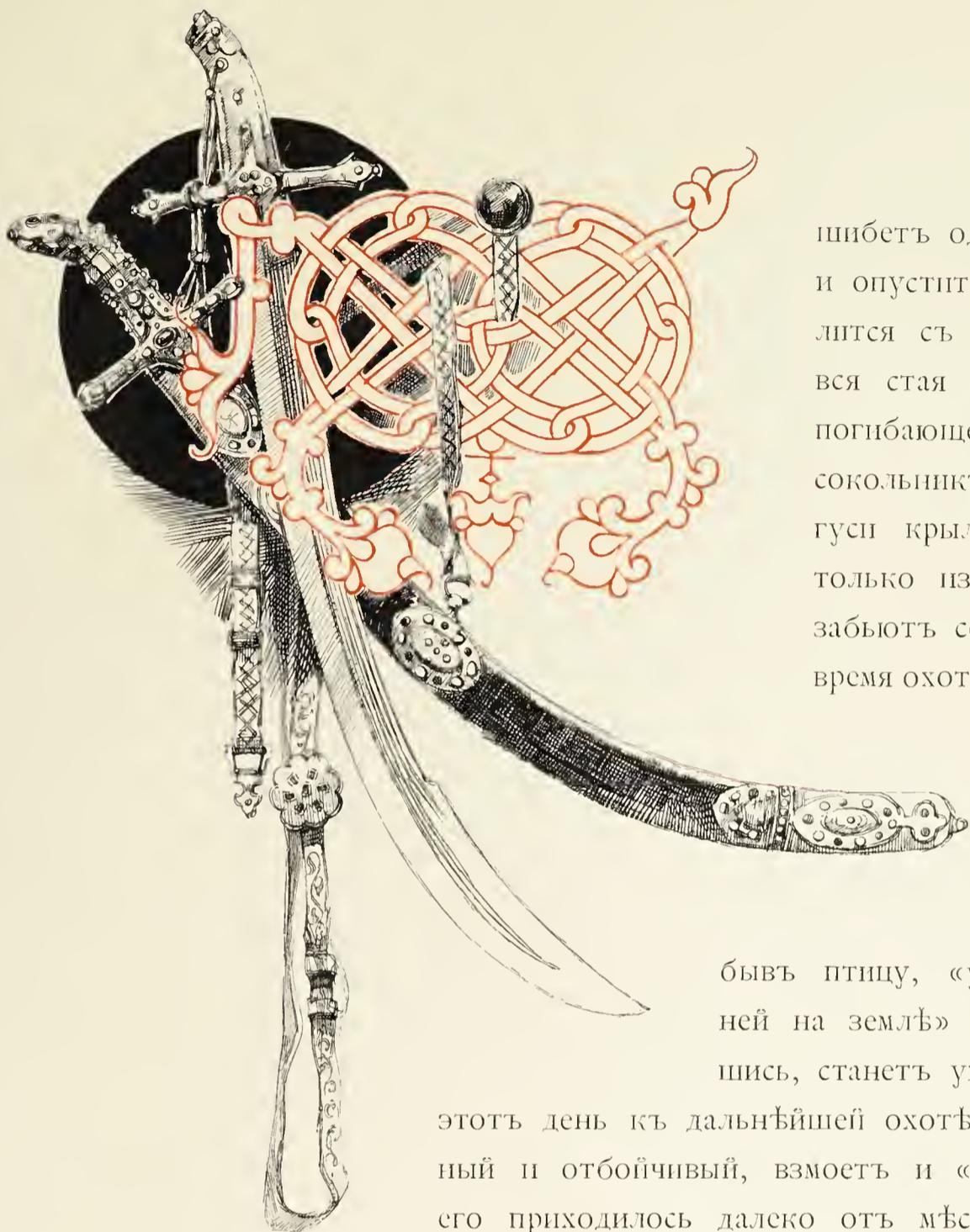
Когда такимъ образомъ кречеты были выношены и вполне подготовлены, ихъ брали на настоящую охоту, и часто самъ царь «пробовалъ» вновь выношенныхъ кречетовъ, наблюдая за ихъ первыми подвигами, отмѣчая число ихъ ставокъ и восторгаясь тѣми изъ нихъ, которые оказывались подающими большія надежды. Удаля кречетовъ познавалась ставками. Ставкою называется взлетъ сокола на высоту, откуда онъ стремглавъ кидается на свою добычу и если не попадетъ, то взлетаетъ въ другой и въ третій разъ, пока, ринувшись съ высоты, ни «заразитъ» (поразитъ) птицу. Лучшие кречеты какъ бы играютъ со своею добычею, не бьютъ ее со второй или третьей ставки, а дѣлаютъ ихъ цѣлыми десятками. Чѣмъ крутѣй ставки, чѣмъ выше верхъ, на который вздымается соколъ, чѣмъ стремительнѣй ударъ его, тѣмъ больше прелесть соколиной охоты. Соколъ необыкновенно красивъ, когда онъ съ поразительной, почти неуловимой для глазъ быстротой «падаетъ» на добычу. Соколиная охота по преимуществу благородная охота. Тутъ дѣло идетъ не о добычѣ, не о числѣ затравленныхъ гусей или утокъ, тутъ охотники наслаждаются рѣзвостью и красотою соколиного полета, силой удара и «верхами», до которыхъ всходитъ соколъ. У каждого сокола есть свой «верхъ», своя обычная высота, на которую онъ обязательно всходитъ прежде чѣмъ бросится на добычу. Соколы съ «великимъ верхомъ» поднимаются въ поднебесьѣ такъ высоко, что для простого глаза кажутся едва примѣтной точкой, и чтобы не упустить его изъ глазъ, нужно напрягать зрѣніе до крайней степени. Алексѣй Михайловичъ особенно любилъ и цѣнилъ такихъ кречетовъ и съ наслажденіемъ истиннаго знатока любовался ими, когда, едва развернувъ крылья, легкими и изящными взмахами, соколы взбирались все выше и выше, купаясь и какъ бы утопая въ воздухѣ.

При охотѣ съ соколами на «чернь» (галокъ, воронъ и грачей) и на другихъ птицъ, соколамъ позволяли бить птицу «въ угонъ» и «въ подлетъ», т.-е. не дѣлая ставокъ и не достигая верховъ. На

13*

дикихъ утокъ соколиная охота производилась «на водахъ» и обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ:

Когда царская охота приближалась къ водамъ, гдѣ предполагались дикія утки, сокольники съ ловчими птицами отправлялись на другую, противоположную отъ царя, сторону и съ такимъ расчетомъ, чтобы стать противъ вѣтра и лицомъ къ водѣ. Мѣсто для царя, «гдѣ пристойно ему у воды стоять», конечно, заранее намѣчалось распорядителемъ охоты. Сокольники спускали одного изъ соколовъ — «откидывали» его, а сами садились на лошадей. Тогда царь подходилъ къ водѣ ближе, «чтобы мочно было видѣть». Какъ только соколъ «сталъ въ лету», т.-е. достигъ своего верха, къ царю приѣзжалъ сокольникъ и докладывалъ, что «соколъ сталъ въ лету и ждетъ убою», и спрашивалъ государя, не будетъ ли приказано «гнать», т.-е. такъ или иначе спугивать дичь съ воды и заставить ее летѣть. Дичь спугивали съ мѣста или при помощи *тулумбаса* — бубна, по которому ударяли *воцной* — короткой палкой съ прикрѣпленнымъ къ ней на толстомъ ремнѣ деревяннымъ шаромъ, или же при помощи особыхъ манковъ и дудочекъ. Какъ только дичь была на виду, пускали сокола, и государь подвигался къ водѣ еще ближе, чтобы «видѣть было гораздо» всѣ подробности красной охоты. Когда утка была поймана, сокольникъ докладывалъ царю, жива ли она, и спрашивалъ, не слѣдуетъ ли ее отдать соколу «потѣшиться», или нужно отнять ее у сокола. Если на водѣ еще оставались утки, то спускали второго сокола, потомъ третьяго, а если утки поднимались и улетали сразу всѣ, то или прекращали охоту, или переходили къ другимъ мѣстамъ. По окончаніи охоты ловчихъ птицъ кормили тутъ же, на полѣ или у воды, «мало чтобы сыты были»; затѣмъ, царю подносили особо отличившагося сокола вмѣстѣ съ добычей, и государь любовался удалцомъ — соколомъ и ласкалъ его. При травлѣ гусей, сокольники настораживали все свое вниманіе, такъ какъ эта охота не безопасна для сокола: когда соколъ вы-

А. Амориш з.

шибеть одного гуся изъ стаи и опустится на него, или свалится съ нимъ на землю, то вся стая гусей бросается къ погибающему товарищу, и если сокольникъ не подоспѣетъ, то гуси крыльями и носами не только изуродуютъ, но даже забьютъ сокола до смерти. Во время охоты съ соколами случались иногда досадныя для охотника приключенія: бывало такъ, что кречеть, до-

бывъ птицу, «учнетъ валяться съ ней на землѣ» и, сильно насытившись, станетъ уже неспособнымъ на

этотъ день къ дальнѣйшей охотѣ; другой, своенравный и отбойчивый, взмоетъ и «утечетъ», и искать его приходилось далеко отъ мѣста охоты, разсылая во всѣ стороны конныхъ сокольниковъ и гонцовъ; но еще обиднѣе было для охотничьяго сердца, когда соколь «не слѣзалъ», т.-е. былъ не въ силахъ сдѣлать сильный ударъ сверху. Въ предупрежденіе этихъ досадныхъ случайностей соколовъ наканунѣ охоты тщательно къ ней готовляли; осматривали ихъ и убѣждались, здоровы ли они и «смѣтали-ли», т.-е. скинули ли погадку, и тѣхъ, которые погадки не скинули, на охоту, какъ недостаточно здоровыхъ, не брали. Сильныхъ и рѣзвыхъ кречетовъ кормили вполсыта, чтобъ они не выиграли, а утомленныхъ вынашиваніемъ или отъ природы

не сильныхъ кормили досыта, а иначе они могли бы осрамиться — «не слѣзть». Предъ большими и торжественными царскими охотами въ теченіе нѣсколькихъ дней устраивались пробныя охоты съ соколами, при чемъ участвовала вся соколиная охота въ полномъ составѣ ⁹⁵).

Большія и торжественныя соколиныя охоты отличались особеннымъ блескомъ и роскошью, потому что какъ охотники, такъ и ловчія птицы наряжались въ парадныя одежды и уборы. Для ловчихъ птицъ имѣлся свой нарядъ: для обыкновенныхъ охотъ употреблялся нарядъ «полевой» изъ хорошихъ, но простыхъ матерій и безъ особыхъ украшеній; напротивъ, нарядъ парадный изготовлялся изъ дорогихъ матерій, шелка и бархата, а украшения къ нему были изъ золота, серебра, жемчуга и другихъ драгоценныхъ камней. Кромѣ случаевъ большихъ царскихъ охотъ, ловчія птицы убирались въ парадный нарядъ при посылкѣ ихъ въ подарокъ иноземнымъ властелинамъ, и въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ родѣ описаннаго Майербергомъ предъявленія кречетовъ иностранцамъ для обозрѣнія.

Составными частями наряда царскихъ ловчихъ птицъ описываемой эпохи были слѣдующія принадлежности: *клобучекъ*, *нафудникъ*, *нахвостникъ*, *обножи* (иначе называвшіяся обносками, ногавками, опутами или опутинами), *сильца*, *должикъ* и *колокольцы*.

Назначеніе *клобучка* — закрывать птицѣ глаза. Это былъ колпачекъ, надѣвавшійся черезъ голову и затягивавшіяся сзади ремешкомъ, при чемъ для клюва птицы оставлялось отверстіе. Собственно глаза закрывались у ловчей птицы тою спеціальною подвижною частью *клобучка*, которая именовалась *совкою*. *Клобучки* изготовлялись изъ бархата червчатого, низаннаго жемчугомъ; иногда между жемчугомъ «процвѣчивалось» шелками зеленымъ и лазоревымъ; дѣлались *клобучки* и изъ атласа; были также *клобучки* «гзовые», т.-е. сафьянные, шитые золотомъ и серебромъ. Атласъ и бархатъ на *клобучки* шелъ дорогой венеційскій, персидскій и турецкій, золотнаго цвѣта,

иногда совершенно бѣлый, или же алый; на бархатномъ полѣ вышивались тканью изъ золота и серебра различныя травы и репы, при чемъ иногда репы вышивались серебромъ, а травы цвѣтнымъ шелкомъ. На подкладку къ клобучкамъ шла камка червчатая и червчатая тафта или иногда мелкотравчатая камка. Для стачки клобучковъ употреблялось пряденое золото и серебро и различные шелка. «Отыкались» клобучки цѣвками (моточками) золота. Непремѣнною принадлежностью клобучка являлись «задержки» — завязки клобучка; задержки были золотныя, въ видѣ шнура, тканнаго изъ золота и серебра съ шелками; въ полевыхъ клобучкахъ задержки дѣлались простыя ременные.

Нагрудники и нахвостники, какъ показываютъ самыя названія, были наряды, покрывавшіе грудь и хвостъ ловчихъ птицъ. Для охоты эти части наряда не имѣли никакого значенія, но онѣ служили для украшенія птицъ и, подобно клобучкамъ, дѣлались изъ дорогого бархата, низаннаго жемчугомъ «въ перье», т.-е. перистообразнымъ узоромъ; на подкладку ихъ шла также червчатая камка.

Обносцы, о значеніи которыхъ было говорено уже, представляли собою онучки, шириною въ большой палецъ, которыми обертывались просторно, въ однурядъ, ноги ловчей птицы. Полевыя онучки дѣлались кожаныя или суконныя и подшивались тонкимъ и легкимъ суконцемъ, а парадныя приготовлялись изъ дорогого бархата яркихъ цвѣтовъ или изъ шелка и атласа; по яркому желтому, рудожелтому или голубому фону вышивались золотомъ и серебромъ и низались жемчугомъ; сафьянныя обножки имѣли шитье изъ волоченаго золота; подкладка обносцевъ, по большей части, дѣлалась бархатная или изъ червчатой тафты.

«*Сильце*», по всей вѣроятности, было шнурочекъ или тесемочка, повязывавшіеся поверхъ обножекъ; оно служило для прикрѣпленія кольца, черезъ которое продѣвался должикъ. *Должикъ* же — это тонкій ремень или шнурокъ, длиною въ полсажени и болѣе, наглухо

зоркѣ днѣрѣ ровнѣ
 зоркѣ брѣкѣ ларѣ днѣрѣ
 ларѣ брѣкѣ зоркѣ ено
 зоркѣ та носѣ неврѣкѣнѣ зѣ
 зоркѣ брѣкѣ зоркѣ днѣрѣ
 зоркѣ брѣкѣ мѣ ерѣ наше
 та зѣ хѣрѣ лѣ тѣнѣ зѣ онѣ мѣ
 брѣкѣ за зѣ днѣрѣ лѣ днѣрѣ лѣ онѣ
 носѣ прѣ нѣ днѣрѣ лѣ онѣ рѣкѣ брѣкѣ
 мѣкѣ изѣ зорѣ брѣкѣ наше тѣнѣ
 лѣрѣ охѣ мѣрѣкѣ днѣрѣ

днѣрѣ зѣ зѣ зѣ

Соосветоричное тарабарское письмо Царя Алексея Михайловича къ стольнику
 и московскому ловчему А. П. Матюшкину.

однимъ концомъ пришитый къ охотничьей рукавицѣ, другой его конецъ продѣвался черезъ колечко у обножей и держался въ рукахъ сокольникомъ: когда нужно было птицу снискать съ руки, «откидывать», сокольникъ выпускалъ изъ рукъ свободный конецъ должника, и птица освобождалась сама, какъ бы сдергиваясь съ должника. Чтобы удобнѣе было продѣвать должникъ черезъ колечко, онъ снабжался металлическими наконечниками. Должники изготовлялись изъ шелковъ и пряденаго золота и плелись въ видѣ шнура; конецъ, которымъ должникъ прикрѣплялся къ рукавицѣ сокольника, снабжался *кляпышкой*, т.-е. запонкой или застежкой, а на свободномъ концѣ наконечникъ дѣлался изъ кованаго золота или серебра. Сильца также плелись изъ золота пряденаго и шелковъ, а колечки ихъ были или чистаго серебра, или чистаго золота, или серебряныя вызолоченныя. *Колокольцы* дѣлались или изъ серебра, или изъ мѣди. Колокольцы привязывались къ хвосту птицы, именно къ среднему перу хвоста, или же прикрѣплялись у обножей. По звуку колокольца, имѣвшаго видъ бубенчика, охотникъ могъ слышать, куда отлетѣла птица или гдѣ, спустившись, она запропала. Колокольцы при охотѣ съ соколами были положительно необходимы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда кречеть, нападая съ высоты на дичь, дѣлаетъ ударъ не перпендикулярный, а наклонный; въ такомъ случаѣ онъ сваливается съ добычей за полверсты отъ охотника и болѣе, и колоколець помогаетъ охотнику скоро найти сокола, даже если онъ упадетъ съ дичью въ густую и высокую траву.

Клобучекъ, обносы и нагрудникъ украшались, сверхъ того, кистями кручеными изъ пряденаго золота или серебра и разноцвѣтныхъ шелковъ; головки кистей, называвшіяся «*вотолками*», низались жемчугомъ по червчатому атласу, точно такъ же какъ и «*ворворки*» кисти или подвижныя шарики на шнуркѣ надъ вотолкою кисти. Должикъ, обножи, нагрудникъ и нахвостникъ снабжались *кляпышками*, которые употреблялись вмѣсто пуговицъ или запонъ. *Кляпышки*

обнизывались очень мелкимъ жемчугомъ, а обшивались пряженымъ золотомъ или серебромъ.

Всѣ указанные наряды ловчихъ птицъ изготовлялись специальными мастерами въ Государевой Мастерской палатѣ; цѣнность наряда согласовалась съ достоинствомъ птицы, для которой онъ предназначался, и обыкновенно кречеты — царскіе любимцы — блистали золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями и переливали всѣми цвѣтами радуги. Относительно колокольцовъ слѣдуетъ сказать, что, въ Москвѣ, повидимому, ихъ не дѣлали, а выписывали изъ чужихъ краевъ. Въ 1658 году Виленскому воеводѣ кн. Шаховскому приказано было купить въ Вильнѣ 2000 мѣдныхъ колокольцовъ и выслать въ Москву «не замотчавъ», а если готовыхъ въ продажѣ не окажется, приказать слѣлать по образцамъ, присланнымъ съ Москвы. Воевода созвалъ въ сѣзжую избу виленскихъ купцовъ, показалъ имъ образцы и спросилъ ихъ, есть ли у нихъ такіе колокольцы, и есть ли въ Вильнѣ мастера, умѣющіе ихъ дѣлать? Купцы отвѣчали, что ни колокольцовъ нѣтъ у нихъ, ни мастеровъ въ Вильнѣ такихъ нѣтъ, «а привозили де прежь сего такіе колокольцы изъ Королевца (нынѣ Кенигсбергъ) и то небольшое». Воевода тотчасъ же отправилъ человѣка въ Королевецъ, и тотъ закушилъ тамъ 1818 разныхъ колокольцовъ, примѣняясь къ присланнымъ образцамъ; купленные колокольцы немедленно были препровождены въ Москву.

Заканчивая рѣчь о птичьихъ нарядахъ, интересно отмѣтить то обстоятельство, что ястребыи наряды почему-то никогда не украшались жемчугомъ, который столь щедро низался по нарядамъ другихъ птицъ ловчихъ ⁹⁶).

Цѣнность парадныхъ птичьихъ нарядовъ, въ особенности когда они украшались драгоценными каменьями, была, вѣроятно, очень высока. Если прибавить къ этому, что сами птицы и ихъ содержаніе стоили дорого, что много расходовъ требовалъ штатъ служащихъ при соколиной охотѣ, что на это удовольствіе приходилось затрачивать

массу напряженного труда, хлопотъ и безпокойства, то станетъ вполне понятнымъ, почему послѣ Алексѣя Михайловича соколиная охота пришла въ упадокъ и въ полное почти забвеніе. Нужна была исключительная страсть къ соколиной охотѣ, чтобы поставить и обставить ее съ такою роскошью, блескомъ и великолѣпіемъ, съ такимъ удивительнымъ знаніемъ всѣхъ подробностей, какъ это было при Алексѣѣ Михайловичѣ, но такой страсти у преемниковъ его не было, и время «славной и красной птичьей потѣхи» прошло и кануло въ вѣчность съ кончиной «тишайшаго» царя, великаго охотника ⁹⁷).

Съ кончиной Алексѣя Михайловича, на ряду съ соколиной охотой, постепенно приходятъ въ упадокъ и царскія звѣровыя потѣхи. Это было время ихъ послѣдняго расцвѣта. Возстановленные Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1619 году, когда по его указу отбирались, какъ мы знаемъ, медвѣди у частныхъ лицъ въ сѣверной «медвѣжьей» сторонѣ, медвѣжьи потѣхи за весь рассматриваемый періодъ устраивались весьма часто, то какъ самостоятельное развлеченіе, то въ видѣ прибавленія къ охотѣ, для которой онѣ иногда служили какъ бы заключеніемъ. Характеръ и формы звѣровыхъ потѣхъ остаются тѣ же, что и въ предшествовавшіе вѣка. На двухъ потѣшныхъ дворахъ, находившихся въ с. Коломенскомъ и въ с. Семеновскомъ, а равно и въ Измайловскомъ звѣринцѣ, содержалось большое число медвѣдей «дворныхъ», т.-е. прирученныхъ и выдрессированныхъ, гонныхъ и дикихъ; кромѣ того, для потѣхъ, по главнымъ образомъ для травли и боевъ, медвѣди поставлялись прямо изъ лѣса. Медвѣжьи увеселенія устраивались обыкновенно въ Кремлѣ «на дворцѣ», т.-е. гдѣ-либо на нижнемъ подѣ горою, или на заднемъ государевомъ дворѣ близъ палатъ патриарха. Иногда государи тѣшились на псарномъ дворѣ, гдѣ удобно было травить медвѣдей собаками. По временамъ медвѣжьи потѣхи справлялись въ загородныхъ дворцахъ, а во время царскихъ походовъ — довольно часто въ селахъ: Покровскомъ-Рубцовѣ, въ Хорошевѣ и въ Гошинскомъ.

14*

Въ документахъ этого времени мы не находимъ прямыхъ указаній на то, устраивалась ли для царей медвѣжья «потѣха» въ собственномъ смыслѣ, т.-е. представленіе, дававшееся поводчиками съ учеными медвѣдями и сопровождавшееся шутками, прибаутками и пригочами, по бѣльшей части, нескромнаго, а иногда и прямо непристойнаго содержанія. Быть-можетъ, къ этому времени вкусъ къ подобнымъ представленіямъ успѣлъ пройти и исчезнуть, по крайней мѣрѣ, у самихъ государей. Зато другіе виды медвѣжьей потѣхи — борьба, бой съ дикими медвѣдями и травля ихъ собаками — были очень любимы обоими первыми царями изъ дома Романовыхъ. Борьба устраивалась обыкновенно съ медвѣдями «дворными»; устраивалась съ ними и иная потѣха: ихъ «дразнили», бѣгая предъ ихъ глазами и беспокоя ихъ барабаннымъ боемъ; раздраженный медвѣдь старался настичь и, такъ сказать, поучить тревожащаго его охотника, а тотъ ловко отъ него увертывался. Впрочемъ, исходъ борьбы и указанной потѣхи часто былъ не въ пользу охотниковъ побороться съ медвѣдемъ; медвѣди частенько драли смѣльчакамъ зипуны, кафтаны и штаны; нерѣдко изъянъ былъ и еще существеннѣй: медвѣди «ломали» и «мяли» смѣльчаковъ, «извѣдали» имъ руки и головы, «выламывали зубы», портили губы и глаза, словомъ, наносили имъ неслучайныя поврежденія; но нужно сказать, что въ документахъ этого времени мы не встрѣчаемъ ни одного случая медвѣжьей потѣхи со смертельнымъ исходомъ борьбы для участвовавшихъ въ ней лицъ. Еще опаснѣе были, по возможнымъ послѣдствіямъ, бои съ медвѣдями. Они устраивались почти исключительно съ дикими медвѣдями, или съ мало обжизнившимися на потѣшныхъ дворахъ, или же со взятыми прямо изъ лѣса. Бойцы выступали противъ медвѣдей съ одними вилами, какъ и прежде, и нужно было много имѣть силы, самообладанія и ловкости, чтобы, не упустивъ лучшаго момента, посадить звѣря на вилы. Это была борьба прямо-таки страшная, это было зрѣлище, которое могли выносить только надежные первы люди XVII вѣка.

Травили дикихъ медвѣдей собаками крупныхъ породъ — волко-давами и «британами», т.-е. бульдогами. Каждый годъ на масляной недѣлѣ устраивалась травля и медвѣжья потѣха для всенароднаго увеселенія на Москвѣ рѣкѣ, на льду ⁹⁸). Впрочемъ, въ этомъ случаѣ травили и другихъ звѣрей: волковъ и лисицъ. Рейтенфельсъ, самъ видѣвшій это зрѣлище, отзывается о немъ, какъ объ очень забавномъ: собаки и медвѣди не могли крѣпко держаться на ногахъ, скользили и падали на ледъ, къ большому удовольствію глазѣвшей толпы народа.

Сколько можно судить по документамъ, — постоянныхъ, такъ сказать, штатныхъ бойцовъ и борцовъ съ медвѣдями при потѣшныхъ дворахъ государевыхъ не было. Боролись и бились съ ними добровольцы, большею частію, правда, принадлежавшіе къ чинамъ охоты. Кто чувствовалъ въ себѣ силу, удалъ и задоръ, тотъ и шелъ помѣряться съ медвѣдемъ, снискать себѣ царское вниманіе и лестную молву въ народѣ. Однихъ манило на борьбу корыстное желаніе получить обычную награду, другихъ влекло къ ней желаніе славы и успѣха, а третьихъ — просто богатырская сила и молодецкая удалъ, не вѣдающая страха, не боящаяся смерти, потому что на міру — на глазахъ царя и народа — иному смѣльчаку и смерть красна. Вотъ почему въ ряду бойцовъ и борцовъ мы встрѣчаемъ въ этотъ періодъ людей различнаго положенія. Бились и боролись съ медвѣдями: князья (Гундуровъ), боярскіе сыны, жильцы; чины охотъ царскихъ — звѣровщики, псовники, пѣшіе и конные исары, охотники ловчаго пути, птичьи стрѣлки; царская прислуга — конюхи, постельные истопники и сторожа, полключники; выходили на бой стрѣльцы; частные и, можетъ-быть, случайно попавшіе въ Москву люди — какіе-то нижегородецъ и черкашенинъ (малороссъ); люди боярскіе: Морозова, кн. Черкаскаго и ловчаго Леонтьева, при чемъ среди этихъ борцовъ одинъ былъ слѣпой — человекъ кн. Черкаскаго, по имени Андрей; наконецъ, въ ряду борцовъ и бойцовъ упоминается также одинъ заѣзжій самоѣлъ съ Канина Носа ⁹⁹).

Бойцы и борцы съ медвѣдями получали изъ казны обычную награду, въ видѣ англійскихъ суконъ и другихъ матерій на платье. Размѣръ и цѣнность этихъ наградъ оставались прежніе и колебались отъ 2 до 3 рублей, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ стоимость подарковъ достигала 8—11 рублей. Если смѣльчаковъ не устрашала опасность и не смущала ничтожность награды, то нужно согласиться, что эти, дикія по нашимъ понятіямъ, забавы были во вкусѣ своего времени и отвѣчали уровню умственного и эстетическаго развитія тогдашняго общества. За это говоритъ и тотъ фактъ, что существовала особая профессія медвѣжьихъ поводчиковъ, ходившихъ по городамъ и забавлявшихъ простой народъ медвѣжьей выучкой и прибаутками, безъ сомнѣнія, скабрзнаго содержанія, такъ какъ отъ 1657 г. дошла до насъ грамота Ростовскаго митрополита Іоны, въ которой онъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, запрещаетъ своей паствѣ принимать въ свои дома поводчиковъ съ медвѣдями ¹⁰⁰).

Помимо медвѣжьей потѣхи, для государей устраивалась также потѣха львиная. Львы, какъ мы знаемъ изъ I т., впервые появились при дворѣ русскихъ государей при Θεодорѣ Іоанновичѣ, и, вѣроятно, тогда же былъ устроенъ для нихъ особый львиный дворъ, находившійся, какъ говоритъ Забѣлинъ, у Китай-Городской стѣны, гдѣ теперь губернскія присутственныя мѣста. Извѣстны за этотъ періодъ два случая львиной потѣхи: въ 1618 г. тѣшилъ государя Михаила Θεодоровича дрессированнымъ львомъ, вывезеннымъ изъ Кизильбашъ (т.-е. Персіи), рязанецъ Гришка Ивановъ, а въ 1648 г. при Алексѣѣ Михайловичѣ со львомъ выходилъ на медвѣжьей потѣхѣ звѣровщикъ Сила Зерцаловъ ¹⁰¹).

При Михаилѣ Θεодоровичѣ появилась и другая рѣдкая потѣха: приведены были слоны, которыми и тѣшилъ государя въ 1625 и 1626 гг. арапъ Тчанъ Ивраимовъ. Дальнѣйшая судьба этихъ слоновъ неизвѣстна ¹⁰²).

Кромѣ того, иногда устраивались для царскаго удовольствія бѣга сѣверныхъ оленей, на которыхъ ѣздили самоѣды, пригонявшіе ихъ въ Москву, какъ кажется, въ видѣ обычной дани царю отъ самоѣдскаго населенія. Бѣга происходили на царскомъ дворѣ, тамъ же, гдѣ и медвѣжьи потѣхи ¹⁰³).

Глава III.

Внутреннее устройство царских охотъ въ XVII вѣкѣ.

о внутреннему устройству царская охота при царяхъ Михаилѣ Теодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ распадалась, какъ и прежде, на два большіе отдѣла, сохранившіе за собою старинное названіе путей — сокольничьяго и ловчаго. Несмотря на огромную важность, какую охота имѣла въ обиходѣ тогдашней жизни, для исключительнаго завѣдыванія дѣлами царскихъ охотъ не существовало specialнаго органа или особаго учрежденія. При Михаилѣ Теодоровичѣ вся царская охота состояла при конюшенномъ приказѣ,

а дѣла, касавшіяся личнаго состава царскихъ охотъ, вѣдались приказомъ Большаго дворца. При Алексѣѣ Михайловичѣ, съ учрежденіемъ приказа Тайныхъ Дѣлъ, завѣдываніе дѣлами охоты распредѣлилось между нѣсколькими приказами. Любимая государева лѣтняя потѣха, т.-е. соколиная охота, вся цѣликомъ перенѣла въ вѣдѣніе приказа Тайныхъ Дѣлъ, гдѣ сосредоточены были и разбирались, подъ личнымъ руководствомъ самого царя, государственныя дѣла первой важности и дѣла, касавшіяся лично особы государя. Зимняя потѣха, т.-е. звѣровая охота, вѣдалась попрежнему Кошюшнымъ приказомъ. Охота промысловая, связанная съ ясакомъ, состояла въ завѣдываніи двухъ приказовъ: Сибирскаго и Казанскаго дворца ¹⁰⁴).

Непосредственное завѣдываніе царскими охотами, въ административномъ и техническомъ отношеніяхъ, исключая хозяйственнаго, возлагалось на особыхъ лицъ, избравшихся лично государями изъ среды людей, къ нимъ приближенныхъ и пользовавшихся полнымъ царскимъ довѣріемъ. Приблизительно до 1620—1621 г. каждый изъ двухъ отдѣловъ царской охоты имѣлъ своего отдѣльнаго начальника и руководителя: птичьєю охотою завѣдывалъ сокольничій съ помощникомъ, называвшимся подсокольничимъ, а звѣровою охотою распоряжался ловчій московскаго пути. Послѣ 1620 г. обѣ эти должности замѣщаются однимъ лицомъ — ловчимъ московскаго пути, и званіе сокольничаго упраздняется, хотя должность и званіе подсокольничаго продолжаютъ существовать и послѣ этихъ перемѣнъ. Мы знаемъ, что и въ прежнія времена относительно двоеначалія въ области охотъ существовало колебаніе, и должности сокольничаго и ловчаго то разъединялись, то вновь сливались, что, должно полагать, вносило нѣкоторый беспорядокъ въ управленіе охотами, лишая распоряженія по охотѣ должнаго единства и согласованности, и, вѣроятно, порождало обычныя по тѣмъ временамъ раздоры и споры мѣстничества. Ближайшіе поводы къ упраздненію должности сокольничаго остаются, впрочемъ, неизвѣстными. Пока въ области управленія царской охотой

существовало двоеначаліе, соколиною охотою съ 1613 до 1621 г. завѣдывалъ думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пункинъ ¹⁰⁵), а звѣровою — Григорій Григорьевичъ Маматовъ. Въ современныхъ документахъ Маматовъ неизмѣнно называется «Тверскимъ ловчимъ», но уже съ 1618 г. фактически завѣдываетъ царскими звѣровыми охотами въ московскомъ пути, устраиваетъ ихъ и сопровождаетъ царя Михаила Ѳеодоровича въ его охотничьихъ поѣздкахъ и богомольныхъ «походахъ», словомъ, дѣйствуетъ, какъ настоящій московскій ловчій. Намъ думается, что, устраивая свою охоту по старинѣ, какъ прежде водилось, Михаилъ Ѳеодоровичъ имѣлъ намѣреніе возстановить и должности провинціальныхъ ловчихъ и въ этихъ видахъ назначилъ Маматова ловчимъ тверского пути. Но до смутнаго времени у провинціальныхъ ловчихъ было и прямое дѣло, и дѣйствительныя права: они завѣдывали промысловою охотою на царскихъ угодьяхъ въ томъ или другомъ «пути», устраивали зимнюю потѣху для царей, когда послѣдніе пріѣзжали въ ихъ «путь», и за это получали во владѣніе слободы, деревни и пустоши. Къ началу XVII в. промысловыя царскія охоты приходятъ въ упадокъ сначала отъ внутреннихъ, естественныхъ причинъ, а затѣмъ, смутное время еще сильнѣе разстроило ихъ и свело на нѣтъ, какъ это и обнаружилось при назначеніи Маматова въ тверскіе ловчіе. Въ 1618 г., вскорѣ послѣ своего назначенія въ ловчіе тверского пути, Маматовъ былъ государю челомъ, «что тверская царская слободка отъ ли . . . (литовскаго) . . . разоренья и отъ пожару . . . (въ конецъ) . . . запустѣла, а деревни въ раздачѣ, а пустоши заросли лѣсомъ», почему онъ и просилъ государя пожаловать ему, вмѣсто пустошей и деревень, которыми владѣли прежніе тверскіе ловчіе, кашинскую царскую слободку. Челобитые его было уважено ¹⁰⁶); однако, сохраняя за собой званіе тверского ловчаго, Маматовъ на самомъ дѣлѣ остался ловчимъ московскаго пути. Фактъ этотъ указываетъ, что въ XVII в. уже не было дѣйствительной нужды въ мѣстныхъ органахъ и учрежденіяхъ по завѣдыванію царскими

15*

охотами въ провинціи; да и въ документахъ нѣтъ указаній на существованіе подобныхъ учрежденій. Весьма вѣроятно, что дѣла, касавшіяся царскихъ охотъ въ провинціи, вошли постепенно въ кругъ общихъ дѣлъ, повѣдомственныхъ мѣстнымъ административнымъ властямъ.

Въ качествѣ московскаго ловчаго Маматовъ дѣйствовалъ приблизительно до 1621—1622 г. После этого времени, до 1635 г. включительно, должность ловчаго оставалась, повидимому, незамѣщенной, а царскими охотами завѣдывалъ одинъ изъ чиновъ ловчаго пути, Тимоѳей Ивановичъ Усовъ; какую онъ занималъ должность въ охотничьей іерархіи, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ это былъ не рядовой охотникъ, а, по меньшей мѣрѣ, начальник¹⁰⁷⁾. Въ 1635 г. въ московскіе ловчіе «сказанъ» Иванъ Осодоровичъ Леонтьевъ¹⁰⁸⁾; въ 1649 г. преемникомъ ему былъ назначенъ Аѳанасій Сафроньевичъ Заболонкинъ, ходившій въ ловчихъ до 1655 г.¹⁰⁹⁾. Съ 1655 г. и до конца разсматриваемаго періода должность ловчаго съ честью занималъ достопамятный въ исторіи охоты стольникъ и другъ царя, бояринъ Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ¹¹⁰⁾. Ближайшими помощниками Матюшкина, какъ уже говорено, были: Петръ Семеновичъ Хомяковъ, занимавшій должность подсокольничаго, и стольникъ Василій Яковлевичъ Голохвастовъ. Занималъ ли Голохвастовъ какое-либо офіціальное положеніе при охотѣ, сказать съ увѣренностью не беремся, хотя можно предполагать, что онъ былъ начальникомъ семеновскаго потѣшнаго двора; во всякомъ случаѣ роль и вліяніе Голохвастова въ области царской охоты были почти такъ же значительны, какъ и боярина Матюшкина: ему самимъ царемъ сообщались слѣдующія Матюшкину царскія распоряженія по охотѣ¹¹¹⁾.

Въ непосредственномъ распоряженіи ловчаго и въ полномъ ему подчиненіи состоялъ многочисленный служебный персоналъ звѣровой и птичьей охотъ и прочія лица, по занятіямъ связанныя съ охотою. По отдѣлу звѣровыхъ охотъ упоминаются слѣдующіе чины: *охотники ловчаго пути, псовники, псары конные и тѣніе, выжлятники, приказчики*

И. А. М. К. Ш. З.

*борзыхъ собакъ (приказчики царские),
крышныя приказчики, наварщики,
звѣровыя охошники, звѣровщики, мед-
вѣдчики и слоновщики. По отдѣлу
птичьей охоты: сокольники ловчїе,
крещеники, сокольники, ясиребники,
помышчики, пишчы сирѣлки, наконецъ, «состоящіе при крещаннѣ» и
клубучечныя мастера при крещаннѣ.*

Кромѣ указанныхъ чиновъ, къ составу служившихъ при царской охотѣ принадлежали *охошныи сторожа* и *конюхи* разныхъ наименованій, какъ-то: *стремянныя*, на обязанности которыхъ лежало подводить царю и принимать изъ-подъ него коня, *задворныя*, завѣдывавшіе провіантомъ лошадей, и *сирячїе*, на которыхъ лежалъ уходъ за лошадьми, каретами, санями и сбруей. Затѣмъ, къ составу администраціи царскихъ охотъ принадлежали также *подъячїи* и *лькарь поштѣнаго двора*; послѣдній съ окладомъ содержанія по 5 руб. въ мѣсяцъ. Въ числѣ чиновъ ловчаго пути имѣлись *пирубишки* и *сирначи* и *пакраччи*, прямое свидѣтельство о которыхъ относится къ 1630 г. (Дворц. Раз., т. II, стр. 135, 137 и 200).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ административномъ и техническомъ отношеніяхъ царская охота XVII в. была организована прочно и цѣлесо-

образно; но возстановить всѣ подробности этой организаціи, по отрывочности и скудности данныхъ, нѣтъ возможности. Разбираясь въ тѣхъ данныхъ, которыя сохранились относительно организаціи охотъ въ различныхъ документахъ, можно усмотрѣть двѣ главныя черты, характеризующія старинную организацію охотъ. Во-первыхъ, какъ и всякое сложное дѣло, она возникла не вдругъ, но развивалась постепенно, и, по мѣрѣ нужды, въ видахъ раздѣленія труда и успѣшности всего охотничьяго дѣла, въ составѣ царскихъ охотъ возстановлялись старыя и образовывались новыя должности; для примѣра отмѣтимъ, что псарные и корытные приказчики появляются не ранѣе 1620 г., наварщики — съ 1644, а выжлятники и еще позднѣе — съ 1663 года. Во-вторыхъ, въ тогдашней организаціи охотъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, когда во главѣ ея стоялъ и властвовалъ единолично ловчій, строго было проведено начало іерархическаго подчиненія: служившіе дѣлились на начальныхъ и рядовыхъ; послѣдніе подчинены были и дѣйствовали по указанію первыхъ, а первые руководились непосредственными распоряженіями ловчаго; сообразно съ этимъ, распредѣлялась и служебная отвѣтственность, и при унущеніяхъ сильнѣе платился тотъ, кто выше былъ поставленъ, у кого больше было власти и правъ. При многочисленности личнаго состава охотъ и при довольно сложномъ раздѣленіи занятій въ охотничьемъ обиходѣ, такой порядокъ былъ и естествененъ, и цѣлесообразенъ.

Всѣ лица, состоявшія при царской охотѣ, какъ бы ни было незначительно ихъ положеніе, считались на дѣйствительной царской службѣ. Ихъ занятія были не вольнымъ заработкомъ, но именно царской отвѣтственной службой. Ихъ принимали на службу по присягѣ — «крестоцѣлованью», — а въ отпускъ увольняли по очереди. (Письмо Матюшкина къ царю Алексѣю Михайловичу отъ 1650 года, читаемъ «А сокольникъ новой, Мишка Семеновъ, креста не цѣловалъ» (чит. въ общ. истор. и древн. росс. годъ 3, № 5, стр. 139). Приводились къ присягѣ даже конюха, и вотъ что гласитъ «приписъ

къ кресто цѣловальной записи конохомъ стремяннымъ»: «а что пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Росіи, велѣлъ мнѣ, имракъ (имя рекъ), быти на своей государевой конюшнѣ и въ стремянныхъ конюхахъ, и мнѣ Государева, Царева и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Росіи здоровья во всемъ оберегати, и зелья и коренья лихаго въ ихъ государскія сѣдла, и въ узды, и въ войлоки, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полсть санную, и въ коверъ, и въ попонку, и во всякой ихъ Государской конюшенной нарядъ, и въ гриву и въ хвостъ у аргамака, и у коня, и у мерина, и у иноходца, самому не положити и мимо себя никому положити не велѣти»¹¹²). Черезъ извѣстные промежутки времени, посвященнаго службѣ, чины охоты пользовались правомъ отпуска, который характерно назывался тогда «пущеніемъ въ гулящую». Дабы не было ущерба дѣлу, отпускомъ пользовались по заранѣе установленной очереди, и, какъ кажется, на срокъ не свыше одного мѣсяца¹¹³). Персоналъ царскихъ охотъ представлялъ собою довольно замкнутую среду и пополнялся новыми членами изъ среды молодѣжи, принадлежавшей къ семьямъ служащихъ охотниковъ; въ тѣ времена, впрочемъ, почти всякое занятіе было наследственнымъ, и сыновья обычно продолжали занятія своихъ отцовъ, и вотъ почему, на протяжении всего разсматриваемаго періода, въ спискѣ царскихъ охотниковъ много встрѣчается лицъ съ однимъ и тѣмъ же прозвищемъ или фамиліей. Въ исключительныхъ случаяхъ въ составъ царскихъ охотъ принимались охотники, ранѣе служившіе въ частныхъ, боярскихъ охотахъ: въ 1666 г. приняты были на службу три конныхъ исаля и одинъ пѣшій, бывшіе до того времени въ составѣ охоты князя Черкаскаго, и, вѣроятно, то были мастера своего дѣла, потому что ихъ не только приняли, но даже наградили за приходъ¹¹⁴).

Что касается обязанностей, лежавшихъ на отдѣльныхъ чинахъ охоты, то онѣ явствуютъ уже изъ самыхъ названій. Въ этомъ отношеніи по отдѣлу звѣровой охоты свѣдѣній и подробностей имѣется

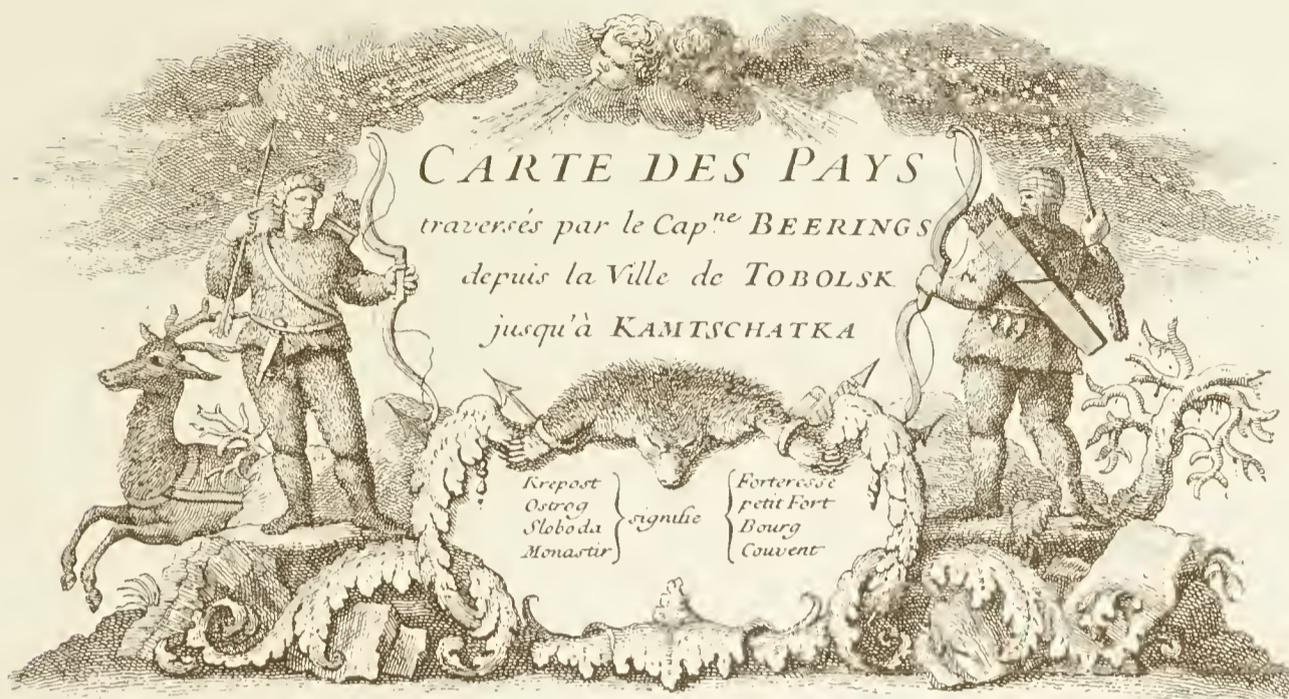
гораздо меньше, чѣмъ относительно охоты соколиной. Изъ второ-степенныхъ чиновъ звѣровой охоты первое мѣсто, безъ сомнѣнiя принадлежало *псовнику*. Въ дѣлѣ устройства звѣровыхъ охотъ, — были ли это «сосныя осоки», или «окладъ волковъ», или охота съ медвѣдями, — псовникъ былъ главнымъ помощникомъ ловчаго; псовникъ заранее изсѣдывалъ мѣста предполагаемой охоты, сыскивалъ звѣря и все подготовлялъ для вѣщаго успѣха охоты. Должность эта, какъ кажется, замѣнялась людьми не простого происхожденiя, но дворянскаго, такъ какъ въ документахъ они именуется съ отвѣтствомъ: *Василъ Оседоровичъ Усовъ, Степанъ Прокофьевичъ Ябедко*. За устройство звѣровыхъ охотъ и личное участiе въ нихъ псовникъ награждался шелковыми матерiями или англiйскими сукнами, въ 4¹, 10⁵ аршинъ, при чемъ цѣна шелковыхъ матерiй стоила до 26 алтынъ съ лишнимъ, сукно — свыше рубля ¹¹⁶⁾.

За псовникомъ стояли *охотники ловчаго пути*. Обязанности эти, сколько можно судить, были существенно тѣ же, что и псыбродовъ и вабельниковъ. Они окладывали звѣря въ осокъ, производили звѣровыя облавы и принимали самое дѣятельное участiе въ ловлѣ лисы и медвѣдей. Новшiному, существовалъ опредѣленный штатъ для этихъ чиновъ охоты, потому что число ихъ съ постоянствомъ колеблется отъ 14 до 20 человекъ. Въ награду охотникамъ ловчаго пути выдавали или англiйскiя сукна, или сукна пастрафицевыя, по добротѣ уступавшiя англiйскимъ. Во всякомъ случаѣ стоимость награды охотникамъ ловчаго пути почти приближалась къ стоимости награды, выдававшiйся псовникамъ ¹¹⁷⁾.

Псаря конныя и пшiе составляли самую многочисленную группу въ составѣ чиновъ парекон охоты — число конныхъ псарей доходило до 70, пшiе до 30. Для ухода за собаками и натаскиванiя ихъ изъ среды псарей назначались особые *выжлятники*, заведывавшiе конными собаками; борзачи собаками заведывали *приказчики борзьихъ собакъ*; *хвостовыя приказчики* заведывали кормъ собакъ; наконецъ *нава*, *пшiи* пор-

В. Васнецовъ
97.

скалы въ лѣсу во время самыхъ охотъ. Судя по числу псарей, можно думать, что въ XVII в. царская псарня была чрезвычайно богата собаками. Конные и пѣшіе псаря получали награду не за каждый отдѣльный охотничій походъ государей, но однажды за цѣлый рядъ охотъ, происходившихъ въ теченіе года. Имъ выдавалось по портищу (кусокъ) сукна, отъ 4 до 5 аршинъ, средняго достоинства, пѣною отъ 1 р. 20 алтынъ до 2 руб. съ полтиной ¹¹⁷).

Звѣровщики, медвѣдчики, звѣровые охотники и конные и пѣшіе псаря, помимо настоящихъ охотъ, принимали самое дѣятельное участіе въ медвѣжьихъ потѣхахъ, травляхъ и бояхъ, и нѣкоторые изъ нихъ на этомъ поприщѣ составили себѣ имя и славу. При царѣ Михаилѣ, особенно знаменитъ былъ пѣшій псарь Кондратій Корчминъ. Въ 1616 году, въ Ноябрь, на большой потѣхѣ на дворцѣ, вмѣстѣ съ семью товарищами, такими же псарями, Корчминъ бился съ медвѣдями, и они на немъ зипунъ изодрали; а въ Декабрь на потѣхѣ его медвѣдь измялъ и платье на немъ ободралъ. Черезъ годъ, 1618 г. въ Январѣ, онъ опять потѣшалъ нарядъ медвѣжьимъ боемъ; въ Февралѣ

1620 г. опять на потѣхѣ бился съ медвѣдемъ. Въ томъ же году, Сентября 11-го, вмѣстѣ съ товарищемъ, тоже псаремъ, тѣшилъ государя на старомъ царевѣ борисовскомъ дворѣ дворными медвѣдями-гонцами. На этой потѣхѣ медвѣдь ему изъѣлъ руку, а товарищу его — голову. Въ Январѣ 1621 г. онъ снова на потѣхѣ съ четырьмя товарищами-псарями; всѣ они бились съ дикими медвѣдями вилами. Въ Февралѣ того же года, на мясной недѣлѣ въ среду, какъ государь тѣшился гончими и дикими медвѣдями, былъ на потѣхѣ и Корчминъ въ девятеромъ съ товарищами; медвѣди драли на нихъ кафтаны. Въ 1622 году, Февраля 28-го, на масленой недѣлѣ въ четвергъ, Корчминъ опять съ братомъ Иваномъ и тремя товарищами-псарями былъ на потѣхѣ, бился съ медвѣдями вилами. Въ Юнѣ 1625 г. онъ тѣшилъ царя тою же потѣхою въ селѣ Рубцовѣ. Въ Ноябрь 1628 года бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами и медвѣдя вилами поставилъ, да онъ же въ селѣ Рубцовѣ предъ государемъ на потѣхѣ убилъ медвѣдя рогатиною, за что и получилъ награду съ прибавкою: 5 аршинъ тафты и 4 аршина сукна. Такимъ образомъ Корчминъ увеселялъ государя, т.-е. ходилъ на медвѣдя въ теченіе десяти лѣтъ, а можетъ-быть и больше, такъ какъ не сохранилось полныхъ погодныхъ записокъ объ этой потѣхѣ.

Другой герой этой потѣхи, конный псарь Алексѣй Меркульевъ, ходилъ на медвѣдя въ теченіе двадцати лѣтъ слишкомъ, съ 1630 г. до 1651 г. Третій псарь Петръ Молчановъ ставалъ на потѣхѣ болѣе тридцати лѣтъ, съ 1620 по 1651 г.; четвертый — Осипъ Молчановъ около 25 лѣтъ. Многіе другіе конные и пѣшіе псаря также не по разу, а много разъ тѣшили государей медвѣжьими боями. Подвигъ медвѣжьяго поля становился иногда достояніемъ цѣлаго рода: таковы были указанные выше псаря царя Михаила: Петръ и Осипъ Молчановы, можетъ-быть, отецъ и сынъ или братья; при царѣ Алексѣѣ отличались на медвѣжьихъ бояхъ сыновья Осипа Молчанова: Матвѣй и Иванъ, а также ихъ родственники: Михаилъ, Любимъ и Оадлей

Молчановы. Славна была также и семья Озорныхъ: отецъ Богданъ Озорной потѣшалъ царя Михаила, а сыновья его, Никифоръ и Яковъ, — царя Алексѣя Михайловича ¹¹⁸).

Внутреннее устройство соколиной охоты въ царствованіе Алексѣя Михайловича представляется въ слѣдующемъ видѣ: всѣ ловчія птицы, находившіяся на царскихъ кречатняхъ, распредѣлены были по «статьямъ». Сколько было такихъ «статей» или отдѣловъ, и сколько птицъ приходилось на каждую статью, объ этомъ судить невозможно, за отсутствіемъ въ документахъ указаній. Во главѣ «статей» стоялъ «начальный» сокольникъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находилось извѣстное число «рядовыхъ» сокольниковъ, крестниковъ и ястребниковъ. Начальному сокольнику такимъ образомъ ввѣрялись здоровье и цѣлость государевыхъ птицъ, поэтому должность начального сокольника была и почетна, и отвѣтственна; поставленіе сокольниковъ въ «начальные» сопровождалось торжественной церемоніей, установленной «урядникомъ сокольничья пути».

«Урядникъ сокольничья пути» написанъ, если не самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, то по его, безъ сомнѣнія, мысли и подъ его редакціей, кѣмъ-либо изъ стоявшихъ во главѣ соколиной охоты; составленъ онъ по случаю пожалованія въ начальные сокольники рядового сокольника Ивана Ярыжкина, но впоследствии, какъ установившійся обрядъ, примѣнялся при каждомъ новомъ назначеніи изъ рядовыхъ въ начальные сокольники. Заимствуя изложеніе «чина» у Забѣлина, опишемъ подробно порядокъ этой любопытной церемоніи.

Прежде всего наряжали, т.-е. убирали, переднюю избу сокольничья пути, т.-е. сокольничаго потѣшнаго дворца, въ которой на первомъ мѣстѣ, въ переднемъ углу, вѣроятно, на лавкѣ, устраивали мѣсто для государя: постилали на лавкѣ коверъ, на которомъ клали сголовье, подушку изъ пуха дикихъ утокъ, для царскаго сѣдалища. Противъ царскаго мѣста, среди избы, устраивали мѣсто для посвященія въ начальные сокольники. Оно называлось *поляново*; подразумѣ-

16*

вали подъ этимъ словомъ поле—главное поприще дѣятельности возводимого въ начальные сокольники. Поле это устраивалось такимъ образомъ: клали на полъ сѣна и накрывали попоною; по угламъ ставили четыре стула для птицъ. На стулья сажали двухъ кречетовъ, самку и самца, и двухъ соколовъ, также самку и самца. Позади «полянова уряжали столъ», на которомъ раскладывали нарядъ птичій:

клубочки, колокольцы, обножцы и долгики,—и нарядъ сокольника: шапку горностайную, рукавицу съ притчами, перевязь (черезъ плечо) съ небольшою бархатною сумкою, шитою золотомъ, въ видѣ райской птицы гамаюна, въ которой хранилось письмо, а въ немъ писано «установленіе, укрѣпленіе, обѣщаніе нововыборнаго», наконецъ, вабило, вшагу, рогъ и полотенце. Около стола стояли чинно рядовые сокольники и держали птицъ; другіе стояли безъ птицъ подлѣ лавокъ; всѣ были одѣты въ лучшія платья.

Урядивъ и устроивъ все по чину, одѣвали нововыборнаго въ новый цвѣтной кафтанъ, жалованный государемъ по случаю торжества, и въ желтые сапоги. Въ этомъ первоначальномъ нарядѣ онъ выходилъ до времени въ другую избу. Когда все было готово, государь входилъ въ избу и садился на своемъ государевомъ мѣстѣ.

Мало повременя, подсокольничій бережно подступалъ къ государю и докладывалъ слѣдующими словами: *«Время ли, юсударь, образцу и чину быти?»* — *«Время. Объявляй образецъ и чинъ»*, отвѣтствовалъ государь. Подсокольничій приказывалъ поднести къ себѣ челига и, «мало поноровя», объявлялъ начальнымъ сокольникамъ: *«Начальные! время наряду и часъ красотъ»*. Тогда сокольники церемоніально наряжали птицу, клали на нее обножцы и должикъ, колокольцы и клубчекъ, а затѣмъ, наряжали въ большой нарядъ, по чину, и остальныхъ птицъ, которыя отдавались въ вѣдѣніе новаго начальнаго сокольника. Снова подсокольничій чинно подступалъ къ государю и докладывалъ: *«Время ли, юсударь, примать и по нововыборнаго посылать и украшеніе уставлять?»* — *«Время»*, отвѣтствовалъ государь: *«примай и посылай и уставляй»*. Возвратясь на свое мѣсто, подсокольничій требовалъ рукавицу, «вздѣвалъ ее тихо и стройно». Потомъ, «поправяся и поучиняся и перекрестя лицо свое, поднималъ челига премудровато и образцовато; подступалъ къ государю благочинно, смиренно, урядно; становился поодаль человѣчно, тихо, бережно, весело и кречета держалъ честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно къ вѣдѣнію человѣческому и ко красотѣ кречетей». Постоявъ мало, онъ посылалъ по нововыборнаго перваго рядового сокольника, молвивъ: *«по юсудареву указу зови нововыборнаго къ юсударской милости; се время чести и части его быти, и часъ приблизился его веселію, чтобъ шель не мышкавъ»*. Посланній отправлялся въ другую избу, гдѣ ожидалъ нововыборный, и передавалъ ему «честныя рѣчи» подсокольничаго, на которыя поставляемый отвѣчалъ: *«Готовъ идти къ юсударской милости, и не по моей мѣрѣ такая его юсударская милость ко мнѣ убогому, холопу его юсудареву: и иду за тобою тотчасъ»*. Посланній шель впередъ одинъ и докладывалъ, что нововыборный идетъ тотчасъ. Мало поноровя, нововыборный подходилъ къ дверямъ передней избы, здѣсь останавливался и посылалъ своего поддатня сказать подсокольничему, что онъ, нововыборный, пришелъ. По

приказу подсокольничаго, нововыборный входилъ въ избу по чину, въ сопровожденіи двухъ старыхъ рядовыхъ сокольниковъ; войдя и ставъ рядомъ, они молились и, затѣмъ, ожидали рѣчи подъячаго. Сокольный подъячій по чину докладывалъ, что нововыборный великому государю челомъ бьетъ. И нововыборный съ товарищами кланялся государю до земли. Затѣмъ, два старыхъ сокольника, по возгласу подсокольничаго, брали нововыборнаго подъ руки и ставили на поляново среди четырехъ птицъ; взявъ отъ него шапку, кушакъ и рукавицы, они отступали въ сторону и становились по бокамъ стола съ нарядами.

Тогда начальные сокольники брали со стола нарядъ: одинъ — шапку горностаиную, другой — рукавицу съ притчами, третій — перевязъ съ сумкой, четвертый — тесьму золотую, а остальной нарядъ брали на руки поддатни нововыборнаго: одинъ держалъ вабило, другой — вацагу, третій — рогъ и четвертый — полотенце. Вслѣдъ за этимъ, мало подождавъ, подсокольничій докладывалъ: *«Время ли, государь, мѣрѣ и чести и укрѣпленію быть?»* — *«Время, укрѣпляй!»*. — Отходя на прежнее мѣсто, подсокольничій возглашалъ: *«Начальные! время мѣрѣ и чести и удивленію быть»*. Сокольники подступали къ нововыборному и обряжали его. Одинъ, начиная съ младшаго, опоясывалъ тесьмою, другой надѣвалъ перевязъ, третій рукавицу съ притчами, а старшій, стоя у наряда, держалъ шапку до указа. Потомъ подступали подначальные нововыборнаго и обряжали его въ остальной нарядъ: къ лѣвому боку прищѣпляли за кольцо вабило, на правый — также за кольцо, вацагу и серебряный рогъ и, наконецъ, привѣшивали полотенце.

Послѣ небольшой паузы, подсокольничій кликалъ подъячаго, который, подступя къ нововыборному и вынувъ изъ сумки — гамаюна письмо, читалъ его громогласно и торжественно. Въ этомъ письмѣ излагались обстоятельства пожалованія, обозначались даруемая нововыборному награды, и въ заключеніе, въ видѣ наказа, объяснялось.

какими добрыми качествами долженъ обладать пожалованный начальный сокольникъ и какъ долженъ исполнять свои новыя обязанности. Здѣсь изображался идеаль премураго, доброхвальнаго, достовѣрнаго охотника, и выражалось обѣщаніе и послушаніе его доброе. Вслѣдъ за симъ, представлялась и отрицательная сторона, всякое дурно, къ которому

могъ уклониться онъ, и которое необходимо влекло за собою немолимый судъ и казнь, точно также, какъ первое вело къ царской милости и жалованью. Но, чтобы нововыборный могъ нагляднѣе себѣ представить и тверже запечатлѣть въ памяти, что добро и что зло, и то, и другое изображено было притчами на рукавицѣ, на которую, въ концѣ рѣчи, предлагалось ему смотрѣть. Притча— это символическій рисунокъ; на рукавицѣ такія притчи могли быть вышиты шелками или золотомъ, или же расписаны красками по матеріи. Не трудно догадаться, какого рода и какого содержанія были притчи на этой рукавицѣ. Безъ сомнѣнія, здѣсь были изображены въ лицахъ не только болѣе существенные обряды пожалованія, но и самыя предметы награды. Это было явное, въ лицахъ изображенное, добро, которое могъ получить новоизбранный за честную и вѣрную службу.

Точно также были изображены пути желѣзные, и въ лицахъ— тюрьма, ссылка и казнь безпощадная,—зло, котораго долженъ ожидать сокольникъ за дурное поведеніе и за дурныя качества. Смотри на эти изображенія, сокольникъ сильнѣе чувствовалъ и глубже проникался содержаніемъ рѣчи, излагавшей его обязанности въ слѣдующемъ видѣ:
„И тебѣ бы, видя нашу юсудареву такую премноую и прецедрую къ себѣ милость, во всемъ добра хощишь отъ вся души своея, и служить и работашь вѣрою и правдою, и шьшишь насъ, великаю юсударя, отъ всею сердца своею, до кончины живота своею, и во всемъ нашемъ юсударевѣ повельнѣи бышь юшову съ радостью, и во всякой правдѣ быть постоянну и тверду и однословну, и отъ всякаю дурна быть чисту, и за нашею юсударевою охотою ходишь прилежно и безскучно, съ радостію и охотою, и подначальныхъ своихъ сокольниковъ любишь какъ себя, и отъ всякой дурости унижать ихъ безъ всякія хитросни, и имъ не потакать, и во всякомъ ихъ плутовствѣ и несповомъ дѣль не покрывать, и бышь къ нимъ любительну и прозну, и во всякомъ непослушаніи ихъ себѣ извѣщаешь на нихъ подсокольничему. И будешь по сему нашему юсудареву указу вся сія исправши съ радостію, и ты отъ насъ, великаю юсударя, иначе пожалованъ будешь. А будешь учнешь быти не охочъ, и не радъшенъ, и во всякомъ нашемъ юсударевѣ дѣль непослушливъ, лънливъ, пьянъ, дуренъ, безобразенъ, и къ подсокольничему и ко всей брань къ начальнымъ сокольникамъ непокоренъ, злословенъ, злозязыченъ, клеветливъ, наносливъ, переговорчивъ, и всякаю дурна исполненъ, и тебѣ не шокмо связану бышь шуты желѣзными или подписану за третью вину, безо всякія пощады, быть сослану на Лену. И будешь хочешь добра найти или зла, смотри на рукавицу, и тамъ явнаю всякаю добра и зла насмотришься, и радоватися начнешь и сумньвашися (обдумывать свои поступки) шанешь. И тебѣ бы, видя нашу юсудареву милость къ себѣ, намъ великому юсударю работашь безъ всякаю збойства (не уклоняясь отъ того, что должно) и лукавства: а милость наша юсударева съ тобою да умножишься“.

Послѣ этой рѣчи, поклонившись государю до земли, новопожалованный сокольникъ говоритъ въ отвѣтъ свою рѣчь такого содержания: *«Готовъ тебѣ, великому юсударю, служить вѣрою и правдою, и обѣщаюся во всякой правдѣ постояненъ и однословенъ быть, и тебя, великаго юсударя, тѣшить, и ѣздить, и радѣть и ходить за твоея юсударвою охотою, до кончины живота своего, кромѣ всякія хитрости»*. Исправя эту рѣчь, новопожалованный кланялся государю до земли дважды, а подъячій, свертѣвъ письмо, клалъ его въ сумку—гамаюнъ.

Теперь наступалъ самый торжественный моментъ обряда, на что указываетъ уже одно употребленіе условнаго, таинственнаго языка. Подсокольничій докладывалъ государю: *«Врели юрь сотьло»*, т.-е., съ пропускомъ нѣкоторыхъ слоговъ въ словахъ, говоритъ: *«Вре(мя) ли, ю(суда)рь, со(верш)ть (дѣ)ло?»* — *«Сшай даръ»*, отвѣчалъ государь: *«С(овер)шай даръ»*. Подсокольничій подходилъ къ новопожалованному весело и дерзостно и провозглашалъ: *«Великій юсударь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, вся Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ тебѣ свою юсудареву охоту отдать члвчю кречатья и иныя птицы; и тебѣ бы ходить за ея юсударвою охотою прилежно, съ радостью отъ всего сердца своего, и хранить ея юсудареву охоту, яко зѣницу ока, безо всякія льности, со всякимъ опасеніемъ, и ея юсударя тѣшить до кончины живота своего безо всякія хитрости»*. Съ послѣдними словами подсокольничій отдавалъ новопожалованному кречета. Тотъ принималъ кречета «образцовато, красовато, бережно; держалъ его честно, смѣло, весело, подправительно, подъявительно къ видѣнію чловѣческому и къ красотѣ кречатьей; стоялъ урядно, радостно, уповательно, удивительно»; и, принявъ кречета, не кланялся, доколѣ не положатъ шапку, потому что шапкою вѣнчалось все дѣло. Мало погодя, подсокольничій снова возглашалъ, обращаясь къ старшему начальному сокольнику: *«Первый начальный (такой-то)! Закръляй юсудареву милость»*. И начальный сокольникъ возлагалъ на пожалованнаго горностаиную шапку, которую тотъ сейчасъ же и

K. N. 96.

снималъ, потому что начальнѣй, надѣвая на него шапку, провозглашалъ слѣдующую рѣчь: *«Бей челомъ государю, на его государской премоной милости и памятуй его государеву такую неизреченную и премоую милость до кончины живота своего и обещанія не позабывай, и послушанія своего не отбывай (не оставляй), и нашего совѣта не отменяй»*. Выслушавъ эту рѣчь, новопожалованный трижды кланялся государю до земли. Потомъ ему подносили по очереди трехъ остальныхъ птицъ, которыхъ онъ, мало подержавъ на рукѣ, возвращалъ своимъ подданнымъ. Когда церемонія приема птицъ оканчивалась, новопожалованный снова билъ челомъ государю. Тогда старшій изъ начальныхъ сокольниковъ бралъ его за руку и ставилъ на начальномъ мѣстѣ, т.-е. ставилъ на первое мѣсто въ ряду сокольниковъ статьи, вручаемой новопожалованному. Здѣсь новопожалованному здравствовали, поздравляли его въ государской милости, подсокольничій и всѣ начальныя и рядовыя сокольники. Послѣ этого, подъячій, по государеву указу, приглашалъ всѣхъ участниковъ торжества къ столу — «наслаждаться по его государской милости». Этимъ чинъ поставленія въ начальныя и заканчивался; государь шелъ въ свои хоромы, провожаемый до воротъ сокольниками, которые на прощанье снова били ему челомъ. Затѣмъ, начиналось уже пиршество, но опять по чину и обряду. Передъ обѣдомъ сокольники снимали съ птицъ большіе наряды и клали на нихъ наряды меньшіе, перемѣняли сами платье и, затѣмъ, кормили соколовъ живымъ мясомъ. Столъ накрывался въ той же избѣ, гдѣ происходилъ чинъ. На столѣ, между прочимъ, клали меньшій кречатій нарядъ, четыре (червонца) золотыхъ, восемь ефимковъ и три «цдороги», значеніе которыхъ опредѣлить довольно трудно, можетъ-быть, это были три полотнища тканой матеріи. Вещи эти полагались на столъ для чина, какъ особый видъ царскаго жалованья: государь повелѣвалъ положить ихъ на столъ, жалующи нововыборнаго. Неизвѣстно также, съ какою цѣлью стояли у стола подданны новопожалованнаго, одинъ съ «древомъ», другой съ «ляс-

17*

ками и съ путами золотыми». Третій поддатень становился возлѣ новопожалованнаго и служилъ ему. За столъ шли и сѣдѣли съ известными церемоніями, при чемъ новопожалованный сѣдѣлъ на второе мѣсто, по лѣвую руку подсокольничаго. «Кречеть-честникъ» также присутствовалъ за обѣдомъ; его держали противъ новопожалованнаго; въ началѣ обѣда на немъ перемѣняли нарядъ также по чину, по статьямъ, при чемъ одѣвалъ кречета уже самъ новопожалованный, а поддатни только подавали части кречатьяго наряда. Перемѣнивъ на кречетѣ нарядъ, новопожалованный возглашалъ, обращаясь къ поддатню: «*Дрыанса*», т.-е., вѣроятно, «д(ай) (к)ры(ло) і(олюби)на(го) (мя)са», потому что поддатень, вслѣдъ затѣмъ, подавалъ крыло голубя, которымъ новопожалованный кормилъ челнга-честника. Потомъ начинался пиръ, прерываемый рѣчами по чину. Но подробности о пирѣ, рѣчахъ и церемоніяхъ во время пира до насъ, къ сожалѣнію, не дошли¹¹⁹⁾. Такова была церемонія поставленія въ начальныя. Самый чинъ, составленный, безъ сомнѣнія, подъ сильнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, казалось, былъ рассчитанъ на то, чтобы произвести на всѣхъ присутствующихъ неизгладимое впечатлѣніе, что вѣрная служба наряду не пропадетъ, а награждается во-очію всѣхъ и самымъ торжественнымъ образомъ. Здѣсь заключалось громадное воспитательное значеніе церемоніи, для насъ не столь уже понятной и ясной.

Кромѣ начальныхъ и рядовыхъ сокольниковъ, въ составѣ соколиной охоты были еще «*сокольники ловчіе*». Ловчій сокольникъ привозилъ ловчихъ птицъ изъ разныхъ краевъ государства и наблюдалъ и руководилъ помытчиковъ при ловлѣ ими соколовъ. Мы знаемъ, что птицъ, ловившихся на сѣверѣ, отвозили на Москву не всѣхъ сразу, оставляя часть улова въ Холмогорахъ. За оставленными здѣсь соколами обыкновенно «смотрѣли и всякое береженіе дѣлали» посланшіеся изъ Москвы ловчіе сокольники. Среди этой группы сокольниковъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, пользовался извѣстностью,

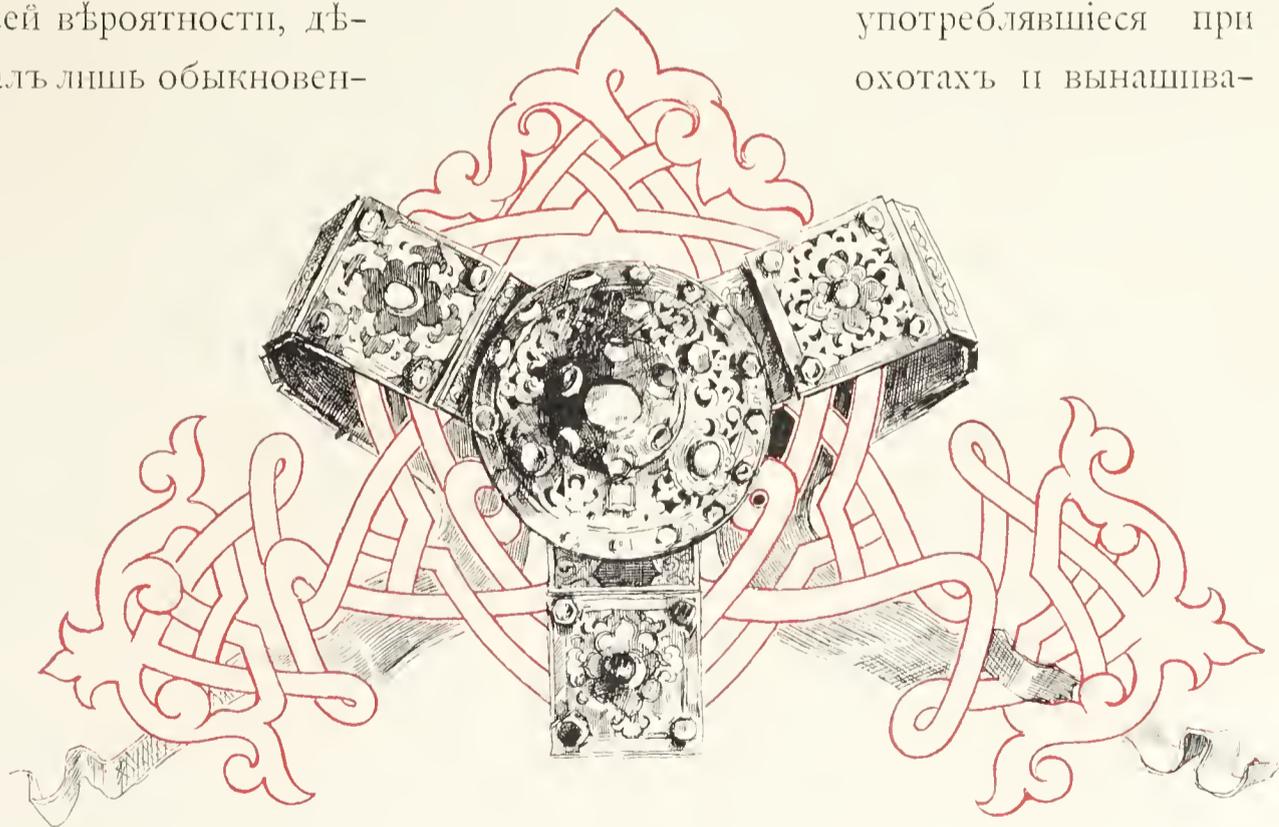
какъ энергичный ловчій сокольникъ, туленинъ (тулякъ) Алексѣй Сидоровъ, которому приходилось промыслять соколами въ центральной Россіи и на Украинѣ¹²⁰).

На обязанности *птичьихъ стрѣлковъ*, принадлежавшихъ также къ соколиной охотѣ, лежало «добывать про государевъ обиходъ всякія птицы, которыя ему, государю, подаются въ столовое кушанье». Такъ какъ въ дичи иногда встрѣчалась экстренная надобность, то лучшіе стрѣлки въ такихъ случаяхъ командировались «для птичьяго промысла наскоро». Во время ближнихъ походовъ государей птичьи стрѣлки тѣшили ихъ птичьею стрѣльбою. Для надобностей птичьей стрѣльбы имъ отъ времени до времени отпускалось изъ ружейнаго приказа по одному фунту пороху и по два свинцу на каждаго стрѣлка¹²¹).

«Состоящіе при кречатнѣ» не входили въ постоянный составъ царской охоты и назначались вообще «для береженья и кормки кречетовъ и чегликовъ кречатыхъ». Нужно думать, что съ этимъ званіемъ соединялись какія-нибудь права, хотя бы въ будущемъ, и, быть-можетъ, при освобождающихся вакансіяхъ штатныхъ чиновъ соколиной охоты, таковыя замѣщались «состоящими при кречатнѣ»¹²²).

При кречатнѣ, наконецъ, состоялъ собственный клобучечный мастеръ. Онъ, по всей вѣроятности, дѣлалъ лишь обыкновен-

ные полевые клобучки, употреблявшіеся при охотахъ и вынашива-

А. М. К. Ш.

ніи птицъ; кlobучки же парадные изготовлялись въ Государевой Мастерской палатѣ ¹²³).

Таковъ былъ составъ соколиной охоты, и таковы были его прямыя обязанности. Помимо ухода за птицами и охоты, сокольникамъ приходилось иногда исполнять и другія работы и порученія, или связанныя съ ихъ обязанностями, или совершенно побочныя. Они разыскивали отлетавшихъ и пропадавшихъ царскихъ соколовъ и кречетовъ, они же ѣздили по селамъ и деревнямъ для сбора голубей на кормъ ловчимъ птицамъ. Такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ прекрасно зналъ всѣхъ своихъ сокольниковъ, то онъ давалъ иногда своимъ сокольникамъ особенныя порученія, требовавшія для ихъ выполнения людей толковыхъ и надежныхъ. Въ Январѣ 1666 г. царь, съ особенною любовью занимавшійся въ то время устройствомъ фруктоваго сада въ селѣ Измаїловскомъ, отправилъ одного сокольника въ Кіевъ, а другого въ Симбирскъ за черенками тутоваго дерева, деревцами венгерскихъ дуль и сливъ и за виноградными кустами. Въ Декабрѣ 1668 г. сокольникъ Епенеть Похвисневъ былъ командированъ во Владимірскій уѣздъ «для поимки бѣглаго солдата Неѣдка Ушакова»; полагать должно, что сокольникъ Похвисневъ отличался особенною расторопностью и распорядительностью, разъ ему поручено было такое дѣло. Сокольники же отправляли иногда обязанности теперешнихъ фельдъегерей и курьеровъ и отвозили къ государю и отъ государя бумаги и деньги ¹²⁴). Особеннымъ довѣріемъ государя при различныхъ порученіяхъ пользовался сокольникъ Зоть Полозовъ; однако, онъ не сумѣлъ сохранить его до конца и въ чемъ-то, какъ тогда говорилось, «проворовался», замѣшавшись въ какое-то темное дѣло «вѣдомой ворихи дѣвки Оеньки Слѣпой и ворожен», проживавшей у князя Оедора Куракина, и по царскому приказу былъ подвергнутъ строгому домашнему аресту. Въ военное время сокольники принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ рядахъ прочей рати, а въ мирное время, во время вѣзда иностранныхъ пословъ,

составляли лучшее украшеніе бывавшихъ при этомъ парадовъ и церемоній ¹²⁵).

Точныхъ свѣдѣній о количествѣ и размѣрахъ содержанія, выдававшегося чинамъ соколиной охоты, не имѣется [по отношенію размѣра содержанія чиновъ царской охоты, мы нашли только прямое указаніе, что лѣкарь Семеновскаго потѣшнаго двора Кирианъ Кутешевъ получалъ въ шестидесятихъ годахъ XVII ст. по 5 рублей въ мѣсяць (Общ. Арх. Кин. Дв., кн. 1077, листъ 29-й), и что клобучечному мастеру Государева потѣшнаго двора Ивану Кипріянову отпускалось въ 1662 году «поденнаго корму» по одной гривнѣ на день (тамъ же столб. 407-й 7170 года)], но изъ сочиненія Котошихина видно, что чины соколиной охоты получали ежегодное денежное жалованье и, кромѣ того, помѣстья, т.-е. извѣстное количество земли. Если изъ царскихъ земель дать было нечего, то чины соколиной охоты дожидались выморочныхъ помѣстій. Въ отдѣльныхъ случаяхъ они «били челомъ» государю и выпрашивали себѣ во владѣніе лѣса, необработанные дѣвственные участки земли, рыбныя ловли и другія статьи. Денежные оклады, на нашу мѣрку, были весьма незначительны, но не нужно забывать, что тогда деньги были очень дороги, зато всѣ предметы жизненныхъ потребностей — крайне дешевы. Денежные оклады начинались отъ 6 руб. въ годъ и повышались въ такой послѣдовательности: 6, 7, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45 и 50 руб., сообразно съ заслугами и положеніемъ чина въ составѣ соколиной охоты. Помѣстья по размѣрамъ различались количествомъ «четвертей». «Четверть» — старинная поземельная единица мѣры, заключавшая въ себѣ около $1\frac{1}{2}$ десятины. Въ старой Руси всѣ поземельныя владѣнія для раскладки податей и повинностей были разбиты на большія доли или единицы, называвшіяся «сохами» и заключавшія въ себѣ отъ 400 до 1200 четвертей, такъ что «соха» въ переводѣ на десятину составляла отъ 600 до 1800 десятинъ. Изъ документа, относящагося къ 1632 году, мы узнаемъ о количествѣ земли, отво-

дившейся чинамъ охоты. Наибысшій размѣръ помѣстья для кречетника составлялъ 520 четвертей, для ястребника 480 и для сокольника 400 четвертей; наименьшій же размѣръ для кречетника 195, для сокольника 180 и ястребника 170 четвертей; денежныя оклады, однако, поэтому документу не превышаютъ 30 руб. вмѣстѣ съ надбавками. Въ другихъ документахъ встрѣчаются указанія на суммы, разновременно выдававшіяся въ жалованье сокольникамъ, но, за отсутствіемъ свѣдѣній о количествѣ служащихъ и о размѣрѣ содержанія, каждому изъ нихъ присвоеннаго, указанія эти особаго значенія не имѣютъ ¹²⁶). Такъ какъ въ старину не существовало единства государственной кассы, то жалованье сокольникамъ и другимъ чинамъ соколиной охоты выдавалось изъ разныхъ учрежденій: то изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ, то изъ Конюшеннаго, то изъ приказа Большаго дворца, то изъ приказа Новой Четверти, смотря по тому, гдѣ въ извѣстное время имѣлась свободная денежная наличность. Помимо жалованья, чины соколиной охоты получали еще единовременныя пособія. Когда ихъ отправляли съ соколами въ чужіе края, то было въ обычаѣ давать имъ «подмогу», болѣею частію въ видѣ суконъ. Выдавались денежныя пособія также по поводу разныхъ событій въ семейной жизни чиновъ охоты: на приданое невѣстамъ, на погребеніе умершихъ и т. п. ¹²⁷). За участіе въ охотахъ, подобно другимъ чинамъ охоты, сокольники награждались обыкновенно сукнами аглицкими, кускомъ до 4 аршинъ и болѣе, а цѣною до 19 алтынъ за аршинъ; впрочемъ, иногда выдавались и денежныя награды: въ Октябрѣ 1667 г. была пожалована крупная по тому времени награда въ 5 рублей одному сокольнику «за гарканье», т.-е. за охотничій крикъ. Царь Алексѣй Михайловичъ разборчиво относился къ представленіямъ о наградахъ сольниковъ и, случалось, дѣлалъ измѣненія въ спискахъ наградъ, такъ какъ зналъ сольниковъ очень хорошо и помнилъ заслуги и услуги каждаго изъ нихъ. Особенно щедро вознаграждались сокольники, отличавшіеся передъ царемъ «держаньемъ» соколовъ; такъ

A. C. P. ...

какъ дѣло вынашиванія требовало упорнаго труда и особаго искусства, то и награды за него размѣромъ и стоимостью были выше всякихъ другихъ. Въ этихъ случаяхъ давались и деньги, до 5 рублей, и сукна цѣною до рубля и свыше за аршинъ ¹²⁵).

Особой формы одѣянія чины царскихъ охотъ, псовой и соколиной, не имѣли. Вообще профессиональныя одежды въ Старой Руси не имѣли еще мѣста и входятъ въ обычай лишь со временъ Петра Великаго. Подобно прочимъ обывателямъ, царскіе охотники носили общій національный русскій костюмъ, современный данной эпохѣ. Матеріалъ на одежды охотники получали ежегодно изъ царской казны. Отпускалось на каждаго ежегодно по портищу сукна, камки или атласа, смотря по положенію охотника въ составѣ царской охоты, на шапки выдавались бархатные верхи и на опушку соболи, на сапоги кожа и сафьянъ. Составныя части костюма: *зипунъ*, *ферезя*, *кафтаниъ*, *однорядка*, *шанка* и *сапоги*; сюда же нужно отнести и части вооруженія: *лядушка* и *сабля*. *Зипунъ* — узкій и короткій домашній полукафтаниъ, надѣвавшійся поверхъ бѣлья; *ферезя* — комнатное одѣяніе, доходившее въ длину до ладыжекъ, безъ перехвата и воротника, съ длинными, суживающимися къ кисти руки, рукавами; ферези дѣлались холодныя и подбитыя мѣхомъ. Поверхъ зипуна или ферези надѣвались *кафтаны*, доходившіе до пятъ, съ пуговицами или петлицами спереди. По назначенію, кафтаны раздѣлялись на *столовыя*, *издоды*, *дождевыя* и т. п. *Однорядка* — верхняя широкая одежда такой же длины, какъ и кафтаны, но задъ однорядки дѣлался выше переда. Всѣ эти одежды шились изъ различнаго матеріала, по преимуществу изъ суконъ аглицкихъ и «никошскихъ». *Сапоги* у охотниковъ псовой охоты изъ простой кожи, у сокольниковъ парадныя изъ краснаго и желтаго сафьяна или изъ тонко обдѣланной красной телячьей кожи; по формѣ они были съ кривыми носками. Вооруженіе сокольниковъ — *лядушки* и *сабли*, а равно *щиты* и *протозаны* — выдавались изъ Оружейной палаты. Повседневная одежда чиновъ

охоты дѣлалась изъ суконъ темныхъ, немаркихъ цвѣтовъ; но парадная непременно была цвѣтная и изъ яркихъ матерій. При встрѣчахъ пословъ, сокольники надѣвали яркія одежды, къ которымъ, при помощи поясныхъ ремней, — особыя *крылья*, разукрашенныя шелковыми разноцвѣтными лентами, что, безъ сомнѣнія, придавало зрѣлищу особый эффектъ ¹²⁹).

Глава IV.

Посылки ловчихъ птицъ въ чужія государства.

Красная и славная птичья потѣха» и вообще царская охота временъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича служила не для одной только царской утѣхи; за ней должно признать крупное историческое значеніе, такъ какъ изъ нижеслѣдующаго видно, что она не разъ за это время оказывалась весьма полезной для упорядоченія внѣшнихъ отношеній. Время первыхъ царей Романовыхъ, послѣ смуть и нестроеній пред-

18*

шествующей эпохи, особенно нуждалось въ добрыхъ и мирныхъ отношеніяхъ Россіи къ политическимъ сосѣдямъ. Это прекрасно сознавалось и Михаиломъ Осодоровичемъ, и Алексѣемъ Михайловичемъ, и оба они, миролюбцы по натурѣ, употребляли всѣ усилія жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдними государствами. Обычнымъ средствомъ для поддержанія добрыхъ отношеній и символомъ ихъ служили царскіе дары, отправлявшіеся главамъ иностранныхъ государствъ. За этотъ періодъ дары почти исключительно состояли изъ ловчихъ птицъ, мѣховъ, охотничьихъ собакъ, живыхъ медвѣдей и иногда лошадей и весьма рѣдко изъ другихъ предметовъ. Нужно ли было заявить о неизмѣнно добрыхъ отношеніяхъ царя къ чужому властелину, приходилось ли загладить какой-либо политической промахъ, представлялась ли нужда просить у кого-либо денежной помощи или услуги, имѣлось ли въ виду обласкать и расположить мелкихъ владѣтельныхъ пограничныхъ князьковъ, — цари неизмѣнно слали кречетовъ и ястребовъ и почти всегда достигали этимъ путемъ того, что было имъ нужно. За разсматриваемый періодъ посылка ловчихъ птицъ, мѣховъ и другихъ предметовъ охоты производилась ежегодно или одновременно въ слѣдующія государства и владѣнія: въ Турцію¹³⁰⁾, Персію¹³¹⁾, Крымъ¹³²⁾, Англію¹³³⁾, Данію¹³⁴⁾, Польшу¹³⁵⁾; къ князькамъ грузинскому¹³⁶⁾, имеретинскому¹³⁷⁾; къ киргизскому¹³⁸⁾ и калмышкому¹³⁹⁾ царькамъ, и въ Бухару¹⁴⁰⁾. Смотря по мѣсту назначенія, подарки носили различныя наименованія. Такъ, въ Крымъ, Турцію и Персію посылались «поминки» — родъ обязательныхъ даровъ, недалеко отстоящихъ отъ дани, тѣмъ болѣе, что посылались они каждый годъ¹⁴¹⁾; въ Грузію, Имеретію и къ степнымъ князькамъ отправлялось «государево жалованье», такъ сказать, поощрительный подарокъ болѣе сильнаго владѣтеля; въ Англію, Польшу и Данію — «дары», т.-е. любезный подарокъ равносильнаго сосѣда. Въ такомъ же отношеніи колебалась и цѣнность посылаемыхъ подарковъ. По свидѣтельству Катошихина, турецкому султану посылалось подарковъ тысячъ

на пять и болѣе; персидскому шаху отъ 50 до 100 тысячъ рублей ловчими птицами, битыми и живыми звѣрями, такъ какъ шахъ легко откликался на всякую просьбу о помощи и, съ своей стороны, посылалъ на Москву щедрые дары въ видѣ «узорочья» и разныхъ товаровъ; къ крымскимъ ханамъ отправлялось, кромѣ ловчихъ птицъ, множество мѣховъ собольихъ, лисьихъ, куньихъ, песцовыхъ и заячьихъ и разное платье.

Нарядъ отправки даровъ производился посольскимъ приказомъ, который давалъ объ этомъ знать приказу Большого дворца, куда своевременно препровождались изъ мастерской палаты дорогіе птичьи наряды. Отсюда наряды эти, вмѣстѣ съ почетными рукавицами, передававшимися во время подношенія птицъ иноземному государю, выдавались посламъ, отвозившимъ птицъ. Передача же самыхъ птицъ производилась домашнимъ порядкомъ изъ учрежденій царской охоты.

Во главѣ посольствъ, отвозившихъ подарки, находились бояре, состоявшіе при посольскомъ приказѣ, и при нихъ ѣхало извѣстное число кречетниковъ и сокольниковъ, смотря по количеству птицъ въ караванѣ. Дѣло доставки птицъ въ чужіе края было столько же почетное, сколько и трудное. Посламъ и кречетникамъ, съ ними бывшимъ, часто приходилось терпѣть невзгоды и нужду во время пути, выносить нападенія и грабежи безпокойныхъ казаковъ, жившихъ на пути въ Турцію, Крымъ и Персію; нерѣдко въ чужихъ странахъ имъ дѣлали обиды и непріятности; наконецъ, имъ всегда угрожали опала и наказаніе, если не умѣли они угодить иноземнымъ властелинамъ, и въ этомъ случаѣ ихъ постигала неминуемая царская кара, хотя бы они и были правы, поступивъ не въ угоду иноземнымъ государямъ ¹⁴²).

Турецкому султану обыкновенно носылалось 20 кречетовъ и 5 ястребовъ ежегодно, съ полными на нихъ нарядами. Важность прочныхъ отношеній съ Турціей была особенно велика вслѣдствіе того, что крымскіе ханы были вассалами турецкихъ султановъ; по-

этому у султановъ приходилось искать содѣйствія противъ крымскихъ набѣговъ на южную окраину Руси; кромѣ того, во время борьбы съ Польшей, турецкіе султаны представлялись наиболѣе выгодными союзниками. Въ виду этого наши цари исправно посылали султанамъ большія и дорогія «поминки», несмотря на то, что русскихъ пословъ въ Царьградѣ не часто принимали съ

подобающею честью. Вообще путешествіе съ «поминками» въ Турцію для пословъ было самое тяжелое и опасное. Такъ, посольство 1622 г. претерпѣло всевозможныя неудачи: долго оно не могло попасть въ Царьградъ, благодаря враждѣ казаковъ съ азовцами, и, наконецъ, попало туда — въ самое неудобное время; въ Константинополѣ была въ то время смута: янычары убили султана Османа и на его мѣсто возвели дядю его Мустафу; паши прямо объявили нашимъ посламъ, что имъ теперь не до нихъ; послы подверглись всевозможнымъ безчестьямъ и уѣхали ни съ чѣмъ. На обратномъ пути, въ Кафѣ и Керчи, ихъ подвергали заточенію и хотѣли даже убить. Кое-какъ выбравшись отсюда, послы попали въ руки къ запорожцамъ, которые потребовали выкупа въ 2000 золотыхъ. Выпущенные отсюда, они на дальнѣйшемъ пути потерпѣли пораженіе отъ ногайцевъ, а добравшись въ Азовъ,

едва не погибли, благодаря буйству казаковъ. Посольство 1627 г., отправленное для привѣтствія и подношенія даровъ новому султану Мурату, вначалѣ было принято хорошо, но отпустили ихъ чрезвычайно сухо, такъ какъ къ этому времени вновь казаки разодрались съ азовцами. Посольство 1633 г., во главѣ котораго находились посолъ Яковъ Дашковъ и дьякъ Сомовъ, имѣло важное порученіе— обжаловать крымцевъ за ихъ набѣги на наши окраины и просить султана о смѣнѣ крымскаго хана; не успѣли еще возвратиться эти послы, какъ весною 1634 г. было отправлено другое посольство и новые подарки, съ цѣлью заручиться содѣйствіемъ Турціи противъ Польши. Къ концу того же года было снаряжено третье посольство съ дарами, но ему уже не пришлось путешествовать въ Царьградъ, такъ какъ заключенный вскорѣ послѣ того вѣчный миръ съ Польшею отнялъ въ глазахъ московскаго правительства важность дружественныхъ отношеній съ Турціею, и вслѣдствіе этого въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ турецкимъ султанамъ поминки не посылались. Повидимому, возобновились посылки ловчихъ птицъ султану съ 1642 г., благодаря тому обстоятельству, что около этого времени донскіе казаки взяли Азовъ, и отношенія съ Турціею вновь испортились. Последняя посылка птицъ въ Турцію относится къ 1645 г., когда было отправлено султану Ибрагиму 26 кречетовъ съ посломъ Теленевымъ¹⁴³).

Крымскимъ ханамъ поминки посылались ежегодно въ теченіе всего разсматриваемаго періода, начиная съ 1615 г. и до 1670 г. [такъ, между прочимъ, въ 1623 г. ловчія птицы были отправлены въ Крымъ съ посланникомъ Яковомъ Дашковымъ. Птицъ этихъ повезли кречетники, сокольники и ястребники, Петръ Савеловъ съ товарищами, получившими въ Январѣ этого года «подмоги» по портнцу настрафия Лазаревскаго (Общ. Арх. Мин. Двор., стол. 94-й 7131 г.)]. Для хана обыкновенно назначалось 5 лучшихъ кречетовъ и 2 ястреба; главному ханскому сановнику, калгѣ, подносили ежегодно 2 кречетовъ и 1 ястреба; ханшѣ, ханскимъ наложницамъ, ханскимъ дѣтямъ,

пашамъ, мурзамъ, князьямъ и ближнимъ людямъ — мѣха и платье. Говоря о поминкахъ, пославшихся крымскимъ ханамъ, Катошихинъ прибавляетъ: «которые имъ (хану и его приближеннымъ) дары не полюбятся, и они (послы) перемѣниваютъ, или къ тому прибавляютъ, а чего кому неостанетъ по росписи, и они тѣхъ посланниковъ мучатъ и бьютъ и въ тюрьмѣ держатъ; а посылаютъ къ нимъ тѣ поминки для того, чтобъ они на украинные города войною не ходили и городовъ и мѣстъ не разорили; однако, они такіе дары беручи на то не смотрятъ, чинятъ, что хотятъ; а будетъ тѣхъ поминковъ на годъ болши 20.000 рублевъ». Крымскіе татары, безспорно, были самыми неудобными и безпокойными сосѣдями, и вотъ почему поминки посылались имъ даже и тогда, когда къ турецкимъ султанамъ посылка ловчихъ птицъ уже прекратилась.

Подарки ловчими птицами имѣли особенную цѣну въ глазахъ персидскихъ шаховъ и цѣнились ими «за великіе дары». Соколиная охота въ Персіи практиковалась съ самой глубокой древности и процвѣтала тамъ такъ пышно, какъ нигдѣ. Персидскіе шахи любили и умѣли охотиться съ соколами, и, быть-можетъ, кое-что по части охоты соколиной, въ особенности въ отношеніи роскоши и парада ея обстановки, заимствовано Алексѣемъ Михайловичемъ именно отъ шаховъ персидскихъ. По свидѣтельству иностранцевъ, посѣщавшихъ Персію въ XVII в., у шаха персидскаго было около 800 соколовъ, изъ которыхъ одни были выдрессированы для охоты на птицъ, а другіе для охоты на звѣрей: кабановъ, дикихъ ословъ, антилопъ и лисицъ; говорятъ, будто у шаховъ имѣлись соколы, особо выдрессированные для того, чтобы нападать на людей и выклеивать имъ глаза. Адамъ Олеарій, во время своего посѣщенія Персіи въ 1633, 1636 и 1639 гг., имѣлъ случай видѣть и принимать участіе въ соколиной охотѣ шаха и оставилъ въ своемъ сочиненіи любопытныя о ней замѣтки, которыя считаемъ не лишнимъ привести здѣсь въ выдержкахъ.

«17 Октября, рано утромъ, на Посольскій дворъ привели верховыхъ лошадей для поѣздки на охоту. Мегесмандарь провелъ насъ на широкую площадь передъ городомъ, на которую тотчасъ же прибылъ и шахъ съ своими ханами и знатными вельможами, ѣхавшими на нѣсколькихъ богато убранныхъ сотняхъ лошадей; самъ шахъ былъ въ одеждѣ изъ серебряной парчи, и на чалмѣ у него воткнуто было нѣсколько журавлиныхъ перьевъ. Кромѣ лошадей со всадниками, въ этотъ поѣздъ ввели еще множество лошадей безъ всадниковъ, покрытыхъ попонами изъ золотой парчи, унизанной дорогими камнями и снаряженныхъ такою же золотой збруей. Въ поѣздѣ хановъ, вельможъ и слугъ, слѣдовавшихъ за шахомъ, не соблюдалось никакого порядка, но всѣ ѣхали перемѣшанные, какъ попало, другъ съ другомъ и въ кучѣ. Во время пути шахъ нѣсколько разъ перемѣнялъ лошадь, а однажды и одежду свою. Такъ дѣлалъ онъ ежедневно въ продолженіе всего времени охоты. Охота и забава въ этотъ день заключались только въ спускѣ соколовъ на цапель, журавлей, утокъ и воронъ, частію попадавшихъ въ полѣ, частію выпускаемыхъ для того самими охотниками. Къ полудню мы достигли до назначеннаго селенія, гдѣ было раскинуто множество палатокъ всевозможныхъ цвѣтовъ, что представляло довольно пріятное зрѣлище». Здѣсь шахъ сдѣлалъ привалъ и угощалъ пословъ обѣдомъ, при чемъ употреблялись золотые сервизы.

«18 числа, рано утромъ, еще до восхода солнца, шахъ приказалъ объявить намъ, что онъ отправляется на ловлю журавлей только съ немногими лицами, при чемъ посланники могутъ прибыть только самъ третей, чтобы большимъ шумомъ не распугать птицъ. Посланники поѣхали верхами одни; но когда занялся день и ловля кончилась, потребовали и остальной народъ на мѣсто ловли. На мѣстѣ этомъ устроенъ былъ въ землѣ крытый ходъ и въ концѣ его птицеловный токъ, усыпанный зерномъ, на который налетало множество журавлей, и изъ нихъ поймано было до 80 штукъ. Шахъ воткнулъ въ свою

чалму нѣсколько перьевъ изъ этихъ пойманныхъ журавлей, и каждому посланнику дать по два пера, чтобы они ихъ также воткнули въ свои шляпы. Вечеромъ шахъ пригласилъ посланниковъ, съ шестью изъ ихъ спутниковъ, на охоту за утками и дикими гусями. Когда прибыли на назначенное мѣсто, шахъ и остальной народъ сошли съ лошадей и проikli разстояніе въ два выстрѣла изъ лука къ длинной землянкѣ, набросанной изъ земли, позади которой, на берегу небольшой рѣчки, разложены были скрытно тенета; на этой рѣчкѣ слеталось обыкновенно множество разной пернатой дичи. Всѣ присутствовавшіе приглашены были въ землянку къ шаху, гдѣ, усѣвшись по стѣнамъ вокругъ, распили съ нимъ нѣсколько флягъ вина». Просидѣвъ здѣсь до поздняго вечера, шахъ не дождался ни одной птицы.

«На слѣдующій день шахъ назначилъ звѣриную охоту и приказалъ взять множество соколовъ, три ученыхъ леопарда и нѣсколько собакъ. Проѣздивши довольно порядочное время и не встрѣтивъ въ полѣ ничего, шахъ повелъ насъ въ огромный звѣринецъ, имѣвшій въ окружности добрую милю, обведенный каменными стѣнами и разделенный на три части: въ первой содержались олени, зайцы и лисички; во второй козули, и въ третьей дикіе ослы. Прежде всего шахъ велѣлъ спустить леопардовъ, и три изъ этихъ козуль были пойманы. Когда мы пришли въ отдѣленіе дикихъ ословъ, и увидѣли одного изъ нихъ, спокойно стоявшаго на одномъ мѣстѣ, шахъ предложилъ нашему товарищу выстрѣлить въ него изъ пистолета. Выстрѣлъ этотъ оказался неудачнымъ; тогда шахъ съ улыбкой взялъ лукъ свой и стрѣлу, пустилъ въ бѣжавшаго на всемъ скаку осла и попалъ ему прямо въ брюхо. Другого затѣмъ онъ убилъ, поавши ему стрѣлой въ середину лба, и послѣ того онъ положилъ еще нѣсколько ословъ. Видно было, что шахъ отлично стрѣлялъ изъ лука и рубилъ саблей. Онъ ни разу не стрѣлялъ иначе, какъ сидя на лошади, и когда дикій звѣрь и лошадь скакали во всю прыть, и при

всемъ томъ ни одного выстрѣла не было сдѣлано мимо. Увидѣвши одного осла, совершенно смирнаго, ходившаго спокойно и не бѣгавшаго отъ лошадей и людей, шахъ сошелъ съ лошади, нанесъ ему ударъ саблей по спинѣ и разсѣкъ этимъ ударомъ животное до половины брюха; другой ударъ онъ сдѣлалъ по шеѣ этого осла и немного только не отрубилъ шею отъ туловища. Затѣмъ мы поѣхали къ малому звѣринцу, въ которомъ было обнесенное каменной стѣной пространство или театръ, гдѣ шахъ и расположился теперь съ нами. Затѣмъ сюда пригнали 32 дикихъ осла, по которымъ шахъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ лука и ружья, а послѣ него стрѣляли и остальные, всякій, кто хотѣлъ. Это было поразительное зрѣлище: нѣкоторые осла бѣгали, имѣя въ своемъ тѣлѣ по десяти и болѣе вонзенныхъ стрѣлъ, прошедшихъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ насквозь, и когда они тѣснились въ кучу между собой и кололи этими стрѣ-

19*

лами другихъ пераненыхъ, здоровыхъ ословъ, тѣ начинали биться и грызться другъ съ другомъ. Когда эти 32 осла были всѣ перебиты, пригнаны были козули, и изъ нихъ также было убито до 30 головъ». Послѣ легкаго отдыха шахъ отправился на соколиную охоту.

«Шахъ взялъ съ собою 9 человекъ изъ своей свиты и посланниковъ самъ—шесть съ свитой, и повелъ насъ въ длинную и низкую, со сводами, галлерею. За этой галлереей, опять около рѣки, устроена была приманка для дикихъ утокъ и гусей; мы усѣлись въ галлереѣ, и вдругъ шаху пришла охота выпить, и онъ приказалъ всѣхъ насъ подчивать виномъ и до того развеселился съ нами, что совершенно забылъ объ удовольствіи ловить птицъ; да по громкому разговору нашему и шуму ни одна птица и не присѣла на приманку». На слѣдующее утро, послѣ завтрака, поѣхали мы верхомъ въ одно селеніе, и на дорогѣ одинъ изъ спущенныхъ соколовъ поймалъ бѣлую цаплю.

«21 числа, раненько утромъ, шахъ пригласилъ насъ на голубиную охоту. Онъ повелъ насъ на одну круглую высокую башню, которая внутри кругомъ вся была усѣяна выложенными изъ камня норами для голубей, гнѣздившихся тамъ болѣе тысячи штукъ. Каждому изъ присутствовавшихъ дано было въ руки по палкѣ, въ видѣ виль, и съ такими палками шахъ и всѣ мы стали вокругъ башни, у оконныхъ отверстій. Расположившись такимъ образомъ, приказали трубачамъ трубить погромче въ трубы, отчего спугнутые голуби, массою въ нѣсколько сотенъ, полетѣли вонъ изъ башни, гдѣ и были перебиты болѣею частью шахомъ и нами. Этимъ избіеніемъ голубей охота была закончена, и мы отправились обратно въ городъ».

«Черезъ нѣсколько дней шахъ снова отправился на охоту съ своимъ сералемъ. За нѣсколько часовъ передъ этимъ шаховъ глашатыи (suartzi) дѣлалъ громогласное о томъ извѣщеніе по тѣмъ улицамъ, по которымъ долженъ былъ проѣхать поѣздъ, для того, чтобы люди сидѣли по домамъ и не показывались на улицу, пока не

проѣдетъ сераль шаха. Когда шахъ ѣдетъ куда-нибудь съ своимъ сералемъ, то по улицамъ, или на разстояніи ружейнаго выстрѣла, не должно быть никого видно; иначе всякаго стрѣляютъ, какъ собаку, несмотря на то, что всѣхъ женъ возятъ на верблюдахъ въ такихъ ящикахъ, что ни одной изъ шаховыхъ женъ увидѣть нельзя. Шахъ обыкновенно выѣзжаетъ съ придворными за полчаса впередъ, а потомъ уже ѣдутъ его жены съ свнухами. Выѣхавъ въ поле, жены садятся на лошадей, забавляются лукомъ, стрѣлами и соколами такъ же, какъ и мужчины, но при этомъ всѣ вельможи и слуги не должны показываться на цѣлую четверть мили отъ нихъ. Мужчины въ это время потѣшаются отдѣльной охотой и ждутъ, пока не попрячутъ царскихъ женъ, которыхъ сзываетъ шахъ черезъ одного изъ свнуховъ, прислуживающихъ здѣсь во множествѣ».

Приведенныя замѣтки Адама Олеарія показываютъ, что шахъ персидскій былъ любитель и знатокъ соколиной охоты; поэтому въ отношеніи шаха болѣе, чѣмъ въ отношеніи другихъ современныхъ властелиновъ, подарки ловчими птицами имѣли самое дѣйствительное значеніе и почти всегда оправдывали ожидаемые результаты посольства. По количеству посылавшихся шаху птицъ, эти подарки были самые крупные и значительные. Обыкновенно шаху отправляли 28 кречетовъ и 2 ястребовъ съ полными на нихъ нарядами, при чемъ на почетнаго кречета, представителя всей партіи птицъ, отправлявшихся въ поминкахъ, изготовлялись самыя роскошныя одежды, инзанныя жемчугомъ и драгоценными каменьями. Кромѣ того, вмѣстѣ съ птицами иногда посылались лучшіе мѣха. Посылки птицъ шахамъ непрерывно продолжаются на протяженіи всего этого періода. Это вполне объясняется тѣми выгодами, какія цари наши извлекали изъ дружественныхъ отношеній къ шаху. Шахова казна часто бывала полезна для нашихъ государей, нерѣдко испытывавшихъ за это время финансовыя затрудненія по отсутствію денежныхъ знаковъ или цѣнныхъ металловъ; хотя Россія и за это время не была бѣдна товарами и преимуще-

Планъ Саваи Спорожескаго монастыря и окружающей его местности, Царя Алексея Михайловича.

ственно мѣхами, но къ этому времени мѣха стали терять значеніе мѣнового средства, и нужда въ деньгахъ иногда чувствовалась очень острая, въ особенности въ тѣ моменты, когда Россіи приходилось вступать въ войну съ сосѣдними государствами, Польшей и Швеціей.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ, именно въ 1616 году, Михаилъ Осодоровичъ отправилъ посла Леонтьева съ подарками къ шаху Аббасу, прося у него денегъ въ помощь противъ литовскихъ людей; и посольство не осталось безрезультатнымъ: шахъ прислалъ въ концѣ 1617 года серебро въ слиткахъ на сумму около 7000 руб. Весною слѣдующаго 1618 года царь отправляетъ къ шаху другое посольство, во главѣ съ княземъ Михаиломъ Петровичемъ Барятинскимъ, съ которымъ было послано шаху 12 кречетовъ, 8 кречатыхъ челиговъ, со всѣмъ птичьимъ нарядомъ, соболи, лисицы, рыбій зубъ, вино и слюда. Кречетникамъ предписано было довести и отдать кречетовъ шаху, но если бы шахъ потребовалъ ихъ участія въ его охотахъ, то посламъ приказано было — по первому требованію отказаться и отговариваться тѣмъ, что на это государемъ не было дано приказа, и что изъ боязни царской опалы они никакъ не смѣютъ исполнить шахово желаніе; при дальнѣйшихъ, настойчивыхъ требованіяхъ шаха, послы должны были послать кречетника, «который бы былъ досужъ и навыченъ»; этому кречетнику, только послѣ новыхъ требованій шаха, указано было «приводить (на охотѣ) птицъ по обычю, какъ государевы кречетники на то извычны»; если бы шаху пришло по дунѣ искусство государева кречетника, и онъ сталъ бы просить пословъ оставить ему на время одного или двухъ царскихъ кречетниковъ, послы сначала должны были отказать въ этой просьбѣ шаху, и могли согласиться на это только тогда, когда шахъ «заупрямится и учнетъ говорить о томъ накрѣпко»; воспользовавшись этимъ удобнымъ психологическимъ моментомъ, послы должны были, соглашаясь на просьбу шаха, ноставить ему два условія: первое, что шахъ «во всемъ за государемъ похочетъ быть въ

дружбѣ и любви, ко всякому будетъ добру подвиженъ и на помощь казны послати похочетъ»; второе, что онъ обѣщаетъ отослать оставленнаго кречетника съ первой же оказіей, какая будетъ съ Москвы въ Кизильбашу или изъ Кизильбашъ въ Москву. Посольство Барятинскаго имѣло двойную цѣль: благодарить шаха за присланное въ 1617 году серебро и просить вновь «прислать еще денегъ ратнымъ людямъ на жалованье» по поводу войны съ Польшей. Результаты этого посольства были весьма для пословъ плачевны. Они были встрѣчены сухо; шахъ велѣлъ призвать младшаго изъ нихъ, дьяка Тюхина, и тотъ долженъ былъ выслушать сильную выходку противъ обычнаго въ Москвѣ обращенія съ иностранными послами, обращенія, противъ котораго тщетно до сихъ поръ протестовали европейскія правительства. Шахъ говорилъ Тюхину съ сердцемъ: «Приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты смотри, ни одного моего слова не утаи, чтобъ оттого между нами смуты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною ссужу, но досада мнѣ на государя вашего за то: когда послы мои были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ Казани и Астрахани запирали по дворамъ, какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы. Я и надъ вами велю такую же крѣпость учинить, васъ засажу такъ, что птицей черезъ васъ не дамъ пролетѣть, не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ не любовь: воеводы его въ Астрахани и Казани и въ другихъ городахъ моимъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ, и для меня товары покупать запрещаютъ. Грошевое дѣло — птица ястребъ; купилъ мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и татарина, у кого купилъ, сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣдній

Op. A. P. 1897

товаръ. Вы привезли мнѣ отъ государя своего птицъ въ подарокъ, а я изъ нихъ велю только вырвать по перу да и пуцу всѣхъ — пускай летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изъубыточать, то я имъ тотчасъ велю брюхо распоротъ».

Послѣ этого пословъ не отпускали долго. Князь Бяратинскій и умеръ въ Персіи, а Тюхинъ съ товарищами возвратился въ 1620 г. и дорого поплатился за то, что ѣздилъ къ шаху одинъ и выслушивалъ его выходки. Бояре обвинили Тюхина въ измѣнѣ, и ему было дано 70 ударовъ, двѣ встряски, жгли спину горячими клещами и, наконецъ, сослали въ Сибирь, гдѣ онъ былъ заточенъ въ тюрьмѣ одного изъ сибирскихъ пригородовъ¹⁴⁴). Совсѣмъ иной пріемъ, чѣмъ князю Бяратинскому, устроенъ былъ посольству, отправленному въ 1621 г., во главѣ съ Коробьинымъ. Шахъ осыпалъ ихъ любезностями и, воздѣвая руки и глаза къ небу, говорилъ прочувствованно: «Государство мое и люди мои и казна моя — все не мое, все Божіе и государя царя Михаила Феодоровича, во всемъ воленъ Богъ да великій Государь».

Первая посылка шаху ловчихъ птицъ отъ Алексѣя Михайловича состоялась въ Апрѣлѣ 1646 г.: съ послами Семеномъ Волынскимъ и Сергѣемъ Матвѣевымъ послано было обычное количество птицъ, да сверхъ собольихъ мѣховъ разнаго достоинства на сумму около 6 тысячъ рублей и разныхъ суконъ на тысячу рублей. Изъ послѣдующихъ посольствъ въ Персію чрезвычайно интересно въ бытовомъ отношеніи посольство 1652 г. На этотъ разъ, отправляя шаху Аббасу (но уже не тому Аббасу, съ которымъ были сношенія при Михаилѣ Феодоровичѣ, а новому шаху) обычное число кречетовъ и ястребовъ, Алексѣй Михайловичъ просилъ шаха, чрезъ посла, князя Ивана Лобанова-Ростовскаго, усмирить шемахинскаго хана Хозрева, грозившаго войною Астрахани и Тереку. На отпускѣ шахъ позвалъ пословъ вечеромъ къ себѣ въ садъ прохладиться. Ихъ угощали саха-

20

ромъ и овощами; потомъ принесли и поставили передъ шахомъ сосудъ золотой съ каменьями, а въ немъ виноградное вино чихирь. Шахъ пилъ за государево здоровье и спрашивалъ пословъ: «У брата моего и великаго государя вашего такое виноградное питье есть-ли?» — «У царскаго величества», отвѣчали послы, «питей всякихъ много и изъ винограду есть питья: раманея, ренское и другія, только не тѣмъ именемъ». Передъ шахомъ въ золотыхъ вазахъ стояли разные цвѣты; приподнявъ ихъ, шахъ спрашивалъ: «Въ Московскомъ государствѣ такіе цвѣты есть-ли?» — «У великаго государя», говорили послы, «цвѣты, этимъ подобные, есть: піанея кудрявая и другихъ многихъ всякихъ различныхъ цвѣтовъ много». Указывая на музыкантовъ, игравшихъ на домрахъ, гуслихъ и скрипкахъ, шахъ опять спрашивалъ пословъ: «Братъ мой, великій государь вашъ, чѣмъ тѣшится, и въ государствѣ его такія игры есть-ли?» — «У великаго государя нашего», отвѣчали послы, «всякихъ игръ и умѣющихъ людей, кому въ тѣ игры играть, много. Но царское величество тѣми играми не тѣшится; тѣшится духовными органами, поютъ при немъ, воздая Богу хвалу многогласнымъ пѣніемъ, и самъ онъ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и храброму ученію навывченъ и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣнье держитъ большое по своему государскому чину и достоянью; выѣзжая на поле, самъ тѣшится и велитъ себя тѣшить ближнимъ людямъ служилымъ строемъ; играютъ предъ нимъ дровками, стрѣляютъ изъ луковъ и пицалей». Вся эта сцена дышитъ величавой простотою и сильно подкупаетъ умѣлыми, полными достоинства и почтительности, отвѣтами нашихъ пословъ.

Кромѣ ловчихъ птицъ, персидскому шаху посылались, какъ кажется, еще и охотничьи собаки. Для посольства 1652 года приказано было заготовить 7 псовыхъ драгоцѣнныхъ своръ; свору въ золотѣ съ серебромъ, съ ошейникомъ, тканымъ въ кружкѣ, и съ ворворкой низанной жемчугомъ; три своры изъ золота, тканого съ шемахинскимъ шелкомъ, съ золотыми кистями и ворворкой, обшитой

Церемония почётной рукавицы, съ офи. рисунка Шварца. (Въ 1811. Гретьяковыхъ въ г. Москвѣ).

канителью, двѣ изъ серебра съ такими же кистями и, наконецъ, одна изъ золота, тканого съ серебромъ и шелкомъ. Что посылались не однѣ своры, но и собаки, на это указываетъ тотъ фактъ, что въ составѣ посольства два конныхъ псаря.

При посылкѣ ловчихъ птицъ въ Персію, посламы и кречетникамъ, съ ними ѣхавшимъ, давался подробный и весьма сложный церемоніаль врученія шаху царскихъ подарковъ¹⁴⁵). Въ немъ было точно опредѣлено: въ какомъ порядкѣ идти къ шаху, какимъ кречетникамъ и какихъ кречетовъ нести, кому и какъ нести почетныя рукавицы, низанныя жемчугомъ и камнями, въ какомъ порядкѣ послу поднести шаху птицъ и въ какомъ распорядкѣ слѣдовать сокольникамъ и кречетникамъ, «будетъ шахово величество пожалуетъ позоветъ къ рукѣ»; кромѣ того, посольству вручалась «роспись какъ тѣшить шахово величество» во время соколиной охоты; порядокъ охоты по этой росписи указанъ тотъ же самый, какого держались при соколиной охотѣ Алексѣя Михайловича, о чемъ подробно мы имѣли уже случай говорить въ своемъ мѣстѣ¹⁴⁶).

Посольствамъ, отправлявшимся въ Персію, и въ особенности сокольникамъ и кречетникамъ, приходилось испытывать въ пути и въ Кизильбашѣ не меньшія затрудненія и непріятности, чѣмъ ихъ собратьямъ, ѣздившимъ въ Крымъ и Турцію¹⁴⁷). Вслѣдствіе различія въ климатѣ, приходилось и самимъ болѣть и особенно опасаться за здоровье царскихъ птицъ; въ Кизильбашѣ къ посольству не всегда были внимательны и ласковы, и посольству доводилось испытывать нужду и голодъ, покупать хлѣбъ и всякій харчъ дорогой цѣной и, благодаря этому, «проѣдаться до-нага»: случалось, что въ Кизильбашѣ посольству «кормъ даванъ былъ не сполна, черезъ день и черезъ два»¹⁴⁸). Правда, по возвращеніи въ Москву, кречетникамъ, по ихъ челобитной, болынею частью возмѣщали ихъ издержки и расходы; но нужно сказать и ту правду, что, возвращаясь на родину, чины посольства не всегда могли быть увѣрены, что ихъ ожидаетъ:

царское ли жалованье и награда, или казнь. Посольству 1624 года, во главѣ съ княземъ Тюфякинымъ, пришлось, на примѣръ, возвратясь на Москву, расплачиваться за вины, въ которыхъ оно не было виновато. Въ точности слѣдую данному наказу, князь Тюфякинъ не захотѣлъ представляться шаху вмѣстѣ съ другими, не русскими, послами, что могло бы умалить достоинство пославшаго его государя; но тѣмъ же мотивамъ не поѣхалъ по зову шаха на охоту и, наконецъ, представляясь шаху, не надѣлъ платя, пожалованнаго ему шахомъ, что, вѣроятно, также не согласовалось съ принятымъ этикетомъ русскихъ посольствъ. Казалось бы, что такая стойкость въ поддержаніи престожа своего государя могла вызвать у царя только одобреніе и награду; однако, по жалобѣ шаха, что послы этимъ прогнѣвали его, государь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ положить на нихъ великое наказанье. Тюфякинъ былъ обвиненъ въ томъ, что за тостомъ во здравіе шаха не допилъ до дна, будто бы, своей чаши, и за такую вину слѣдовало бы казнить смертию, сказано въ приговорѣ, но государь-де для сына своего, царевича Алексѣя, и по просьбѣ отца своего, патриарха Филарета Никитича, велѣлъ только посадить князя Тюфякина и другихъ чиновъ посольства въ тюрьму да отобрать отъ нихъ вотчины и помѣстья; а дѣйствительныя вины князя были совсѣмъ иныя: въ Абердилѣ онъ украсть татарченка и продалъ его въ кумышской землѣ, въ кумышской же землѣ велѣлъ украсть дѣвку и вывезъ ее тайкомъ, положивши ее въ сундукъ ¹⁴⁹).

Познакомившись съ посылками птицъ въ Турцію, Крымъ и Персію, носившими постоянный характеръ дани или «помнокъ», отъ тѣхъ теперь случайныя, вызванныя исключительными обстоятельствами, посылки кречетовъ и соколовъ мелкимъ владѣтелямъ востока и главамъ нѣкоторыхъ европейскихъ государствъ.

Бухарскому хану птицы посылались дважды: въ 1622 г. ¹⁵⁰) и въ 1675 г.; къ сожалѣнію, ни количество птицъ, ни цѣль и мотивы этихъ посылокъ намъ неизвѣстны.

Точно также остается неизвѣстнымъ поводъ посылки въ 1641 г. одного кречета съ нарядомъ киргизскому царевичу Авгону, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ этого кречета брату своему Исфендіару, царю, резиденція котораго находилась въ Юргенчѣ.

Въ 1660 г. отправлено было 3 кречета калмыцкому тайшѣ (князю); посольство это имѣло цѣлю заставить тайшу повліять на крымскаго хана въ томъ отношеніи, чтобы послѣдній отсталъ отъ Польши, и, въ противномъ случаѣ, тайшу просили объявить крымскому хану войну. Интересно, что калмыки остались подарками крайне недовольны, но просьбу русскаго царя все-таки исполнили.

Грузинскому царю Теймуразу птицы посылались въ XVII в. пять разъ: въ 1637, 1641, 1647, 1654 и 1660 гг.; въ первые три раза—по три кречета, въ послѣдній разъ—десять. Посылка птицъ въ 1637 г. была вызвана заявленнымъ желаніемъ Теймураза перейти въ подданство русскаго царя. Въ этихъ видахъ, чтобы привести Теймураза къ крестному цѣлованію, посланы были князь Волконскій, дьякъ Хватовъ и пятеро духовныхъ лицъ. Въ 1641 г. въ Грузію отправленъ былъ князь Мышецкій; онъ везъ съ собою отказъ на просьбу Теймураза построить для него крѣпости противъ кумыковъ; чтобы смягчить горечь отказа, царь послалъ Теймуразу 20.000 ефимковъ, соболей и кречетовъ, трехъ—для него самого и двухъ, съ полнымъ уборомъ,—для его сына Давыда. Въ 1647 г. кречеты, вѣроятно, были посланы съ посломъ Теймураза, пріѣзжавшимъ хлопотать въ Москвѣ о бракѣ сестры молодого царя Алексѣя Михайловича со старшимъ внукомъ Теймураза, Юсафомъ; предложеніе это было отклонено. Цѣль четвертой посылки намъ неизвѣстна. Послѣдняя посылка птицъ въ Грузію, сколькихъ—неизвѣстно, состоялась въ 1660 г.; птицы, вѣроятно, были отправлены съ внукомъ Теймураза, Николаемъ Давыдовичемъ, ребенкомъ 8 лѣтъ, пріѣзжавшимъ въ Москву вмѣстѣ съ матерью. Въ обратный путь царевича сопровождалъ русскій посолъ Мякиншинъ, имѣвшій порученіе къ Теймуразу и къ имеретинскому

царю Александру; но имъ въ этомъ году на Кавказъ не удалось пробраться. Тамъ въ это время царя смута: Александра «окормили», а Теймуразъ попалъ въ плѣнь къ персамъ. До 1666 года всѣ путники просидѣли въ Тушинской землѣ и только тогда верну-

А. Моклицынъ

лись въ Москву, откуда грузинскій царевичъ попалъ на родину лишь въ 1674 г.

Въ Имеретію, къ царю Александру, кречеты, въ количествѣ трехъ, были посланы въ 1663 г. и отправлены были съ прѣзжавшими отъ него на Москву послами: казначеемъ его Менигашіемъ Джепариемъ и архимандритомъ, имя котораго не сохранилось въ документахъ.

Случайныя и болѣе рѣдкія посылки ловчихъ птицъ и другихъ подарковъ въ Англію, Польшу и Данію представляются совершенно ясными по мотивамъ и цѣли.

Въ Англію за это время было двѣ посылки: въ 1618 г. и въ 1662 г. Въ первый разъ сколько-то птицъ было отправлено, при посольствѣ дворянина Степана Вольнскаго и дьяка Марка Поздѣва, которымъ поручено было благодарить англійскаго короля за участіе въ состоявшемся примиреніи со Швеціей и просить у него помощи противъ Польши. Въ 1662 г. въ Лондонъ были посланы князь Петръ Прозоровскій и дворянинъ Иванъ Желябужскій, которые везли съ собою 8 кречетовъ, 2 соколовъ и 6 ястребовъ, съ полнымъ нарядомъ, много соболей и лисицъ черныхъ, мѣховъ горностаевыхъ, живыхъ соболей, горностаевъ и куницъ. По свидѣтельству Катошихина, «такіе великіе дары посланы были для подкрѣпленія старой ихъ государственной братской дружбы и любви»; поводомъ послужили восшествіе на престолъ и бракъ короля Карла II. Дѣйствительная цѣль посольства заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать у лондонскихъ купцовъ денежный заемъ и ходатайствовать предъ королемъ о продолженіи вольной торговли англійскихъ купцовъ въ Архангельскомъ портѣ, на правахъ и основаніяхъ, дѣйствовавшихъ при прежнихъ англійскихъ короляхъ.

Посылка въ Польшу состояла зимою 1644 г., когда польскому королю было отправлено 5 или (по другимъ извѣстіямъ) 6 кречетовъ съ послами кн. Львовымъ, Пушкинымъ и Волошенинымъ. Посольство это имѣло цѣлью переговоры о титулѣ московскаго царя, по разме-

жеваніи Путівльскихъ земель, а также изслѣдованіе про «вора», именовавшагося Семеномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, сыномъ царя, у котораго «на спинѣ орель». Относительно послѣдняго пункта польскіе паны успокоили пословъ, объявивъ имъ, что «воръ» этотъ — человѣкъ неопасный, такъ какъ это былъ писарь, въ шутку называвшійся царевичемъ; для полнаго успокоенія, паны обѣщали прислать его въ Москву съ особымъ отъ себя посольствомъ.

Гораздо интереснѣе, по обстоятельствамъ дѣла, посылка птицъ и подарковъ въ Данію. Въ 1663 году къ датскому королю, рассказываетъ Катошихинъ, «послано было всякихъ даровъ: соболей и лисицъ черныхъ, и мѣховъ собольихъ и горностаевыхъ, соболей и куницъ и горностаевъ живыхъ, и птицъ кречетовъ и соколовъ и ястребовъ и иныхъ, съ 15.000 рублевъ; да отъ Архангельскаго города, въ два пойма, хлѣба по 5000 четвертей безденежно. А посланы такіе великіе дары для того: какъ у Московскаго царя учинилося съ королевскимъ величествомъ Свейскимъ (Шведскимъ) нелюбье и война, и въ то время царь писалъ къ Датскому королю, чтобъ онъ противъ королевскаго величества помогаль, стояль за нимъ, царемъ, за одно, и по оному его письму Датскій король то и чиниль; а когда Всемогущій Богъ королевскому величеству допомогъ, надъ Датскимъ королемъ учинился поискъ, и тогда царь Московскій Датскому королю не помогаль и чиниль въ то время съ королевскимъ величествомъ въ Валіесарѣ о покоѣ трактатство, и чрезъ такое его царское письмо Датскій король сталъ обмануть; и видя царь Московскій свою неправду, для утѣшенія, послалъ къ нему такіе подарки, чтобъ онъ на него не имѣлъ злости, а все то, что ни было забылъ». И самый фактъ, и передача его у Катошихина, безспорно, крайне любопытны и неподражаемы по наивной простотѣ политическихъ пріемовъ; иное было время и иные нравы ¹⁵¹).

Въ такихъ-то чертахъ представляется состояніе царскихъ охотъ на рубежѣ древней и новой Россіи. Нѣтъ никакой нужды проводить

въ деталяхъ сравненіе охотъ разсмотрѣннаго періода съ охотами предшествовавшихъ эпохъ: представленныя, въ изобиліи, въ настоящемъ изслѣдованіи факты говорятъ сами за себя и — безъ комментариевъ — достаточно освѣщаютъ постепенное развитіе царскихъ охотъ при Михаилѣ Осодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всякомъ случаѣ новой Россіи, въ отношеніи организаціи царскихъ охотъ, досталось не дурное наслѣдство. Какъ воспользовалась она имъ, что новаго внесла она въ эту область, подъ сильнымъ напоромъ европейскихъ вліяній, это мы увидимъ въ слѣдующемъ выпускѣ нашего изслѣдованія.

Гамкишъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

¹⁾ Дворцовые разряды 1850 г., стр. 1154; см. Забѣлина «Бытъ царей», стр. 54.

²⁾ Общ. Архив. Минист. Двора, столб. № 103—7127 г.; см. Забѣлина «Бытъ царей», стр. 453.

Грамота 1619 года гласитъ:

«Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Оседоровича всеа Росіи въ Галичь губному старостѣ Петру Перелешину. По нашему указу посланы съ Москвы въ Галичь и въ Галецкіе пригороды на Чухлому, въ Судаѣ, къ Солигалицкой, на Унжу, въ Кологривѣ, въ Парфеньевѣ, и тѣхъ городовъ въ уѣзды ловчего пути охотники Богданъ Опочининъ да Наумъ Усовъ, да конные псары Петръ Молчановъ, Олферъ Вараксинъ, Константинъ Олтуфьевъ въ Наши дворцовые села и въ княжецкіе, и въ дворянскіе и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей въ помѣстья и въ вотчины и въ ихъ волости которые вѣдаютъ на обиходъ, Матери Нашіе Государыни Великіе Старицы Инокими Марфы Ивановны а велѣно имъ въ Галиче и въ Галицкихъ на Чухломѣ и у Солигалицкой въ Парфеньевѣ, на Судаѣ и въ Кологривѣ на посадѣ и въ уѣздѣ и у всякихъ людей имать на Нашу псарню собаки борзые и гончіе и меделянскіе и медвѣди, и какъ къ вамъ ся Наша грамота придетъ, а ловчего пути охотники Богданъ Опочининъ съ товарищи въ Галичь и въ Галицкіе пригороды прѣдутъ и вы бѣ имъ дали на ослушниковъ стрельцовъ и пушкарей и розсылщиковъ сколько человекъ пригожъ и кормъ тѣмъ собакамъ и медвѣдемъ и провожатыхъ и подъ медвѣди и подъ меделянскіе собаки подводы велѣли давати отъ города до города и кормъ собакамъ и медвѣдямъ велѣли давати чѣмъ имъ мочно сытымъ быть, имъ городажъ

до Города, а подводчиковъ за медвѣди гдѣ возьмутъ медвѣди велѣли давать до Москвы. Прочетъ сю Нашу Грамоту и списавъ съ нее противу слово въ слово оставливалибъ у себя, а сю Нашу Грамоту отсылали есте въ Галицкіе пригороды къ Приказнымъ людемъ. Писана на Москвѣ лѣта 7127 Марта въ 14 день» (Рукоп. Общ. Арх. Мин. Двора, столб. № 103—7127 г.; тоже Забѣлина «Быть царицъ», стр. 453).

³⁾ Общ. Архив. Мин. Двора, кн. 276, л. 177; ср. Забѣлина «Кунцово и древній Сѣтунскій станъ». М., 1867, стр. 143.

⁴⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 104—7225 г., кн. 203, л. 228 и л. оборотн. 211, 213, 244 и 381; кн. 204, л. 552.

⁵⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 205, л. 194 и 195 и л. оборотн. 195.

⁶⁾ Дворц. Разряды. СПб., 1850, т. I, стр. 435 и 436.

⁷⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. оборотн. 406, 407 и 413.

⁸⁾ Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 209, л. 530 и 570; столбцы 16 и 41—7132 г.

⁹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ охотахъ Михаила Ѳеодоровича почерпнуты изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 462; кн. 282, л. 62 и 368; кн. 286, л. 49 и 53, л. оборотн. 49; кн. 287, л. оборотн. 55; кн. 290, л. 169, л. оборотн. 150, 180, 216 и 500; кн. 291, л. 37 и 132; кн. 292, л. оборотн. 62 и 294; кн. 296, л. 18; кн. 299, л. 22; столб. 161—7140 г.

б) Дворц. Разряды. СПб., 1850, т. I, стр. 697—704, 857—860, 926, 927, 933, 1014—1022; т. II, стр. 169, 244—246, 403, 482—485, 486, 489, 525, 539, 580, 592, 618, 671, 711.

в) «Выходы Государей Царей и Великихъ князей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича всея Русіи самодержцевъ». Москва, 1844 г., стр. 50 и 69.

г) Забѣлинъ, «Быть царицъ». Москва, 1862 г., стр. 459—463.

д) Оларій, «Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Москву и Персію...» Пер. съ нѣм. П. Барсова. Москва, 1870 г., стр. 94.

¹⁰⁾ Н. Костомаровъ, «Русск. Исторія въ жизнеописаніяхъ», вып. IV, 1874 г., стр. 5.

¹¹⁾ 31 Мая 1625 года государь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправился въ походъ на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру; 4 Іюня онъ былъ еще въ селѣ Воздвиженскомъ, 5 и 6 Іюня обѣдалъ у Троицы, а 9 Іюня находился на обратномъ пути изъ монастыря къ Москвѣ, при чемъ останавливался въ селѣ Тонинскомъ и Покровскомъ. Возвратный путь, весьма вѣроятно, сопровождался охотами, а въ селѣ Покровскомъ царь тѣшился медвѣжьею потѣхою и слонами (Дворц. Разр., т. I,

стр. 697—704; Забѣлинъ, «Быть царичъ», стр. 463; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 462).

21 Сентября 1626 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ снова направился въ Троицкій походъ, при чемъ 24 числа обѣдалъ въ селѣ Воздвиженскомъ, 25 Сентября, день Святаго Сергія Радонежскаго, провелъ въ монастырѣ, а 29 числа, на обратномъ пути обѣдалъ въ селѣ Тонинскомъ. Что обратный походъ изъ лавры сопровождался охотами мы можемъ сказать съ убѣжденіемъ, такъ какъ царь бралъ для этой цѣли съ собою ловчаго пути Тимофея Ивановича Усова, вѣроятно, въ то время завѣдывавшаго царскою звѣровою охотою. Усовъ былъ въ числѣ приглашенныхъ къ царскому столу какъ въ селѣ Воздвиженскомъ, такъ и въ селѣ Тонинскомъ. При остановкѣ же въ селѣ Покровскомъ—тамъ устраивались медвѣжья и слоновою потѣхи (Дворц. Разр., т. I, стр. 857—860; Забѣлинъ, «Быть царичъ», стр. 459—62; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 62).

29 Октября того же года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ «ходилъ въ свое государево село въ Рубцово (Покровское) для освященія церкви пречистыя Богородицы Покрова» и тѣшился, затѣмъ, тамъ медвѣжьею потѣхою (Дворц. Разряды, т. I, стр. 861; Забѣлинъ, «Быть царичъ», стр. 459—62).

Въ двадцатыхъ числахъ Юня 1627 года, возвращаясь изъ Троицкаго похода, «тѣшился Государь въ селѣ Братошинѣ кречеты». На этой охотѣ отличился кречетъ, котораго вынашивалъ кречетникъ Иванъ Петровъ сынъ Марковъ, и который убилъ коршуна. Учителю героя охоты, кречета, былъ данъ по тому времени цѣнный подарокъ — тафта стоимостью въ 3 рубля 50 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 368; Дворц. Разр., т. I, стр. 926 и 927).

1 Августа того же 1627 года царь охотился въ окрестностяхъ Симонова монастыря. На царскомъ обѣдѣ въ этомъ монастырѣ участвовали ловчаго пути Тимофей Васильевичъ Усовъ съ 19 человекъ охотниковъ, значитъ, поѣздка эта, помимо богомолья, имѣла цѣлю и охоту (Дворц. Разр., т. I, стр. 933).

9 Мая 1628 года былъ государь Михаилъ Ѳеодоровичъ «у Николы Чюдотворца на Угрѣшѣ», при чемъ, нѣтъ сомнѣнія, въ окрестностяхъ монастыря охотился, ибо приказалъ быть съ нимъ въ походѣ ловчаго пути Тимофею Иванову сыну Усову (Этотъ Тимофей Усовъ именуется въ Дворцовыхъ Разрядахъ то Ивановичемъ, то Васильевичемъ). (Дворц. Разр., т. I, стр. 1014).

28 Мая 1628 года отправился Михаилъ Ѳеодоровичъ въ Троицкій походъ, 31 числа былъ въ селѣ Воздвиженскомъ, 1 и 2 Юня провелъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и 7 Юня былъ въ селѣ Тонинскомъ. Походъ этотъ, несомнѣнно,

сопровождался соколиною охотою. У царскаго стола въ селѣ Воздвиженскомъ обѣдали сокольничья пути Истома Воейковъ съ 27 человѣками сокольниковъ. Тотъ же Воейковъ приглашенъ былъ къ царскому столу и въ селѣ Тонинскомъ (Тамъ же, стр. 1014—1022).

Во время похода царя Михаила Ѳеодоровича въ 1630 году на праздникъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, состоявшагося въ срединѣ Сентября мѣсяца, государь и его приближенные, между прочимъ, упражнялись въ стрѣльбѣ. На этой потѣхѣ были разстрѣлены шапки стольника князь Михайла князь Петрова сына Пронскаго, окольничаго князя Александра Михайлова Львова и князя Никиты Ивановича Одоевского, за что лица эти получили соболей и бархату кармазину: первый — на 5 рублей 12 1/2 копѣекъ, второй — на 10 рублей и третій — на 6 рублей 12 1/2 копѣекъ (Дворц. Разр., т. II, стр. 169; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 286, л. 49, л. оборотн. 49 и л. 53).

6 Октября 1631 года государь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправился въ Троицкой походъ, 10 числа былъ въ селѣ Воздвиженскомъ, 11 — въ лаврѣ и 16, на обратномъ пути — въ селѣ Тонинскомъ; заѣзжалъ онъ также и въ село Покровское. Въ селахъ Покровскомъ-Рубцовѣ и въ Тонинскомъ царь тѣшился медвѣжьею потѣхою (Дворц. Разр., т. II, стр. 244—246; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 55; Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

Мы имѣемъ прямое указаніе о томъ, что въ теченіе лѣта 1632 года какъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, такъ и царевичъ Алексѣй Михайловичъ хаживали на охоту съ ловчими птицами весьма часто. Въ этомъ году дворянинъ Иванъ Семеновичъ Лодыгинъ подалъ Михаилу Ѳеодоровичу слѣдующую интересную челобитную:

«Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой, Ивашко Семеновъ сынъ Лодыгинъ, въ нынѣшнемъ Государь во 140 году до Зимнаго Николіина дни, пожаловалъ ты Государь меня холопа своего, какъ я холопъ твой тебя Государя тѣшилъ и Царевича князя Алексѣя Михайловича соколы кречеты Государь пожаловалъ мнѣ холопу своему шубу и я холопъ твой съ тѣхъ мѣстъ и по сю пору ожидаючи твоего Государева жалованья.... не бивалъ челомъ Милосердый Государь Царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи пожалуй меня холопа своего въ то мѣсто къ Свѣтлomu Воскресенью фerezнами да кафтаномъ. А дураки Государь тѣша тебя Государя изодрали на мнѣ однорядочку да шапочку, а однорядочка у меня холопа твоего къ Свѣтлomu Воскресенью съ пугвицы серебряными твое Царское жалованье есть. Царь Государь смилуйся». Челобитная была уважена (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 161—7140 г.).

12 Октября 1634 года Государь Михаилъ Оеодоровичъ отправился на извѣстное время въ село Покровское (Дворц. Разр., т. II, стр. 403).

Во время своего пребыванія въ этомъ селѣ царь забавлялся охотою. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія о выдачѣ задворному конюху Степану Карпову «на шапку вершокъ суконной вишневоѣ 10 алтынъ, тулея лапы лисы 6 алтынъ, на околь соболь полтора рубли, а пожаловалъ Государь его за то, какъ Государь былъ на селѣ Покровскомъ и выѣзжалъ на поле тѣшиться и Государевы комнатные Государя тѣшили по его шапкѣ стрѣляли изъ луковъ и изъ пистолей и шапку изстрѣляли» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 290, л. оборотн. 180). Тогда же въ селѣ Покровскомъ устраивались и медвѣжьи потѣхи (тамъ же, кн. 290, л. оборотн. 150 и 216), а также тѣшилъ Государя стрѣлецъ Петрушка Ивангородецъ тѣмъ, что «носилъ на зубахъ бревно» (Тамъ же, кн. 290, л. 169).

«30-го Мая 1635 года» — пишетъ Оларіи — «гофмейстеръ молодого князя, по желанію Великаго Князя, устроилъ соколиную охоту и пригласилъ на нее важнѣйшихъ изъ чиновъ пословъ нашихъ. Онъ прислалъ за нами собственныхъ лошадей своихъ и повезъ насъ на прекрасный лугъ, въ двухъ Миляхъ отъ Москвы, гдѣ, послѣ весьма знаменательной и веселой охоты, угощалъ насъ въ палаткѣ водкой, медомъ, пряниками, Астраханскимъ виноградомъ и маринованными вишнями» (Оларіи, стр. 94). Вѣроятно, и нѣкоторые изъ чиновъ Голштинскаго посольства, испушившіеся въ томъ же дѣлѣ, показывали свои охотничьи приемы обращенія съ ловчими птицами, и при томъ показывали эти приемы уже въ присутствіи какъ царя Михаила Оеодоровича, такъ и царевича Алексѣя Михайловича гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ села Покровскаго. По крайней мѣрѣ сохранился документъ, свидѣтельствующій о выдачѣ наградъ 29 Мая этого года нѣмцамъ Ивану Семенову и Юрью Воину Бранту за то, что «тѣшили они Государя и Государя Царевича князя Алексѣя Михайловича въ селѣ Рубцове». Первый получилъ камки на 9 рублей, а второй тафты на 3 рубля 60 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 290, л. оборотн. 500).

21 Сентября 1635 года царь Михаилъ Оеодоровичъ отправился въ Троицкій походъ, 24 числа былъ въ селѣ Воздвиженскомъ, 25 — въ лаврѣ и 30 — въ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ (Дворц. Разр., т. II, стр. 482—485). Во время этого похода Михаилъ Оеодоровичъ охотился на медвѣдя. По крайней мѣрѣ 29 Сентября этого года выдано было задворному конюху Петрушкѣ Федотьеву сукно настрафиль въ 2 рубля «за то, что сво въ Троицкомъ походѣ подъ селомъ Пушкинымъ медвѣдь дралъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. 37). Что это не была медвѣжья потѣха, а была именно охота на медвѣдя, — видно изъ текста документа. Во-первыхъ,

при наградахъ за медвѣжьи бои всегда въ старыхъ документахъ говорится «за то что на государевой потѣхѣ», и т. д.; во-вторыхъ, потѣхи медвѣжьи всегда устраивались при царскихъ походахъ въ селахъ, а не «подъ селомъ», то-есть въ окрестностяхъ села; въ-третьихъ, мы не имѣемъ ни одного документа, гдѣ говорилось бы, что медвѣжья потѣха устраивалась бы и въ селѣ Пушкинѣ. А между тѣмъ, эта потѣха требовала устройства известной арены и вообще многихъ хлопотъ, приспособленій. Такая потѣха была устроена въ томъ же году въ селѣ Покровскомъ, гдѣ имѣлось все для этого необходимое, и куда государь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправился 13 Ноября (Дворц. Разр., т. II, стр. 486 и Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л. оборотн. 62).

Декабря 26 того же 1635 года «пошелъ Государь тѣшиться на лосии поля» (Дворц. Разр., т. II, стр. 489). Охота эта происходила, вѣроятно, въ одномъ изъ имѣній боярина Ѳедора Ивановича Шереметьева. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ людей названнаго боярина, 27 Декабря этого года, получилъ богатый подарокъ: сукно англійское цѣною въ 6 рублей 90 копѣекъ за то, что «тѣшилъ Государя въ лосиную осоку и лоси осочилъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. 132).

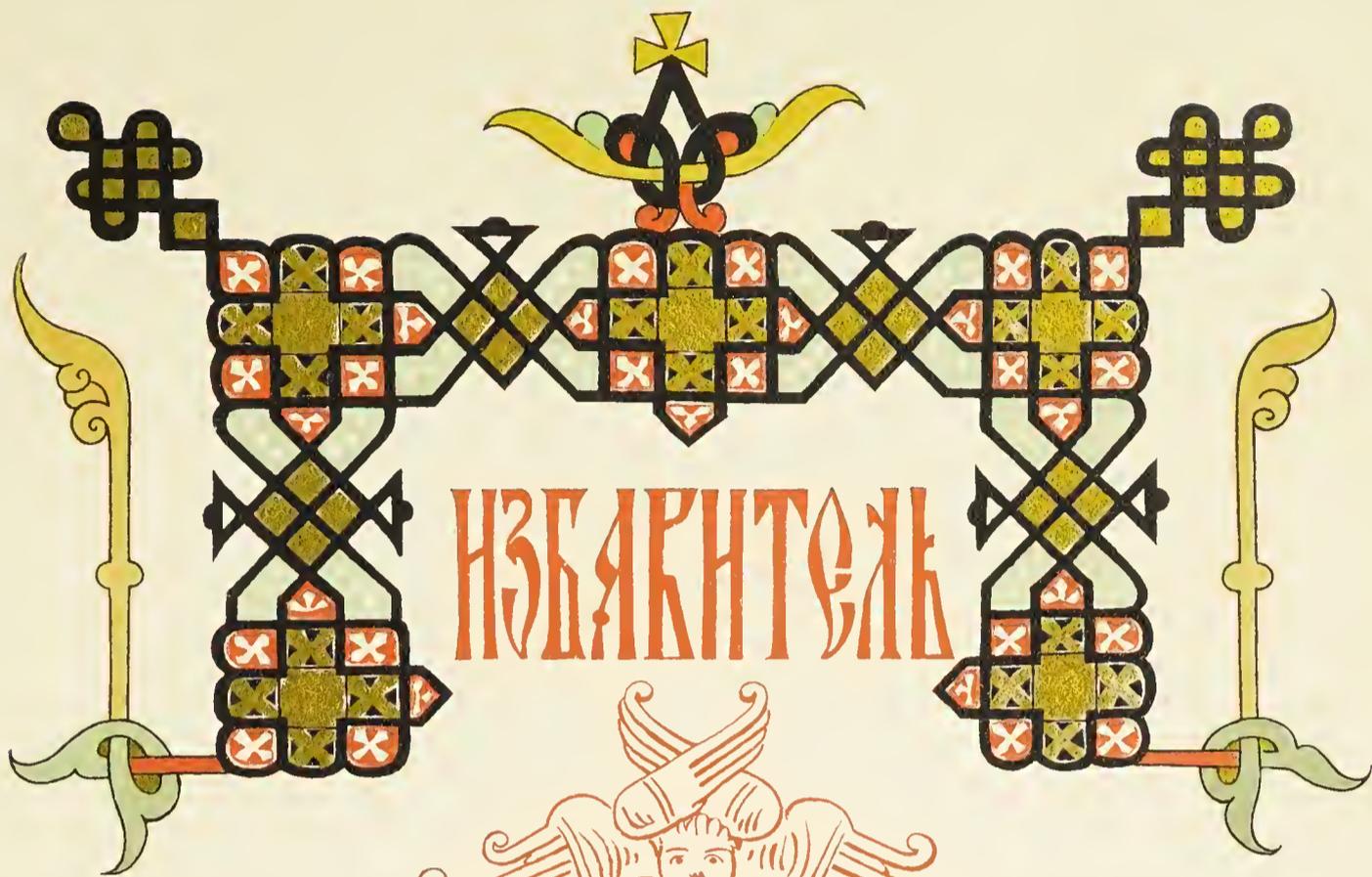
Въ Декабрѣ же мѣсяцѣ того же года государь Михаилъ Ѳеодоровичъ «пошелъ въ село Суково, на медвѣдя» (Дворц. Разр., т. II, стр. 489).

Въ Ноябрѣ 1636 года «Государь ходилъ къ Николѣ на Угрѣшу молится, а отъ Николы Государь ходилъ въ Рубцово, а изъ Рубцова пришелъ въ саняхъ». Всего въ этомъ походѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ пробылъ 17 дней и, вѣроятно, охотился, такъ какъ бралъ съ собою московскаго ловчаго Ивана Левонтьева и шатры для остановокъ въ полѣ (Дворц. Разр., т. II, стр. 525).

23 Мая 1637 года государь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправился въ село Покровское (Дворц. Разр., т. II, стр. 539), гдѣ пробылъ до 1 Юня («Выходы Государей», стр. 50), и гдѣ была устраиваема медвѣжья потѣха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л. оборотн. 294).

Въ Юнѣ 1638 года, 25 числа «пошелъ Государь въ село Покровское, что было Рубцово», въ окрестностяхъ котораго, очевидно, охотился, такъ какъ ему сопутствовали московскій ловчій Иванъ Федоровичъ Левонтьевъ и шатерничій Алексѣй Семеновичъ Карбышевъ (Дворц. Разр., т. II, стр. 580).

Тѣ же лица участвовали въ царскихъ походахъ къ Троицѣ, въ Александровскую слободу и въ Переяславль-Залѣсскій въ началѣ Октября 1638 года (Дворц. Разр., т. II, стр. 592 и «Выходы Государей», стр. 69) и къ Троицѣ въ Сентябрѣ 1639 года (Дворц. Разр., т. II, стр. 618).

ИЗЪЯВИТЕЛЪ

какъ любилъ Государь, Православный
Алексѣй Государь — свѣтъ Михайло-
вичъ,
какъ любилъ Государь болыно жаловалъ
ту потѣху свою государскую, ∴

Н. АМОКШЪ

17 Сентября 1640 года царь Михаилъ Осодоровичъ справлялъ новоселье въ новыхъ хоромахъ села Коломенскаго (Дворц. Разр., т. II, стр. 643), гдѣ, по случаю праздника, была устроена медвѣжья потѣха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 296, л. 18).

19 Сентября 1641 года царь Михаилъ Осодоровичъ отправился въ село Покровское-Рубцово, а оттуда къ Троицѣ, опять-таки сопутствуемый московскимъ ловчимъ Левонтьевымъ (Дворц. Разр., т. II, стр. 671).

10 Сентября 1643 года «ходилъ Государь въ село Покровское» (тамъ же, стр. 711), гдѣ тѣшили соколами царевича Алексѣя Михайловича люди боярина Никиты Ивановича Романова — братья Борисъ и Иванъ Коноплевы, хорошо за это награжденные. Борисъ получилъ тафту да сукно на 8 рублей 64 копѣйки, а Иванъ — сукно на 4 рубля 20 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 299, л. 22).

¹²⁾ Сохранился любопытный документъ, относящійся къ 1655 году, подтверждающій послѣднее обстоятельство и представляющій изъ себя нижеслѣдующее обращеніе царя Алексѣя Михайловича къ своимъ сокольникамъ: «Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя Росіи Самодержца, избраннымъ нашимъ и вѣрнымъ соколникомъ Леонтію Григорову, съ товарищи. Отъ насъ Великаго Государя милостивое слово: да по нашему Государеву указу товарищамъ вашимъ соколникамъ велѣно быть въ сотне (смотри ниже о встрѣчѣ иностранныхъ пословъ), а каковъ голова и каково платье и лошади и какова людна сотня и прото вамъ отпишутъ товарищи ваши. А товарищъ вашъ Борисъ Бабинъ погнушался нашему государеву соколничему чину и сталъ считатца съ Михеемъ Тоболинымъ: что онъ по городу служилъ городовымъ чиномъ и мѣры не поставилъ городу чести. И Мы велѣли его бить батоги нещадно и выкинуть изъ соколничья чину и онъ волочился съ три недѣли. И для великаго Чюдотворца Николы, пожаловали Мы Великій Государь: велѣли ему быть въ стремянныхъ конюхахъ у царевича Грузинскаго и вамъ бы ему Борискѣ и безпутной его дурости тому товарищу не поревновать и намъ Великому Государю наипаче прежняго простираться и служить, а у насъ Великаго Государя служба ваша николѣ забвена не будетъ» (Государ. Арх., разр. XXVII, № 52, столб. № 11—7163 г.).

¹³⁾ «Бояромъ нашимъ и околничимъ и кравчему съ путемъ, и стряпчему съ ключемъ, боярину Борису Ивановичю Морозову, боярину Никитѣ Ивановичю Романову, боярину князю Якову Куденѣтовичю Черкасскому, боярину и дворешкому князю Алексѣю Михайловичю Лвову, боярину князю Алексѣю Никитичю Трубещкому, боярину князю Михаилу Михайловичю Темкину, боярину князю Осодору Семеновичю Куракину,

22*

кравчому съ путемъ Семену Лукьяновичю Стрешневу, околничему Феодору Борисовичю Далматову-Карпову, околничему князю Андрѣю Феодоровичю Литвинову-Масальскому, околничему Никифору Сергѣевичю Собакину, стряпчому съ ключемъ Михаилу Алексѣевичю Ртищеву, бьетъ челомъ и проситъ Государь Вашъ царь и Великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русси съ своими полчаны, съ столники и съ стряпчими и съ дворяны, чтобъ мнѣ ѣхать въ среду на Озерѣцкой медвѣдь, а какъ Богъ дастъ изымемъ и мнѣ бѣ ѣхать съ Вами въ Озерѣцкое кушать и кушавши бы поѣхать того жъ дня ночью и приѣхать бы въ Козловскую княгини деревни въ четвергъ поутру, и прося у Бога милости промыслять и какъ Богъ дастъ промыслимъ и намъ бы ѣхать въ Павловское, а посоху собирать заранѣе, а будетъ такъ, Вы не изволите и мнѣ съ Вами ѣхать тое жъ ночи въ Павловское и приѣхавшибѣ въ четвергъ мнѣ кушать и кушавшибѣ мнѣ съ ступными медвѣдьми тѣшитца старыми, а послать бы по нихъ заранѣ и на завтрѣе въ пятницу на ночь ѣхать къ Москвѣ пожалуйста поступитесь, о чемъ я у Васъ съ своими полчаны прошу, а я всѣмъ Вамъ поступался кто о чемъ билъ челомъ. Ты бояринъ Борисъ Ивановичъ билъ челомъ о Дмитріе.... и я тотчасъ пожаловалъ, а ты бояринъ Никита Ивановичъ билъ челомъ о Протасѣ Неплюеве въ воеводахъ, и я пожаловалъ, а Ты бояринъ князь Яковъ Куденѣтовичъ билъ челомъ объ Иване Лешовове, чтобъ его на службу не посылать, и я пожаловалъ, не велѣлъ посылать, а ты Бояринъ и Дворецкой князь Алексѣй Михайловичъ билъ челомъ о Андреѣ Племянникове, чтобъ я пожаловалъ велѣлъ отдать 100 рублей и я пожаловалъ, а ты бояринъ князь Алексѣй Никитичъ билъ челомъ, чтобъ на засеке..... стоятъ крестьянамъ твоимъ для твоей.....реной и я пожаловалъ не велѣлъ стоять, а ты бояринъ князь Михайло Михайловичъ билъ челомъ о помѣстьи и я тѣмъ помѣстьемъ тебя пожаловалъ и тебѣ то помѣстье не полюбилось и я тебѣ слово свое милостивое сказалъ велѣлъ тебѣ приискивать да бить челомъ, а ты бояринъ князь Федоръ Семеновичъ бивалъ челомъ по чясту, въ деревню и я тебя всегда жаловалъ отпускалъ, а ты Кравчей съ путемъ Семень Лукьяновичъ билъ челомъ о Миките Панине чтобъ его Микиту отпустить на Олатырь и я пожаловалъ велѣлъ отпустить, а ты околничей Федоръ Борисовичъ билъ челомъ о Смирнове сынѣ Демекове въ стряпчѣе и я пожаловалъ, а ты околничей князь Андрей Федоровичъ билъ челомъ на Богдана Дубровскаго о рыбныхъ ловляхъ и я тебя пожаловалъ, велѣлъ челобитную подписать, какъ служба минетца и въ ту пору указъ будетъ, а ты околничей Никифоръ Сергѣевичъ билъ челомъ объ Тимофѣеве сыне въ столники и я пожаловалъ, а ты стряпчей съ ключемъ Михаила Алексѣевичъ билъ челомъ о лошади въ цѣну и я тебя пожаловалъ безъ цѣны и Вы помятуйте всѣ скорую мою милость къ себѣ и

поступитесь мнѣ и полчаномъ моѣмъ о чемъ у Васъ просимъ, а мы столники и стряпчѣе и дворяне руки приложили либо такъ быть какъ Вашъ Государь и нашъ изволилъ всегда мірскихъ рѣчей слушаютъ и околничей Никифоръ Сергѣевичъ Собакинъ сказывалъ Государю — мужики де мнѣ сказывали, что до Павловскаго 20 верстъ, а медвѣдь лежитъ за Павловскимъ 20 верстъ, и всего 40 верстъ, и я Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси, и Полчяне желаемъ всѣмъ Вамъ душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія во вѣки» (Государств. Арх., № 53, разрядъ XXVII).

¹⁴⁾ Любилъ царь Алексѣй Михайловичъ, повидному, и рыбную ловлю. Такъ, въ 1657 году въ Иверскій монастырь была отправлена весьма любопытная грамота патріарха, которою приказывалось: «рыбу велѣтъ ловить, судоки и лещи и щуки и сомы и лини и всякую рыбу, и сажать ту рыбу живую въ озеро, а озерко въ которое ту рыбу сажать, пріискать небольшое, чтобъ было чисто, отъ монастыря хотя въ верстахъ трехъ или четырехъ или пяти, только бѣ рыба не поморить... да къ Государеву и къ нашему приходу приготовить четыре невода новыхъ добрыхъ» (Акт. Истор., т. IV, 109, стр. 253). Очевидно, патріархъ хотѣлъ угостить царя знатной рыбной ловлей.

¹⁵⁾ Первыя свѣдѣнія объ охотахъ царя Алексѣя Михайловича относятся къ первымъ днямъ царствованія молодого царя, къ концу 1645 года.

25 Декабря этого года, на первый день Рождества, были награждены люди дядьки и воспитатели царя, Бориса Ивановича Морозова, — Иванъ Лушинъ съ двумя товарищами за то, что «отыскивали дикихъ медвѣдей» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 38—7154 г.), вѣроятно, во время похода царя Алексѣя Михайловича «въ Можайскъ, и въ Боровскъ въ Пафнутаевъ монастырь, и въ Звенигородъ къ Савѣ Сторожевскому чудотворцу», состоявшагося въ началѣ Декабря этого года (Дворц. Разр., т. III, стр. 21).

Въ Январѣ 1646 года молодой государь опять предпринимаетъ охотничью поѣздку въ окрестности Саввина-Сторожевскаго монастыря. Во время этого «Звенигородскаго похода» онъ дважды заѣзжаетъ въ имѣніе своего воспитателя, боярина Бориса Ивановича Морозова, въ село Павловское, гдѣ оба раза устраиваются медвѣжьи потѣхи, второй разъ 31 Января (Общ. Арх. Мин. Дв., столбцы 62 и 84—7154 г.).

Весною того же года царь Алексѣй Михайловичъ снова предпринимаетъ охотничью поѣздку по дворцовымъ подмосковнымъ селамъ. Начало Апрѣля онъ проводитъ въ селѣ Покровскомъ-Рубцовѣ. Оттуда, 3 Апрѣля, пишетъ онъ письмо стольнику Афанасію Ивановичу Матюшкину, приказывая «взять въ Золотой Палатѣ на окнѣ трои обносцы да запечатать и прислать тотчасъ» къ нему въ село Покровское вмѣстѣ съ царскою «чернилицой съ трубками», чернилами и перьями, взявъ чернила отъ

дьяка Григорья Львова и велѣвъ ему же очинить перья. При этомъ Алексѣй Михайловичъ увѣдомляетъ Матюшкина, что близъ Покровскаго въ то время было «утокъ безчисленно много по лужамъ» и горько жалуется на то, что «ѣздить по полямъ топко и изымать печѣмъ», такъ какъ «ястребы не поспѣли», то-есть подготовка ихъ къ охотѣ еще не была закончена (Акты Археограф. Экспед., т. IV, № 100—VI, стр. 140).

9 Апрѣля того же года, изъ села же Покровскаго Алексѣй Михайловичъ пишетъ къ Матюшкину второе письмо, приказывая, между прочимъ, прислать къ нему съ посланнымъ голубей, вѣроятно, для корму взятыхъ съ собою ловчихъ птицъ (Собр. писемъ Ал. Мих., № 11).

30 Апрѣля этого года царь Алексѣй Михайловичъ уже находился въ селѣ Коломенскомъ, откуда послалъ Матюшкину приказъ: «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тебѣ-бъ ходитъ къ сестрамъ (царевнамъ Ирпнѣ, Аннѣ и Татьянѣ Михайловнамъ) и спрашивать отъ меня о здоровье, какъ приказано было прежь сего» (Собр. писемъ Ал. Мих., № 111).

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года государь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 143).

11 Октября того же года «ходилъ Государь въ село Островъ и въ Острову было освященіе церкви» (Дворц. Разр., т. III, стр. 49). Вѣроятно, во время этого Островскаго похода царь Алексѣй Михайловичъ заходилъ и въ село Покровское, гдѣ была устроена охота съ ловчими птицами. На этой охотѣ случилось непріятное въ охотничьемъ отношеніи приключеніе — «утекъ соколъ». Однако, сокола удалось поймать человѣку боярина Бориса Ивановича Морозова, Клементью Васильеву, за что послѣдній и получилъ сукно англійское въ 4 рубля 40 копѣекъ (Общ. Арх. Мш. Двора, кн. 302, л. 21).

Въ непродолжительномъ послѣ этого времени были устроены лисьи осоки подъ селомъ Коломенскимъ, при чемъ осочили лишь конные псарн Микифоръ Озорной да Дмитрій Шевелевъ, удостоившіеся 11 Ноября этого же года царскаго жалованья — суконъ настрафила двухрублеваго достоинства (Тамъ же, кн. 302, л. 32). Последняя охота была устроена, вѣроятно, еще въ Октябрѣ, можетъ быть, также при Островскомъ походѣ; по крайней мѣрѣ, судя по даннымъ Дворцовыхъ Разрядовъ, весь Ноябрь мѣсяцъ царь Алексѣй Михайловичъ провелъ въ Москвѣ (т. III, стр. 50).

Около этого же времени государь Алексѣй Михайловичъ ходилъ «въ Хорошевскій походъ», охотясь по дорогѣ на волковъ. Въ охотѣ этой принимали участіе люди боярина князя Якова Куденетовича Черкаскаго, постояннаго спутника царя на звѣринныхъ охотахъ. Люди эти, Яковъ Черкашенинъ да псарь Худячко Сидоровъ

«объѣхали волка», за что получили: первый — сукно англійское въ 3 рубля 4 копѣйки, а второй — сукно настрафиль въ 1 рубль 8 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 302, л. оборотн. 46).

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1647 года царь Алексѣй Михайловичъ охотился на волковъ и на медвѣдя. Медвѣжья охота была устроена подѣ селомъ Крылацкимъ, и «осочили медвѣдя» ловчаго пути охотникъ Осипъ Молчановъ и конный псарь Любимъ Молчановъ (Тамъ же, кн. 302, л. 68). Охота на волковъ была, повидимому, устроена въ обширномъ размѣрѣ или, лучше сказать, это былъ рядъ волчьихъ осокъ, въ которыхъ принимали участіе, какъ чины царской охоты, такъ и охотники боярина князя Якова Куденетовича Черкаскаго. До насъ дошли документы, свидѣтельствующіе нижеслѣдующее: 20 Января этого года людямъ боярина князя Якова Куденетовича Черкаскаго, псарямъ Григорію Жуку да Боренку Иванову было выдано по сукну кострыщу темно-синему, цѣною по 1 рублю 80 копѣекъ за кусокъ, за то, что «они сочили въ селѣ Ржественномъ волковъ» (Тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 71). 29 того же Января люди того же боярина получили также «за волчьи осоки»: Игнатій Цвѣтковъ — сукно англійское вишневое въ 3 рубля 60 копѣекъ, да псари Стенка Корташъ и Смышляйка Сидоровъ — по сукну кострыщу темно-синему, цѣною по 1 рублю 92 копѣйки за сукно (Тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 77). 5 Февраля того же года «за волчьи же осоки» былъ награжденъ настрафилемъ лазоревымъ въ 1 рубль 73 копѣйки ловчаго пути конный псарь Павелъ Будаевъ (Тамъ же, кн. 302, л. 81).

Въ 1647 же году «Февраля въ 15 день, ходилъ Государь на медвѣдя», но куда именно, неизвѣстно (Дворц. Разр., т. III, стр. 56).

Меньше чѣмъ черезъ недѣлю, 21 Февраля, государь Алексѣй Михайловичъ снова охотился гдѣ-нибудь въ имѣніяхъ князей Волхонскихъ на медвѣдя же: 10 Марта этого года людямъ окольного князя Петра Федоровича Волхонскаго, Митѣ Васильеву да Замяшкѣ Митрофанову, выдали по сукну кострыщу, въ 1 рубль 92 копѣйки сукно, за то, что «въ нынѣшнемъ 155 году осочили они медвѣдя Февраля въ 21 день» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. оборотн. 96).

Въ Мартѣ того же года царь Алексѣй Михайловичъ, вѣроятно, охотился въ окрестностяхъ села Покровскаго, а въ самомъ селѣ была устроена медвѣжья потѣха (Тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 98).

Въ Августѣ 1647 года «тѣшили Государя соколы въ селѣ Коломенскомъ» люди боярина Никиты Ивановича Романова, сокольники Борисъ Коноплевъ да нѣкій Терешка, за что и были награждены 12 числа этого мѣсяца сукнами настрафилемъ лазоревымъ, по 1 рублю 92 копѣйки за сукно (Тамъ же, кн. 302, л. 21).

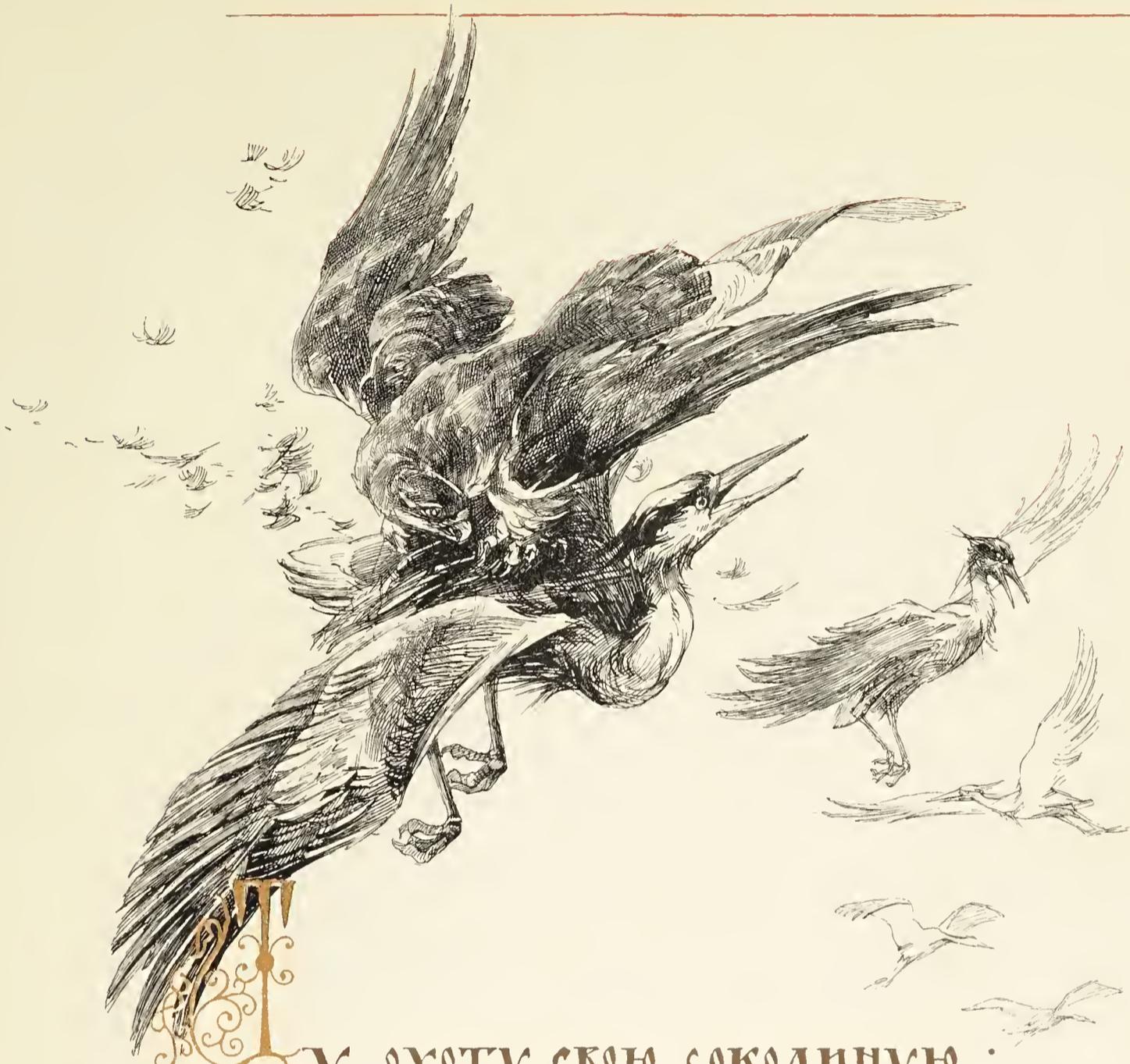
Наконецъ, въ Декабрѣ этого же года, 31 числа, люди боярина Никиты Ивановича (вѣроятно, какъ и въ Августѣ) Романова, Андришка Прокофьевъ и Гришка Яковлевъ, получили такіе же подарки «за звѣринные осоки» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 73).

Въ началѣ Января 1648 года, во время Звенигородскаго, Можайскаго и Боровскаго похода царя Алексѣя Михайловича, снова были устроены охоты на волковъ, въ которыхъ принимали участіе какъ царскіе охотники, такъ и охотники князей Якова Куденетовича Черкаскаго и Ивана Прозоровскаго. Такъ, 6 Января этого года выдано было по доброму сукну четыремъ псарямъ боярина князя Якова Куденетовича Черкаскаго, Стенкѣ Карташу съ товарищами, и псарю стольника князя Ивана Прозоровскаго, Акинфейку Григорьеву, «за волчьи осоки» (тамъ же, столб. 77—7156 г.), а 12 числа того же Января ловчаго пути конные псаря, Иванъ Исаевъ, Микифоръ Озорной и Микита Шевелевъ, за то, что «осочили шти волковъ», во время Звенигородскаго, Можайскаго и Боровскаго похода, получили по сукну настрафилю лазоревому (Тамъ же, столб. 90—7156 г. и Столб. Оруж. Пал. АВ—626).

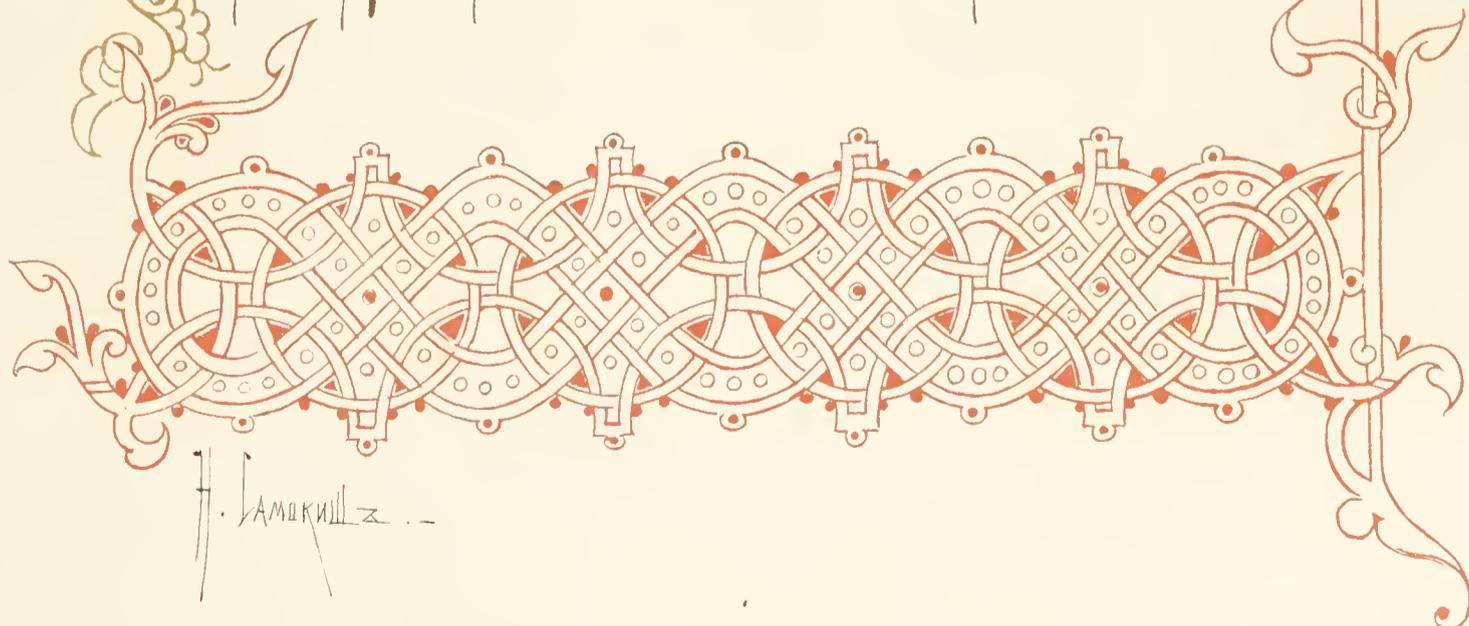
Во время того же похода были устраиваемы медвѣжьи потѣхи въ селахъ Покровскомъ, Урюпинѣ и Павловскомъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. оборотн. 118 и 127 и столб. 90—7156 г.).

16 Января 1648 года состоялась свадьба царя Алексѣя Михайловича, который «взялъ за себя Государя Ильину дочь Даниловича Милославскаго, Государыню Царшцу и Великую Княгиню Марью Ильиничну», при чемъ во время торжества бракосочетанія «въ отцово мѣсто» былъ поставленъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 78). Черезъ пять дней послѣ свадьбы, 21 числа, государь отправился въ Трошкій походъ (тамъ же, стр. 86) и охотился на медвѣдя въ одномъ изъ имѣній своего посаженнаго отца, такъ какъ 30 Января людямъ боярина Бориса Ивановича Морозова, Афанасью Игнатьеву, Потапу Кулакову и Никифору Афанасимову, было уже выдано по доброму сукну «за медвѣжьи осоки» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 114—7156 г. и кн. 303, л. оборотн. 107).

Въ Февралѣ мѣсяцѣ этого же года царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Звенигородскій, Можайскій и Боровской походъ, во время котораго были снова устраиваемы медвѣжьи охоты, при участіи въ нихъ различныхъ охотниковъ. Такъ, 20 Февраля получили по настрафилю лазоревому ловчаго пути охотникъ Алексѣй Меркурьевъ и конный псарь Давыдъ Даниловъ за то, что «они были въ Звенигородскомъ и въ Можайскомъ и въ Боровскомъ походѣ и за медвѣжьи осоки» (тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 118); 20 же Февраля выдано человѣку околышчаго князя Федора Федоровича Волконскаго, Божену Осипову, также сукно настрафиль лазоревый

У охоту свою соколиную ;

Н. Амочкин

«за медвѣжій осокъ» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 119). Наконецъ, 25 Февраля награждены такимъ же сукномъ крестьяне Звенигородскаго уѣзда дворцоваго села Михайловскаго — Стенка Зетеркинъ да человекъ царскаго псовника Петра Жадовскаго, Савка Меркульевъ, за медвѣжій же осокъ (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 119).

Въ Маѣ мѣсяцѣ того же года царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ Троицкій походъ, при чемъ 20 числа этого мѣсяца «пріѣхалъ изъ Здвигенскаго села въ монастырь къ Живоначальной Троицѣ» («Выходы Государей», стр. 181).

Въ Юлѣ того же 1648 года «тѣшилъ Государя на полѣ соколы» сокольникъ Иванъ Дашловъ сынъ Гребенкинъ и тѣшилъ, вѣроятно, не разъ, при чемъ во время одной изъ охотъ «убилъ соколъ цаплю, а онъ Иванъ тое цаплю принесъ ко Государю». За эти охоты Гребенкинъ былъ награжденъ два раза, 30 Юля и 5 Августа, получивъ сукно на 4 рубля 18 копѣекъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 284 и л. оборотн. 285).

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ того же года царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 190).

Въ Октябрѣ того же года Алексѣй Михайловичъ охотился на волковъ гдѣ-нибудь подъ селомъ Островомъ. 5 числа этого мѣсяца ловчаго пути псовникъ Петръ Жадовскій получилъ англійское вишневое сукно, цѣною въ 4 рубля 72 копѣйки съ деньгою, «за волчій осокъ, какъ онъ сочилъ волковъ въ Государевомъ Островскомъ походѣ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. оборотн. 31).

Въ Февралѣ 1649 г. царь Алексѣй Михайловичъ охотился на медвѣдя, вѣроятно, въ окрестностяхъ села Тонинскаго. Мы имѣемъ два документа, помѣченныя 15 Февраля этого года, изъ которыхъ одинъ гласитъ о награжденіи конныхъ псарей, Павла Будаева съ четырьмя товарищами, англійскими сукнами, по 2 рубля 76 копѣекъ сукно, «за медвѣжьи осокы», а другой—о награжденіи участниковъ медвѣжьей потѣхи, устроенной въ селѣ Тонинскомъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. 136).

Въ Маѣ мѣсяцѣ того же года царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Троицкій походъ, при чемъ 12 числа этого мѣсяца пришелъ изъ села Воздвиженскаго къ Троицѣ («Выходы Государей», стр. 208).

30 Юля 1649 года тѣшилъ царя Алексѣя Михайловича челнгомъ кречатымъ кречетникъ Иванъ Григорьевъ, за что и получилъ сукно доброе (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 32—7158 года).

Гдѣ происходила эта охота, мы не знаемъ, но замѣтимъ только, что 28 Юля государь былъ въ Поводѣвичьемъ монастырѣ; когда Алексѣй Михайловичъ вернулся оттуда въ свой Московскій дворецъ — неизвѣстно (Дворц. Разр., т. III, стр. 127).

Въ Сентябрѣ мѣсяцъ этого года царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Троицкій походъ къ празднику Святаго Сергія («Выходы Государей», стр. 217).

19 Октября 1649 года царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ село Коломенское, а оттуда 23 числа того же мѣсяца въ село Голенищево, сопровождаемый весьма многими боярами, окольнымими, стольниками и стряпчими, въ числѣ которыхъ находились и постоянные сотоварищи государя по охотѣ, бояре Борисъ Ивановичъ Морозовъ и князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій (Дворц. Разр., т. III, стр. 136). Вѣроятно, подъ селомъ Голенищевымъ, гдѣ-нибудь во владѣніяхъ стольника Василя Ивановича Шереметева, 25 Октября былъ устроенъ «лисій осокъ», при чемъ окладывали лисъ человѣкъ названнаго стольника, Любимъ Посоповъ, получившій за свою охотничью службу «за сукно доброе десьгами» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 57—7158 года). Изъ-подъ села Голенищева царская охота двинулась, вѣроятно, подъ село Павловское или какое-либо другое помѣстье боярина Бориса Ивановича Морозова, гдѣ охотниковъ ожидалъ обложенный медвѣдь. Медвѣдь былъ обложенъ человѣкомъ названнаго боярина, Трофимомъ Левашовымъ, и за этотъ «медвѣжій осокъ» окладчикъ получилъ англійское темнозеленое сукно въ 2 рубля 84 копейки (Тамъ же, кн. 305, листъ оборотн. 17).

9 Ноября того же года, опять сопровождаемый массою приближенныхъ, царь Алексѣй Михайловичъ направляется въ село Покровское. Присутствіе въ числѣ спутниковъ царя московскаго ловчаго Аонасія Сафонтьевича Заболотскаго заставляетъ предполагать, что это путешествіе имѣло специальною цѣлью устройство охоты (Двори. Разр., т. III, стр. 137).

12 того же Ноября царь Алексѣй Михайловичъ отправляется въ Звенигородскій походъ, къ Преподобному Саввѣ Сторожевскому (тамъ же, стр. 138), а 17 числа того же мѣсяца въ село Хорошево (Тамъ же, стр. 139). Во время этого похода «тѣшили государя волками за рѣчкою за Выхонкою» люди боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго, конный псарь Костыка Станинъ и Офонька Зыковъ, получившіе за это по доброму сукну (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 73—7158 года).

30 того же Ноября, сопровождаемый девятью боярами, четырьмя окольнымими, стряпчимъ съ ключемъ, московскимъ ловчимъ Аонасіемъ Сафонтьевичемъ Заболотскимъ, шестидесятью четырьмя стольниками, десятью стряпчими и двумя дворянами, царь Алексѣй Михайловичъ направляется въ Можайскій походъ, имѣя возниною стольника князь Алексѣя княжъ Иванова сына Буйносова Ростовскаго, ухабничимъ стряпчаго Еуфима Максимовича Ладженскаго и у саней Леонтія Леонтьевича Лопухина. Опять-таки присутствіе ловчаго указываетъ, что если не единственною,

то, по крайней мѣрѣ, одною изъ цѣлей этого путешествія была охота (Дворц. разр., т. III, стр. 140—143).

5 Февраля 1650 года царь Алексѣй Михайловичъ отправляется «въ ближніе походы» (тамъ же, стр. 148), а 17 Апрѣля того же года идетъ въ село Хорошево, взявъ съ собою московскаго ловчаго Заболоцкаго (Тамъ же, стр. 159). Въ Хорошевѣ устраивается медвѣжья потѣха (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 305, листъ 127).

25 Мая 1650 года «пошелъ Государь къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. А отъ Троицы изъ Сергіева монастыря итти Государю и съ Государынею Царицею въ Кашинѣ» (Дворц. Разр., т. III, стр. 170). Съ государемъ въ походѣ находился и московскій ловчій Заболоцкій (Тамъ же, стр. 171). 23 Мая царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Росткинѣ, откуда писалъ Матюшкину, чтобы послѣдній выслалъ ему живыхъ гусей и утокъ, вѣроятно, для потребностей царскаго стола (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—I, стр. 252), а не для «приученія ловчихъ птицъ хватать добычу», какъ объясняетъ Безсоновъ (Примѣч. Безсон., стр. 20). 25 Мая царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ деревнѣ Тарасовкѣ, откуда писалъ къ Матюшкину, чтобы послѣдній «записывалъ, въ которой день и котораго числа дождь будетъ» и отписалъ ему «о птицахъ, какъ ихъ носятъ и какъ они летятъ», отдавая при этомъ и различныя приказанія, касавшіяся порядка вынашивания ловчихъ птицъ. Сообщалъ въ этомъ письмѣ царь Алексѣй Михайловичъ Матюшкину и о приключеніи съ однимъ изъ сокольниковъ, Мишкою Семеновымъ. «Да на нашемъ стану» — писалъ царь — «въ селѣ Тонинскомъ новый сокольникъ Мишка Семеновъ сидѣлъ у огня да вздремавъ упалъ въ огонь, и ево изъ огня вотошили, немного не сгорѣлъ; а какъ въ огонь упалъ, и того не слыхалъ» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—II, стр. 252). 2 Юня государь былъ въ Троицкой Лаврѣ (Дворц. Разр., т. III, стр. 173), а 4 выступилъ оттуда къ Кашину (Тамъ же, стр. 178). 11 Юня, остановившись, не доходя до Кашина, въ Колязинѣ монастырѣ, царь Алексѣй Михайловичъ снова пишетъ Матюшкину длинное письмо, въ которомъ ставитъ рядъ вопросовъ и излагаетъ серію совѣтовъ относительно вынашивания его, государевыхъ, ловчихъ птицъ на государевой кречатнѣ. Далѣе, Алексѣй Михайловичъ дѣлится съ Матюшкинымъ охотничьими впечатлѣніями. Восхваляя ловкость челига Паледа, который на всѣхъ охотахъ «добываетъ добрѣ добро», Алексѣй Михайловичъ обращаетъ вниманіе Матюшкина на то, что до Калязина монастыря въ это путешествіе хорошія охоты были лишь по дорогѣ къ Троицкой Лаврѣ и въ окрестностяхъ села Рогачева: «а птицъ, что ни наѣхали подъ Троицу и за Троицу, за Рогачево десять верстъ, осорей и коршаковъ и гаю всякаго, а отъ Рогачева и до Колязина монастыря на осмидесяти верстахъ никакихъ

птиць, ни гнѣздъ, ни гаю не заѣзживали: лѣса болше, глухия и въ перелетъ птица ни какая не перелетитъ, и поля худы; а въ Колязинѣ птицы всякіе есть и добывать кречету и челигу и соколу летѣтъ мошно и есть гдѣ; і утакъ много, поля нарочетые» (отличныя, прекрасныя — Примѣч. Безсонова, стр. 42). (Собр. пис. Ал. Мих., № VI). 12 Юня царь Алексѣй Михайловичъ прибылъ въ Кашинъ и остановился въ шатрахъ, гдѣ и былъ устроенъ большой царскій обѣдъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 178). Изъ Кашина царь отправился въ Угличъ, въ монастырь «Преподобнаго Паисія Угличкаго чудотворца», откуда уже предпринялъ обратное путешествіе въ Москву (Тамъ же, стр. 179).

12 Сентября 1650 года царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 185), 15 Сентября былъ въ селѣ Коломенскомъ и съ 15 по 21 число находился между Коломенскимъ и Покровскимъ селами, вѣроятно, занимаясь охотою (Тамъ же, стр. 187). 22 Сентября Государь пошелъ въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 191) и прибылъ къ Троицѣ 25 числа («Выходы Государей», стр. 231); 1 Октября Алексѣй Михайловичъ былъ уже въ Москвѣ (Дворц. Разр., т. III, стр. 193).

Троицкій походъ былъ повторенъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 9 Октября этого же года (Тамъ же, стр. 197). 29 Октября Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 205), а въ началѣ Ноября въ село Покровское (Тамъ же, стр. 207). 30 Ноября «ходилъ Государь въ Звенигородъ, въ монастырь къ Саввѣ чудотворцу Сторожевскому» (тамъ же, стр. 212), куда прибылъ 3 Декабря и откуда вышелъ въ село Покровское 7 Декабря (Тамъ же, стр. 215). Вернувшись вскорѣ въ Москву, Алексѣй Михайловичъ 21 Декабря снова идетъ въ село Покровское и возвращается въ Москву къ празднику Рождества Христова (Тамъ же, стр. 218). 30 Декабря государь опять выступаетъ въ походъ въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 219).

9 Марта 1651 года царь Алексѣй Михайловичъ пошелъ въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 222); 3 Апрѣля въ село Хорошево (тамъ же, стр. 228); 16 Апрѣля былъ въ селѣ Покровскомъ (тамъ же, стр. 241); въ этомъ же селѣ его застаютъ и 5 Мая — день, въ который онъ отпраздновалъ именины сестры, царевны Ирины Михайловны (Тамъ же, стр. 250). 14 Мая государь ходилъ въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 254), куда прибылъ 18 числа (Тамъ же, стр. 261). 27 Юля Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ останавливался и обѣдалъ 28 числа въ шатрахъ (Тамъ же, стр. 264). 16 Августа государь отправился въ село Коломенское и вернулся въ Москву

18 числа того же мѣсяца (Тамъ же, стр. 266). 21 Августа Алексѣй Михайловичъ снова идетъ въ село Коломенское (тамъ же), а 21 Сентября отправляется въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 280), куда прибываетъ 25 числа («Выходы Государей», стр. 249). 1 Декабря царь идетъ въ Звенигородскій походъ, гдѣ 3 числа проводитъ праздничный день чудотворца Саввы (Дворц. Разр., т. III, стр. 286). Въ послѣдній походъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ числѣ другихъ, были отправлены птичны стрѣлки Исаѣ Быковскій и Игнатій Торокановъ, которымъ было выдано «для птичны добычи по фунту пороху и по два фунта свинцу челоуѣку» (Общ. Арх. Мш. Двора, столб. 74—7155 года).

15 Января 1652 года Алексѣй Михайловичъ снова идетъ въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь (Дворц. Разр., т. III, стр. 290), сопутствуемый московскимъ ловчимъ Аѳанасіемъ Сафонтьевичемъ Заболоцкимъ (тамъ же, стр. 291), гдѣ 20 Января празднуетъ «обрѣтеніе мощей преподобнаго Саввы Сторожевскаго чудотворца» (Тамъ же, стр. 297). 20 Апрѣля государь идетъ въ село Хорошево (Тамъ же, стр. 307); 8 Мая—къ Николѣ на Угрѣшу (тамъ же, стр. 312); 17 Мая—въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 313); 2 Іюня—въ Троицко-Сергіевскую Лавру (тамъ же, стр. 314); 6 Іюня переходитъ изъ лавры въ село Воздвиженское, гдѣ почуетъ и откуда выступаетъ утромъ въ Москву, прибывая въ послѣднюю вечеромъ того же дня (Тамъ же, стр. 318 и 319). 27 Іюня идетъ Алексѣй Михайловичъ въ Новодѣвичій монастырь (тамъ же, стр. 323); 6 Сентября, на другой день послѣ крестинъ царевны Марѣи Алексѣевны, идетъ государь въ село Покровское (тамъ же, стр. 329), а 10 Сентября въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 330). 22 Сентября «поволилъ Государь итти» въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 330), но вышелъ 23 числа и прибылъ на мѣсто въ лавру 24 Сентября («Выходы Государей», стр. 269), при чемъ на возвратномъ пути заѣзжалъ въ село Покровское, а въ Москву вернулся 28 числа того же мѣсяца (Дворц. Разр., т. III, стр. 331). 2 Октября идетъ государь снова въ село Покровское, 5 Октября—въ село Коломенское, 25 Октября—опять въ село Коломенское и 1 Ноября—въ село Покровское (Тамъ же, стр. 332). 8 Ноября также походъ въ село Покровское (тамъ же, стр. 333); 27 Ноября—въ Андреевскій монастырь (тамъ же, стр. 334); 1 Декабря—въ Звенигородскій Саввинъ монастырь (Тамъ же, стр. 335). 6 Декабря Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Хорошевѣ, а 13 числа того же мѣсяца пошелъ въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 336). 27 Декабря государь снова въ Хорошевѣ (Тамъ же, стр. 337).

17 Января 1653 года царь Алексѣй Михайловичъ отправляется въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 338); 26 Апрѣля—въ село Покровское, а 30 числа того же

мѣсяца въ Андреевскій монастырь (Тамъ же, стр. 349). 15 Мая государь направляется въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 351); 26 Мая — въ село Покровское (тамъ же, стр. 353); 30 Мая — опять въ село Покровское (Тамъ же, стр. 354). 12 Юля — въ село Коломенское, гдѣ праздновалъ 25 числа именины царевны Анны Михайловны; 27 Юля государь ходилъ въ Новодѣвичій монастырь (тамъ же, стр. 359), гдѣ останавливался въ шатрахъ («Выходы Государей», стр. 292); 22 Сентября государь ходилъ въ Троицкій походъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 368), при чемъ останавливался въ селѣ Воздвиженскомъ («Выходы Госуд.», стр. 298); 12 Октябрю — въ село Хорошево (Дворц. Разр., т. III, стр. 376); 25 Октябрю — въ село Коломенское (тамъ же, стр. 379); 19 Ноября — въ село Воробьево (тамъ же, стр. 380); 30 Ноября — въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 382), при чемъ 3 Декабря провелъ въ Сторожевскомъ монастырѣ («Выходы Госуд.», стр. 302).

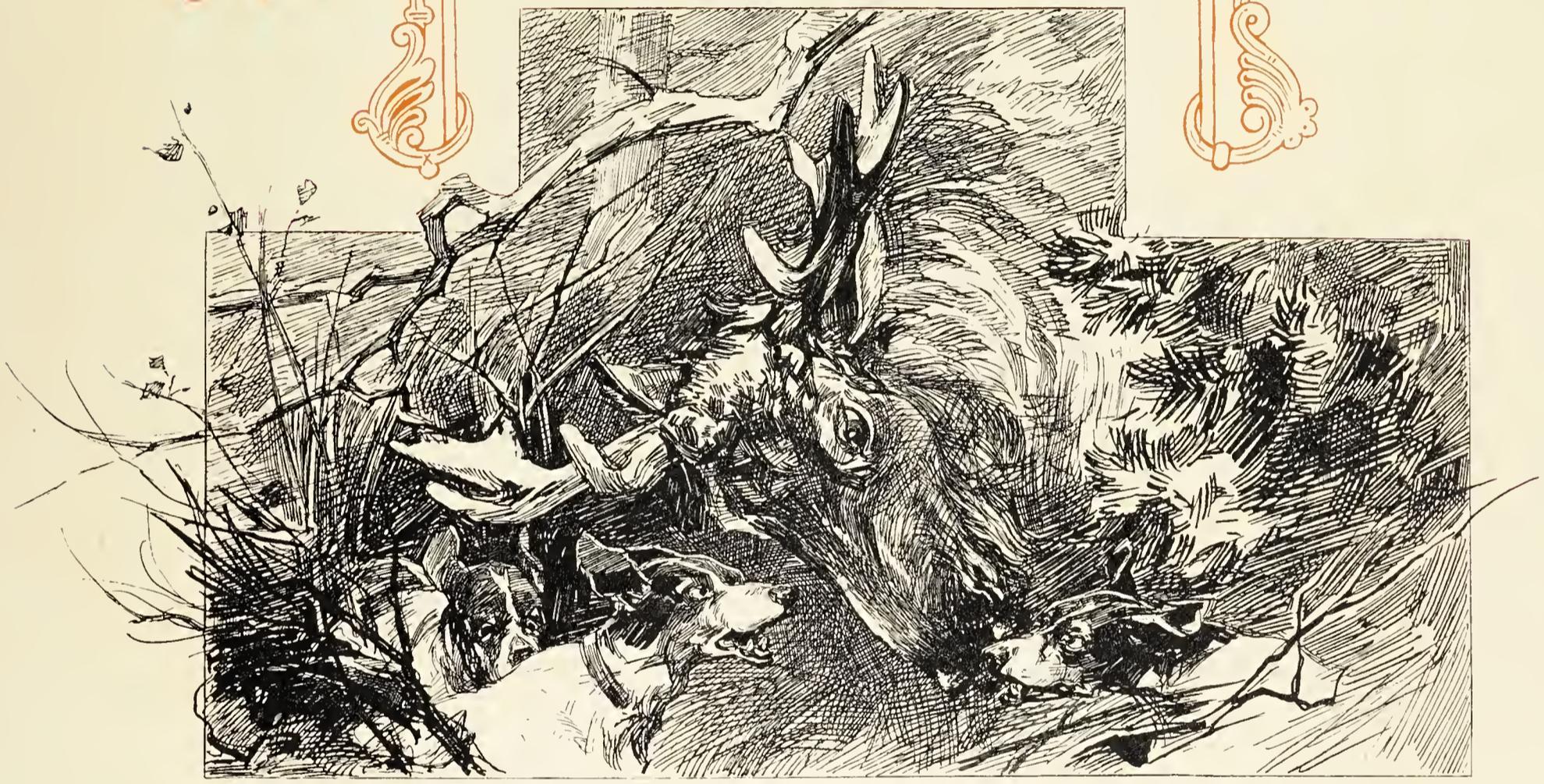
17 Января 1654 года пошелъ царь Алексѣй Михайловичъ снова въ Звенигородскій походъ, останавливаясь по дорогѣ въ селѣ Хорошевѣ (Дворц. Разр., т. III, стр. 396); 18 Апрѣля — въ село Покровское (тамъ же, стр. 407); 28 Апрѣля — въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 408); 3 Мая — въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 409), а 18 Мая, «положа упованіе на Бога, и на пречистую его Богоматерь и на всѣхъ Святыхъ пошелъ изъ Государевы отчины, изъ царствующаго града Москвы, на недруга своего, на Полскаго и Литовскаго короля Яна Казимера, за его многіе неправды и крестопреступленіе» (Тамъ же, стр. 413).

Хронологическихъ данныхъ этого военнаго похода царя Алексѣя Михайловича мы приводить не будемъ.

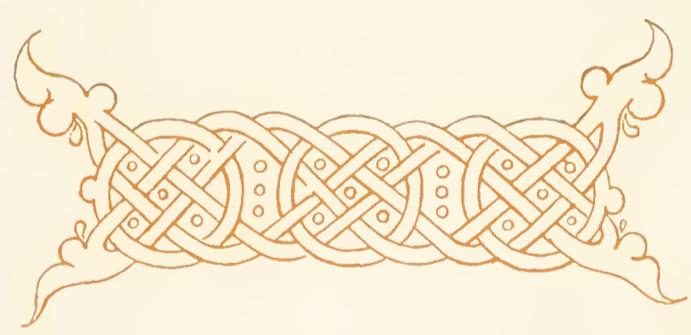
Вернулся Алексѣй Михайловичъ изъ послѣдняго похода 10 Февраля 1655 года (Тамъ же, стр. 456).

11 Марта 1655 года «пошелъ Государь съ Москвы въ свою Государеву отчину, въ Смоленскъ, для своего Государева и земскаго дѣла» (Тамъ же, стр. 461). Въ числѣ назначенныхъ сопутствовать царю Алексѣю Михайловичу значится и стольникъ и московскій ловчій Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ (тамъ же, стр. 462), который, однако, вмѣстѣ съ царемъ, вѣроятно, не вышелъ, такъ какъ 13 Марта этого же года Алексѣй Михайловичъ писалъ ему въ Москву изъ села Кубенскаго, сообщая, что въ Кубенское онъ пришелъ ночью, на другой день по выходѣ изъ Москвы и что изъ Кубенскаго онъ собирается выступить на другой день, то-есть 14 Марта, съ тѣмъ, чтобы ночевать въ 10 верстахъ за Можайскомъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что «дорога такова худа» была, какой царь Алексѣй Михайловичъ, по его словамъ, «отъ роду не видалъ» (Письмо Ал. Мих., № VII), онъ сдѣлалъ въ одинъ день

а, любилъ Государь позабавитъся
заблукитъ въ дубровѣ сохатаго,

Н. Илюминаторъ

56 верстѣ, такъ какъ «Кубенское отъ Москвы на Можайскъ въ 57 верстахъ, а Можайскъ отъ Москвы въ 103 верстахъ» (Прим. Безсонова, стр. 45). Этотъ переходъ ясно указываетъ, что царь Алексѣй Михайловичъ замѣчательно стойко переносилъ трудности походной жизни.

Вскорѣ, однако, Матюшкинъ присоединился къ царю и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ новый военный походъ на поляковъ 24 Мая того же года (Дворц. Разр., т. III, стр. 473).

26 Июня 1655 года царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ Шкловѣ (тамъ же, стр. 482) и приказывалъ оттуда Матюшкину, вѣроятно, отставшему отъ государя, прислать къ нему для какой-то надобности «коннаго псаря Терешку Фролова, тотчасъ, не мѣшая, о дву конь» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—III, стр. 252).

Изъ Смоленскаго похода въ Москву царь пошелъ обратно 25 Ноября 1655 года (Дворц. Разр., Дополн. къ т. III, стр. 12), 9 Декабря «пришелъ на подходій станъ въ село Воробьево и вступилъ въ Москву 10 Декабря, окончивъ этимъ свой второй военный походъ на поляковъ (Тамъ же, стр. 13).

17 Января 1656 года царь Алексѣй Михайловичъ отправился, по обыкновенію, въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 22); 24 Апрѣля былъ въ селѣ Покровскомъ и отправился оттуда въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 33); 15 Мая отправился снова въ Смоленскъ (тамъ же, стр. 41), сопровождаемый московскимъ ловчимъ Аонасіемъ Ивановичемъ Матюшкинымъ (тамъ же, стр. 42), посетилъ по дорогѣ Воробьево и Саввинъ Сторожевскій монастырь (тамъ же, стр. 44), 19 Мая былъ въ Можайскѣ, 23—въ Вязьмѣ и 31—въ Смоленскѣ (Тамъ же, стр. 45). 20 Июня начинается 3-й военный походъ царя Алексѣя Михайловича, но уже на шведовъ подъ Ригу (Тамъ же, стр. 50). Въ Москву Алексѣй Михайловичъ вернулся въ Январѣ 1657 года (Тамъ же, стр. 87).

«16 Февраля 1657 года, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь въ походъ, въ свое государево село, въ Семеновское, на Потѣшній дворъ; съ Москвы пошелъ въ 8 часу дня, а къ Москвѣ пришелъ полчаса ночи («часы въ то время дѣлились на денные, съ восхожденія солнца, и ночные, съ заката. 18 Февраля было 11 часовъ дня и 13 часовъ ночи; 6 Апрѣля было 14 часовъ дня и 10 часовъ ночи; Мая 9 было 16 часовъ дня и 8 часовъ ночи; 26 Мая 17 часовъ дня и 7 часовъ ночи. За тѣмъ шло на убыль съ 12 Июня». Примѣчаніе Забѣлина). И въ томъ день и въ ночи былъ морозъ» («Охотничій дневникъ Алекс. Мих.»).

«Апрѣля во 2 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь въ село Измайлово, да въ село Покровское и на Потѣшній дворъ въ Семеновское; божественныя литургіи

слушалъ Государь въ селѣ Измаѣловѣ; а столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ. А пошелъ Государь въ село Измаѣлово въ часть дни, а пришелъ во 2 часу ночи. И въ тотъ день было холодно и вѣтрено, а въ ночи холодно жь» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 4 день, въ субботу, ходилъ Государь послѣ столоваго кушанья на потѣшный дворъ въ Семеновское, а пришелъ въ « » часу ночи. А въ тотъ день было холодно и вѣтрено, а снѣгъ шелъ съ перемѣшкою, а въ ночи было то жь» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 7 день, на первомъ часу дни, ходилъ Государь въ село Семеновское на потѣшный дворъ, а къ Москвѣ пришелъ въ послѣднемъ часу дни. И тотъ день былъ ведрень, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 9 день, на первомъ часу дни, ходилъ Государь въ село Покровское и въ томъ селѣ тѣшился; а къ Москвѣ пришелъ въ шестомъ часу дни, и столовое кушанье было на Москвѣ. И въ тотъ день до осмага часа дни было холодно и вѣтрено, а съ того часа былъ дождь до одиннадцатаго часа, а съ одиннадцатаго часа шелъ снѣгъ съ дождемъ до вечера, а въ ночи былъ морозъ» (Тамъ же).

Забѣлнить относить къ 1657 году письмо царя Алексѣя Михаиловича къ стольнику Матюшкину, отъ 11 Апрѣля, изъ села Покровскаго, въ подлинникѣ котораго года не обозначено (Опыты изученія древностей, стр. 285). Указанія «Охотничаго Дневника» царя Алексѣя Михаиловича за этотъ годъ, что 7 и 9 Апрѣля государь послѣ дневныхъ походовъ возвращался къ ночи въ Москву, какъ будто бы нѣсколько и расходятся съ данными вышеупомянутаго письма. Допуская, однако, что въ Москву Алексѣй Михаиловичъ возвращался лишь для ночевокъ, что во фразѣ этого государя «буду я къ Москве» надо подразумѣвать предположеніе царя вернуться въ Москву и провести тамъ болѣе или менѣе продолжительное время, то-есть закончить этимъ данный охотничій походъ, и оставляя, затѣмъ, опредѣленіе года этого письма на отвѣтственности уважаемаго историка, приступаемъ къ изложенію самаго письма, посвященнаго охотничьимъ впечатлѣніямъ царя, освѣщая это письмо данными «Охотничаго Дневника».

Царь сообщаетъ Матюшкину, что онъ писалъ къ нему «напередъ сево», что будетъ въ Москвѣ въ понедѣльникъ, то-есть 6 Апрѣля 1657 года; однако, писалъ это государь Алексѣй Михаиловичъ «неспрошався съ собою, потому что соколовъ не было, да и не вѣдалъ, что бояринъ Борисъ Ивановичъ (Морозовъ) послалъ къ себѣ по соколы». Узнавъ, значитъ, послѣднее, Алексѣй Михаиловичъ не рѣшился покинуть охотничьи поля и въ Москву, какъ хотѣлъ раньше, не вернулся, а остался гдѣ-нибудь у села Покровскаго или въ селѣ этомъ. Соколовъ привезли въ четвергъ, 9 Апрѣля, по утру — двухъ дикомытовъ держанья сокольниковъ боярина Бориса

Ивановича Морозова, Ширяева и Модина. Приведенныя птицы, однако, не были еще готовы для охоты съ ними, такъ какъ соколыники у себя ихъ лишь «вабили съ вервью, а безъ верви отнудъ у нихъ не летавали ни поворачивали». Однако, царь со своими компаніонами все-таки «поѣхали отвѣждать» птицъ на Васильевъ прудъ («Неизвѣстно гдѣ», — Безсоновъ, стр. 72). «На первомъ дни, въ которой ихъ (соколовъ) привели», то-есть 9 Апрѣля, птицы «летѣли высоко гораздо, да не слазятъ къ уткамъ, потому что еще не пора,—самъ ты вѣдаешь»—говоритъ царь Алексѣй Михайловичъ Матюшкину — «что Оомина нынѣча недѣля», то-есть по времени года сокола и не могли еще быть хорошо подготовленными къ охотѣ, ихъ выноска не могла быть закончена. «На другой день въ пятницу вчерась поутру», то-есть 10 Апрѣля, сокола хотя и «летѣли хорошо да не слазятъ». Тогда царь поѣхалъ къ Суцову и между Напруднымъ («бывшая слобода Троицкой Лавры, гдѣ теперь митрополичье подворье. Тамъ текла рѣчка Напрудная, впадавшая въ Неглинную. Въ тѣхъ мѣстахъ и теперь есть пруды, влѣво отъ 3-й Мѣщанской» — Примѣч. Безсонова, стр. 73) и Суновымъ наѣхалъ на залитое водою мѣсто, длиною въ шесть сажени и шириною въ двѣ сажени, весьма удобное для охоты тѣмъ, что уткамъ, которыхъ на водѣ оказалось много, — свіазямъ, шилохвостамъ и чиркамъ — было «некогда утечь, — нѣтъ иныхъ водицъ близко». Сначала спустили сокола Модина, который полетѣлъ хорошо, но на добычу не пошелъ; пришлось его принимать на вабило, послѣ чего сбросили другого сокола-дикомыта Семена Ширяева. О подвигѣ этого сокола мы уже говорили.

Объ этой охотѣ царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ Матюшкину рассказать сестрамъ, Иринѣ, Аннѣ, Татьянѣ Алексѣевнамъ, только «покороче тово, што написалъ» самъ, извинившись, вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ ними за невозможность прислать охотничьей добычи, «потому што соколомъ скормили — первое утя убилъ, штобъ не кручинились».

11 Апрѣля, въ субботу, Алексѣй Михайловичъ собирался ѣхать съ соколами подъ село Тушино и не рассчитывалъ вернуться въ Москву раньше пятницы, 17 Апрѣля, такъ какъ приказалъ боярину Борису Ивановичу Морозову послать «по старыхъ трехъ соколовъ» (Сборн. писемъ Ал. Мих., № XX и Акты Археограф. Экспед. Ак. Наукъ, т. IV, № 100—V, стр. 141).

«12 и 13 Апрѣля» — говоритъ Забѣлинъ — «въ запискахъ (Дневальныхъ) выходовъ не обозначено; можетъ-быть, въ эти дни Государь былъ въ Тушинѣ. 14-го во вторникъ Государь ходилъ на богомолье по монастырямъ, въ Воздвиженскій и другіе, слѣдовательно, изъ Тушина онъ возвратился не въ пятницу, какъ предполагалъ, а гораздо раньше, во вторникъ» («Опыты изученія древностей», стр. 296).

Въ это же время Алексѣй Михайловичъ приглашалъ прїѣхать къ себѣ и самого Матюшкина: «да для Христа голубей пришли гнѣздъ зъ двадцать, птицы у меня поспѣвають, а голуби всѣ изошли а надо бить и въ вабило и всюды; гдѣ нибудь дабудь, черныхъ да пришли, да и самъ прїѣдь на день на другой, а отъ меня тебѣ: будь здоровъ во вѣки... Купи да пришли хорошихъ на челига соколя колокольцовъ, а деньги изъ дворца» (Письмо Ал. Мих., № XX и Акты Археогр. Экспед. Ак. Наукъ, № 100—V, стр. 141).

«Апрѣля въ 14 день, во вторникъ... ходилъ Государь въ село Покровское. Съ Москвы пошелъ въ третьемъ часу дни, къ Москвѣ пришелъ на первомъ часу ночи. И тотъ день былъ пасмаренъ и теплъ, а въ ночи было тепло жъ» («Охотн. Дневн. Алекс. Мих.»).

«Апрѣля въ 21 день, во вторникъ, ходилъ Государь въ походъ въ село Семеновское. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 25 день, въ субботу, послѣ раняго кушанья, ходилъ Государь въ походъ на Тверскіе поля («Тверскія поля, безъ сомнѣнія, такъ называемая теперь Ходынка съ окрестными мѣстами по Тверской (Петербургской) дорогѣ» — Примѣчаніе Забѣлина) тѣшитца, а къ Москвѣ пришелъ на послѣднемъ часу дни. И въ тотъ день съ утра было пасмарно, а съ четвертаго часу и до вечера шелъ дождь съ перемѣшкою» (Тамъ же).

«Апрѣля въ 27 день, ходилъ Государь въ Семеновское и на полѣ тѣшился птицами. И въ тотъ день до вечеренъ было ведрено, а послѣ того былъ дождь, а въ ночи шелъ дождь же».

«Апрѣля въ 28 день, во вторникъ, на 1 часу дни, ходилъ Государь тѣшитца на поле, а пришелъ къ Москвѣ въ отдачу часовъ денныхъ. И въ тотъ день съ утра часу до пятаго было ненасливо и накрапывалъ дождикъ, а съ пятого часу было ведрено и тепло, а въ ночи было тепло жъ».

«Апрѣля въ 30 день былъ день ведренъ, а ввечеру шелъ дождикъ маленькой не много; и въ тотъ день изволилъ Государь быть въ походѣ въ селѣ Голенищевѣ» («Троицкое Голенищево, за Воробьевыми горами, въ 5 верстахъ отъ Дорогомилловской заставы» — Примѣчаніе Забѣлина).

«Маія въ 3 день, въ недѣлю, ходилъ Государь въ село Семеновское. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло».

«Маія въ 8 день, въ пятокъ, слушалъ Государь всенощного бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобно-мученицы Евдокеи, что у него Государя на сѣнѣхъ; праздновали Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову; а послѣ столоваго

кушанья ходилъ Государь праздновать Чюдотворцу Николѣ въ Угрѣшской монастырь. И дорогою идучи на Коломенскихъ поляхъ тѣшился. Въ монастырь пришелъ въ 13 часу дни, а стоялъ Государь за монастыремъ въ своихъ царскихъ шатрахъ, и слушалъ малые вечерни у себя Государя въ шатрахъ. И въ тотъ день послѣ обѣда и до вечера шелъ дождикъ невеликъ съ перемѣшкою, а въ ночи было холодно» («Охотничій Дневникъ Алекс. Мих.» и Дополн. къ III т. Дворц. Разр., стр. 102).

«Мая въ 9 день, въ субботу, на праздникъ принесенія мощей, иже во святыхъ отца нашего Николы, слушалъ Государь всеношного бдѣнія и божественныя литургіи въ Угрѣшскомъ монастырѣ въ церкви Николы Чюдотворца; и на всеношномъ бдѣніи облачался и служилъ божественную литургію Великій Государь Никонъ, Архіепископъ царствующаго великаго града Москвы, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Патріархъ, съ пестрыми и черными властьюми и со всѣмъ своимъ освященнымъ соборомъ. Того жъ дни у Великаго Государя, Его Царскаго Величества былъ столъ въ селѣ Островѣ («20 верстъ отъ Москвы» — Примѣчаніе Забѣлина) по комнатѣ, ѣлъ Великій Государь Никонъ Патріархъ и власти; и были у стола бояре и околничіе да голова стрѣлцкой Яковъ Соловцевъ. И въ тотъ день до кушанья было ведрено, а послѣ кушанья и до вечера было пасмарно и вѣтрено, а въ ночи былъ морозъ. Того жъ дни послѣ кушанья передъ вечернею ходилъ Государь на Островскіе поля тѣшитца» («Охотн. Дневн.»).

Послѣ этого путешествія «ходилъ Государь въ походъ въ село Покровское» (Дополн. къ III т. Дворц. Разр., стр. 102), гдѣ, вѣроятно, поселился на продолжительное время, повременно совершая свои охотничьи и другія поѣздки уже изъ этого села, и гдѣ былъ еще 7 Юня (Тамъ же, стр. 103).

«Маія въ 12 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле послѣ столоваго кушанья. И въ тотъ день до полдень было ведрено и вѣтрено, а послѣ полдень шелъ дождикъ съ перемѣшкою часы съ два или болши, а въ ночи былъ морозъ» («Охотн. Дневн.»).

«Маія въ 14 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца на поле до кушанья и послѣ столоваго кушанья. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи съ вечера громъ и вѣтръ и дождь, и было тепло» (Тамъ же).

«Маія въ 16 день, въ субботу, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на Семеновскіе поля. Столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ-Рубцовѣ. Малые вечерни слушалъ Государь у себя Государя въ хоромѣхъ. И тотъ день былъ пасмаренъ и вѣтренъ до обѣда, а послѣ обѣда часа за 2 до вечера шелъ дождикъ невеликъ, а въ ночи было тепло».

«Маія въ 21 день, въ четвертокъ, слушалъ Государь заутрени у себя Государя въ хоромѣхъ, а божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (въ Покровскомъ), а праздновали Богородицѣ Стрѣтенія Владимірской иконы. А послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на Покровскія поля. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Мая въ 22 день, въ пяткъ, ходилъ Государь тѣшитца («зачеркнуто: въ Тверскія поля до столоваго кушанья, а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ рощу Собакину» — Примѣчаніе Забѣлина) до столоваго кушанья и послѣ кушанья, и Государыня царща. А въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Мая въ 23 день, въ субботу, слушалъ Государь божественныя литургіи въ селѣ Введенскомъ («Мѣстоположеніе этого села указываетъ урочище Введенскія горы» — Примѣчаніе Забѣлина) въ церкви (пробѣлъ). А послѣ обѣдни до кушанья тѣшился Государь на полѣ птицами, а кушанье было въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день до обѣда былъ ведренъ, а послѣ обѣда пасмаренъ, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Маія въ 24 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ соборной церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, а всенощное пѣли вспѣвки, а литургію Государевы пѣвчіе дьяки. Послѣ столоваго кушанья тѣшился Государь на полѣ птицами. И тотъ день до кушанья былъ ведренъ, а послѣ кушанья до вечера былъ день пасмаренъ и шелъ дождикъ невеликъ, а съ вечера и во всю ночь шелъ дождь великъ» (Тамъ же).

«Маія въ 25 день, въ понедѣльникъ, слушалъ Государь божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятей Богородицы (въ Покровскомъ), праздновали обрѣтенію честныя Главы Іоанна Предтечи. Столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ; а послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день съ утра до 5 часу дня шелъ дождь, а съ пятого часу и до вечера было ведрено и красно, а въ ночи было тепло, а съ полуночи накрапывалъ дождикъ невеликъ» (Тамъ же).

«Маія въ 26 день, во вторникъ, ходилъ на поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра до 5 часу дни шелъ дождикъ невеликъ съ перемѣшкою, а потомъ было и до вечера пасмарно и вѣтрено» (Тамъ же).

«Маія въ 28 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскія поля до столоваго кушанья. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Маія въ 29 день, въ пяткъ, слушалъ Государь божественныя (литургіи) у Покрова Пресвятыя Богородицы, и послѣ божественныя литургіи ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскіе поля. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло».

ДЛЬ РАСПРАВНТЬ ПЛЕЧО НЕПОДАТНОЕ
И МЕДЬДА ПОДНАТЬ НА РОГАТИНУ..

H. ЛАМОНШЦ.

«Маія въ 30 день, въ субботу, слушалъ Государь божественныя литургіи у Покрова Пресвятыя Богородицы; а до столоваго кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца въ Тверскіе поля, а пришелъ за полчаса до вечера. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Маія въ 31 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всепощного бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы. Послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ рошу, что зовомомъ Собакино. И тотъ день съ утра былъ ведренъ, а въ кушанье гремѣлъ громъ и молнія блистала и шелъ дождь великъ, а послѣ того и до вечера было ведрено и ветрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Іюня въ 1 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь тѣшитца въ село Тонинское («12 верстѣ отъ Троицкой заставы» — Примѣчаніе Забѣлина). Столовое кушанье въ селѣ Медвѣдковѣ («7 верстѣ отъ Троицкой заставы») и послѣ столоваго кушанья тѣшился же. И въ тотъ день шелъ дождь часа съ два, а въ ночи было холодно» (Тамъ же).

Къ этому времени Забѣлинъ относитъ письмо царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину, помѣченное «въ селѣ Покровскомъ нынѣшняго дня» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—XII, стр. 255), а именно къ 12 Іюня 1657 года («Опыты изученія древностей», стр. 285).

Придерживаясь такого опредѣленія, оказывается:

«Іюня въ 4 день, въ четвертокъ былъ дождь часа за два до вечера и шелъ съ полчаса. И въ тотъ день ходилъ (Государь) въ село Коломенское послѣ столоваго кушанья. А въ ночи было тепло».

Въ этотъ день «добылъ красній кречеть Гамаюнъ одного коршака безъ насъ великаго государя» (Указанное выше письмо).

Въ этотъ же день царь Алексѣй Михайловичъ писалъ къ Матюшкину изъ села Покровскаго: «Жалуечи тебя объявляемъ: нашіе государскіе охоты Сибирскій кречеть молодикъ Свертай, статьи Івана Ярышкина, добывалъ коршака дикого въ Тверскихъ поляхъ, и розбивъ добылъ славною кречатьею добычею въ великомъ верху.... Да князь Юрьи Ромодановскаго кречать, Сибирскій молодикъ, добылъ въ Тверскихъ поляхъ коршака дикого, истинно, вѣрно, такъ». Кромѣ того, тѣмъ же письмомъ царь Алексѣй Михайловичъ ставилъ на видъ Матюшкину, что «вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что пропалъ у тебя челигъ кречатей» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—V, стр. 253).

5 Іюня пріѣзжалъ за чѣмъ-то къ царю въ Покровское Матюшкинъ и въ тотъ же день вернулся обратно въ постоянную свою резиденцію (Письмо безъ числа).

«Юня въ 6-й день, въ субботу, ходилъ Государь тѣшитца на поля въ Семеновское. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было холодно. Того жъ дни пришелъ въ село Покровское святѣишій Никонъ Патріархъ за три часа до вечера» («Охотн. Дневникъ Алекс. Мих.»).

Про этотъ день царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ:

«Ходили мы тѣшиться съ челигами, а съ кречеты посылали въ Тверскіе поля сокольниковъ, Пароенія Тоболина съ товарищи, и въ Тверскихъ поляхъ Пароеншевы статьи кречеть Нечай добылъ коршака; а въ вечеру того же дня субботы тѣшились мы великій государь старымъ челигомъ, добылъ двѣ совки въ великомъ верху за Введенскимъ; съ одною совкою было съ 15 ставокъ, а росшибъ ее въ верху такъ, что упала бесвѣдома («мертвая» — Примѣчаніе Безсонова, стр. 85), а съ другою съ 20 ставокъ, и тоѣ вырвалъ; а съ кречетомъ Свертяемъ Ивановы статьи Ярышкина посылали мы подъ Красное село, и тотъ кречеть добылъ Коршака, а по утру тоежъ субботы при насъ великомъ государе добылъ ворона красной кречеть Гамаюнъ» (Письмо безъ числа).

7 Юня царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Покровскомъ, гдѣ занимался государственными дѣлами. Между прочимъ, въ этотъ день онъ послалъ изъ Покровскаго въ Астрахань «въ товарищи боярину и воеводѣ князь Василию Григорьевичу Ромодановскому, воеводу Ивана Ѳедорова сына Акинѳова» (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 103).

8 Юня царь Алексѣй Михайловичъ охотился подъ Краснымъ селомъ и пишетъ объ этой охотѣ: «Въ понедѣльникъ нынѣшніе недѣли при насъ великомъ государѣ и при всемъ полку добылъ красной кречеть Гамаюнъ коршака жъ подъ Краснымъ селомъ, а ставокъ было 26, а седмой вырвалъ, а такъ розбилъ, что пятью или шестью даромъ слѣзъ, а то всего какъ есть ножами искроилъ и вбилъ его къ земли, а вырвалъ сажени за двѣ отъ земли; да того жъ дня въ вечеръ Леонтьевы статьи Григорова кречеть Бумаръ добылъ ворона, добрѣ добро, ставокъ было съ 20» (Письмо безъ числа).

«Юня въ 9 день былъ у Государя, въ золотой палатѣ (въ Москвѣ), Полскаго короля Яна Казимера посланникъ на отпускѣ. А Государь былъ при посланникѣ въ фerezеѣ. А рынды были, въ бѣломъ платьѣ, столики... Объявлялъ Государю посланника околничей Иванъ Оѳонасьевичъ Гавреневъ....» (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 103).

Послѣ отпуска посланника, государь Алексѣй Михайловичъ охотился за Стрѣтенискимъ воротами, подъ Москвой, и пишетъ объ этой охотѣ: «На завтрее, во вторникъ

нынѣшнія жъ педѣли, за Стрѣтенскими вороты, при насъ же великомъ государѣ Пароеньевы статьи кречеть Бердяй добылъ каршака, а ставокъ было съ 15, и добывалъ добрѣ добро, и хотно» (Письмо безъ числа).

«Юня въ 10 день, въ среду, слушалъ Государь божественныя литургии въ селѣ Красномъ и ходилъ въ Измаилово а послѣ столоваго кушанья ходилъ въ Тверскія поля. И въ тотъ день было красно, а въ 9 часовъ былъ громъ велми великъ и блистала молнія и шелъ дождь великъ съ полчаса, и потомъ шелъ невеликъ, а въ ночи было тепло» («Охотн. Дневн.»).

«Юня въ 11 день, въ четвертокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Коломенскія поля. Кушанье было въ Тюхаляхъ («Тюфелева роца въ двухъ верстахъ отъ Симона монастыря» — Примѣчаніе Забѣлина), а вечернее кушанье было въ селѣ Покровскомъ, а пришелъ въ село Покровское въ 2 часу ночи. И въ тотъ день съ утра было пасмарно и тихо, а съ 6 часу и до вечера шелъ дождь съ перемѣшкою, а въ ночи дождь былъ же съ полуночи съ часъ и было тепло» (Тамъ же).

12 Юня государь Алексѣй Михайловичъ охотился у Сушевой роши, близъ Напруднова, и пишетъ объ этой охотѣ:

«Да нынѣшней же педѣли въ пятницу изъ утра въ 3 часу, безъ насъ великаго государя, добылъ красной кречеть Гамаюнъ каршака промежъ Суцова и роши, что къ Напрудному, при столникѣ нашемъ князь Юрьѣ Ромодановскомъ, а добывалъ въ великомъ верху долгое время и сбиль съ верху, и каршакъ побѣжалъ на утекъ къ рошѣ и хотѣлъ увалитца («скрыться, найти убѣжище» — Примѣч. Безсонова, стр. 85) отъ славной Гамаюна кречета добычи, и не допуская до роши добылъ его съ верхней ставки, а въ добычѣ ставокъ было съ 30; того жъ дня изъ утра въ 4 часу дни Ивановы статьи Ярышкина кречеть Сибирской молодикъ Свертяй добылъ каршака подъ Майковымъ болотомъ, а напустили ево среди самыхъ Тверскихъ полей, и добывалъ версты съ полторы великимъ верхомъ и розбивъ добылъ подъ Майковымъ при столникѣ жъ нашемъ князь Юрьѣ Ромодановскомъ, а въ добычѣ ставокъ было съ 70, а добывалъ добро опасно («съ осторожностью» — Примѣчаніе Безсонова, стр. 86) и памятно («съ большимъ умомъ» — тамъ же), и ставки были крутыя» (Письмо безъ числа).

Подводя итоги этому ряду охотъ, царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ: «И всего у насъ великаго государя кречеты 2 статьяхъ добыли каршаковъ: Пароеньевы статьи Красной 3, Бердяй 2, оба при мнѣ, одинъ и при васъ, Нечай 1, Ивановы статьи Ярышкина Свертяй 3, у тебя Михѣевы статьи Дурасъ добылъ 1, да у князя Федора Ромодановскаго Терентьевы статьи Тулубьева, вчера, въ четвергъ, Сибирской кречеть Ширяй добылъ каршака; и всего 7 кречетовъ добыли 11 каршаковъ, а старый

челигъ 7 совокъ, на день по двѣ и по три добываль, а челиги всѣ по силѣ свои добываютъ, какъ кто сможетъ» (Письмо безъ числа).

Оканчивая письмо, государь Алексѣй Михайловичъ, между прочимъ, упрекаетъ Матюшкина: «Да послали мы, великій государь, къ тебѣ челига Хорьяка, изыманъ на Резани, привезъ во вторникъ къ вечеру нынѣшнія недѣли сынъ боярской весь цѣль и здоровъ; вы теряете, а мы сыскиваемъ» (Письмо безъ числа).

«Юня въ 13 день, въ субботу, слушалъ Государь божественныя литургии въ селѣ Черкизовѣ, отъ села Покровскаго 3 версты, и ходилъ на поле до кушанья и послѣ кушанья. И тотъ день былъ красенъ и тихъ, а въ полдни шелъ дождь не многое время, а въ ночи было тепложъ» («Охотн. Дневникъ Алекс. Михаил.»).

14 Юня, будучи въ селѣ Покровскомъ, царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ Матюшкину: «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ соколника Сергѣя Назарьева прислать къ намъ, великому государю, тотчасъ, и о томъ отписаль, а отписку велѣть подать и ему Сергѣю явитца въ Приказѣ нашихъ Тайныхъ дѣлъ» (Дополненіе къ Акт. Истор., т. III, № 71—VII, стр. 253).

«Юня въ 15 день, въ понедѣльникъ, былъ день ведренъ. И въ тотъ день до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле; а въ ночи было тепло» («Охотн. Дневникъ Алекс. Михаил.»).

Въ этотъ день царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Покровскомъ, откуда приказывалъ Матюшкину: «какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, а которые волости у тебя въ Конюшенномъ Приказѣ вѣдомы, и ты бѣ велѣть тѣхъ волостей крестьяномъ и бобылемъ на Рождество Іоанна Предтечи, Юня въ 24 день, набрать цвѣту сераборинного («вѣроятно, звѣробой» — Примѣчаніе Безсонова, стр. 52), да травъ шнериковой (также звѣробой — тамъ же) и мятной, съ цвѣтомъ, и дягилю и дягилнаго кореня по пяти пудъ» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—VII, стр. 254).

«Юня въ 16 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья и послѣ столоваго кушанья въ Тверскихъ поляхъ, а столовое кушанье было на Воробьевѣ. И тотъ день съ утра былъ пасмаренъ, а послѣ полдень и до вечера шелъ дождь, а въ ночи было тепло» («Охотничій Дневникъ Алекс. Михаил.»).

«Юня въ 20 день, въ субботу, ходилъ Государь на поле тѣшитца до кушанья и послѣ кушанья, и въ тотъ день до кушанья былъ громъ и шелъ дождь добръ великъ, а послѣ кушанья шелъ дождь невеликъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

21 Юня царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Покровскомъ и сообщалъ оттуда Матюшкину: «Указали мы великій государь тебѣ съ нашею государскою птицею со всею охотою быти въ деревнѣ у себя Юня до 24 числа, до среды, и

съ тою птичьею охотою ѣздить на поле во вся дни, а Юня въ 24 день, въ среду, приѣхать съ тою птичьею со всею охотою къ намъ великому государю въ село Покровское; и ты бѣ учинилъ о томъ по сему нашему великаго государя указу» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—VIII, стр. 254).

«Юня въ 22 день, въ понедѣльникъ, тѣшился Государь на Покровскихъ и на Коломенскихъ поляхъ; столовое кушанье было въ Тюхаляхъ, а вечернее кушанье въ селѣ Покровскомъ. И тотъ день былъ пасмарень, а въ ночи было тепло» («Охотничій Дневникъ Алекс. Михаил.»).

«Юня въ 25 день, въ четвертокъ, до кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Юня въ 26 день, въ пяттокъ, слушалъ Государь божественныя литургии въ церкви Покрова Пречистыя Богородицы. И тотъ день былъ ведренъ, а въ ночи было холодно. Того жъ дни ходилъ Государь на Покровскія поля въ рощу и ночевалъ Государь въ селѣ Коломенскомъ» (Тамъ же).

«Юня въ 30 день, во вторникъ, ходилъ Государь до кушанья и послѣ кушанья на поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра до 7 часу дни шелъ дождь съ перемѣшкою, а съ 7 часу было ведрено, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 2 день, въ четвертокъ, до кушанья ходилъ Государь на поле тѣшитца. И тотъ день до обѣда былъ ведренъ и тихъ, а послѣ обѣда красенъ да вѣтренъ» (Тамъ же).

3 Юля царь Алексѣй Михаиловичъ провелъ въ селѣ Покровскомъ, занимаясь государственными дѣлами (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 103).

«Юля въ 4 день, въ субботу, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле, и послѣ столоваго кушанья за два часа до ночи пошелъ государь въ село Коломенское. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло» («Охотн. Дневникъ Алекс. Михаил.»).

«Юля въ 6 день, въ понедѣльникъ, ходилъ Государь до столоваго кушанья тѣшитца на поле. И въ тотъ день было пасмарно и вѣтръ великъ, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 7 день, во вторникъ, до столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле, а столовое кушанье было въ селѣ Покровскомъ; и послѣ столоваго кушанья пошелъ государь тѣшитца на поле, а Государыня Царица пошла изъ села Покровскаго къ Москвѣ за 3 часы до ночи. А Государь пришелъ къ Москвѣ за часъ до ночи. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 12 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи, а съ Москвы пошелъ Государь въ село Коломенское въ 13 часу дни. И въ тотъ день шелъ дождь часу до девятого, а съ девятого до одиннадцатаго часу было пасмарно, а съ одиннадцатаго часу шелъ дождь невеликъ, а до вечера, и въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 13 день, въ понедѣльникъ, пошла Государыня Царица съ Москвы въ село Коломенское въ 6 часу дня, въ началѣ; а въ Коломенское пришла въ 11 часу дня. А до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на пол... И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 14 день, во вторникъ, ходилъ Государь до столоваго кушанья тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а послѣ полденъ шелъ дождь съ часъ, а въ ночи съ вечера дождь шелъ и до свѣта, съ перемѣшкою» (Тамъ же).

«Юля въ 16 день былъ день ведренъ и вѣтрень. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья; а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 18 день, въ субботу, былъ день ведренъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день послѣ столоваго кушанья пришелъ Государь въ село Коломенское и тѣшился въ Коломенскихъ поляхъ» (Тамъ же).

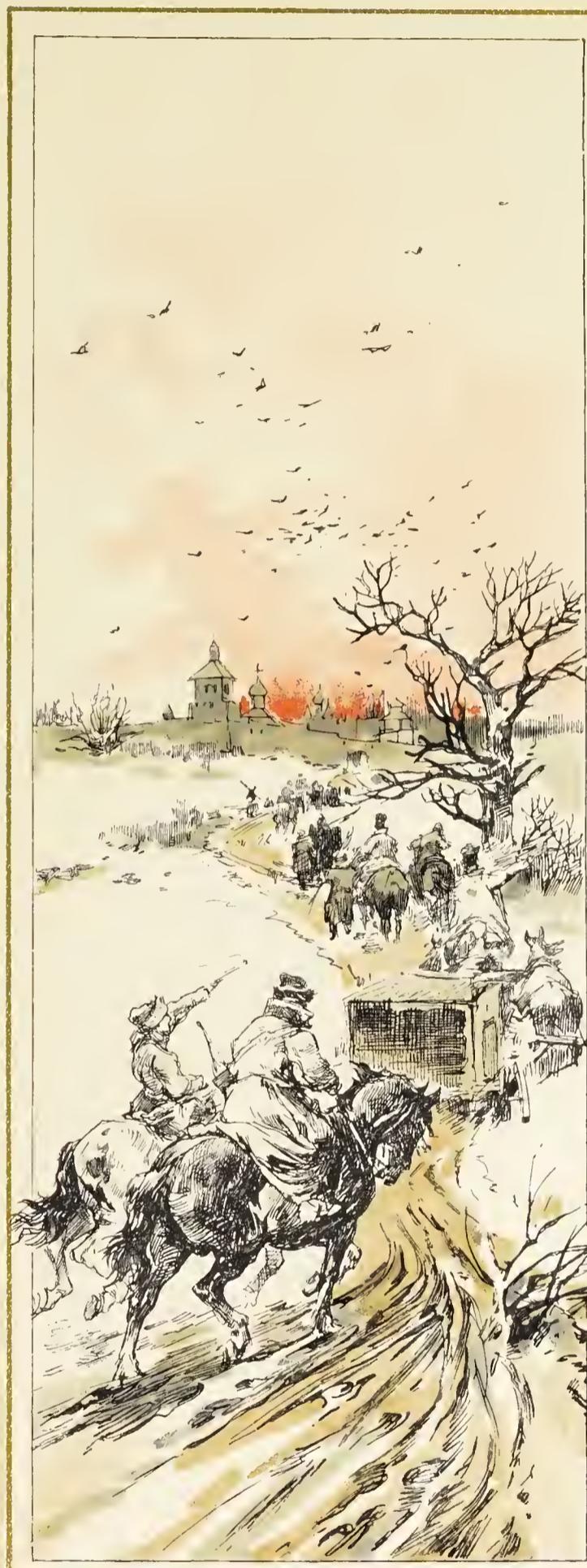
«Юля въ 20 день, въ понедѣльникъ, слушалъ Государь всенощнаго бдѣнія и божественныя литургіи у Вознесенія Господня (въ Коломенскомъ), а праздновалъ Государь Пророку Ильѣ. И въ тотъ день было ведрено, а въ вечеру былъ дождь невеликъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца до столоваго кушанья и послѣ столоваго кушанья» (Тамъ же).

«Юля въ 21 день, во вторникъ, до столоваго и послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 22 день, въ среду, слушалъ Государь божественныя литургіи у Всемилостиваго Спаса въ Симоновѣ монастырѣ, а послѣ литургіи до кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а съ утра часу до 3 былъ туманъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 23 день, въ четвертокъ, до столоваго кушанья и послѣ кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а съ утра часу до 3-го былъ туманъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Юля въ 24 день, въ пятокъ, ходилъ Государь тѣшитца въ Островскіе поля, а къ Москвѣ Государь пришелъ въ пятомъ часу ночи, а Государыня Царица пришла

ОТЪ И БЫЛО КЪ ВЕСНѢ, О ЦА-
- ЧЕВНИКѢ,
ПРОѢЗЖАЛЪ ГОСУДАРЬ СО
БОЛДАМИ
ВЪ СВОЮ ОТУНЦУ, - ГОРОДЪ
ЗВЕНИГОРОДЪ

ПРОМОЛИТСЯ СВАТОМУ УГОДНИКУ;
ВЪ КЕЛЮ СТАЛЪ КЪ САМОМУ НАС-
- ТОАТЕЛЮ ...

къ Москвѣ въ тотъ же день въ девятомъ часу дни. И въ тотъ день было ведрено, а за часъ до вечера былъ дождь» (Тамъ же).

25 Юля царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ Москвѣ, гдѣ и праздновалъ именины своей сестры, царевны Анны Михайловны (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 104).

«Юля въ 29 день, съ утра часу въ другомъ, ходилъ Государь тѣшитца въ село Коломенское, а къ Москвѣ Государь пришелъ въ другомъ часу ночи. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было тепло» («Охотн. Дневникъ Алекс. Михайл.»).

«Юля въ 31 день, въ пятюкъ... послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь въ походъ въ свое село Коломенское. И тотъ день былъ ведренъ и красенъ, а въ ночи было тепло» (Тамъ же).

«Августа въ 9 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всеношнаго бдѣнія въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи. И въ тотъ день пошелъ Государь въ походъ въ село Коломенское за полчаса до свѣта, а пришелъ за часъ до вечера. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи былъ дождь невеликъ» (Тамъ же).

«Августа въ 13 день, въ четвергъ, былъ день ведренъ, а въ ночи было тепло. И въ тотъ день пошелъ Государь въ походъ въ село Коломенское за два часа до вечера» (Тамъ же).

«Августа въ 20 день, въ четвертокъ, былъ день ведренъ, а въ ночи было вѣтрено. И въ тотъ день ходилъ Государь тѣшитца въ Коломенское» (Тамъ же).

«Августа въ 22 день, въ субботу, ходилъ Государь въ Семеновское тѣшитца, а пошелъ за 3 часа до ночи. И въ тотъ день было ведрено, а какъ Государь былъ на полѣ и въ тѣ поры шелъ дождь невеликъ съ полчаса, а въ ночи было холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 24 день, въ понедѣльникъ, послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь на Дѣвичье поле тѣшитца. И въ тотъ день съ утра было пасмарно, а послѣ полдень вѣтрено, а въ ночи холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 25 день, во вторникъ, ходилъ Государь тѣшитца по поле, а кушанье было въ селѣ Коломенскомъ. А съ Москвы пошелъ Государь въ 2 часу дни, а къ Москвѣ пришелъ часы въ отдачу. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 27 день, въ четвертокъ, до кушанья, ходилъ Государь тѣшитца на поле, а къ столовому кушанью пришелъ къ Москвѣ. И въ тотъ день было ведрено и вѣтрено, а въ ночи было холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 30 день, въ недѣлю, слушалъ Государь всеношнаго бдѣнія и божественныя литургии въ церкви Преподобномученицы Евдокѣи, что у него Государя

25*

на сѣнѣхъ, а послѣ столоваго кушанья ходилъ Государь тѣшитца на поле. И въ тотъ день было ведрено, а въ ночи было холодно» (Тамъ же).

«Августа въ 31 день, въ понедѣльникъ, былъ день ведренъ и вѣтренъ, а въ ночи было тепло. Того дни ходилъ Государь за два часа до вечера на Дѣвичьи поля тѣшитца» (Тамъ же).

22 Сентября того же 1657 года царь Алексѣй Михайловичъ отправляется въ Троицкій походъ (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 107), 25 Сентября онъ проводитъ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ (тамъ же, стр. 108), 26 Сентября приходитъ въ село Тонинское, откуда идетъ обратно въ Москву и пишетъ Матюшкину: «Пришли мы великій государь отъ Живоначальныя Троицы и Сергіева монастыря въ село Тонинское Сентября въ 26 день въ 9-мъ часу ночи, дасть Богъ, здорово, і идемъ въ царствующій градъ Москву, и тебѣ бѣ насъ великаго государя встрѣтитъ гдѣ пригожъ» (Письмо Алекс. Миханл., № XV).

16 Октября государь Алексѣй Михайловичъ «ходилъ въ Воскресенскій монастырь, на Истру рѣку, отъ Москвы пятьдесятъ верстъ» (Дополн. къ III т. Дворц. Разр., стр. 3), а 1 Декабря отправился въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 113).

До 11 Мая 1658 года свѣдѣній о походахъ царя Алексѣя Михайловича по обычнымъ мѣстамъ его охотничьихъ экскурсій не имѣется. Въ этотъ же день Алексѣй Михайловичъ отправляется въ село Покровское (Тамъ же, стр. 133). 21 Мая опять въ то же село (тамъ же, стр. 135); туда же идетъ 20 Юня и остается въ Покровскомъ до 27 числа этого мѣсяца включительно (Тамъ же, стр. 138). 21 Сентября Алексѣй Михайловичъ идетъ въ Троицкій походъ (Тамъ же, стр. 149).

7 Января 1659 года царь Алексѣй Михайловичъ идетъ снова въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 165), также, какъ и 30 числа этого же мѣсяца (Тамъ же, стр. 166). 3 Февраля Алексѣй Михайловичъ отправился въ село Хорошево (тамъ же, стр. 172), а 26 Апрѣля въ село Покровское (Тамъ же, стр. 183).

Въ Юнѣ мѣсяцѣ того же 1659 года Алексѣй Михайловичъ охотился съ соколами въ одномъ изъ имѣній князя Одоевскаго. По крайней мѣрѣ, 15 числа этого мѣсяца сокольникамъ боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго Миткѣ Семенову и Игнашкѣ Минину выданы сукна, цѣною по 88 копѣекъ сукно «за соколю потѣху» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 313, листъ оборотн. 360).

24 Юня того же года царь Алексѣй Михайловичъ идетъ въ село Покровское (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 191), 21 Сентября — въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 200), 1 Декабря — въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 205). 4 Декабря Алексѣй Михайловичъ былъ въ Саввиномъ-Сторожевскомъ монастырѣ,

откуда, по всѣмъ даннымъ, выступилъ на охоту, такъ какъ обѣдно слушалъ не въ монастырѣ, а въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Иванковѣ стольника князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, а обѣдалъ въ селѣ боярина Бориса Ивановича Морозова — Павловскомъ («Выходы Государей», стр. 318). 6 Декабря Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Хорошевѣ (Тамъ же).

1660 года «Февраля въ 20 день ходилъ Государь въ походъ въ Семеновское на потѣшный» (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 216), послѣ того, какъ у руки царской были «Польская шляхта и Нѣмцы» («Выходы Государей», стр. 323). 24 Марта Алексѣй Михайловичъ опять идетъ въ село Семеновское (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 221); 14 Мая идетъ въ село Покровское, откуда возвращается въ Москву 21 числа и въ тотъ же день снова идетъ въ село Покровское (Тамъ же, стр. 230). Въ Покровскомъ застаютъ государя и 31 Мая («Выходы Государей», стр. 332).

7 Юля 1660 года царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ Матюшкину изъ Москвы, вѣроятно, въ село Семеновское или Коломенское, гдѣ въ то время находился послѣдній съ царскою соколиною охотою:

«Не ходилъ на поле тѣшитна Юня съ 25 числа юля по 5 число, и птичій промыселъ поизмѣшался. И тебѣ бѣ нашими государевыми птицы промыслять и быть къ Москвѣ со птицы Юля къ 16 числу; а птицы добывали нарочито, Парѣенъевы статьи двѣнадцать коршаковъ, Терентьевъ кречеть добылъ шесть коршаковъ» (Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—XVI, стр. 257).

20 Августа того же года царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Коломенское (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 238); 22 Сентября — въ Трошкѣй походъ (тамъ же, стр. 243), останавливаясь по дорогѣ на 24 число въ селѣ Воздвиженскомъ («Выходы Государей», стр. 340) и возвратившись въ Москву 27 Сентября (Тамъ же, стр. 341). 5 и 6 Декабря Алексѣй Михайловичъ провелъ въ селѣ Хорошевѣ (Тамъ же, стр. 343).

13 Февраля 1661 года царь Алексѣй Михайловичъ снова ходилъ въ Трошкѣй походъ (Дворц. Разр., стр. 253); 19 Февраля «ходилъ Государь въ Семеновское на потѣшный дворъ» (тамъ же, стр. 254), а въ Мартѣ мѣсяцѣ этого года охотился на медвѣдя у села Мытищъ. По крайней мѣрѣ, отъ 18 числа этого мѣсяца дошелъ до насъ документъ, свидѣтельствующій о выдачѣ осотчикамъ села Мытищъ, «которые сочили на Мытищахъ медвѣди», Петрушкѣ Мамонову съ товарищами, въ числѣ 8 человекъ, по сукну на человекъ (Оружейн. Палата, № 327—7169 г.).

20 Апрѣля 1661 года ходилъ государь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Семеновское (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 262); 2 Мая ходилъ «къ Николѣ на Угрѣшу» (тамъ же); 26 Августа ходилъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 286), гдѣ его застаютъ и 1 Сентября («Выходы Государей», стр. 362). 19 Сентября царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Покровское, въ тотъ же день вернулся въ Москву и на другой день, 20 числа, отправился въ Троицкій походъ (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 292), откуда прибылъ обратно къ Москвѣ 26 Сентября (Тамъ же, стр. 294). 28 Сентября ходилъ Алексѣй Михайловичъ въ село Братошино («Выходы Государей», стр. 364). 17 Октября, «въ четвертокъ, Великій Государь ходилъ въ походъ тѣшитна на поле; а кушанье столовое было въ селѣ Хорошовѣ; а тѣшился подь селомъ Хвилями да въ Кунцовскихъ заразѣхъ. А съ Москвы пошелъ въ отдачу часовъ ноцныхъ (на разсвѣтѣ въ 7 часовъ утра), а къ Москвѣ пришелъ во 2 часу ночи (въ 7 часовъ вечера, слѣдовательно, охотился весь день). И въ тотъ день было съ утра до 3 часа пасмурно, а до вечера ведрено, а въ ночи было холодно и былъ морозецъ» (Забѣлинъ, «Кунцово», стр. 167).

26 Октября того же года царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Коломенскомъ («Выходы Государей», стр. 365), а 27 Декабря «ходилъ Государь тѣшиться въ походъ въ село Хорошево» (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 302).

29 Апрѣля 1662 года ходилъ царь Алексѣй Михайловичъ къ Николѣ на Угрѣшу (Тамъ же, стр. 333). 16 Июля государь ходилъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 342), откуда вернулся 20 Июля (тамъ же, стр. 343) и куда въ тотъ же день отправился обратно (тамъ же, стр. 344); 28 Июля государь ходилъ къ Новодѣвичьему монастырю, вернувшись въ тотъ же день обратно въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 345). 7 Августа Алексѣй Михайловичъ ходилъ на нѣсколько часовъ въ Москву и, наконецъ, вернулся въ Москву изъ села Коломенскаго окончательно 10 Августа (Тамъ же, стр. 346). 22 Сентября ходилъ Алексѣй Михайловичъ въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 354), останавливаясь въ селѣ Воздвиженскомъ на 24 число, при чемъ ходилъ изъ села Воздвиженскаго на Кесовы пруды («Выходы Государей», стр. 386).

18 Января 1663 года царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ Звенигородскій походъ (тамъ же, стр. 391) и вернулся изъ этого похода къ Саввѣ Сторожевскому 21 Января (Дворц. Разр., Дополн. къ III т., стр. 366). 26 Января государь идетъ въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 392), повторяя таковой же 9 Октября этого года (Тамъ же, стр. 406).

Свѣдѣній о походахъ царя Алексѣя Михайловича въ 1664 году у насъ очень мало; мы знаемъ, что государь 27 Юля этого года ходилъ въ село Покровское («Выходы Государей», стр. 422), а 21 Сентября — въ Троицкій походъ (Тамъ же, стр. 426). Но что на самомъ дѣлѣ это было не такъ, что въ теченіе этого года Алексѣй Михайловичъ занятія охотою не покидалъ, видно хотя бы уже изъ того, что 14 Ноября 1664 года сокольникъ Анурій Ширковъ былъ «посланъ въ Домодѣдовскую волость, а велѣно ему (было) прикармливать волковъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, листъ 46), а 29 числа того же Ноября сокольникъ Мина Теряевъ съ пятью человѣками товарищей были «посланы по Можайской и по Звенигородской дорогамъ для осоку медвѣдей» (Тамъ же, кн. 1072, листъ 52).

26 Января 1665 года въ Домодѣдовскую волость были отправлены съ государевой псарни лошаи собаки (тамъ же, кн. 1072, листъ оборотн. 82), гдѣ, вѣроятно, около этого времени была царская охота на лосей. 10 Февраля того же года былъ посланъ изъ Москвы стадный конюхъ Гришка Яковлевъ «на Бѣлую и во Ржеву съ государевыми грамотами: на Бѣлой велѣно осѣчь, а изъ Ржевы выслать посадскаго человѣка псоваго охотника» (Тамъ же, кн. 1072, листъ оборотн. 89). Но когда состоялась эта охота, состоялась ли и если состоялась, то принималъ ли въ ней участіе царь Алексѣй Михайловичъ, — мы не знаемъ.

20 Юля того же 1665 года Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Измайлово («Выходы Государей», стр. 443), а 27 числа того же мѣсяца — въ село Коломенское (тамъ же, стр. 444), куда ходилъ и 17 Августа (Дворц. Разр., т. III, стр. 590). 23 Августа Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Воробьево (тамъ же, стр. 591), а 28 Августа — въ село Коломенское (тамъ же, стр. 592), откуда 1 Сентября ходилъ въ Москву «для дѣйства» (смотри́ть театральное представленіе) и куда вернулся въ 7 часу дня (Тамъ же, стр. 593). Сентября 7 государь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Семеновское (тамъ же, стр. 594), 21 Сентября отправился въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 448), а 28 Сентября — въ село Тонинское (тамъ же, стр. 449), при чемъ, вѣроятно, исключительно съ охотничьею цѣлью былъ «въ князь Яковлевской роши» (Тамъ же). 30 Октября Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Измайлово (Дворц. Разр., т. III, стр. 598), 2 Ноября — въ село Хорошево, 9 Ноября — въ село Никольское (тамъ же, стр. 599), 11 Ноября — въ село Семеновское (тамъ же, стр. 601), 28 Ноября — въ село Измайлово (тамъ же, стр. 602), 2 Декабря — въ село Хорошево; 5 Декабря еще «до свѣта» ходилъ Алексѣй Михайловичъ въ село Семе-

новское, 11 Декабря — туда же (тамъ же, стр. 603); 14 Декабря ходилъ государь въ село Воробьево, а 29 Декабря — въ село Семеновское (Тамъ же, стр. 604).

4 Января 1666 года отправился царь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Хорошево, 11 Января — въ село Семеновское, 18 Января — въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь (тамъ же, стр. 605), 27 Января — въ село Семеновское, 30 Января — «на рѣчку на Тресины», 6 Февраля — въ село Семеновское, 9 Февраля «за полчаса до свѣта» ходилъ въ село Хорошево, гдѣ ночевалъ и откуда вернулся 10 Февраля «на послѣднемъ часу дни, на послѣдней чети» (Тамъ же, стр. 606). 17 Февраля ходилъ царь Алексѣй Михайловичъ въ село Семеновское (тамъ же, стр. 607), 23 Февраля — туда же (тамъ же, стр. 609), 15 Марта — опять въ село Семеновское (тамъ же, стр. 610), 23 Марта — въ село Измайлово (тамъ же, стр. 611), 6 Апрѣля — опять въ село Измайлово (тамъ же, стр. 612), 25 Апрѣля — въ села Преображенское и Измайлово (тамъ же, стр. 615), 11 Мая — въ село Измайлово (тамъ же, стр. 618), 13 Мая — въ село Преображенское, 20 Мая — туда же (Тамъ же, стр. 619). «Мая въ 25 день, въ четвертомъ часу дни, на послѣдней чети того часа, Великій Государь... изволилъ итти въ походъ въ монастырь къ Спасу на Новое, слушать по бояринѣ по Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ понахиды, а изъ монастыря итти на Тюхонскіе воды» на охоту, вѣроятно, съ соколами на дикихъ утокъ (Тамъ же, стр. 623). 18 Юня ходилъ Алексѣй Михайловичъ въ село Коломенское, откуда вернулся 19 Юня «во второмъ часу ночи въ послѣдней чети» (Тамъ же, стр. 629). 25 Юня государь снова ходилъ въ село Коломенское, откуда вернулся 26 числа на другой день (Тамъ же, стр. 630). 8 Юля царь Алексѣй Михайловичъ провель въ селѣ Преображенскомъ (тамъ же, стр. 631); изъ Преображенскаго 11 Юля приходилъ къ Москвѣ и вернулся обратно въ село въ тотъ же день (тамъ же, стр. 632), и былъ въ селѣ Преображенскомъ какъ 26 Юля («Выходы Государей», стр. 464), такъ и 28 числа того же мѣсяца (Дворц. Разр., т. III, стр. 634). 31 Юля пришелъ государь «изъ Преображенскаго похода» въ Москву (Тамъ же, стр. 635). 7 Августа Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Измайлово, откуда вернулся въ тотъ же день и куда снова пошелъ 13 Августа, вернувшись также въ тотъ же день въ Москву въ 2 часа ночи (послѣ заката солнца). (Тамъ же, стр. 637). 21 Августа царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 639), 30 Августа ходилъ туда же (Тамъ же, стр. 644).

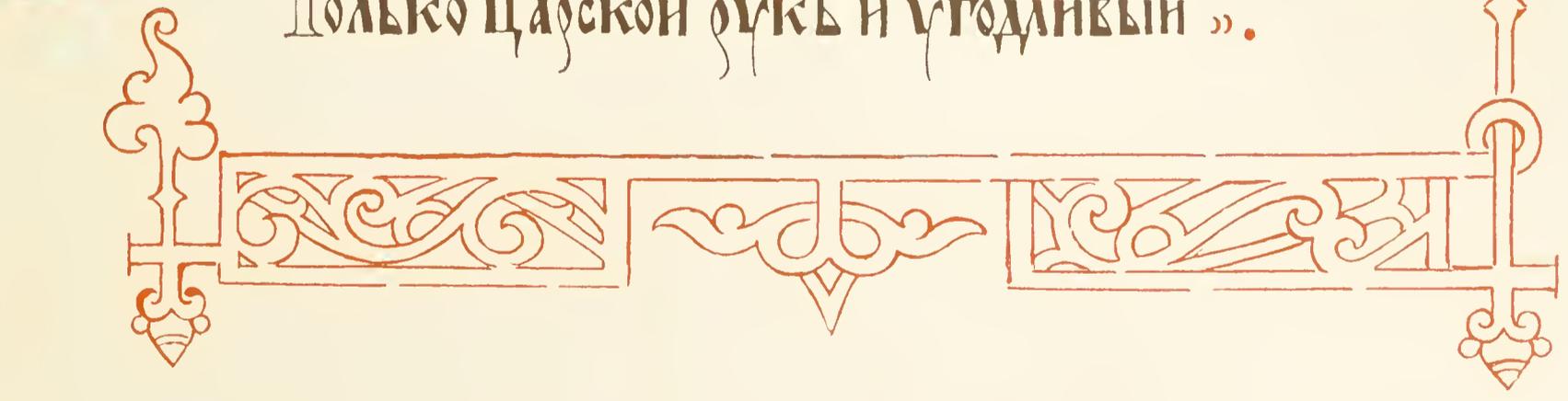
Въ промежутокъ около года свѣдѣній о походахъ царя Алексѣя Михайловича не имѣемъ.

УДЕТЬ — ТАКЪ, О ПОЛУД-
-НѢ, НА ТРЕТІЙ ДЕНЬ,
МУЖИЧЕКЪ И ПРИХОДИТЬ КЪ КЕЛЕЙ-
-НИКУ :

Г. Ламкищз

« ОБОШЕЛЪ ѿ МЕДВѢДЬ ДЛѢ БАТЮШКИ,
ДЛѢ ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧА,
ТАМЪ И ТАМЪ: МАТЕРОЙ, ДА ПОРОДЛИВЫЙ,
ТОЛЬКО ЦАРСКОЙ РУКѢ И УГОДЛИВЫЙ ».

10 Сентября 1667 года ходилъ государь Алексѣй Михайловичъ въ село Коломенское, откуда 11 Сентября отправился въ село Всевидное (Тамъ же, стр. 663). Изъ Всевиднаго вернулся государь въ Москву 18 Сентября (Тамъ же, стр. 664). Того же года «Сентября въ 21 день, Великій Государь ходилъ на поля тѣшиться» (тамъ же, стр. 666), но на какія именно поля — не знаемъ. 22 Сентября отправился Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Преображенское (тамъ же), откуда отправился въ Троицкій походъ («Выходы Государей» стр. 468). 27 Сентября былъ государь въ селѣ Топинскомъ (тамъ же, стр. 469), 30 Сентября — въ селѣ Измаѣловѣ (Дворц. Разр., т. III, стр. 669). 1 Октября выступилъ Алексѣй Михайловичъ въ Троицкій походъ (Тамъ же, стр. 670). 31 Октября былъ государь въ селѣ Измаѣловѣ (тамъ же, стр. 683), 5 Ноября ходилъ въ походъ въ село Коломенское, также какъ и 9 Ноября (Тамъ же, стр. 686). «Ноября въ 16 день, Великій Государь ходилъ на поля тѣшиться». Возницею у царя былъ «столникъ князь Василей князь Васильевъ сынъ Голицынъ» (Тамъ же, стр. 695). «Ноября во 18 день, Великій Государь ходилъ на поля тѣшиться... А возница прежній». «Ноября во 19 день, Великій Государь ходилъ въ походъ въ село Коломенское тѣшиться... А возница былъ прежній» (Тамъ же, стр. 696). 28 Ноября ходилъ государь въ походъ въ село Хорошево, а 3 Декабря — въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 701). Вѣроятно, въ это же время были устраиваемы царскія охоты на волковъ въ селахъ Дмитровскомъ, Павловскомъ и Рождественскомъ, куда «для привады волковъ» 25 Ноября этого же года были отправлены сокольники Шаблыка Шастовъ и Андрей Фроловъ, получившіе «на покупку мясъ» для этой цѣли 10 рублей (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 72). 7 Декабря царь Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ походъ въ село Хорошево, а 9 Декабря — въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, въ Звенигородскій походъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 702). 27 Декабря государь былъ въ селѣ Измаѣловѣ, 28 Декабря — въ селѣ Коломенскомъ, а 30 Декабря — въ селѣ Семеновскомъ (Тамъ же, стр. 711).

2 Января 1668 года ходилъ государь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Семеновское, 3 Января — туда же и 4 Января — въ село Домодѣдово (Тамъ же, стр. 712). Въ послѣднемъ селѣ, по всей вѣроятности, была устроена охота на лосей, такъ какъ Домодѣдовская волость вообще славилась въ то время обиліемъ этого звѣря; тамъ постоянно содержались лошади собаки и проживали охотники-сторожа, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 82, л. 92, л. оборотн. 106 и др.). 7 Января царь Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Коломенскомъ (Дворц. Разр., т. III, стр. 713), 11 Марта —

въ селѣ Измаиловѣ (тамъ же, стр. 726), 2 Апрѣля — въ селѣ Семеновскомъ (тамъ же, стр. 736), 9 Апрѣля — въ селѣ Измаиловѣ (тамъ же, стр. 737), 1 Мая — тамъ же (тамъ же, стр. 740), 6 Мая — въ селѣ Коломенскомъ, 8 Мая — тамъ же (тамъ же, стр. 744), 27 Мая — въ селѣ Измаиловѣ (тамъ же, стр. 760), 4 Юня — въ селѣ Коломенскомъ (тамъ же, стр. 763), 10 Юня — въ селѣ Островѣ (Тамъ же, стр. 777). 11 Юня царь Алексѣй Михайловичъ выступилъ изъ села Острова къ Николѣ на Угрѣшу (тамъ же, стр. 779), откуда вернулся въ село Островъ въ тотъ же день (тамъ же, стр. 789); изъ Острова пришелъ царь въ Москву 12 Юня (Тамъ же, стр. 790). 18 Юня отправился государь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Коломенское (тамъ же, стр. 793), а 12 Юля — въ село Преображенское (тамъ же, стр. 810), гдѣ былъ еще 23 числа этого мѣсяца (тамъ же, стр. 817) и откуда же приходилъ въ Москву 26 Юля лишь для того, чтобы отслужить благодарственный молебень за побѣду русскаго войска надъ Крымцами въ соборной церкви Успенья Богородицы (Тамъ же, стр. 818). 27 Юля ходилъ царь Алексѣй Михайловичъ изъ села Преображенскаго на нѣсколько часовъ въ Новодѣвичій монастырь (тамъ же, стр. 820), а вернулся въ Москву изъ села Преображенскаго окончательно 31 Юля (Тамъ же, стр. 823). 10 Августа Алексѣй Михайловичъ ходилъ въ походъ въ село Измаилово (тамъ же, стр. 828), а 21 Сентября — въ Троицкій походъ («Выходы Государей», стр. 504).

Свѣдѣній о царскихъ походахъ за конецъ 1668 года и за начало 1669 года мы не имѣемъ.

25 Юля 1669 года ходилъ государь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Преображенское («Выходы Государей», стр. 515), а изъ Преображенскаго — въ село Покровское; 20 Сентября ходилъ царь въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 518), а 26 Октября — въ село Преображенское (Тамъ же, стр. 519).

Около 9 мѣсяцевъ свѣдѣній о царскихъ походахъ не имѣемъ.

20 Юля 1670 года отправился государь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Преображенское («Выходы Государей», стр. 528), 25 Юля — въ село Воробьево (тамъ же, стр. 529), 22 Сентября — въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 533), причемъ заходилъ въ село Тонинское. 1 Октября Алексѣй Михайловичъ былъ въ селѣ Преображенскомъ (Тамъ же, стр. 534). 25 Октября государь отправился въ село Семеновское на потѣшный дворъ «для смотру» (Тамъ же, стр. 534). 26 Октября царь былъ въ селѣ Преображенскомъ (тамъ же, стр. 535), 27 Октября — въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ (тамъ же), 28 Октября — опять въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ, также какъ и 29 числа, на другой

день (Тамъ же, стр. 536). 7 Ноября Алексѣй Михайловичъ еще разъ повторяетъ свое путешествіе въ село Семеновское, а 2 Декабря идетъ въ село Павловское (тамъ же, стр. 537); 3 Декабря государь выступаетъ въ походъ къ Звенигороду, къ Саввѣ Сторожевскому, а 6 Декабря проводитъ въ селѣ Хорошевѣ (Тамъ же, стр. 538).

Свѣдѣній о походахъ царя Алексѣя Михайловича въ теченіе первой половины 1671 года мы не имѣемъ.

1 Юня этого года Алексѣй Михайловичъ выступаетъ въ Преображенскій походъ («Выходы Государей», стр. 552); въ этомъ же походѣ его застаютъ 24 Юня (тамъ же, стр. 553), а затѣмъ, и 8 Юля (тамъ же, стр. 554); 6 Августа Алексѣй Михайловичъ приходитъ не надолго въ Москву и въ тотъ же день снова возвращается въ село Преображенское (Тамъ же, стр. 556). Въ теченіе этого лѣта, вѣроятно, подъ селомъ Преображенскимъ не разъ устраиваются царскія охоты съ ловчими птицами, въ которыхъ принимаетъ участіе наслѣдникъ престола, царевичъ Θεодоръ Алексѣевичъ. Такъ, мы знаемъ, что 30 Юля 1671 года цѣлая серія сокольниковъ получила различныя награды «въ приказъ» за то, что сокольники эти «тѣшили птицами на поле» царевича Θεодора Алексѣевича (Государ. Арх., разр. XXVII, № 52). 29 Августа 1671 года государь Алексѣй Михайловичъ идетъ въ походъ въ село Коломенское («Выходы Государей», стр. 558), 21 Сентября — въ село Гонинское (тамъ же, стр. 560), откуда въ тотъ же день переходитъ въ село Братошино. 22-го государь идетъ въ походъ въ село Воздвиженское, откуда направляется въ Троицко-Сергіевскую лавру (Тамъ же).

Послѣ этого въ продолженіи болѣе годового срока мы не имѣемъ свѣдѣній ни о походахъ царя Алексѣя Михайловича вообще, ни объ его охотахъ въ частности; но что и походы и охоты въ это время не прекращались, мы не сомнѣваемся, чему подтвержденіемъ служить, на примѣръ, то обстоятельство, что 15 Января 1672 года ловчаго пути нѣкому Емелькѣ Богданову было выдано два сукна добрыхъ за то, что «былъ онъ въ Братѣвскомъ осоку со псовою охотою» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 325, л. оборотн. 50).

18 Октября 1672 года ходилъ государь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Воздвиженское («Выходы Государей», стр. 562), 22 Октября — въ село Братошино, 23 Октября — опять въ село Братошино, 24 Октября — въ село Гонинское, 25 Октября — въ село Алексѣевское, 26 Октября — въ село Преображенское, откуда вернулся въ Москву 29 Октября, а 8 Ноября былъ опять въ селѣ Преображенскомъ (Тамъ же, стр. 563).

Послѣ этого въ продолженіи десяти мѣсяцевъ свѣдѣній о походахъ Алексѣя Михайловича мы не имѣемъ.

15 Сентября 1673 года ходилъ государь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Преображенское (Дворц. Разр., т. III, стр. 901), 20 Сентября ходилъ въ село Островъ, 1 Октября — въ село Покровское (тамъ же, стр. 903); 5 Октября выступилъ царь въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 906), а 26 Октября пришелъ въ село Преображенское, гдѣ пробылъ до 14 Ноября (Тамъ же, стр. 908). Къ этому времени (31 Октября 1673 года) относится свидѣтельство о выдачѣ ловчаго пути псовнику Петру Ивановичу Теряеву пищали, «для того по указу Великаго Государя велѣно ему Петру быть въ новыхъ Государевыхъ осокахъ для сыску звѣрей» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 94—7182 г.). 14 Ноября того же года ходилъ государь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Коломенское (Дворц. Разр., т. III, стр. 909), 30 Ноября выступилъ въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 913).

По имѣющимся свѣдѣніямъ слѣдующій за послѣднимъ походъ царя Алексѣя Михайловича относится къ 5 Іюня 1674 года, когда «за полъ часа до ночи» пришелъ государь въ Москву изъ села Воробьева (слѣдовательно, долженъ былъ раньше этого отправиться туда). (Тамъ же, стр. 957). Снова вернулся царь въ село Воробьево 7 Іюня (тамъ же, стр. 958), былъ въ Москвѣ 23 Іюня, (тамъ же, стр. 959), съ 24 числа по 26 Іюня находился въ селѣ Воробьевѣ, 26 числа посѣщалъ Москву, съ 26 Іюня по 7 Іюля жилъ въ Воробьевѣ, а 7 Іюля былъ въ Москвѣ (Тамъ же, стр. 960). Въ началѣ Сентября 1674 года «Государева полку столникамъ, и стряпчимъ, и дворяномъ Московскимъ и жилищомъ... и всякихъ чиновъ служилымъ людемъ» было объявлено, по указу царя Алексѣя Михайловича, что «Великому Государю походу своего съ Москвы до весны не будетъ» (Тамъ же, стр. 933). Однако, несмотря на такое оповѣщеніе, царь Алексѣй Михайловичъ выступилъ въ походъ въ село Коломенское, гдѣ былъ 11 Сентября этого года (Тамъ же, стр. 1014). Въ томъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ были «посланы, по указу Великаго Государя, изъ приказа большаго двorca, отъ боярина и оружничаго Богдана Матвѣевича да отъ думнаго дворянина отъ Александра Савостьяновича Хитрово да отъ думнаго дьяка Федора Михайлова съ товарищи, дворовые люди, стряпчіе да съ ними сытники со всѣхъ дворцовъ, по станомъ Великаго Государя и по селамъ: въ село Алексѣевское, да въ село Гошинское, да въ село Братошину да въ село Воздвиженское ставки ставить и всякіе обиходы готовить къ его Великаго Государя приходу. Того жъ году, Сентября въ « » день, посланы по указу Великаго Государя, дворовые жъ люди по Тростниковой дорогѣ для Великаго Государя походу мостовъ мостить, и гдѣ худы по-

чинивать и вѣхи ставить; а мосты дѣлать и гати гатить дворцовыми, и боярскими и монастырскими крестьяны, которые селы и деревни по той дороге есть до Троицкаго Сергіева монастыря. Да, по указу же Великаго Государя, посланы напередъ по станомъ передовые, и столники и сторожи постелные и столовые» (Тамъ же, стр. 1029). 19 Сентября 1674 года ходилъ государь въ походъ въ село Измайлово (тамъ же, стр. 1033), и въ село Преображенское, сопутствуемый думнымъ дворяниномъ и ловчимъ Московскаго пути Аѳанасіемъ Ивановичемъ Матюшкинымъ (Тамъ же, стр. 1035). 23 Сентября отправился царь Алексѣй Михайловичъ въ Троицкій походъ (тамъ же, стр. 1038), останавливаясь въ селахъ Тонинскомъ, Братошинѣ и Воздвиженскомъ (Тамъ же, стр. 1043). 6 Октября былъ государь въ селѣ Соколовѣ (тамъ же, стр. 1065), 12 Октября былъ въ селѣ Коломенскомъ (тамъ же, стр. 1076), а 25 Октября пошелъ въ село Преображенское (тамъ же, стр. 1089), взявъ съ собою, въ числѣ другихъ, московскаго ловчаго Матюшкина (Тамъ же, стр. 1092). Изъ села Преображенскаго царь вернулся въ Москву 31 Октября (тамъ же, стр. 1095), оставивъ, однако, въ этомъ селѣ Матюшкина (тамъ же, стр. 1097) и вернувшись лично въ Преображенское на другой же день — 1 Ноября (Тамъ же, стр. 1099). 10 Ноября царь Алексѣй Михайловичъ приходилъ изъ Преображенскаго въ Москву (тамъ же, стр. 1105) и отбылъ обратно въ село на другой день — 11 Ноября (Тамъ же, стр. 1108). 18 Ноября у царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Преображенскомъ было «спдѣнье съ бояры о всякихъ дѣлахъ» (Тамъ же, стр. 1109). 1 Декабря ходилъ государь въ Звенигородскій походъ (Тамъ же, стр. 1118). 3 Декабря Алексѣй Михайловичъ снова былъ въ селѣ Преображенскомъ, откуда былъ посланъ «къ Москвѣ соколничей (ошибка, должно быть сокольникъ) нарочито» за потребовавшимся для какой-то надобности бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвѣевымъ (Тамъ же, стр. 1125).

«Того жъ году, Декабря въ 7 день, ходилъ Великій Государь изъ села Преображенскаго съ Государынею Царицею и съ Государи Царевичи и Государыни Царевны въ село Измайлово тѣшиться и всякаго строенья смотреѣть; и кушанье раннее было у Великаго Государя въ селѣ Измайловѣ» (Тамъ же, стр. 1128). «Того жъ году, Декабря въ 8 день, ходилъ Великій Государь изъ села Преображенскаго съ Государынею Царицею и съ Государи Царевичи и съ Государыни Царевны тѣшиться въ село Алексѣевское; и кушанье было у Великаго Государя въ селѣ Алексѣевскомъ раннее.... Да съ нимъ же Великимъ Государемъ были бояре, и окольнічіе, и думные дворяне, и думные дьяки, и ближніе люди, и столники и стряпчіе, которымъ указано быть, по его Великаго Государя указу, за нимъ Великимъ Государемъ въ походъ»

(Тамъ же, стр. 1130). Замѣтимъ вскользь, что во время описываемаго пребыванія царя Алексѣя Михайловича въ селѣ Преображенскомъ, тамъ устраивались различныя новыя на Руси увеселенія. Такъ, тѣшили Великаго Государя иноземцы, «какъ Алаверна парница царю голову отсѣкла», и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева. Тѣ же люди представляли, «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицины челобитью и по Мардахенину наученью». Тѣ же люди «и въ органы играли, и на фіоляхъ, и въ страменты и танцовали» и т. п. (Дворц. Разр.). Для того, чтобы смотрѣть на эти невиданныя раньше зрѣлища, были вытребованы изъ Москвы тѣ бояре, окольные, думные дворяне и ближніе люди, которые не были съ государемъ въ походѣ, при чемъ посланы были за ними изъ села Преображенскаго тайныхъ дѣлъ дьякомъ Иваномъ Левонтьевичемъ Полянскимъ стременные конюхи и сокольники (Тамъ же, стр. 1131). 9 Декабря этого года ходилъ царь Алексѣй Михайловичъ съ царевичемъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ и съ московскимъ ловчимъ Матюшкинымъ изъ села Преображенскаго въ походъ въ село Островъ (Тамъ же, стр. 1132). «Того жъ году, Декабря въ 13 день, ходилъ Великій государь изъ походу изъ села Преображенскаго въ походъ же въ село Соколово тѣшится» сопутствуемый, по обыкновенію, весьма многими придворными людьми (тамъ же, стр. 1134), при чемъ семейство свое отправилъ въ Москву (тамъ же, стр. 1135), поручивъ Аѳанасію Ивановичу Матюшкину проводить царицу, а затѣмъ, не откладывая прибыть къ нему, государю, въ село Соколово (Тамъ же, стр. 1137). «Того жъ году, Декабря въ 14 день, пришелъ Великій Государь изъ села Соколова въ село Дьяконово («слѣдовало бы написать Дьяково: въ этой сторонѣ села Дьяконова нѣтъ и не было, Дьяково же и теперь существуетъ» — Примѣчаніе составителей Дворц. Разр.), а кушанье вечернее было въ селѣ Дьяконовѣ, и ночевать». Изъ Дьякова царь посылалъ въ Москву освѣдомиться о здоровьѣ царицы и дѣтей своихъ, слѣдовательно, этотъ охотничій походъ былъ довольно продолжительный (Тамъ же, стр. 1138).

20 Января 1675 года ходилъ царь Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Коломенское (Тамъ же, стр. 1207). 23 Марта — «въ село на Воробьеву гору» (Тамъ же, стр. 1289). 19 Апрѣля государь, пославъ на Воробьевы горы стольника князя Троекурова «для его Великаго Государя походу», приказавъ посланному «пересмотрѣть всякаго строенія на его государевѣ дворѣ, а гдѣ худо — построить все вновь къ его государеву пришествію» (Тамъ же, стр. 1346). 27 Апрѣля ходилъ Алексѣй Михайловичъ въ походъ въ село Измайлово (тамъ же, стр. 1356), а 13 Мая отправился къ Николѣ на Угрѣшу да въ село Островъ, сопровождаемый многочисленнымъ придворнымъ чиномъ, въ составѣ котораго находились думный дворянинъ и ловчій

оложили царю — усмѣхаетсь ,

А съ самимъ собой думушку думаетъ:

Аль пойдти въ одиночку помѣлтъсь?

Въ молодецкой удаѣ провѣрйтсь?

И пошелъ... За плечами рогатина,

А у пояса ножъ златокованный...

И пошелъ монастырскою пущею...

Видитъ — тропка проложена по снѣгу

И промерзлыя сучья надломлены —

« Быть сюда! » И пошелъ, не задумавшись,

— макшись,

По тропѣ снѣговой, межъ березами.

Что ни шагъ, то нога оступаетсь,—

Въ снѣгъ уходитъ по берцу, а охобень

Заметаеть сугробы, а ннеемъ

Весь боборобаль шапка

осыпана ...

З

Московского пути Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ, со стремянными конюхами, со-
кольниками и охотниками (Тамъ же, стр. 1390). Вернулся государь изъ села Острова
19 числа того же мѣсяца (Тамъ же, стр. 1393). 23 Мая, по указу царя, была от-
правлена на Воробьеву гору боярыня Матрена Васильева Блохина, съ десятью постель-
ницами и десятью дѣтьми боярскими, «а велѣно ей досмотрѣть во всѣхъ хоромахъ
Государыни Царицы, и Государынь Царевенъ и Государей Царевичевъ, что все ли
въ хоромахъ слѣдано строино и самой ей Матренѣ велѣно дожидаться приходу Ве-
ликаго Государя» (Тамъ же, стр. 1404). Самъ царь съ семействомъ отправился въ
село Воробьево 24 Мая (Тамъ же, стр. 1406). 19 Юня пошелъ государь «изъ по-
ходу съ Воробьевой горы въ походъ въ село Преображенское» (Тамъ же, стр. 1472).
«Того жъ году, Юня въ 20 день ходилъ Великій Государь къ обѣднѣ въ село По-
кровское» (Тамъ же, стр. 1473). «Того же числа, послѣ кушанья, ходилъ Великій
Государь тѣшиться съ Государынею Царицею, и съ Государи Царевичи и съ Госу-
дарыни Царевны изъ села Преображенскаго въ село Измайлово. Въ первой каретѣ
шелъ Великій Государь, а съ нимъ Государемъ сидѣли въ каретѣ Государь Царевичъ
и Великій Князь Оеодоръ Алексѣевичъ да Государь Царевичъ и Великій Князь Петръ
Алексѣевичъ. А за каретою ѣхалъ дядка околничей Иванъ Богдановичъ Хитрово, да
подлѣ кареты шелъ полуголова столника и полковника и головы Московскихъ стрѣль-
цовъ Юрьева приказу Петрова сына Лотухина Александра Тихоновъ сынъ Тонѣвъ;
а въ каретѣ было 6 возниковъ темносѣрыхъ. А бояре, и околничіе, и думные дво-
ряне, и думные дьяки, и ближніе люди, и столники всѣ ѣхали напередъ Великаго
Государя и Государя Царевича столники. Въ другой каретѣ ѣхала Государыня Царица
съ Государыни Царевнами меншими; а за каретою ѣхали столники и ближніе люди;
Иванъ Кириловъ сынъ, да Иванъ Ооминъ сынъ да боярина жъ Кириловы дѣти
Полухтовича Нарышкина меншіе Оеодоръ, да Мартемьянъ да Левъ; а въ каретѣ
было 6 возниковъ буланыхъ. Въ третьей каретѣ ѣхала Государыня Царевна и Великая
Княжна Ирина Михайловна съ сестрами да Государыня Царевна и Великая Княжна
Евдокія Алексѣевна съ сестрами; а за каретою ѣхали столникъ и ближній человекъ
Петръ Ивановъ сынъ Матюшкинъ да столникъ Борисъ Гавриловъ сынъ Юшковъ; а
въ каретѣ было 6 возниковъ гнѣдыхъ. Да за ними жъ Государыни ѣхали въ трехъ
колымагахъ мамы; да за ними жъ Государыни ѣхали въ трехъ же колымагахъ боярони,
да казначей да кормилицы, а въ колымагахъ было по 2 санника пвѣтныхъ; а за ними
ѣхали дѣти боярскіе Государыни царицы, за всякою колымагою по 2 человекъ»
(Тамъ же, стр. 1474). 26 Юня царь Алексѣй Михайловичъ съ семействомъ снова
ходилъ изъ села Преображенскаго въ село Измайлово (Тамъ же, стр. 1483). 29 Юня

государь пошелъ на Воробьеву гору (тамъ же, стр. 1493), гдѣ обѣдалъ въ шатрахъ (Тамъ же, стр. 1497). 1 Юля «тѣшился Великій Государь подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, въ лугахъ и на водахъ, съ соколами и съ кречетами и съ ястребы, и съ Государынею Царицею, и съ Государемъ Царевичемъ и Великимъ княземъ Ѳеодоромъ Алексѣвичемъ и съ Государемъ Царевичемъ и Великимъ княземъ Петромъ Алексѣвичемъ, въ каретахъ» (Тамъ же, стр. 1501). 5 Юля изъ похода на Воробьеву гору ходилъ царь Алексѣй Михаиловичъ въ Москву (тамъ же, стр. 1510), вернувшись въ Воробьево въ тотъ же день (тамъ же, стр. 1513); 6 Юля ходилъ изъ Воробьева въ село Коломенское (тамъ же, стр. 1514), 9 Юля былъ въ Москвѣ (тамъ же, стр. 1523), 14 Юля въ селѣ Коломенскомъ (тамъ же, стр. 1536), сопутствуемый московскимъ ловчимъ Матюшкинымъ (Тамъ же, стр. 1537). 23 Юля Алексѣй Михаиловичъ изъ села Коломенскаго ходилъ «въ походъ въ село Соколово тѣшиться и съ Государынею Царицею да съ Государемъ Царевичемъ и Великимъ Княземъ Ѳеодоромъ Алексѣвичемъ. А сидѣли съ Великимъ Государемъ Государыня Царша и Государь Царевичъ въ одной каретѣ; а въ каретѣ было 6 возниковыхъ гнѣдихъ. Да съ ними жъ Великими Государями были: бояринъ Иванъ Богдановичъ Милославской, да околничей князь Володимеръ Дмитриевичъ Долгоруковъ, да думный дьякъ Дементей Башмаковъ, да столники, и ближніе люди, да столники походные, которымъ указано быть за нимъ Великимъ Государемъ въ походѣ, да столники Государя Царевича и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣвича; а ѣхали всѣ столники напередъ Великаго Государя передъ каретою. А за каретою ѣхали Великаго Государя столники и ближніе люди Иванъ да Ѳеонасей Кириловы дѣти Нарышкины, да съ сумою столникъ и ближней челоуѣкъ Алексѣй Семеновъ сынъ Шенинъ да столникъ Государя Царевича и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣвича князь Михайло Яковлевичъ Черкасской. Да въ Соколовѣ жъ жаловалъ Великій Государь погребомъ (винами и другими напитками) столниковъ походныхъ, и сокольниковъ, и слугъ боярскихъ и стрѣльцовъ» (Тамъ же, стр. 1553). 26 Юля вернулся царь Алексѣй Михаиловичъ изъ села Коломенскаго на Воробьеву гору (Тамъ же, стр. 1557). Посѣщая повременно Москву, государь пробылъ «въ походѣ на Воробьеву гору» до 16 Августа. Въ этотъ день «ходилъ Великій Государь съ Воробьевой горы тѣшиться въ село Семеновское, а изъ села Семеновскаго ходилъ въ село Измайлово» (тамъ же, стр. 1598), откуда опять-таки вернулся въ село Воробьево (тамъ же, стр. 1599), но до котораго времени пробылъ тамъ, не знаемъ.

30 Января 1676 года «въ 4 часу ноши, съ суботы на воскресніе изволеніемъ всецѣльнаго Бога, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михаиловичъ,

всѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ, оставя земное царство, отыде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія» (Тамъ же, стр. 1635).

¹⁶⁾ Данныя для характеристики Алексѣя Михайловича, равно какъ и отдѣльные факты, касающіеся исторіи его охотъ, заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) Выходы Государей. М., 1844, стр.: 143, 181, 190, 208, 217, 231, 249, 269, 292, 298, 302, 318, 323, 332, 340, 341, 343, 362, 364, 365, 386, 391, 392, 406, 422, 426, 443, 444, 448, 449, 464, 468, 469, 504, 515, 518, 519, 528, 529, 533, 534, 538, 552—554, 556, 558, 560, 562, 563.

б) Дворцовые Разряды. СПб., 1850 г., т. III, стр.: 21, 49, 50, 56, 78, 86, 127, 136—143, 148, 159, 170, 171, 173, 178, 179, 185, 187, 191, 193, 197, 205, 207, 212, 215, 218, 219, 222, 228, 241, 250, 254, 261, 264, 266, 280, 286, 290, 291, 297, 307, 312—314, 318, 319, 323, 329, 330—338, 349, 351, 353, 354, 359, 368, 376, 379, 380, 382, 396, 407—409, 413, 456, 461, 462, 473, 482, 590, 593, 594, 598, 599, 602—612, 615, 618, 619, 623, 629—632, 634, 635, 637, 639, 644, 663, 664, 666, 669, 670, 683, 686, 695, 696, 701, 702, 711—713, 726, 736, 737, 740, 744, 760, 763, 777, 779, 789, 790, 793, 810, 817, 818, 820, 823, 828, 901, 906, 908, 909, 913, 957—960, 963, 1014, 1029, 1033, 1035, 1043, 1065, 1076, 1089, 1092, 1095, 1097, 1099, 1105, 1108, 1109, 1118, 1125, 1128, 1130—1132, 1134, 1135, 1137, 1138, 1207, 1289, 1346, 1356, 1390, 1393, 1404, 1406, 1472, 1473, 1474, 1483, 1493, 1497, 1501, 1510, 1513, 1514, 1523, 1536, 1537, 1553, 1557, 1598, 1599 и 1635. Дополн. къ III т., стр.: 12, 13, 22, 33, 41, 42, 45, 50, 87, 102—104, 107, 108, 111, 113, 133, 135, 138, 147, 165, 166, 172, 183, 191, 200, 205—216, 221, 230, 238, 243, 253, 254, 262, 286, 292, 294, 302, 333, 342, 343—346, 354 и 366.

в) Общ. Архив. Мин. Двора, столбцы 62 и 84—7164 г., кн. 302, листы: 21, 32, 46 оборотн., 68, 71 оборотн., 77 оборотн., 81, 96 оборотн., 98 оборотн.; кн. 303, листы: 21, 73 оборотн.; столб. 77—7156 г., 90—7156 г.; листы: 118, 127, 107 оборотн.; столб. 114—7156 г.; листы: 118 оборотн., 119 оборотн., 284, 285 оборотн.; кн. 304, листы: 31 оборотн., 136; столб. 32—7158 г., 57—7158 г.; кн. 305, листъ 17 оборотн.; столб. 70—7158 г., листъ 127; столб. 74—7159 г.; кн. 313, листъ 360 оборотн.; кн. 325, листъ 50 оборотн.; столб. 94—7182 г.; кн. 1072, листы: 46, 52, 82, 89 оборотн., 72, 82 оборотн., 92 и 106 оборотн.

г) Рукоп. Оруж. пал., № 327—7169 г.

д) Рукоп. Госуд. Арх., разр. XXVII, № 52.

е) Акты Археогр. Эксп., № 100—VI, стр. 140, № 100—V, стр. 141.

ж) Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 71—I, № 71—II, № 71—III, стр. 252; № 71—XII, стр. 255; № 71—V, № 71—VI, стр. 253; № 71—VII, № 71—VIII, стр. 254; № 71—XVI, стр. 257.

з) «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича». Изд. Бартенева. М. 1856.

и) Труды И. Е. Забѣлина: «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи». М. 1872; «Домашній бытъ царей и царицъ въ XVI и XVII в.». М. 1862; «Кунцово и древній сѣтунскій станъ». М. 1867.

к) Кн. Голицынъ, Н. С., «Саввинъ-Сторожевскій монастырь» въ журн. Странникъ, 1879 г., № 11.

л) Исторія Россіи С. Соловьева.

м) Н. Костомаровъ, «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ». Вып. IV, 1874.

н) Свѣдѣнія о мѣстахъ охотъ царскихъ заимствованы: а) у Забѣлина, изъ соч. «Опыты изученія древностей и исторіи», «Бытъ царей и царицъ», «Кунцово»; б) Любецкаго, «Старина Москвы и русскаго народа въ историческомъ отношеніи съ бытовою жизнью русскихъ». М. 1872; в) у Безсонова изъ примѣч. къ «Собр. писемъ царя Алексѣя Михайловича», и г) изъ документальныхъ данныхъ Общ. Арх. Мин. Двора; Дворц. Разр. и т. п.

¹⁸⁾ Въ своихъ походахъ на охоты царь Алексѣй Михайловичъ пренебрегалъ неудобствами пути; съ одной изъ своихъ охотъ онъ пишетъ Матюшкину: «а дорога та такова худа, какой мы отроду не видали, просовы великіе и выбои такіе великіежъ, безъ пѣшихъ обережатыхъ никоими мѣрами нельзя розно разбиться» (Акты Археограф. Экспед. Ак. Наукъ, № 100—1, стр. 139).

¹⁹⁾ Подъ 1636 годомъ читаемъ: «Того же мѣсяца Декабря въ 26 день пошелъ Государь тѣшитца на лосья поля. А на Москвѣ оставилъ Государь и велѣлъ вѣдать Москву боярина Бориса Михайловича Салтыкова, околничаго Михайла Михайловича Салтыкова, да думныхъ дьяковъ: посолскаго Ѳедора Лихачева, помѣстнаго Мхана Данилова».

Подъ 1667 годомъ значитя: «176 году, Ноября въ 16 день, Великій Государь ходилъ на поля тѣшитца. А на Москвѣ оставилъ Государь: боярина князь Григорья Сунчелѣвича Черкаскаго да околничаго князь Пвана Дмитриевича Пожарскаго». Забѣлинъ, «Опыты изуч. древн.», стр. 491; ср. Дворц. Разр., т. II, стр. 489 и т. III, стр. 695.

²⁰⁾ Дворц. Разр., т. III, стр. 241.

²¹⁾ Дворц. Разр., т. III, стр. 1090.

²²⁾ «Выходы Государей», стр. 181 и 314.

²³⁾ Самуиль Коллинсъ. Нынѣшнее состояніе Россіи, изложенное въ письмѣ къ другу, живущему въ Лондонѣ. Перев. съ англ. Кирѣвскаго. Москва, 1846, стр. 35 и 36.

²⁴⁾ Общ. Арх. Мин. Двор., кн. 305, л. 150.

²⁵⁾ См. Дворц. Разр., т. III, стр. 1474, 1483, 1501, 1553.

²⁶⁾ Акты Археогр. Эксп., т. III, № 256, стр. 393.

²⁷⁾ Первое Полн. Собр. Закон., т. I, стр. 214.

²⁸⁾ Краткое извѣстіе о русской торговлѣ... въ 1647 г., соч. I. фонъ-Кильбургера. Пер. съ нѣм. Спб., 1820, стр. 76.

²⁹⁾ См. *Олеарій*, «Подробн. описаніе путеш. Голштинскаго посольства въ Москву и Персію», стр. 122 и 123 и мн. др.; «Путешествіе въ Московію барона *Авг. Майерберга*». Москва, 1874, стр. 120; «Сказаніе *Ад. Лизека* о посольствѣ отъ Римск. Императора Леопольда къ Вел. Кн. Московскому Алексѣю Михайловичу 1675 г.». Перев. съ лат. Тарнава-Баричевскаго. Спб., 1837 г., стр. 60 и друг.; соч. *С. Коллинса*. «Нынѣшнее состояніе Россіи...». Перев. съ англ. Кирѣвскаго. Москва, 1846, стр. 17 и др.

³⁰⁾ *Олеарій*, стр. 128—130.

³¹⁾ *Коллинсъ*, стр. 26 и 27; *Олеарій*, стр. 453, 473, 474, 1008.

³²⁾ *Олеарій*, стр. 467.

³³⁾ Дополн. къ Акт. Истор., т. V, № 15, стр. 76.

³⁴⁾ *Олеарій*, стр. 12 и 73; *Лизекъ*, стр. 18; *Забѣлинъ*, «*Кунцово*», стр. 162.

³⁵⁾ *Олеарій*, стр. 71.

³⁶⁾ *Олеарій*, стр. 73.

³⁷⁾ *Н. Костомаровъ*, «Очерк. торговли Московск. Государства». Современникъ, 1858 г., №№ 6 и 7, стр. 72 и 78.

³⁸⁾ Акты Истор., т. III, № 153, стр. 250; № 155, стр. 280; т. IV, № 21, стр. 53; № 31, стр. 69; № 245, стр. 522. Дополн. къ Акт. Ист., т. IV, № 30, стр. 74 и № 81, стр. 201.

³⁹⁾ *Катошихинъ Григорій*, «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Спб., 1859, стр. 75 и 78.

⁴⁰⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 309, л. 102.

⁴¹⁾ Акты Истор., т. III, № 126, стр. 195 и 196.

Какъ примѣръ, приведемъ челобитную сотниковъ Яковитки Кулышева и Акилдѣйки Ондрѣева съ товарищами, относящуюся къ 1623 году. Челобитная была подана отъ имени всѣхъ Сылванскихъ и Пренскихъ ясачныхъ татаръ, и въ ней испрашивалось разрѣшеніе платить ясакъ въ Соли Камской, а не въ Верхотурѣ, какъ было установлено раньше, такъ какъ «Верхотурскіе служилые люди имали съ нихъ посулы

и поминки великіе, и кормы на нихъ правили, и всякое насилство чинили». Просили также татары не посылать къ нимъ Чердынскихъ цѣловальниковъ, ибо «тѣ де цѣловальники судятъ ихъ не по правдѣ и емлютъ съ нихъ посулы и поминки великіе, и подводы лишніе, и ясакъ нашъ (Государевъ) емлютъ съ нихъ своимъ насилствомъ не по правдѣ и прежнихъ Государей и нашихъ жаловальныхъ грамотъ не слушаютъ». Въ разсужденіи этихъ обстоятельствъ велѣно было Чердынскому воеводѣ Веревкину «про то насилство сыскати всякими сыски накрѣпко: да будетъ цѣловальники ясачнымъ Татаромъ какое насилство и обиды чинять. велѣти за то чинити наказанье, смотря по винѣ». Татарамъ же велѣно было платить ясакъ попрежнему въ Чердынѣ, «а будетъ учнутъ цѣловальники ихъ ясачныхъ Татаръ судить и ясакъ собирать не по правдѣ, и посулы и поминки себѣ учнутъ имати и имъ быти отъ насъ (Царя) за то въ великой опалѣ и въ смертной казни» (Акты Истор., т. III, № 126, стр. 195 и 196).

⁴²⁾ Акты Ист., т. III, № 170, стр. 313.

Такъ въ грамотѣ Верхотурскому воеводѣ Ѳедору Бояшеву, относящейся къ 1632 году, между прочимъ, читаемъ: «а въ прошломъ 138 году до вашего на Верхотурье пріѣзду, сошло изъ Аятцкой, и изъ Савинской, и изъ Лозвинской, и изъ Косвинской волостей, въ Тюменской да въ Чердынской ясакъ 20 человекъ, а ясаку было съ нихъ взяти на прошлые годы, со 135 да по нынѣшней по 141 годъ 88 рублей 24 алтынъ 1½ денги».

Такихъ бѣглецовъ приказывалось водворять на прежнихъ мѣстахъ жительства и доправлять на нихъ недоимку, по мѣрѣ возможности, сполна (Акт. Истор., т. III, № 170, стр. 313).

⁴³⁾ Акты Ист., т. III, № 113, стр. 166.

⁴⁴⁾ Дополн. къ Акт. Ист., т. III, № 57, стр. 214.

⁴⁵⁾ См. Отчетъ о плаваніи письменнаго головы Василя Пояркова изъ Якутска въ Охотское море около 1646 г., въ Дополн. къ Акт. Истор., т. III, № 12, стр. 57.

А что такіе края были еще въ половинѣ XVII столѣтія, мы видимъ хотя бы изъ слѣдующей выдержки изъ Отчета о плаваніи письменнаго головы Василя Пояркова изъ Якутска въ Охотское море, относящагося къ 1646 году: «Въ той новой землѣ въ Даурахъ. на великой рѣкѣ Зиѣ. живутъ люди многіе сидячіе (осѣдлые). и добываютъ соболи также какъ и иные Сибирскіе и Ленскіе иноземцы, стрѣляютъ изъ луковъ, и много промыслу, какъ промышляютъ Русскіе люди, съ обметы и съ кулемникомъ, соболей не добываютъ и того не знаютъ» (Т. III, № 12, стр. 57).

Всѣ вѣтлаась подлѣнка ... Подъ соснами
Шуба хвороста - - снѣгомъ -
- надавлена ,

Бѣлый паръ такъ и балитъ въ
отдушны ;

Туть берлога ... И царь снароблѣется :

У рогатины жало осматривалъ ,
Поясокъ свой шелковый подтягивалъ ,
Съ плечъ спускалъ соболѣнный свой -
- охобень ,

И задумалъ загадку мудреную :
Быть — не быть , а свалить косолапаго .

Г. Савицкий

⁴⁶⁾ Катошихинъ Гр., стр. 78; Костомаровъ, «Очерки торг. Моск. Госуд.»; тамъ же, стр. 72.

⁴⁷⁾ Дополн. къ Акт. Истор., т. II, № 161, стр. 161—164.

⁴⁸⁾ «Которые соболі добрые самые»—читаемъ у Катошихина—«а годятца они въ царскую казну, купити воеводамъ и служилымъ и торговымъ людямъ и исъ того государства (Сибири) вывозити и продавати не велѣно, и поставлены для того заставы: и у кого объявятся добрые соболі пара свыше 20 рублевъ, а сорокъ свыше трехсотъ рублевъ, по Московскоі цѣнѣ, и у такихъ людей емлютъ тѣ соболі на Царя безденежно. А кто такіе соболі дорогіе похочетъ вывезти и передѣлаетъ въ платѣ имъ про себя вывозити волно; а кто хочетъ утанитъ и солгать, что будетъ болши указные цѣны, и у нихъ то вынимаютъ, и бываетъ за то середнимъ людямъ наказаніе и пеня жестокая» (Катошихинъ, стр. 78).

⁴⁹⁾ Акт. Истор., т. IV, № 209, стр. 445.

⁵⁰⁾ Акт. Ист., т. IV, № 249, стр. 539.

⁵¹⁾ Конечно, какъ всегда, безъ злоупотребленій не обходилось и здѣсь: Еще въ Мартѣ мѣсяцѣ 1621 года Верхотурскимъ воеводамъ, Пушкину и Зубову, была отпралена царская грамота, въ которой говорилось, что въ Декабрѣ 1620 года писалъ царю Пустозерскій воевода Кологривовъ, «что ѣздятъ изъ Сибирскихъ городовъ съ нашею (царскою) соболиною казною Сибирскіе служилые люди и провозятъ съ собою торговыхъ людей, а съ ними многіе неявленные товары, а называютъ тѣ неявленные товары нашею казною, и головъ и цѣловалниковъ къ судомъ не припускаютъ, и десятины имъ у торговыхъ людей имати не даютъ». Пушкину и Зубову предписывалось, когда «впредь учнете съ Верхотурья посылати къ намъ къ Москвѣ Сибирскихъ служилыхъ людей съ нашею соболиною казною, или съ какою иною мягкою рухледью, которая будетъ къ намъ послана, и выбѣ съ тѣми Сибирскими служилыми людьми посылали той мягкой рухледи росписи, или въ проѣзжихъ грамотахъ писали имянно, съ кѣмъ именемъ пошлете, и сколько наша какія мягкія рухледи будетъ къ посылкѣ, для того, чтобъ торговые люди, которые съ ними будутъ, своихъ товаровъ за нашею казною не привозили и не таили, и служилые бѣ люди торговыхъ людей съ товары за нашею казною не проводили, и мужичьихъ товаровъ нашею казною не называли, чтобъ въ томъ нашемъ денежному сбору истери не было» (Акты Истор., т. III, № 98, стр. 137).

⁵²⁾ Такъ напримѣръ, въ Маѣ 1668 года «Великій Государь дарилъ на отпускъ святѣйшаго киръ Макарія патріарха Божія града Антиохія и всего Востока 125 сороковъ соболей, цѣною на 6.000 рублевъ» (Дворц. Разр., т. III, стр. 760).

⁵³⁾ Приводя свѣдѣнія о Сибирскомъ приказѣ и о ежегодномъ доставленіи изъ Сибири царской мѣхової казны, Катошихинъ говоритъ: «а сколько числомъ тоѣ казны придетъ въ году, того описать не въ память, а чаять тое казны приходу въ годъ болши шти сотъ тысячъ рублевъ. И у той соболиной и у всякой мягкой казны, для оцѣнки и приему и роздачи, бывають погодно голова гость (купецъ), а съ нимъ товарищи, цѣловальники и сторожи, торговые выборные люди погодно; а выбираютъ ихъ къ той казнѣ своя братья, гости и торговые люди, за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, что имъ тоѣ царскіе казны не красть, и соболей своихъ худыхъ, и иные мягкіе рухляди въ казну не приносить и не обмѣнивать, такъже кому велятъ тоѣ казну продавать, или за службы и за товары давать, цѣны лишніе для своей прибыли не прибавливать и для дружбы никому за худые не давать добрыми; а велѣно имъ цѣна ставить всякимъ звѣрямъ по прямой Московскої цѣнѣ, дешевле торговаго малымъ чѣмъ, какъ про Царя, такъ и въ роздачу и на продажу врознь. Такъже та казна посылается во окрестные государства къ потентамъ (правительствамъ, владѣтелямъ) въ дарѣхъ, и платятъ Персицкимъ и Греческимъ купчинамъ и купецкимъ людямъ за товары, и кому что будетъ отъ Царя приказано дано. А когда бываетъ той казнѣ умноженіе, а расходъ бываетъ малої, продають торговымъ и всякаго чину людямъ и дають въ долгъ съ поруками, по указной цѣнѣ, а цѣну на нихъ кладутъ они что чего стоить; а которой годъ лову и привозу тѣмъ звѣрямъ зачѣмъ бываетъ иныхъ годовъ менши, и тогда соболей не продають и цѣну накладываютъ выше прежняго, съ царского повелѣнія. Да что присылается въ Казанскій дворецъ мягкіе рухляди, и то отдають въ Сибирскій же Приказъ» (Катошихинъ, стр. 78).

⁵⁴⁾ Акты Ист., т. III, № 135, стр. 221.

⁵⁵⁾ Олеарій, стр. 226; Костомаровъ, «Очерки торговли», стр. 75 и 76.

⁵⁶⁾ Кильбургеръ, стр. 23 и 24; Костомаровъ, «Очерки торг.», стр. 79—83.

⁵⁷⁾ Русское Государство въ пол. XVII в. Рукопись, изданная Безсоновымъ. Москва, 1859 г., стр. 35; Соловьевъ, Ист. Росс., т. IX, стр. 423.

⁵⁸⁾ Дополн. къ Акт. Ист., т. IV, № 5, стр. 9 и 10; № 7, стр. 91; № 45, стр. 99. Въ царской грамотѣ Якутскому воеводѣ Михаилу Ладыженскому, относящейся къ 30 Января 1658 года, между прочимъ, читаемъ: «Вы бѣ велѣли у служилыхъ и у всякихъ у охочихъ людей, которые учнутъ на Ленѣ и на иныхъ рѣкахъ на взморѣѣ промышлять кость рыбей зубъ, съ того промысла имати на насъ великаго государя половину, а другую половину отдѣлять имъ, да изъ той ихъ половины имати на насъ же десятую; а что за десятиною останется, и вы бѣ велѣли у нихъ кость имати на насъ же въ цѣну, а давати имъ изъ нашиѣ казны за болшую кость по 15 и по

20 рублевъ, а за меншую кость по 12 рублевъ за пудъ, да ту кость велѣли бѣ есте въ Якутскомъ острогѣ цѣнить торговымъ людемъ прямою торговою цѣною». Дополн. къ Акт. Истор., № 45, стр. 99; Акт. Ист., т. IV, стр. 99; Дополн. къ Акт. Ист., т. III, стр. 349; Кильбургеръ, стр. 63; Костомаровъ, «Очерки торговли Моск. Госуд.», стр. 83.

⁵⁹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, т. X, стр. 346; Общ. Арх. Мин. Двор., кн. 1072, л. 82.

⁶⁰⁾ См. вообще Рукоп. Общ. Арх. Мин. Дв., для примѣра кн. 1072, лист. оборотн. 82; кн. 1075, столб. 176—7174 г.; Дворц. Разр., т. III, стр. 1230; Лизекъ, стр. 17; Сказаніе *Рейтенфельса* о состояніи Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Перев. съ лат. Тарнава-Боричевскаго въ Журн. Мин. Н. Пр., ч. XXIII, 1839, стр. 16.

⁶¹⁾ Акт. Истор., т. III, № 92, стр. 107.

⁶²⁾ Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 1072, л. 80; кн. 1075, л. оборотн. 74 и 79; кн. 1076, л. оборотн. 249; кн. 1079, л. 50.

⁶³⁾ Костомаровъ, «Очерки торг.», стр. 78; Катошихинъ, стр. 76; Дворц. Разряды, Доп. къ III т., стр. 282 и 1570.

⁶⁴⁾ Костомаровъ, тамъ же, стр. 86; Катошихинъ, стр. 76.

⁶⁵⁾ Акт. Ист., т. III, № 134, стр. 215 и 216.

⁶⁶⁾ Дворц. Разр., т. III, стр. 1296.

⁶⁷⁾ Для отдѣла объ оружіи свѣдѣнія сгруппированы изъ слѣд. источниковъ:

а) Рукоп. Госуд. Арх., № 487, разр. XXVII.

б) Общ. Арх. Мин. Дв., столб. 539—7176 г. и столб. 299—7180 г.

в) Савванитовъ П. Описаніе царскихъ утварей, одежды, оружія ратныхъ доспѣховъ и конскихъ приборовъ (изъ Рукоп. Арх. Оруж. Палаты). С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 213, 219, 237, 253, 257, 261 и 269.

г) Забѣлинъ, «Бытъ царей», стр. 511—513.

Какъ иллюстрацію современнаго оружія, приводимъ выписку изъ «росписи ружью, которое дѣлано въ Оружейной палатѣ въ нынѣшнемъ во 171 году, и великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу въ подношеніи было о праздникѣ Свѣтлое недѣли апрѣля въ 23-мъ числѣ: Пищали и карабины и пистолы и иное мелкое ружье».

«Пищаль винтовальная стволъ о 6 винтахъ замокъ шкоцкой травчетые золочены сплошь, станокъ яблоневої съ оправою серебряною золоченою. Карабинъ стволъ о 7 винтахъ, по немъ сѣчены травы, весь золочень. Замокъ шкоцкіи по немъ рѣзаны травы жъ, золочень. Станокъ яблоневої, покрытъ раковинами оправа серебряная

сканная золоченая съ винифтомъ. Пищаль винтованная стволъ о 4 винтахъ замокъ шкотской травчатые, стволъ по мѣстамъ а замокъ весь золоченые. Станокъ чипрасовой, оправа желѣзная прорѣзная золочена на бѣломъ серебрѣ. Карабинъ стволъ о 8 винтахъ, на немъ сѣчены травы, золоченъ въ 4-хъ мѣстахъ. Замокъ шкоцкой рѣзной весь золоченъ; станокъ чипрасовой оправа желѣзная золочена. 2 карабина стволы гладкіе по мѣстамъ золочены, насѣчены травки, замки на французское дѣло, станки черные. Пищаль винтованная о 8 винтахъ съ долами по мѣстамъ золоченъ и серебрянъ. Станокъ яблоневої съ костью. 3 пищали стволы длиною 2 аршинъ и болши. Станки кленовые. Пара пистолей стволы гладкіе съ доликами, замки барабарскіе съ порѣзкою, станки чипрасовые. Пара пистолей стволы полукруглые, замки шкоцкіе, станки чипрасовые. Пара пистолей стволы гладкіе, замки шкоцкіе, станки яблоневые. 5 паръ олстръ пистолетныхъ и въ томъ числѣ одна пара олстры покрыты бархатомъ краснымъ, золотнымъ голуномъ, отвороты низаные по зеленому бархату. 4 пары олстры покрыты сукномъ краснымъ и малиновымъ, отвороты шиты волоченымъ золотомъ и серебромъ. Протазанъ рѣзной золоченъ. Копье калмыцкое изъ краснаго желѣза по мѣстамъ золочено. Саадакъ пистольный, шитъ золоченымъ серебромъ, подложенъ алымъ бархатомъ. Лукъ писанъ одиѣмъ золотомъ по красной землѣ съ тетивою. 2 лука писаны золотомъ и серебромъ по червчатому бокану, съ тетивы. Да къ нимъ 10 гнѣздъ томаровъ, 6 гнѣздъ срѣзней. 2 ставка ножевыхъ, а въ нихъ по 6 ножиковъ покрыты участкомъ золотнымъ съ серебрянымъ голуномъ. Рогъ большой въ недодѣлкѣ» (Забѣлинъ, «Бытъ царей», Матеріалы, № 491, стр. 511—513).

⁶⁸⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 316, л. оборотн. 32; столб. 563—7181 г.; Моск. Арх. Оруж. Пал., столб. 310—7170 г.

⁶⁹⁾ О конскихъ уборахъ см. Рукоп. Гос. Арх., разр. XXVII, № 487; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 280, л. оборотн. 372. 11 Сентября 1665 года пріѣхавшему въ Москву Гетману Малороссійскому Брюховенкому вывели за городъ «царскую лошадь, сѣрую Нѣмецкую, въ серебряномъ вызолоченномъ нарядѣ съ изумрудами и бирюзною, чепракъ Турецкій, шитъ золотомъ волоченымъ по серебряной землѣ, сѣдло—бархатъ золотный» (Соловьевъ, Исторія, т. XI, стр. 199). 12 Ноября 1675 года гречанинъ, царегородецъ Юрій Дмитріевъ привезъ царю Алексѣю Михайловичу «муштукъ съ паперстью и съ уздечкою серебряной съ финифтью, съ камнемъ съ яхонты червчатыми и съ изумруды». Интересно, что самъ подносившій оцѣнилъ свой подарокъ въ 2150 рублей; спрошенные торговые люди, иноземцы, понизили эту оцѣнку до 1943 рублей; наши же торговцы опредѣлили стоимость поднесеннаго всего отъ 450 до 500 рублей (Дополненіе къ Актамъ Истор., т. VI, № 18, стр. 108). Дополн.

къ Акт. Истор., т. VI, № 18, стр. 104 и 108; Саввантовъ, стр. 152, 221, 280, 283, 291; Соловьевъ, Ист. Росс., т. XI, стр. 199; Росс. Вивлиоѳка Новикова. Спб., 1776, т. XIV, стр. 25; Оларій, стр. 37 и 38; Лизекъ, стр. 26; Майербергъ, стр. 59 прим.

⁷⁰⁾ Рейтенфельсъ, стр. 16; Катошихинъ, стр. 69 и 78; Коллинсъ, стр. 17 и др.

⁷¹⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 205, л. 195; кн. 291, л. 37; кн. 302, л. 68; кн. 303, л. оборотн. 118; столб. 104—7125 г.; столб. 308—7154 г.; Госуд. Арх., разр. XXVII, № 53; Моск. Арх. Мин. Юстиц., столб. 327—7169 г.; Дворц. Разр., т. II, 489; Рейтенфельсъ, стр. 16; кн. Голицынъ въ «Странникъ» 1879 г., № 11, стр. 212.

⁷²⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. оборотн. 46, 71 и 77; кн. 304, л. оборотн. 31; кн. 1072, л. 46 и л. оборотн. 72 и 89; столб. 90—7156 г.; столб. 73—7158 г.; Моск. Арх. Оруж. Палат., столб. А В—626; Оларій, стр. 120.

⁷³⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 302, л. 32; Дворц. Разр., т. III, стр. 136.

⁷⁴⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 211, 244 и 361, кн. 1072, л. 46 и л. оборотн. 82 и 106; столб. 65—7177 г.

«Вѣдомо Великому Государю учинилось что въ Шацкомъ уѣздѣ въ ево Великаго Государя въ заповѣдныхъ лѣсахъ всякихъ чиновъ люди помѣщики и вотчинники и ихъ люди и крестьяня побиваютъ лосей а воевода того неостерегаетъ и къ Великому Государю о томъ не пишетъ. И нынѣ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ указаль въ Шацкомъ уѣздѣ въ свои Государевы заповѣдные лѣса всякихъ чиновъ людемъ помѣщикомъ и вотчинникомъ и ихъ людемъ и крестьяномъ вѣзжати и лосей и иныхъ никакихъ зверей побивати не велѣлъ и въ Шацкомъ же и по селамъ и по торшкомъ по многіе торговые дни кликати бирчемъ и учинити о томъ заказъ крѣпкой и къ тѣмъ своимъ Государевымъ заповѣднымъ лѣсамъ выбрать сторожей изъ какихъ людей пригожъ, а буде кто (туть, вѣроятно, пропущено слово «мимо») сего Государева указу въ заповѣдные лѣса учнетъ вѣзжати и лосей и иныхъ зверей побивати и тѣмъ людемъ отъ Великаго Государя быть въ жестокомъ наказаніи и о томъ послати въ Шацкой къ воеводѣ свою Государеву грамоту изъ розряду» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 65—7177 г.).

⁷⁵⁾ Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 325, л. оборотн. 50; кн. 1072, л. оборотн. 78; Забѣлинъ, «Куново», стр. 143, 161, 162 и 167; Любецкій, стр. 239.

⁷⁶⁾ Списокъ этого «Регула», сдѣланный съ подлинника въ 1780 г. и найденный въ архивѣ гр. Панина, напечатанъ въ 1886 г. въ журн. «Природа и Охота».

Кромѣ приведенныхъ уже выше свѣдѣній, сохранились нѣкоторыя помѣтки о повременныхъ расходахъ на различныя учрежденія царской звѣровой охоты XVII вѣка, на учрежденія, нами уже поименованныя.

Такъ, въ 1664 году отпущено было на Семеновскій Потѣшный дворъ 141 рубль на покупку табуныныхъ лошадей для охотниковъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 17) и 6 рублей на пріобрѣтеніе лѣкарства (Тамъ же, кн. 1072, л. 38). Въ 1666 году отпущено туда же 100 рублей «на сѣнную покупку» (тамъ же, кн. 1073, л. оборотн. 66) и 200 рублей на различныя расходы (Тамъ же, кн. 1073, л. оборотн. 75). Въ 1667 году, опять-таки на Семеновскій Потѣшный дворъ, дано 50 рублей «на всякіе расходы» (Тамъ же, кн. 1075, л. 61). Въ томъ же году, «на прикормки волковъ» дано на волчьи дворы: Измайловскій, Хорошевскій и Чертановскій 20 рублей (тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 74) и на Осѣевскій 1 рубль (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 79). Наконецъ, 7 Января 1668 года сокольнику Шаблыкѣ Шастову было выдано «на овесъ и сѣно государовымъ лошадямъ на кормъ которые въ селѣ (Семеновскомъ) у соколниковъ и охотниковъ» — 5 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 80).

⁷⁷⁾ Бремъ, «Иллюстр. жизнь животныхъ». СПб., 1868, т. III, стр. 433, 434 и 441.

⁷⁸⁾ Аделунгъ въ соч. «Бар. Майербергъ и путешествіе его по Россіи». СПб., 1827, стр. 218; С. Аксаковъ въ ст. «Пояснительн. замѣтка къ Уряднику» въ «Собр. писемъ царя Алексѣя Михайловича», стр. 140.

⁷⁹⁾ Коллинсъ, стр. 17 и др.

⁸⁰⁾ Свѣдѣнія о видахъ ловчихъ птицъ царской кречатни извлечены изъ: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 42—7131 г.; столб. 111—7140 г. и др.; кн. 199, л. 382 и др.; кн. 205, л. оборотн. 101 и др.; кн. 209, л. 224 и др.; кн. 284, л. 256 и др.; кн. 288, л. оборотн. 375 и др.; кн. 291, л. 93 и др. б) Рук. Госуд. Арх., разр. XXVII, № 52. в) «Собр. писемъ царя Ал. Михайл.» и «Урядникъ».

⁸¹⁾ Объ «охочихъ» и вообще случайныхъ помытчикахъ см. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 208, л. оборотн. 204; кн. 288, л. 214 и л. оборотн. 375; кн. 291, л. 93; кн. 320, л. оборотн. 164; кн. 321, л. 141; столб. 77—7173 г. и Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, свитокъ 30, № 11.

⁸²⁾ «Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Россіи на Двину воеводѣ нашему Григорью Ондреевичу Плещееву, да дьяку нашему Тимофею Пчелину. Били намъ челомъ Двинскіе посыльщики Васка Вепревъ, Сенка Клементьевъ и во всякихъ Колмогорскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто, а сказали: платятъ

Вотъ поднялъ онъ коня изъ подъ сѣна,
И удрилъ коромойю по хворосту.
И медведь заребѣлъ — такъ что дерево
Надъ берлогою его зашаталось, —
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Кыльцъ онъ изъ берлоги съ облакомъ,
А выскочилъ и полѣлъ на сучища.
А полѣлъ — медвѣдь на остатину.

Кромѣ приведенныхъ уже выше свѣдѣній, сохранились нѣкоторыя помѣтки оновременныхъ расходовъ на различныя учрежденія царской звѣровой охоты XVII вѣка, въ учрежденія, нами уже поименованныя.

Такъ, въ 1664 году отпущено было на Семеновскій Потѣшный дворъ 141 рубль на покупку тауринскихъ лошадей для охотниковъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. оборотн. 17) и 6 рублей на пріобрѣтеніе лѣкарства (Тамъ же, кн. 1072, л. 38). Въ 1666 году отпущено туда же 100 рублей «на сѣнную покупку» (тамъ же, кн. 1073, л. оборотн. 66) и 200 рублей на различные расходы (Тамъ же, кн. 1073, л. оборотн. 73). Въ 1667 году, опять-таки на Семеновскій Потѣшный дворъ, дано 30 рублей «на всякіе расходы» (Тамъ же, кн. 1075, л. 61). Въ томъ же году, для прикормки волковъ дано на волчьи дворы: Измайловскій, Хорошевскій и Чертаповскій 20 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 74) и на Осѣевскій 1 рубль (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 79). Наконецъ, 7 Января 1668 года сокольнику Ивану Шастову было дано на овесъ и сѣно государовымъ лошадямъ на кормъ по двѣмъ въ селѣ (Семеновскій и Сокольниковъ и Слоницковъ) — 5 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 80).

⁶⁶⁾ Бремъ: «Иллюстр. аним. цар. охотки». Спб., 1868, т. III, стр. 433, 434 и 441.

⁶⁷⁾ Аксеновъ въ соч. «Вар. Монастыри и путешествіе его по Россіи». Спб., 1827, стр. 218. С. Аксеновъ въ соч. «Помѣтки на помѣтку къ Уряднику» въ «Собр. писемъ царя Алексѣя Михайловича», стр. 140.

⁶⁸⁾ Коллинсъ, стр. 17 и др.

⁶⁹⁾ Свѣдѣнія о видахъ ловчихъ птицъ царской охотки извлечены изъ: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 42—7131 г. и столб. 111—7140 г. и др.; кн. 199, л. 382 и др.; кн. 205, л. оборотн. 10; б) Арх. Мин. Двора, кн. 224 и др.; кн. 281, л. 256 и др.; кн. 288, л. оборотн. 374 и др.; в) Рук. Госуд. Арх., разр. XXVII, № 52. в) «Собр. писемъ царя Алексѣя Михайловича» и «Урядникъ».

⁷⁰⁾ Объ «охочихъ» и вообще старинныхъ промыслахъ см. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 208, л. оборотн. 204; кн. 288, л. 214 и л. оборотн. 375; кн. 291, л. 93; кн. 320, л. оборотн. 164; кн. 321, л. 141; столб. 77—7173 г. и Арх. Мин. Иностр. Дѣл, Дѣла приказныя, свитокъ 30, № 11.

⁷¹⁾ «Отъ Царя и Великаго Князя Михаила Осетровича всеа Росіи на Двиню воеводѣ нашему Григорью Андреевичу Плещееву, на Двиню нашему Тимофею Пчелину. Были намъ челомъ Двинскіе посольщики Васка Вепревъ, Сева Клементьевъ и во всемъ къ моторскимъ погасскимъ и уѣзнымъ людемъ мѣсто, а сказали: платятъ

Вотъ поднѣлъ онъ корыгъ изъ подъ снѣга,
И ударилъ корыгой по хвосту.
И медвѣдь з аревѣлъ, — такъ что дерево
Надъ берлогой его закачалось, —
Показалъ онъ башку желтоглазую,
Вылѣзъ онъ изъ берлоги съ огладкою,
А выомъ сталъ и полѣзъ на охотника,
А полѣзъ — вѣднѣлъ на рогатину.

деи они наши денежныя всякіе доходы, данныя и оброчныя деньги и московскимъ стрѣльцомъ на наше жалованье за хлѣбъ, какъ на всѣ города тотъ хлѣбъ, и ново-прибылыя наши всякіе доходы для службъ солдатскіе и подымныя и пятинныя деньги и посошныхъ людей съ лошадьми и съ телѣгами и даточныхъ людей наймуютъ съ иными городами ровно, да они же де промышляютъ на насъ кречеты и промыслы за море на Тіунскій берегъ и на Терскую сторону и въ Канинъ носъ по вся годы въ морскихъ судахъ человѣкъ по сороку и больше и тѣ кречаты привозятъ они къ намъ къ Москвѣ и за тѣми кречетами наймуютъ кормленщиковъ человѣкъ по двадцати и больше и тѣмъ кречатымъ промышленникомъ въ наемъ и въ кречаты кормы выходитъ по семисотъ рублевъ на годъ и больше и на то на нихъ наложено передъ всѣми городами въ лишкѣ, да они жъ де наймуютъ подъ наши хлѣбныя запасы и подъ вино и подъ стрѣльцовъ, которые посылаютъ въ Колской острогъ по четырнадцати людей и больше на годъ, а ставится деи имъ тотъ отпускъ въ полторы тысячи рублевъ, да они же отпускаютъ мелкихъ судовъ въ Кевролу и на Мезень и въ Пустоозеро и въ Соловки и въ Кондалажской монастырь и на устья подъ караулы подъ сотниковъ стрѣльцкихъ и подъ стрѣльцовъ и подъ корабельныхъ вожей и вверхъ по Двинѣ къ Осиновскому яму каюковъ и корбасъ по сту и больше, и тѣ де отпуски ставятся имъ въ пятьсотъ рублевъ и больше, да они же де на Березовое устье къ Ильину острову на заставу для сторожи корабельного приходу отпускаютъ барокъ по двѣнадцати и больше съ якоры и съ конаты, а ставится тотъ отпускъ въ четыреста рублевъ и больше, да они же де отпускаютъ отъ Архангельскаго города съ Колмогоръ до Осиновскаго яму досщаниковъ по сороку и больше съ нашими узорочными товарами и со всякою нашею казною и подъ иноземцы, а ставятся де тѣ отпуски по шти тысячъ рублевъ на годъ и больше, а на Двинѣ де на посадѣ и въ уѣздѣ всего восемь сохъ и изъ того де числа послѣ писцовъ запустѣло у нихъ полторы сохи и больше. Да въ прошломъ де во 142 году по нашему указу послана къ вамъ наша грамота а велѣно вамъ отъ Архангельскаго города наши пушки съ ядра, которые привезлъ на корабляхъ голанецъ Томасъ Романовъ отпустить, и наемъ велѣно дать изъ нашея казны и ты де Григорей да діакъ Микифоръ не дождався нашего указу подъ тѣ пушки и ядра доправилъ на нихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей восемь досщаниковъ и больше и съ судовъ снасть съ носовщики и съ кормщики, да триста двадцать человѣкъ тяглыхъ людей вверхъ до Осиновскаго яму, а иные де пушки и ядра у Архангельскаго города выставили изъ кораблей въ амбары, и тѣхъ пушекъ и ядеръ продить (вѣроятно, «проводить») имъ не можно потому посадскіе и уѣздные люди разбрелись врознь и судовъ взять не на комъ, а тотъ де имъ от-

28*

пущкѣ и что нарядѣ выставили изъ кораблей въ амбары ставится въ шестьсотъ въ восемьдесятъ пять рублевъ. Да въ нынѣшнемъ во 143 году была у нихъ съ моря буря вѣтръ великъ на островахъ многіе волости водою потопило, хлѣбъ и сѣно водою разносило, людей и скота много погибло, у Архангельскаго города и на Колмогорахъ многіе люди и дощаники и всякіе суды бурей розбило и посадскіе и уѣздные людишко въ конецъ погибли, а верстальные стоятъ на правезѣ въ податехъ, а искупились никоними обычаи не мочно и намъ бы ихъ двинянъ пожаловати велѣти тѣхъ пушекъ и ядеръ судовые отпуски и работныхъ людей наймы, что выставивали у Архангельскаго города съ кораблей въ амбары шестьсотъ восемьдесятъ пять рублевъ зачестъ въ данное и въ оброчные деньги нынѣшняго 143 году, чтобъ имъ оттого и достальнымъ врознь не разбрестись и нашихъ службъ не отбыть. И мы двинянъ посадскихъ и уѣздныхъ людей пожаловали впередъ что изъ-за моря къ Архангельскому городу на насъ пушки и пушечные всякіе запасы и зелье и свинець велѣли отпускать на наемныхъ судѣхъ, а наемъ велѣли есмь давать изъ нашіе казны, а съ двинянъ съ посадскихъ и уѣздныхъ людей подѣ наши пушечные и всякіе запасы подводѣ и судовъ и людей безъ нашего указу имати есмь не велѣли. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бѣ тотчасъ велѣли выписать изъ расходныхъ книгъ съ трехъ годовъ подлинно порознь съ тѣхъ мѣстъ, какъ начали двиняне посадскіе и уѣздные люди наши пушечные всякіе запасы возити своими наемными людьми и въ своихъ судѣхъ сколько у нихъ на тѣ расходы въ которомъ году вышло, а выписавъ о томъ къ намъ отписали подлинно и роспись прислали ты Тимофей за своею приписью а отписку велѣли отдать въ Новгородской чети печатнику нашему и думному дяку Ивану Тарасевичу Грамотину съ товарищи, а впередъ бы есте наши пушки и пушечные всякіе запасы и зелье и свинець, что привезутъ изъ-за моря къ Архангельскому городу на насъ и которые нынѣ привезены у города, велѣли бы есте отпустить съ Двины по нашему указу наймомъ изъ нашіе казны, а наймовали есте подѣ тѣ наши пушечные и всякіе запасы вправду, какъ бы нашей казнѣ было прибытиѣ, а лишнего наемщикомъ найму давати не велѣли, а безъ нашего указу съ Двины съ посадскихъ и уѣздныхъ людей подѣ наши пушечные всякіе запасы подводѣ и судовъ и людей имати не велѣли» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 65, свитокъ 68—7143 года).

³³⁾ Такъ, по свидѣтельству Аделунга, «кречеты были въ особомъ уваженіи у Якутовъ, которые называли ихъ Урунъ Кири, т.-е. бѣлый соколъ. По причинѣ ихъ быстрого полета они уподобляли этихъ птицъ молніи и считали ихъ вѣстниками небесной воли. Ежели случалось, что кречеть попадетъ въ сѣти, поставленныя для

другихъ птицъ, они, опасаясь прикоснуться къ нему голыми руками, освобождаютъ его изъ сѣтей палочками или другимъ способомъ» (Аделунгъ, стр. 217).

⁸⁴⁾ Сохранилось весьма много свидѣтельствъ о награжденіи помытчиковъ за привозъ на государеву кречатню ловчихъ птицъ. Награды эти обыкновенно состояли изъ суконъ разнаго достоинства и цѣнностей: за лучшихъ кречетовъ жаловались сукна англійскія, а за другихъ птицъ—болѣе дешевыя. Что награды состояли въ большинствѣ случаевъ именно изъ суконъ явствуетъ хотя бы изъ слѣдующей челобитной двинскихъ кречатныхъ помытчиковъ, относящейся къ 1660 г.:

«Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу бьютъ челомъ сироты твои Двинскіе кречатны помощники Алешка Жилинъ съ товарищи десяти человекъ въ нынѣшнемъ государь во 169 году приволоклися мы сироты твои къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ съ твоею Великаго Государя съ кречатною казною и съ кречатами Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ пожалуй насъ спроть своихъ вели Государь дати своего Великаго Государя жалованья противу твоихъ Великаго Государя прежнихъ кречатныхъ помощниковъ сукнами Царь Государь смилуйся пожалуй» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 162—7169 г.).

Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, существовала ли какая-либо норма размѣра вознагражденія за тѣ или другіе виды привозимыхъ помытчиками ловчихъ птицъ; скорѣе, судя по имѣющимся документамъ, можно сказать, что таковой нормы не было. Приводить всѣ извѣстные намъ случаи жалованія помытчикамъ наградъ считаемъ излишнимъ; приведемъ только первую и послѣднюю выдачу такихъ наградъ въ періодъ царствованія каждаго изъ царей описываемой эпохи. По сохранившимся документамъ первый случай награжденія помытчиковъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ относится къ 1614 году, когда, 30 Марта, холмогорскіе помытчики, Тренка Гостевъ съ товарищами, получили за подкраснаго кречета $3\frac{3}{4}$ аршина англійскаго лазореваго сукна, цѣною въ 1 р. 19 алтынъ, да за два подкрасныхъ же и за 5 сѣрыхъ кречетовъ—5 портищъ рославскаго червчатаго сукна, по 27 алтынъ 4 деньги портище (Тамъ же, кн. 199, л. 382). Послѣдній случай при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ относится къ 1642 году, Ноябрью 30, когда Переяславль-Залѣсскаго соколій помытчикъ Трофимка Ѳомиинъ получилъ 4 аршина сукна настрафиля лазореваго, цѣною въ два рубля, за подкраснаго кречета (Тамъ же, кн. 298, л. 41). При Алексѣѣ Михайловичѣ въ первый разъ было выдано, судя по дошедшимъ до насъ документамъ, 31 Мая 1655 года сибирскимъ кречатымъ помытчикамъ, Кучюсу Маметю Итѣеву, Кочюгаю

Кизилбаеву, Беметю Кадаулову и Генѣю Итѣеву, за привозъ птицъ, по 4 аршина сукна анбурскаго, цѣною по 16 алтынъ аршинъ (Тамъ же, кн. 309, л. оборотн. 102). Въ послѣдній же разъ въ 1670 году, Сентября въ 4 день, получилъ за то же сукно доброе сибирскій Тобольскаго уѣзда, Гарханскаго острожка помытчикъ, татаринъ Тлешко Кильдисановъ (Тамъ же, столб. 431—7179 г.).

Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ выдавались помытчикамъ за привозъ ловчихъ птицъ и деньги. Такъ, въ 1614 году холмогорскому помытчику Тренкѣ Гостеву съ товарищами выдали 80 алтынъ денегъ за два челига кречатыихъ (Тамъ же, кн. 199, л. 382).

Однако, слѣдуетъ замѣтить, что награжденіе за провозъ ловчихъ птицъ производилось обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда количество привозимыхъ экземпляровъ превышало количество положенное, составлявшее, такъ сказать, известную подать, налогъ государственный за тѣ льготы, которыми пользовались помытчики. Говоримъ это, на основаніи того, что во многихъ документахъ, трактующихъ о подобныхъ награжденіяхъ, встрѣчается фраза: «за переплатныя сверхъ окладу птицы» (Тамъ же, кн. 295, л. оборотн. 101, кн. 298, л. 41 и др.). Также подтвержденіемъ сказаннаго служитъ то обстоятельство, что когда въ 1666 году ростовскіе соколы помытчики, Костька Плѣшиновъ съ товарищами, били царю Алексѣю Михайловичу челомъ о выдачѣ имъ государева жалованья попрежнему, то по справкамъ оказалось, что тѣмъ ростовскимъ помытчикамъ это жалованье было выдано въ 1662 и 1663 годахъ, а въ 1664 и 1665 годахъ выдано не было (Тамъ же, столб. 626—7174 г.).

Награды собственно за фактъ привоза ловчихъ птицъ на государеву кречатню выдавались только сибирскимъ помытчикамъ, вѣроятно, вслѣдствіе трудности переѣзда съ далекихъ окраинъ въ столицу государства. Въ документахъ о жалованіи сибирскихъ помытчиковъ постоянно встрѣчаемъ одинъ и тотъ же мотивъ: «за сибирскій пріѣздъ» (Тамъ же, кн. 309, л. оборотн. 102, кн. 317, л. оборотн. 127 и др.). «За Сибирскій же пріѣздъ» жаловались и лица, прибывавшія въ Москву во главѣ партіи помытчиковъ и не состоявшія на службѣ въ учрежденіи царской охоты. Такъ, 11 Января 1668 года было дано 4 аршина полукармазина-сукна, цѣною по 1 рублю за аршинъ, тюменскому сыну боярскому Сергѣю Ушакову (тамъ же, кн. 322, л. 107), 10 Февраля того же года верхотурскому стрѣлецкому десятнику Булакину—4 аршина сукна анбурскаго, цѣною по 16 алтынъ 4 деньги аршинъ (Тамъ же, кн. 322, л. 126). 7 Марта 1670 г. тобольскому сыну боярскому Василю Черкасову — сукно доброе (Тамъ же, столб. 227—7178 г.) и т. д.

За привозъ ловчихъ птицъ въ государеву охоту выдавались въ описываемую эпоху нерѣдко награды и лицамъ, не причастнымъ сокольниковому пути и привозившимъ

ловчихъ птицъ по своей охотѣ. Такъ, 17 Февраля 1623 года канинскіи самоѣдинъ Семейка Воітековъ получилъ 5 аршинъ сукна лядчины лазоревой, цѣною въ 8 алтынъ 2 деньги за аршинъ, за поднесеніе царю кречетовъ и рыбаго зуба (Тамъ же, кн. 208, л. оборотн. 204). 11 Марта 1627 года Вытяговскаго погоста Новгородскаго уѣзда крестьянинъ Іевка Маковѣевъ получилъ 4 аршина сукна лядчины лазоревой, цѣною по 6 алтынъ 4 деньги за аршинъ, за поднесеніе царю Михаилу Ѳеодоровичу сѣраго кречета (Тамъ же, кн. 282, л. 214). 27 Февраля 1629 года канинскимъ самоѣдамъ, Сенкѣ Вотѣеву и Андриюшкѣ Еншину выдали по 4 аршина сукна настрафиля червленаго, цѣною въ два съ четвертью рубля портище, за поднесеніе царю 5 кречетовъ, а 3 Апрѣля того же года мезенцу Сазонку Ванюкову дали два портища такого же сукна за двухъ кречетовъ и одного челига кречатя крапленыхъ да за пять кречетовъ и двухъ челиговъ кречатыхъ сѣрыхъ (Тамъ же, кн. 284, л. 256). 11 Апрѣля 1633 года уже упомянутому выше Іевкѣ Маковѣеву, именуемому въ касающемся этого документѣ охочимъ кречатымъ помытчикомъ, выдана за кречета крапленого 5 аршинъ, а за кречета сѣраго—3 аршина лядчины лазоревой (Тамъ же, книга 288, л. оборотн. 375). 9 Мая 1660 года татарину Овесбаху Кулмаметову дано 4 аршина сукна англійскаго, по 22 алтына 4 деньги аршинъ, да 4 аршина тафты зеленой, въ ту же цѣну, всего на сумму въ 5 рублей 44 копейки «за прїѣздъ, что онъ ѣдучи изъ Тобольска къ Москвѣ берегъ кречетовъ и чегликовъ кречатыхъ и кормилъ, а пожаловалъ Государь его въ приказъ, а не въ окладъ» (тамъ же, кн. 314, л. 320) и пр. и пр.

Награды выдавались не за однѣхъ только ловчихъ птицъ, составлявшихъ соколную охоту царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. 28 Мая 1657 года челоуѣку князя Юрія Ивановича Ромодановскаго было выдано 4 аршина сукна темнозеленаго полукармазину, цѣною по 30 алтынъ аршинъ, за поимку орла (тамъ же, кн. 311, л. оборотн. 237), а 6 Августа слѣдующаго 1658 года сокольнику Карпу Григорьеву дано доброе англійское сукно «за чаплю» (Тамъ же, столб. 172—7166 г.). О помытчикахъ и доставкѣ птицъ см.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 111—7140 г. и столб. 53—7165 г.; б) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 65, свитокъ 68—7143 г.; в) Акт. Ист., т. IV, стр. 180, № 64 и стр. 314 и 315, № 164; Дополн. къ Акт. Ист., т. IV, стр. 312 и 313, № 127; т. V, стр. 435, № 101; т. VI, стр. 369—373, № 124, III.

Приведемъ въ хронологическомъ порядкѣ грамоты помытчикамъ:

Отъ 1632 года, Февраля 7 дня, до насъ дошли свѣдѣнія о принятіи птицъ на государеву кречатню, при чемъ въ свѣдѣніяхъ этихъ указывалось, между прочимъ, на нерадивость двинскихъ помытчиковъ. Документъ этотъ гласитъ, что «велѣно взять

на Государеву кречатню у Двинскихъ кречатыхъ помощниковъ у Михайла Лукьянова съ товарищи кречатовъ и чегликовъ на нынѣшній на 140 годъ кречеть цвѣтної большой молодой, два кречета подкрасные большіе молодики, чегликъ кречатей подкрасный дикомытъ, пять кречетовъ кропленныхъ большихъ дикомыты, три чеглика кречаты кропленные дикомыти осмнадцать кречетовъ сѣрыхъ большихъ молодыхъ, двадцать чегликовъ кречатыхъ сѣрыхъ, всего всѣхъ пятьдесятъ птицъ и по Государеву указу взято на Государеву кречатню у Двинскихъ кречатыхъ помощниковъ у Михайла Лукьянова съ товарищи оброчныхъ кречатовъ и чегликовъ на нынѣшней на 140 годъ два кречета подкрасные девять кречетовъ и чегликовъ кропленныхъ дикомыти осмнадцать кречатовъ большихъ сѣрыхъ молодыхъ шестнадцать чегликовъ сѣрыхъ молодыхъ, да у тѣхъ же помощниковъ взято пять птицъ, перье которые птицы дорогою отъ дальнево пути побилсь а прежь сего въ прежныхъ годахъ приваживали Двинскіе кречаты помощники на Государеву кречатню кречатовъ и чегликовъ и ястребовъ бѣлыхъ, птицъ по сту и по сту по пяти, и по сту по шести и больши, а нынѣ Двинскіе кречаты помощники своимъ воровствомъ птицъ привозятъ все мѣлкіе, а лутчихъ птицъ красныхъ и подкрасныхъ и кропленныхъ лутчихъ кречатовъ привозятъ не по многу воровствомъ и о Государевѣ о кречаты помѣчи не радѣютъ а ходятъ за иными своими промыслами или будетъ и кречатовъ добываютъ много и изъ тѣхъ кречетовъ лутчіе птицы выбирая продаютъ или отдаютъ кому тайно въ подаркахъ за морѣ въ иные земли на подаркижъ и за ихъ воровствомъ на Государевѣ кречатиѣ птицъ нынѣ кречатовъ красныхъ и кропленныхъ и большихъ кречатовъ лутчихъ и сѣрыхъ мало въ Государеву проѣзжему полю къ потѣхамъ лутчихъ птицъ нѣту и во Царьгородъ, и въ Кизылбаши и въ Крымъ и въ иные во многіе Государства отъ Государя въ поминкахъ съ послы посылати нѣчего и по Государя Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всеа Росіи указу дякомъ Боиму Болтину, да Дементью Образцову велѣти послать Государева грамота на Двину къ стольнику и воиводѣ ко князю Василью Ахамашукову Черкасскому и къ дяку чтобъ впередъ Двинскіе помощники привозили на Государеву кречатню кречетовъ красныхъ и подкрасныхъ и кропленныхъ и сѣрыхъ большихъ добрыхъ противъ прежняго по сту и по сту по пяти, и по сту по шти птицъ и велѣти послать для кречатей помочи помощниковъ лутчихъ за Государевымъ за крестнымъ целованіемъ и для надсмотру велѣти за ними на кречаты промыслы кого будетъ пригоже чтобъ мощно кому было вѣрить за крестнымъ же целованіемъ и велѣти къ Москвѣ привозити птицы помощникомъ и целовальникомъ по годомъ чья очередь дойдетъ въ которомъ году а не однимъ всегда, а то привозятъ къ Москвѣ по вся годы одни помощники безъ перемѣны.

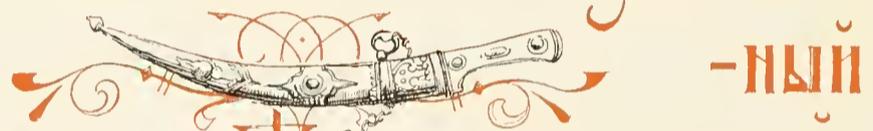

ПОДЪ КОСМАТОЙ ЛОПАТКОЮ ХРУСТНУЛО,
ПЕРНОВУРАМ ШЕРСТЬ ПОВАГРОБЛА...
ВОЗЛАСА МЕДВѢДЬ И РОГАТИНУ
ПЕРЕШНУЗ ПО ПОЛАМЪ СЛОВНО —

— ЖЕРДОУКУ,

И ПОДМЫЛЪ ПОДЪ СЕБѢ ОНЪ ОХОТНИКА,
И НАЛЕГЪ НА НЕГО ВСЕЮ ТУШЕЮ.

НЕ СРОБѢЛЪ ГОСУДАРЬ — РУКУ КЪ ПОМЪСЪ —
ЖВАТЬ! АНЪ НОЖЪ — ТО ЕГО ЗЛАТОКОВАН-

И СОРВАЛСЯ СЪ ЦѢПОУКИ СЕРЕБРЯНОЙ.

ВОЗДОХНУЛЪ ГОСУДАРЬ — И ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ
ОСѢННЛЪ ОНЪ СЕБѢ КРЕСТНЫМЪ
ЗНАМЕНЬЕМЪ ...

АМОКШЪ

А будетъ учнутъ впредь двинскіе кречаты помощники привозити на Государеву кречатню не противъ прежнихъ большихъ привозовъ и Государь велитъ на нихъ птицы доправить противъ Большого привозу».

Соотвѣтственно этому была составлена царская грамота на Двину, при чемъ присовокуплялось, что «будетъ кречаты помочники учнутъ воровати нашимъ (Государевымъ) дѣломъ птичьимъ промысломъ промыслять оплошно или лутчими птицами користоватца а прото ихъ воровство сыщетца и отъ насъ тѣмъ помочникомъ за то ихъ воровство быти въ великой опалѣ и въ казни а одноличнобъ вамъ (воеводамъ) о томъ птичьимъ помочникомъ заказъ ученить съ великимъ укрепленіемъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. № 111—7140 г.).

Въ 1634 году, Декабря 17, вновь была послана на Двину царская грамота приблизительно о томъ же. Упомянувъ о содержаніи грамоты предшествовавшей, царскій указъ гласитъ, что «въ нынѣшнемъ во 143 году кречатъ и чегликовъ декабря по 17-е число нисколько не присылывали, а на нашей кречатнѣ кречетовъ и чегликовъ мало и въ иные государства кречетовъ и чегликовъ послано че..... И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и выбѣ тотчасъ кречатымъ помочникомъ (вѣроятно, пропущено слово «сказали») что они на нашу кречатню кречетовъ и чегликовъ по морскому берегу и по рѣкамъ добыли, велѣли привести къ себѣ, а какъ они къ вамъ наши кречаты привезутъ, и выбѣ тотчасъ тѣ кречаты и чеглики прислали къ намъ къ Москвѣ съ кречаты помочники и съ цѣловальники, а съ кѣмъ именемъ тѣ кречаты къ намъ пошлете и выбѣ имъ приказали накрѣпко, чтобъ они ѣхали на спѣхъ Двиною, кречаты и чеглики везли бережно, чтобъ тѣ птицы дорогою не побились, и до Москвы довести здорово и на дорогѣ ихъ птицъ не церемѣняли и никому не отдавали, и съ кѣмъ именемъ тѣ птицы пошлете, и вы бѣ о томъ къ намъ отписали и отписку велѣли отдати и птицы объявити и кречатымъ помочникомъ и цѣловальникомъ явиться въ новгородской чети печатнику, нашему и думному дьяку Ивану Тарасевичу Грамотину съ товарищи. А одноличнобъ есте кречаты и чеглики, что добывали кречаты помочники на нашу кречатню прислали съ кречаты помочники и съ цѣловальники тотчасъ не мѣшкая ни сколько» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 65, свитокъ 68—7143 г.).

Отъ временъ царя Алексѣя Михайловича сохранилась челобитная царю Ивана Милославскаго объ обидяхъ, нанесенныхъ сокольникамъ, посланнымъ съ птицами, со стороны крестьянъ Важскаго уѣзда:

«Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу холопъ твой Ивашка Милославскій челомъ бьетъ,

нынѣшнемъ Государь году въ твоей великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца грамотѣ изъ приказу твоихъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ прислана ко мнѣ холопу твоему Пвашку, по твоему Великаго Государя указу посланы съ Москвы на Двину для твоего Великаго Государя птичьего промыслу сокольники Семень Отдавлетовъ да Потапъ Петровъ, а о чемъ Государь они учнутъ мнѣ холопу твоему говорить и мнѣ имъ говорить и о тѣхъ твоихъ Великаго Государя дѣлахъ радѣти, противъ прежняго Твоего Великаго Государя указу, а какъ они поѣдутъ со птицами съ Колмогоръ къ Тебѣ Великому Государю къ Москвѣ и имъ велѣно дать подводы и отпустить къ Тебѣ Великому Государю безовсякаго задержанья. И въ нынѣшнемъ Государь году съ Ноября по 14 число кречаты помочники Осташко-Коркавцевъ съ товарищи привезли съ Терской стороны твоихъ Государевыхъ 104 птицы кречетовъ и челиговъ, да дву птиць перья да три сокола и сокольники Семень Отдавлетовъ да Потапъ Петровъ намъ холопомъ твоимъ говорили, чтобъ имъ по Твоему Великаго Государя указу подѣ тѣ птицы да въ подводы и птицамъ кормъ, съ Колмогоръ отпустить его Потапа съ тѣми птицами и съ помочники къ Тебѣ Великому Государю къ Москвѣ по прежнимъ Твоимъ Великаго Государя указамъ..... до Вологды и по твоему Великаго Государя указу и по проѣзжей грамотѣ, какова прислана на Двину въ прошломъ..... съ Твоего Великаго Государя со стану деревни Малыя Кржины, за твоими Великаго Государя красными печатми, за приписью дьяка Дементья Башмакова, по городамъ къ воеводамъ и къ діакомъ подѣ тѣ твои Великаго Государя птицы соколнику Потапу Петрову да съ нимъ помочникомъ Осташку Коркавцеву съ товарищи, да въ подводы съ Колмогоръ и кормъ птицамъ до Важескаго уѣзду отпустили къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ до Вологды черезъ Важескіи уѣздъ противъ прошлыхъ лѣтъ, какъ напередъ сего птицы отпускали. А приказывали мы холопы твои ему Потапу и помочникомъ его накрѣпко, чтобъ они тѣ Великаго Государя птицы дорогою везли бережно и ямщикибъ ящиковъ со птицами осматривали бѣ съ великимъ береженьемъ, чтобы Государь оттого твоимъ Великаго Государя птицамъ, ни какіе порухи не было. Ямщику учнутъ..... осматривать небрежно или гдѣ къ тому учнутъ имъ со птицами задержаніе какое чинить и онъ бы Потапъ и помочники на тѣхъ извѣщали и по тому ихъ извѣту велѣно сыскавъ чинить тѣмъ людямъ наказаніе безо всякіе пошады. А ту твою Великаго Государя проѣзжую грамоту за красными печатми отдали для проѣзда ему же Потапу, и Ноября Государь въ 19 день писалъ къ намъ холопомъ твоимъ изъ Важскаго уѣзду изъ Березниковской волости соколникъ Потапъ Петровъ, что ему Важскому уѣзду земскіе судейки и сотскіе и волостные крестьяне Пвашко

Резановъ съ товарищи въ волости на Березникѣ птицамъ корму и подводъ черезъ Важской уѣздъ до Вологды не дали и оказали ему невежливо и говорили что имъ и впредъ нашихъ холопей Твоихъ подорожныхъ не слушать и никому по подорожнымъ подводъ не давать и его Потапа били и Твою Великаго Государя птицу держаннаго кречета съ руки сбили и та де твоя Великаго Государя птица нынѣ..... Артюшка Гавриловъ который привезъ отъ него Потапа къ намъ ко холопямъ твоимъ записку сказалъ что де Государь та твоя Великаго Государя птица кречать держанной, отъ побоевъ Важескихъ крестьянъ передъ поѣздомъ свалился и твоей Великаго Государя проѣзжей грамоты что за красными печатми не послушали во всемъ отказали, подводъ и корму птицамъ черезъ Важеской уѣздъ до Вологды не дали и Ивашко Резановъ меня холопа твоего Ивашко бранилъ и мы холопи твои посылали съ Коломогоръ въ Шенкурское пристава, и о томъ къ Шенкурскимъ судейкомъ писали, чтобъ они по твоему Великаго Государя указу, подъ тѣ твои Великаго Государя птицы подводы и кормъ птицамъ, сокольнику Потапу Петрову дали и отпустилибъ его съ тѣми твоими Великаго Государя со птицами къ тебѣ Великому Государю..... давать и учнуть задерживать и о томъ что ты Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ намъ холопямъ своимъ укажешь» (Госуд. Арх., разр. XXVII, № 52).

Къ сожалѣнію, царская по этой челобитной резолюція намъ неизвѣстна.

Отъ 1653 года, Марта 20 дня, сохранилась нижеслѣдующая царская грамота въ Сибирь, на Верхотурье, воеводѣ Измайлову по поводу отправки въ Сибирь сокольниковъ и помытчиковъ изъ Москвы:

«Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи, въ Сибирь, на Верхотурье, воеводѣ нашему Льву Тимофѣевичу Измайлову да подъячому Михайлу Посникову. Писали есте къ намъ, что по нашему указу посланы отъ насъ, съ Москвы, въ Сибирь, въ Тоболескъ, для кречатьей ловли, наши сокольники и помочники Михай Тоболинъ, Игнатій Кельинъ съ товарищи, и тѣ де наши сокольники и помочники Михай Тоболинъ съ товарищи проѣхали изъ Казани въ Сибирь, въ Тоболескъ, степью черезъ Верхотурской уѣздъ, не займюя Верхотурья верстъ съ четыреста черезъ новую Верхъ-Чусовскую слободу, а нашу де грамоту привезъ къ вамъ изъ Туринскаго острогу Казанскій стрѣлецъ Юшка Тяпкинъ, который посланъ былъ съ ними сокольники и съ помочники съ Михѣемъ Тоболнымъ съ товарищи изъ Казани въ Сибирь, для проѣзду, въ толмачѣхъ; и тотъ де Казанскій стрѣлецъ Юшка Тяпкинъ сказывалъ вамъ: какъ де ѣхали наши сокольники и помочники Михай Тоболинъ съ товарищи изъ Казани, не займюя Верхотурья, степью, и въ Верхотурскомъ де

29*

уѣздѣ, въ Невьянской слободѣ, приказчикъ Ларіонъ Одинцовъ подводъ имъ не далъ, и они де изъ Невьянской слободы до Туринскаго острогу подводы наняли, дали сорокъ алтынѣ. И мы указали того Невьянскаго приказщика Ларіона Одинцова за то, что онъ нашимъ сокольникомъ и помочникомъ Михею Тоболину съ товарищи подводъ не далъ, а наняли они отъ Невьянскаго острогу до Туринскаго подводы собою, на Верхотурьѣ бить кнутомъ и отъ приказы его отставить, а на его мѣсто послать иного, кого пригоже. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и выѣ Невьянскому приказчику Ларіону Одинцову, что онъ нашимъ сокольникомъ и помочникомъ подводъ не далъ, и они подводы наймовали собою, велѣли на Верхотурьѣ учинить наказанье, бить его кнутомъ и изъ приказчиковъ отставить, и на его мѣсто велѣли бы есте въ Невьянской слободѣ быть въ приказщикахъ кому пригоже, до нашего указу; а какъ вы Ларіону Одинцову, по нашему указу наказанье учините и кому имянемъ въ Невьянской слободѣ, на его мѣсто, въ приказчикахъ быть велите, и выѣ о томъ отписали къ намъ, къ Москвѣ, а отписку велѣли подать въ Сибирскомъ Приказѣ, боярину нашему князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, да дьякомъ нашимъ, Григорью Протопопову да Третьяку Васильеву» (Акты Историч., т. IV, стр. 180, № 64).

Окружная царская грамота воеводамъ и приказнымъ о провозѣ ловчихъ птицъ, отправляемыхъ изъ Сибири въ Москву, относящаяся къ 1662 году, Февраля 24, гласитъ:

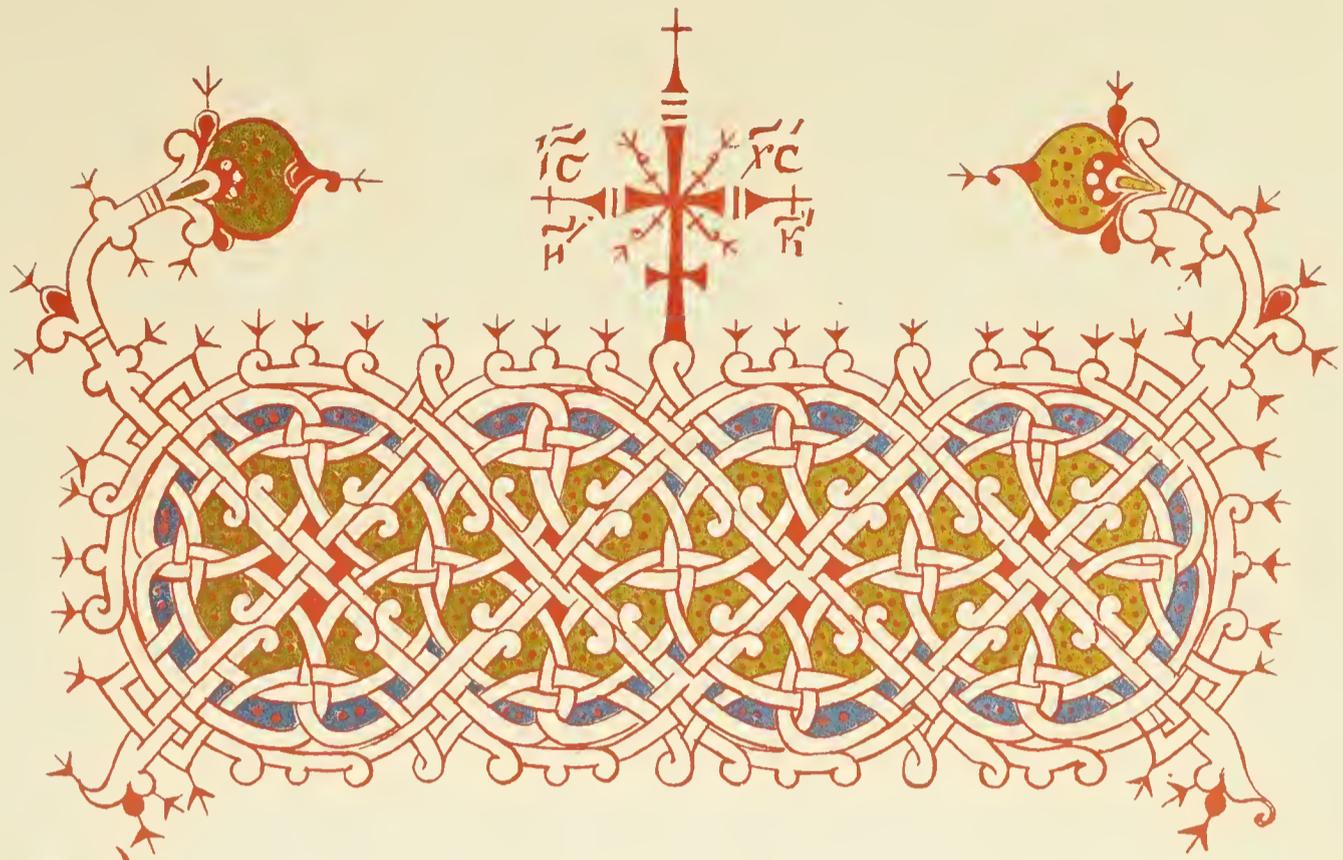
«Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаѣловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, отъ Москвы по дорогамъ до Сибирскихъ городовъ, до Верхотурья и до Тоболска, по городомъ воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ. Но нашему Великаго Государя указу велѣно Сибирскимъ кречатымъ помытчикомъ съ нашими птицы изъ Сибири ѣздить къ Москвѣ, по вся годы, зимнимъ путемъ: и на которые города Сибирскіе кречаты помытчики съ нашими птицы учнутъ ѣздить къ Москвѣ, и воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ тѣмъ помытчикомъ подѣ наши птицы велѣтъ давать подводы, сколько надобно, и отпущать ихъ къ Москвѣ тотчасъ безъ задержанія; а будетъ воеводы наши и приказные люди учнутъ имъ кречатымъ помытчикомъ со птицы чинить задержаніе, и отъ того нашимъ птицамъ учинится какая поруха, и тѣмъ отъ насъ Великаго Государя за то быть въ великой опалѣ и въ наказаньѣ, и помѣстья ихъ и вотчины отписаны будутъ на насъ Великаго Государя. Да вѣдомо намъ Великому Государю отъ помытчиковъ: какъ они съ нашими птицами ѣздятъ къ Москвѣ, и въ городѣхъ и по дорогѣ на ямахъ ямщики тѣхъ нашихъ птицъ осматриваютъ, и сани поднимаютъ и опускаютъ не бережно,

и дорогою ѣздить скоро и отъ того птицы помирають, и воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ кречетымъ помытчикомъ и ямщикомъ приказывать накрѣпко, чтобъ они наши птицы дорогою возили бережно, и сани осматривали съ великимъ береженіемъ, и везли тѣхъ нашихъ птицъ къ Москвѣ не скоро, чтобъ отъ того нашимъ птицамъ порухи никакія не было; а будутъ ямщики учнутъ сани осматривать не бережно и дорогою ѣздить скоро, и помытчикомъ про то извѣщать въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, и по-тому ихъ извѣту сыскивать: да будетъ отъ того небереженья нашимъ птицамъ учинится поруха, и по сыску ямщикомъ за то учинить наказанье, бить кнутомъ, чтобъ имъ впередъ нашему Великому Государю указу быть противнымъ не повадно было, да въ нынѣшнемъ же во 170 году изъ Сибири присланы къ намъ къ Великому Государю къ Москвѣ, наши птицы съ Сибирскимъ Татаринномъ съ Азбакѣмъ Килмаметевымъ (въ рукописяхъ Общ. Арх. Мин. Двора—«Овесбахъ Кулмаметовъ») и съ помытчики, и тѣ птицы у нихъ приняты, а они отпущены назадъ, въ Сибирь: и воеводамъ нашимъ и приказнымъ людямъ того Татарина и помытчиковъ велѣтъ пропускать безъ задержанія-жъ и налогъ никакихъ имъ не чинить, а какъ тотъ Татаринъ учнетъ со птицы къ Москвѣ ѣздить впередъ, и о пропускѣ его къ Москвѣ и въ Сибирь чинити по сему жъ нашему Великому Государю указу. А прочитая сю нашу Великому Государю Грамоту, въ городѣхъ и на ямахъ оставливать списки для иныхъ нашихъ воеводъ и приказныхъ людей, которые въ тѣхъ городѣхъ будутъ впередъ, и сю нашу Великому Государю грамоту отдавать ему Азбакѣю» (Акты Историч., т. IV, № 164, стр. 314 и 315).

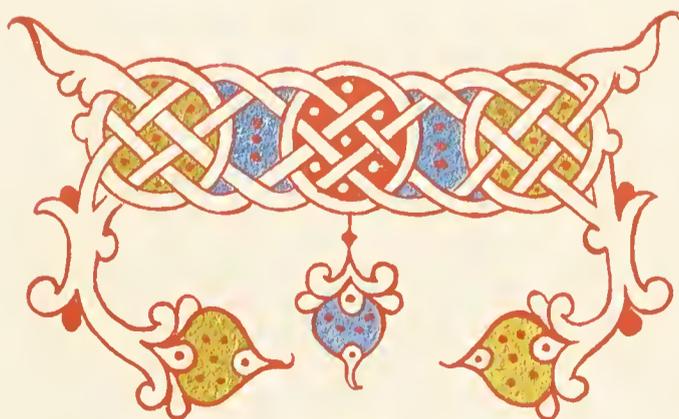
Приводимъ также наказъ сыну боярскому Елизару Гаврилову и служилымъ людямъ, отправлявшимся въ 1662 году, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, изъ Сибири въ Москву съ кречетами для царской охоты:

«Лѣта 7171, декабря въ.....день, по государеву царева и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, и государя благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, и государя благовѣрнаго царевича и великаго князя Осодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи, указу, память Тюменскому сыну боярскому Елизару Гаврилову. По указу великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, его великаго государя счастиемъ, добыли въ Тюменскомъ уѣздѣ помытчики птицъ шесть кречатовъ, и тѣ птицы кречаты, по указу великаго государя, посланы съ Тюмени къ нему великому государю къ Москвѣ: и ему Елизару съ тѣми кречетами ѣхать съ Тюмени къ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу,

всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, къ Москвѣ, и за тѣми кречетами посланы съ Тюмени помытчики, которые тѣхъ кречетовъ добыли; а ѣхать имъ Елизару съ товарищи съ Тюмени по дорогѣ на Туринской острогъ, на Верхотурье, на Соль Камскую, на Кай городъ, на Соль Вычегодскую, на Устюгъ великій, на Тотму, на Вологду, на Ярославль, на Переславль Залѣской и до Москвы. И ѣдучи дорогою смотрѣть тѣхъ великаго государя кречетовъ и беречь накрѣпко, чтобъ тѣ великаго государя кречаты довести до Москвы здорово, во всемъ въ цѣлости, и никоторые бы птицы своимъ небреженіемъ безъ призрѣнія не истеряти и съ голоду не поморити, и дурна никакого надъ государевыми кречетами не учинитъ; и смотрѣти имъ Елизару и служилымъ людямъ того и беречь накрѣпко надъ помытчики, которые съ тѣми кречетами съ Тюмени посланы, чтобъ они помытчики тѣхъ великаго государя кречетовъ смотрѣли жъ и берегли, съ великимъ радѣніемъ, неоплошно, и кормили во уреченное время, въ кое время кормить ихъ доведетца. А ѣдучи ему Елизару дорогою, самому беречись отъ пьянства накрѣпко и служилымъ людямъ и помытчикомъ пьянаго питья и табаку пить и зернью играть, и никакимъ воровствомъ воровать отнюдь не давать, отъ всякаго пьянаго питья и отъ табаку и отъ зерни и отъ всякаго воровства и отъ бляднн унимать большимъ твердымъ подкрѣпленіемъ, чтобъ ихъ служилыхъ людей и помытчиковъ нерадѣніемъ и пьянствомъ и отъ не чистыхъ и скаредныхъ людей надъ птицами великаго государя, надъ кречетами, какое дурно не учинилось, и отъ пьяныхъ и отъ нечистыхъ людей кречаты бѣ не померли. А пріѣхавъ имъ Елизару съ товарищи къ Москвѣ, подать записки о тѣхъ кречатахъ, и самимъ съ тѣми Великаго Государя кречетами явитца въ Сибирскомъ приказѣ, боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому да дьякомъ Григорью Протопопову да Микитѣ Юдину, и о томъ привезти съ Москвы на Тюмень великаго государя грамота. А буде Елизаровымъ, и служилыхъ людей, и помытчиковъ нераденіемъ и небреженіемъ безъ призрѣнія птицы великаго государя кречата истеряютца или съ голода помрутъ, или птицамъ на кормъ кречатамъ учнутъ покупать худые и мяса не чистые, или кормить станутъ не во время, или отъ ихъ пьянства и отъ нечистыхъ и скаредныхъ людей и отъ всякаго ихъ небреженія надъ птицами великаго государя, надъ кречетами, учинитца какое дурно, или кречаты умрутъ, или перья поломають, или что у которые птицы попортитца: и ему Елизару и служилымъ людямъ, и помытчикомъ за то быти отъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца въ великой опалѣ, что о томъ великій государь укажетъ. Да емужъ Елизару битъ челомъ на Москвѣ великимъ государемъ, чтобъ войлоки которые обиваны на кречаты къ Москвѣ, прислать назадъ на Тюмень потому

ОДРУГЪ СКОЛЪЗНУЛА СЪ ПЛЕЧА ЕГО ЦАРСКАГО
СТОПУДОВАМЪ ЛАПА МЕДЪБЖАМЪ ;
РАЗОГНУЛИСЯ КОГТИ И ЗАМЕРАЛИ ,
И МЕДЪБДЪ ЗАХРИПЪЛЪ , КАКЪ —
— УДАВЛЕННЫЙ
И СВАЛИЛСЯ ОНЪ НА БОКЪ КОЛОДОЮ .

Н. ЯМОКИШЪ

что въ Сибири на Тюмени войлоки изъ казны великихъ государей покупаютъ дорогою цѣною, да и дабывать не мочно; да и о возкахъ побить челомъ, буде мочно свезть» (Дополненіе къ Актамъ Историческ., т. IV, стр. 312 и 313, № 127).

Отъ 1667 года, Марта 20, сохранилась слѣдующая царская грамота въ Ростовъ воеводѣ Лугвенову о присылкѣ въ Москву спѣшно помытчиковъ, съ принадлежностями для ловли хищныхъ птицъ.

«Отъ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца въ Ростовъ воеводѣ нашему Григорью Федоровичу Лугвенову. По нашему Великаго Государя указу посланъ изъ Оружейнаго Приказу самопальной Федоръ Степановъ, а велѣно ему изъ Ростова взять къ намъ Великому Государю къ Москвѣ въ оружейной Приказъ Ростовскихъ сокольныхъ помощниковъ Костянтина Плешиваго съ товарищемъ со птичьи помчи и поножи тотчасъ и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ а самопальной Федоръ въ Ростовъ приѣдетъ и ты бѣ Ростовскихъ сокольныхъ помощниковъ Костянтина Плешивова съ товарищемъ сыскавъ и выславъ къ намъ Великому Государю къ Москвѣ совсѣми птичьи помчи и поножи..... тотчасъ немотчавъ ничего недожидаясь о томъ къ себѣ иново нашего указу да о томъ отписать, а отписку велѣтъ подать и имъ Константину съ товарищемъ явиться въ Оружейномъ Приказѣ къ окольному нашему и оружейничему Богдану Матвѣевичу Хитрово да дьяку нашему Ивану Степанову» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 53—7165 г.).

Отписка Вологодскаго воеводы Константина Нащокина объ отпускѣ въ Москву привезенныхъ изъ Холмогоръ въ Вологду кречатовъ для царской охоты, относящаяся къ 1669 году (до 3 Декабря) гласитъ:

«Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, холопи твои Костка Нащекинъ, Сидка Скворцовъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 178 году, Октября въ 24 день, по твоему великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца указу, пришло съ Холмогоръ на Вологду водянымъ путемъ, твоихъ великаго государя семьдесятъ семь кречатовъ съ Колмогорскимъ сотникомъ стрѣльцкимъ съ Степаномъ Холоповымъ да съ кречатыи помытчики съ Ивашкой Капустинымъ да съ Трофимкомъ Ивановымъ съ товарищи, да ноября, государь, въ 11 день, въ другомъ отпуску, пришло на Вологду жъ съ Колмогоръ твоихъ же великаго государя птицъ двадцать два кречата, съ кречатыи жъ помытчики съ Осташкою Коркавцовымъ съ товарищи; а съ Вологды государь, тѣхъ птицъ осеннимъ временемъ къ тебѣ великому государю къ Москвѣ до зимняго

пути отпустить было нелзѣ, потому что грязи были и воды болшіе, и чтобъ дорогою отъ болшихъ грязей и отъ осенней груды тѣмъ птицамъ порухи не учинить; а кормъ, государь, тѣмъ птицамъ, по твоему великаго государя указу и по Колмогорскимъ подорожнымъ, мы холопи твои, на Вологду и въ дорогу до Ярославля, кречатымъ помытчикомъ Ивашку Капустину съ товарищи, велѣли дать противъ прежнего по двѣ денги на сутки на птицу, изъ твоихъ великаго государя четвертныхъ доходовъ, по чему на Вологдѣ жъ на птицу давана корму въ прошлыхъ годѣхъ: и подѣ тѣ птицы велѣли построить сани съ ящики и съ покрывками и обшивъ рогозами и войлоки, чтобъ тѣ птицы довести къ тебѣ великому государю къ Москвѣ въ цѣлости, съ Вологды отпустили съ ними жъ съ Колмогорскимъ сотникомъ стрѣльцкимъ съ Степаномъ Холоповымъ и съ кречатыи помытчики ноября въ 26 день. А на кормъ, государь, тѣмъ кречатымъ помотчикомъ Ивашку Капустину съ товарищи, на тѣ твои великаго государя птицы, да въ дорогу до Ярославля на пять дней, тридцать рублевъ одинъ алтынъ, да ноября съ 11 числа по 26 жъ число двадцати двумъ кречатомъ на сутки по двѣ жъ денги жъ на птицу, и того четыре рубли двадцать алтынъ четыре денги; да подѣ тѣжъ, государь птицы отъ дѣла отъ саней имъ же кречатымъ помотчикомъ Ивашку Капустину да Осташку Коркавцеву съ товарищи отъ двадцати семи саней тридцать рублевъ съ полтиною; да къ тѣмъ же, государь, санемъ на лѣсъ, и на рогозы и на веревки, и на гвоздь на поупку вышло пять рублевъ шесть алтынъ четыре денги; и всего, государь, тѣмъ птицамъ, изъ твоихъ великаго государя четвертныхъ доходовъ, мы холопи твои на кормъ и отъ саней и отъ дѣла и на лѣсъ и на рогозы и на веревки и на гвоздь дали пятьдесятъ три рубли одинадцать алтынъ четыре денги. И въ тѣхъ денгахъ у кречатыихъ помотчиковъ взявъ росписку за ихъ руками, подѣ сею отпискою за моею холопа твоего Сидкиною рукою послали мы, холопи твои, къ тебѣ великому государю къ Москвѣ; а отписку, государь, и росписку велѣли подать и птицѣ объявить въ Приказѣ Новгородскіе чети, твоему великаго государя боярину Аонасыю Лаврентевичу Ардину Нащокину да твоимъ великаго государя думнымъ дьякомъ Гарасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову съ товарищи» (Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, т. V, стр. 435, № 101).

Сохранилась царская грамота, отъ 3 Марта 1675 года, въ Тобольскѣ боярину и воеводѣ Петру Михайловичу Салтыкову о добавочной присылкѣ ловчихъ птицъ:

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ Сибирь, въ Тоболескъ, боярину нашему и воеводамъ Петру Михайловичу Салтыкову да столнику Ивану Федоровичу Пушкину, да дьякамъ

нашимъ Ѳедору Протопопову, да Григорью Михайлову. Въ прошломъ во 180 году, іюня въ 7 день, послана наша великого государя грамота въ Тоболскъ, къ боярину нашему и воеводамъ ко князю Ивану Борисовичу Рѣшнину съ товарищи, велѣно изъ Сибири изъ Тоболска и изъ иныхъ Сибирскихъ городовъ присылати къ намъ великому государю къ Москвѣ птицъ кречатовъ красныхъ, что дастъ Богъ уловлено будетъ, да сѣрыхъ по десяти кречатовъ, да по пятнадцати челиговъ кречатыхъ на годъ. И какъ къ вамъ ся наша великого государя грамота придетъ, и вы бѣ прислали къ намъ великому государю, сверхъ прежнего нашего великаго государя указу, пятнадцать кречатовъ да пятнадцать челиговъ кречатыхъ, опричь красныхъ и цвѣтныхъ и что нынѣ къ Москвѣ отпушено. А будетъ столько нынѣ въ уловѣ кречатовъ и челиговъ кречатыхъ нынѣ, и вы бѣ велѣли въ Тоболску и въ иныхъ Сибирскихъ городѣхъ кречеты и челиги кречатыи промыслять съ великимъ радѣньемъ и присылать къ намъ великому государю наспѣхъ; а впредь велѣть кречатовъ и челиговъ кречатыхъ красныхъ и подкрасныхъ и цвѣтныхъ и кропленныхъ ловить по сколку Богъ дастъ и присылать къ намъ великому Государю къ Москвѣ, а сѣрыхъ по тридцати кречатовъ и тридцати же челиговъ кречатыхъ на годъ; а въ Сибирскіе города, въ которыхъ ловятъ кречаты, велѣлъ ты бояринъ нашъ и воевода Петръ Михайловичъ отъ себя о томъ описать тотъчасъ» (Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, т. VI, № 124—1).

Наконецъ, весьма интересна нижеслѣдующая справка о Сибирскихъ кречатыхъ помытчикахъ 1668—1676 годовъ.

«Въ прошлыхъ годѣхъ были въ Тоболску въ кречатныхъ помощникахъ всякихъ чиновъ люди и велѣно имъ быть по государевымъ грамотамъ, а иные верстаны въ Тоболску, да во 176 году: Литва: Гришка Измайловъ, Васка Изотьевъ, Петрушка Гагинъ, Микитка Мелниковъ; рейторы: Григорій Крушинской; конные казаки: Исачко Котинъ, Якимко Крушинской, Микитка Мелниковъ; стрѣлецъ Мишка Яркобъ, Савинко Ворогушинъ; пѣшіе казаки: Ошонка Полуяновъ, Шумилка Палкинъ, Неѳедка Павловъ; служилые Татара: Ешко Кутабердѣевъ, Алмететько Алмететевъ, Тоненко Итѣевъ: пашенные оброчные крестьяна: Стенка Яркобъ, Кирилка Полуяновъ, а оброку на нихъ четь ржи, и тѣ служилые люди и крестьяне промысляли на великихъ государей кречатовъ по разнымъ мѣстамъ, а въ которое время служилые люди своею братею никакихъ служебъ не служатъ, и карауловъ не караулятъ, издѣлей никакихъ не дѣлаютъ, а крестьяне оброчнаго хлѣба въ казну великихъ государей не платятъ, издѣлей не дѣлаютъ. Да Тоболского уѣзду въ Ашлыцкой и Тарханской волостяхъ ясашныхъ людей кречатниковъ 31 человекъ, а ясаку на нихъ по окладу на 96 рублевъ

на 24 алтына съ чловѣка, противъ 3 рублевъ 4 алтынъ, а у нихъ во 174 году по перепискѣ дѣтей и братьей 21 чловѣкъ. Въ Капнинской волости ясашныхъ Татаръ помощниковъ 4 чловѣка, а ясаку на нихъ на 12 рублевъ на 23 алтына на 2 денги съ чловѣка, противъ 3 рублевъ 3 алтынъ 2 денегъ съ полъ 1 денги, а у нихъ по переписки 174 году дѣтей и братьей 7 чловѣкъ. А въ прошлыхъ во 162 и во 165 годѣхъ въ дву великаго государя грамотахъ писано въ Тоболескъ къ столникамъ и воеводамъ ко князю Василью Хилкову да ко князю Алексѣю Буйносову Ростовскому съ товарищи, по челобитью тѣхъ трехъ кречатныхъ волостей ясашныхъ Татаръ, которые ясакъ платили, и имъ велѣно добывать на великихъ государей кречатовъ за весь полной ясакъ; и въ которомъ году кто на кречатьей ловлѣ будетъ, и на тотъ годъ ясаку съ нихъ имать не велѣно; а въ которомъ году кто или всѣ на кречатьей ловлѣ не будутъ, и на тотъ годъ ясакъ велѣно имать съ нихъ по окладамъ ихъ сполна противъ прежняго. Да въ прошломъ же во 167 году, въ грамотѣ великаго государя писано въ Тоболескъ къ боярину и воеводамъ ко князю Ивану Андреевичу Хилкову съ товарищи, по челобитью Тарханской волости кречатныхъ помочниковъ ясашныхъ Татаръ, а велѣно ихъ кречатныхъ помочниковъ изъ Тоболска къ великимъ государемъ къ Москвѣ съ кречеты отпускать для кормли и береженья самихъ, кто въ которомъ году сколько птицъ помкнетъ, а безъ нихъ кречатовъ велѣно промыслять братьѣ и дѣтемъ ихъ или товарищемъ, которые за тѣмъ у нихъ останутца, и кому такое дѣло за обычай, чтобъ безъ нихъ кречатыя ловля не стала. И въ прошломъ во 176 году, по приговору столника и воеводы Петра Годунова съ товарищи, служилые Русскіе люди и служилые же и ясашные Татаровя крестьяне отъ кречатьей ловли были отставлены, и служилые рускіе люди и Татара служили государеву службу по прежнему, а пашенные крестьяне пахали оброчной хлѣбъ; а въ тѣ ихъ мѣста въ кречаты помочники прибраны были вновь изъ охотниковъ всякихъ чиновъ рускихъ людей 28 чловѣкъ, а оклады имъ вновь учинены по 5 рублевъ чловѣку, и тѣ кречаты... со 177 по 179 годъ промысляли на великихъ государей кречетовъ по рознымъ мѣстамъ. И въ прошломъ во 179 году, февраля 17 день да въ 23 числѣхъ, въ дву великаго государя грамотахъ писано въ Тоболескъ къ боярину и воеводамъ ко князю Ивану Борисовичю Рѣпинну съ товарищи, по челобитью оставленныхъ кречатныхъ помочниковъ Ашлицкіе, Тарханской, Капнинской да Кречаты волостей, и Агицкихъ и Ваганскихъ ясашныхъ Татаръ, а велѣно тѣмъ Татаромъ кречатымъ помочникомъ, которыя въ прошлыхъ годѣхъ ловили на великихъ государей кречатовъ до прїѣзду въ Тоболескъ столника и воеводы Петра Годунова, ловить имъ кречаты по прежнему, а новыхъ кречатныхъ помочниковъ, что построилъ Петръ

Годуновъ, отъ кречатыи ловли, отставить, и съ Татарскихъ земель ихъ свести и бытъ имъ въ тѣхъ же службахъ, гдѣ кто былъ. И въ прошломъ же во 179 году апрѣля..... 4 день, по приговору боярина и воеводы князя Бориса Ивановича Рѣпинна съ товарищи, велѣно ясашнымъ татаромъ, по государевѣ грамотѣ, кречатовъ промышлять по прежнему, а ясаку съ нихъ, которые будутъ для промыслу на кречатей ловлѣ, не имать, для того въ грамотахъ великого государя въ прошломъ во 162 и во 165 годѣхъ писано въ Тоболскѣ: съ кречатыихъ помочниковъ, въ которомъ году будутъ на кречатѣ ловлѣ, и съ нихъ ясаку имать не велѣно; а которые на кречатѣ ловлѣ не будутъ и которые и будутъ, а въ поискѣ (поимкѣ?) у нихъ птицъ не будетъ, и съ нихъ ясакъ имать-ли о томъ писано о указѣ къ великимъ государемъ къ Москвѣ. Да Тоболскаго розряду въ городѣхъ и въ слободахъ кречатыихъ помочниковъ; на Тюмени 3 человекъ конныхъ козаковъ, 20 человекъ козачьихъ дѣтей, 3 человекъ посацкихъ людей, оброку они платили по 30 алтынъ на годъ, 1 человекъ захребетной Татаринъ, 8 человекъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, а оброку на нихъ было 59 четы съ третникомъ ржи, овса тожъ, 1 человекъ пашенной крестьянинъ, а десятинной пашни на немъ было полдесятины съ полчетью и полполчети въ полѣ, а въ дву по томужъ; да въ Тобольскаго уѣзду въ слободахъ: въ Исецкомъ острогѣ 12 человекъ, а верстаны они въ помочники во 168 году, 1 человекъ приказчиковъ сынъ, 10 человекъ драгунскихъ и бѣломѣстныхъ козаковъ дѣти, 1 человекъ пашенной крестьянинъ, а десятинной пашни отецъ его пахалъ десятину въ полѣ, а въ дву потомужъ; въ Бѣляковской слободѣ 8 человекъ, а верстаны они въ помочники во 176 году, 6 человекъ изъ бѣломѣстныхъ козаковъ, 1 человекъ ямщикъ, 1 человекъ бѣломѣстного казака сынъ; въ Куярской слободѣ 5 человекъ, а верстаны они въ помочники во 176 году, 3 человекъ крестьянскихъ дѣтей, а десятинные пашни пахали съ отцами своими и съ братьями полдесятины безъ полчети въ полѣ, а въ дву потомужъ, 2 человекъ изъ гулящихъ людей; въ Ялуторовской слободѣ 7 человекъ, а верстаны они въ помочники во 172 и во 176 годѣхъ, 4 человекъ драгунскихъ бѣломѣстныхъ козаковъ дѣти, 3 человекъ изъ гулящихъ людей; въ Нижней Ницынской слободѣ 8 человекъ, а верстаны въ помочники во 176 году, 1 человекъ изъ драгунъ, 7 человекъ изъ пашенныхъ крестьянъ, а десятинной пашни пахали 2 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ; въ Терсюцкой слободѣ 2 человекъ, а верстаны они въ помочники въ 177 году, бѣломѣстныхъ козаковъ дѣти; въ Бѣшкилской слободѣ 2 человекъ, верстаны они во 179 году изъ слободчиковыхъ дѣтей; всего въ Тоболскѣ на Тюмени и въ слободахъ кречатыихъ помочниковъ Рускихъ людей и служилыхъ татаръ ясашныхъ

30*

124 человек; а служили тѣ всѣ кречатыи помочники въ слободахъ безъ денежнаго и безъ хлѣбнаго солянаго жалованья съ пашень, а пашни они пахали по двѣ десятины съ полдесятиною въ полѣ, а въ дву потомужъ, а съ лишнихъ пашень во 176 году, по переписнымъ книгамъ дѣтей боярскихъ, иманъ у нихъ выдѣльной хлѣбъ, а со 176 по 181 годъ съ тѣхъ помочниковъ съ лишнихъ съ тѣхъ пашень выдѣлу не имано, потому что земли у нихъ не переписываны. А въ прошломъ во 181 году сентября въ 16 день, въ грамотѣ великого государя писано въ Тоболскъ къ боярину и къ воеводамъ ко князю Ивану Борисовичю Рѣпнину съ товарищи, а велѣно изъ Тоболска и изъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ присылать къ великимъ государемъ къ Москвѣ птицъ кречатовъ красныхъ, что дастъ Богъ уловлено будетъ, а сѣрыхъ по 10 кречатовъ да по 15 челиговъ кречатныхъ на годъ, а кречатныхъ помочниковъ устроить къмъ бы сколько птицъ добыть мочно и выбрать въ кречатыи помочники тѣхъ людей..... ихъ будетъ; а которые кречатные помочники Рускіе люди и Татары за тѣмъ будутъ въ лишкѣ, и Рускихъ людей написать въ прежніе чины, кто изъ какого чину взять былъ, а Татаръ въ ясашии платѣжъ и въ Сибирскіе города, въ которыхъ ловятъ кречаты, о томъ писать. И въ прошломъ же во 181 году противъ той великого государя грамоты, по приговору боярина и воеводъ князя Ивана Борисовича Рѣпнина, да столника Оедора Хрушова, да дьяковъ Михаила Чирикова да Юрья Блудова, велѣно быть въ кречатныхъ помочникахъ изъ кречатныхъ же помочниковъ, которые верстаны изъ казачьихъ и изъ драгунскихъ дѣтей и изъ гулящихъ людей, и изъ захребетныхъ Татаръ, да ясашиимъ Татаромъ тѣмъ, которымъ кречатыя ловля за обычаи и по вся годы кречатовъ ловятъ; а служилыхъ людей и пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ; которые были въ кречатныхъ помочникахъ и достальныхъ ясашиныхъ Татаръ отъ кречатя лову отставить и быть служилымъ людямъ въ службѣ, а пашеннымъ и оброчнымъ крестьяномъ въ пашнѣ, а ясашиимъ ясакъ платитъ по прежнему, и о томъ къ великимъ государемъ къ Москвѣ писано. И противъ приговору писано изъ Тоболска на Тюмень и въ слободы и кречатныхъ помочникахъ, а велѣно быть: на Тюмени 20 человекомъ казачьимъ дѣтемъ, 1 человекомъ захребетному Татарину, 4 человекомъ посадскимъ людямъ, буде они съ своею братьею службы служатъ, а буде никакихъ службъ не служатъ и имъ быть въ посадѣ; въ Псецкомъ острогѣ 1 человекъ приказчикову сыну, 11 человекъ бѣломѣстныхъ и драгунскихъ дѣтей; въ Бѣляковской слободѣ 4 человекомъ казачьимъ дѣтямъ; въ Куярской слободѣ 2 человекомъ гулящимъ людямъ; въ Ялаторовской слободѣ 4 человекомъ драгунскимъ и бѣломѣстныхъ козаковъ дѣтемъ да 3 человекомъ гулящимъ; въ Нижней Ницынской слободѣ одному человеку драгуну; въ

ПАНУЛЪ ЦАРЬ —
ВИДИТЪ СТАРЦА
МАСТИТАГО,
РАСА ИНОКА; ВЗГЛЯДЪ
БЛАГОВѢСТНИКА;
ВЪ ШУЙЦѢ КРЕСТЪ ЗОЛОТОЙ,
А ДЕСНИЦЕЮ
ПУСТИЛЪ ОНЪ ТОПОРЪ
ОКРОВАВЛЕННЫЙ...

Г. ЛАМОКИШЪ

Терсюкомъ острогѣ 2 человѣкомъ бѣломѣстныхъ козаковъ дѣтемъ; въ Бѣшкилской слободѣ 2 человѣкомъ слободчиковымъ дѣтемъ; всего на Тюмени и въ слободахъ велѣно быть въ кречатыхъ помочникахъ 20 человѣкомъ казачьимъ дѣтямъ, 1 человѣку прикащику сыну, 17 человѣкомъ драгунскимъ и бѣломѣстныхъ козаковъ дѣтемъ, 2 человѣкомъ слободчаниновымъ дѣтямъ, 9 человѣкомъ гулящимъ людямъ, 3 человѣкомъ посадскимъ, 1 человѣку захребетному Татарину, и всего 54 человѣка. А кречатникомъ отъ кречатьей ловли отставленнымъ быть въ прежнихъ чинѣхъ: 8 человѣкъ служилыхъ русскихъ людей 3 человѣка служилыхъ Татаръ, 6 человѣкъ бѣломѣстныхъ козаковъ, 1 человѣка ямщика, 23 человѣкъ пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, всего 41 человѣкъ. Да во 181 году при бояринѣ и воеводахъ при князѣ Иванѣ Борисовичѣ Рѣпнинѣ съ товарищи, которымъ кречатыми помочниками ясашнымъ Татаромъ быть розбору не было; а во 182 году, по приговору боярина и воеводъ Петра Михайловича Салтыкова съ товарищи, велѣно..... ясашнымъ Татарамъ въ кречатыхъ помочникахъ тѣмъ, которые въ прошлыхъ годѣхъ со 158 да по 181 годъ помыкали болши дву птицъ, а которые помыкали съ тѣхъ годовъ птицы по двѣ и по птицѣ и тѣмъ велѣно быть ясачномъ платежѣ. И противъ того приговору (здѣсь въ подлинной памяти идутъ имена кречатыхъ помытчиковъ, указанныя у насъ въ алфавитномъ спискѣ чиновъ охоты подъ 1674 годомъ). . . . Да въ прошломъ во 183 году, марта въ 27-й день, въ государевѣ царевѣ и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ грамотѣ писана въ Тоболскъ къ боярину и воеводамъ къ Петру Михайловичю Салтыкову съ товарищи, а велѣно въ Тоболску и въ иныхъ Сибирскихъ городѣхъ промыслять съ великимъ радѣніемъ кречатовъ и челиговъ кречатыхъ, красныхъ и подкрасныхъ и цвѣтныхъ и кропленыхъ, ловить посколку Богъ дастъ и присылать къ великому государю къ Москвѣ, а сѣрыхъ по 30 кречатовъ, да по 30 челиговъ кречатыхъ на годъ, и въ Сибирскіе города, въ которыхъ ловятъ кречаты велѣно писать. А въ прошлыхъ годѣхъ въ грамотахъ великаго государя писано въ Тоболскъ къ бояромъ и воеводамъ, а велѣно посылать изъ Тоболска въ волости для посылки на кречатью ловлю и досмотру надъ кречатыи помочники Тоболскихъ дѣтей боярскихъ добрыхъ, кому бѣ кречатья ловля за обычай. И нынѣ противъ государевы грамоты, какова прислана во 183 году, кречатовъ и челиговъ кречатыхъ, красныхъ и подкрасныхъ, цвѣтныхъ и кропленыхъ и сѣрыхъ, въ Тоболску и Тоболского розряду городѣхъ и въ слободѣхъ и въ волостяхъ указнымъ и отставнымъ помочникомъ Рускихъ всякихъ чиновъ людямъ и Татаромъ помыкать-ли и кому быть для высылки и досмотру надъ кречатыи помочники въ волостяхъ Тоболскимъ дѣтемъ боярскимъ и служилымъ

людемъ о томъ что великаго государя указъ? 184, Октябрю въ 12 день, бояринъ и воеводы Петръ Михайловичъ Салтыковъ съ товарищи сей выписки слушавъ, велѣли по государеву указу кречатовъ и челиговъ кречатыхъ, красныхъ и подкрасныхъ и цвѣтныхъ и кропленыхъ и сѣрыхъ, помыкать всѣмъ и о томъ въ городъ отписать и въ слободы памяти послать, чтобъ всѣ кречатники помыкали съ великимъ радѣніемъ» (Дополненіе къ Актамъ Историч., т. VI, № 124—111, стр. 369, 373).

О способахъ ловли см. Госуд. Арх., № 52, разр. XXVII; Катошихинъ, стр. 70; Аделунгъ, стр. 220 и др.; Бремъ, стр. 437.

⁸⁵⁾ Еще отъ 1629 года сохранился подтверждающій высказанное документъ, по особому интересу котораго, цитируемъ его дословно:

«Приводъ станичнаго служилаго татарина Миткина крестьянинъ Исенчюринъ Васки Иванова съ ястребомъ въ посольскій приказъ и сказка онаго крестьянина».

«137-го года Марта въ 18 день въ посольской приказъ къ діакомъ къ думному Ефиму Телепневу, да къ Максиму Матюшкину привели съ купчинина двора, гдѣ стоятъ кизылбашскіе купчины стрѣльцы Микитина приказу Бестужева Осташко Васильевъ, да Иванова приказу Головленкова Пвашко Ильинъ посольскаго приказу станичнаго служилого татарина Миткина крестьянина Исенчюринъ Васку Иванова съ ястребомъ, а сказали, что пришелъ де тотъ крестьянинъ къ купчинамъ на дворъ, а принесъ ястребъ сѣрой и учалъ продавать Кизылбашеномъ, а прошалъ за него двадцать алтынъ съ гривною, и ему де толмачи велѣли съ двора сайти, а какъ съ двора сошли, и они велѣли его взять и отослать въ посольской приказъ».

«А крестьянинъ Васка въ роспросѣ сказалъ, что онъ того ястреба поймалъ въ деревнѣ тому нынѣ третей день и пріѣхалъ къ Москвѣ для того чтобъ ему тотъ ястребъ продать, и шолъ де онъ мимо купчинина двора, и его де взяли стрѣльцы и повели въ посольской приказъ, а государевы де заповѣди, что птицъ такихъ продавать не велѣно, не вѣдаетъ» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, свитокъ 30, № 11).

⁸⁶⁾ Относительно царскихъ кречатень и ихъ порядковъ см.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 8—7156 г., ст. 211—7160 г., ст. 149—7161 г.; б) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, свитокъ 30, № 11; в) Письма царя Алексѣя Михайловича: къ Матюшкину (VI), къ П. С. Хомякову (III и V); г) Письма Матюшкина къ царю (I и II), Голохвастова (II и III); д) Аделунгъ, стр. 211; е) Майербергъ, стр. 159.

⁸⁷⁾ См. Катошихинъ, стр. 71; Госуд. Арх. № 173, разр. XXVII; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1073, л. 53, л. оборотн. 63 и 66, л. 76; кн. 1076, л. оборотн.

242, 254 и 273; кн. 1077, л. оборотн. 58; Доп. къ Акт. Истор., т. IV, № 127, стр. 312 и 313.

Такъ онъ пишетъ Матюшкину: «Да сходи къ архимандриту Чюдовскому..... да молви ему отъ меня, штобы благословилъ голубы на мельницѣ половить» (Тамъ же, № 100—11, стр. 140). Очевидно, мельница эта и голуби составляли монастырскую собственность.

⁸⁸⁾ На болѣзни ловчихъ птицъ указываютъ и слѣдующія выписки:

«И грехомъ, Государь, моимъ, твои, Государевы, пьтицы занемогли, Бояринъ да Бѣляй..... пупъ, Государь, у нихъ мало не весь заволокло» (Тамъ же).

«Да послали къ вамъ Севскаго слепова сокола и вамъ бы у него глаза велѣтъ лечить» (Письмо Алекс. Михаил. къ Матюшкину, № VI).

Весьма интересно то обстоятельство, что въ описываемое время не только человекъ приносилъ облегченіе соколу при различныхъ его болѣзняхъ, но и соколъ помогаль человеку во время недуговъ послѣдняго. Такъ, въ «выходахъ» государей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича подъ 8 Маемъ 1661 года читаемъ: «Великій Государь легчился — билъ у правой руки жилу соколъ» («Выходы Государей», стр. 355). Тѣмъ же лѣченіемъ пользовался царь Алексѣй Михайловичъ также 25 Мая 1663 года (тамъ же, стр. 400) и 3 Юня 1664 года (Тамъ же, стр. 420).

Въ заключеніе отдѣла о вынашиваніи ловчихъ птицъ упомянемъ, что птицъ этихъ вынашивали не одни сокольники и другіе чины царской соколиной охоты. Такъ, въ письмѣ Голохвастова (№ 1), между прочимъ, читаемъ: «соколъ дикомытъ, что носитъ князь Се.....; Львовъ».

⁸⁹⁾ См. письма царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину — VI. Письма къ царю: Матюшкина I, II, III и IV, Голохвастова I—IV.

⁹⁰⁾ «А кречеть Колмаюръ летитъ сажень съ пять» (Письмо Матюшкина къ Алексѣю Михайловичу, № 1).

«А Колмаюръ, Государь, кречеть на вабило летитъ сажень съ пя.....» (Тоже, № 11).

«А Нечай, Государь,.....летитъ добро» (Тоже, № III).

«А соколъ, Государь, Бѣляй летитъ к.....сажень съ тридцать» (II).

«А кречеть Сибирской Колмогоръ сажень съ пять летитъ на вабило» (Письмо Голохвастова къ Алексѣю Михайловичу, № II).

⁹¹⁾ «Начай» — доноситъ Голохвастовъ царю Алексѣю Михайловичу — «къ вабилу добре добро летитъ, а живое давать имъ какъ ты, Государь, укажешь» (Письмо Голохвастова, № II).

«А кречету Булату въ вабиле живое давали» (Тамъ же).

«А чеглику, Государь, (да) вали грачика въ вабиле и онъ загрысь хорошо» (Письмо Матюшкина, № II).

«А Булату, Государь, кречету давали осорью въ вабиле и онъ загрысь» (Тамъ же).

⁹²⁾ «По твоему Государеву указу велено кречетамъ пушчѣное пушать коршаковъ» (Письмо Голохвастова, № III).

«Кречеть Нечаѣ далъ Богъ здоровъ, а пускали ему коршака, и онъ добылъ добре добро, охотно гораздо» (Тамъ же).

Любопытно слѣдующее приказаніе царя Алексѣя Михайловича:

«Всякому кречету пустить по четыре осорыи опрочъ тѣхъ осорей съ которыми на земли валяцца стануть (то-есть «которыхъ поймають на лету и съ которыми пустятся на землю для терзанья и ѣды» — Примѣч. Безсонова, стр. 37) да коршака по дважды всякому кречету первослѣпа, а въ другой рядъ чтобъ ставокъ пять шесть здѣлать, да болши того до меня не пускать» (Письмо VI).

⁹³⁾ «А будетъ вамъ помнитца» — пишетъ царь Матюшкину — «что засидятца или позабудутъ добычу; и вамъ бы Адару и пнымъ, которые поспѣли и поспѣвають кречеты, пускать въ субботу въ вечеру по одинову коршака; а будетъ вамъ и то помыслитца, что запускать будетъ такъ, что отъ субботы въ субботу пускать, и тебѣбъ подумать съ Васильемъ и съ Петромъ Хомяковымъ, а что вздумаете да приговорите, такъ издѣлайте: пускать ли до меня или не пускать, а мнѣ вамъ указать для того нельзя, лебо (— «ибо, пожалуй, можетъ случиться» — Безсоновъ, стр. 38) долго къ вамъ не буду изъ походу: я тепере кладуся на васъ во всемъ, какъ лутче, дакъ и дѣлайте» (Письмо, № VI).

⁹⁴⁾ О вынашиваніи см.: а) Письма Алексѣя Михайловича: къ Матюшкину VI, XX и др.; къ Хомякову—II; б) Письма къ царю: Матюшкина, въ особенности I—IV; Голохвастова, въ особенности I—III; г) Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 172—7166 г., и д) сравн. Бремъ, т. III, стр. 438 и 439.

⁹⁵⁾ См. Госуд. Арх., № 52, разрядъ XXVII; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 368; кн. 302, л. 21; кн. 303, л. оборотн. 285; кн. 1075, л. оборотн. 65; Письма царя Алексѣя Михайловича, въ особенности VII, X, XII и XX; Катошинъ, стр. 70; Забѣлинъ, «Опыты изученія древн.», стр. 225; Саввантовъ, стр. 287; «Москвитянинъ», 1854 г., стр. 76; Галлеръ «Очерки соколиной охоты» въ «Природѣ и Охотѣ», 1886 г., № IX; ст. С. Т. Аксакова въ приложеніи къ «Собран. писемъ царя Алексѣя Михайловича».

⁹⁶⁾ О птичьих нарядах см. *Общ. Арх. Мил. Двора*, столб. 223—7140 г.; столб. 24—7143 г.; столб. 28—7143 г.; столб. 77—7145 г.; столб. 17—7149 г.; столб. 87 и 97—7150 г.; столб. 177—7169 г.; столб. 100—7139 г.; *Госуд. Арх.*, № 52, разр. XXVII; *Акты Истор.*, т. IV, № 124; *Дополн. къ Акт. Ист.*, т. IV, № 124—II; «Собран. писемъ царя Алексѣя Михайловича» и примѣч. къ нимъ Безсонова; *Галлеръ «Очерки сокол. охоты»*; *Саввантовъ*, стр. 163 и 197.

⁹⁷⁾ Въ описываемое время на пернатую дичь охотились не только съ соколами, ее стрѣляли не только изъ ружей («птичьи стрѣлки»), или луковъ, — дичь эту добывали и при помощи различныхъ ловушекъ и манковъ, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить. Вслѣдствіе того, что какъ тѣ, такъ и другіе предметы встрѣчаются въ описяхъ принадлежностей царской птичьей потѣхи государя Алексѣя Михайловича, можно предположить, что ловля пернатой дичи силками, тайниками и проч. производилась и чинами сокольниковъ пути. А то, что ею занимались въ то время люди частные, устранивавшіе для этого спеціальныя птичьи привады, явствуетъ изъ слѣдующихъ узаконеній, интересныхъ для насъ и потому, что изъ нихъ усматривается взглядъ законодателя-царя на право собственности въ области охоты. Въ X Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, между прочимъ, читаемъ:

«А кто сдѣлаеть въ своемъ угодыѣ птичью приваду и у той привады птицъ прикормить, а иной кто по недружбѣ ту птичью приваду испортить и птицъ отъ той привады отгонить или у той привады учнетъ птицы ловити насильствомъ или учнетъ стрѣляти, а тотъ, чья привада, учнетъ на него бити челомъ Государю и съ суда сыщется про то его насильство допряма: и на немъ велѣти истцовъ искъ доправити по сыску и отдати истцу» (*Первое Полное Собрание Законовъ*, стр. 51, т. I, ст. 216).

«А будетъ кто такую птичью чужую приваду испортить, измажетъ дегтемъ или чеснокомъ или инымъ чѣмъ ишбудъ и тѣмъ птицъ отъ тоя привады отгонить или кто тетеревиный шатеръ или куропатную сѣтку украдетъ и въ томъ на него будутъ челобитчики и съ суда про то сыщется допряма и на немъ за то доправити истцу за шатеръ тетеревиный 3 рубли, а за куропатную сѣть рубль; а за то что онъ ту птичью приваду испортилъ, учинить ему наказанье, битъ батоги нещадно, чтобы ему и инымъ такимъ неповадно было впредь такъ дѣлать» (*Первое Полное Собр. Законовъ*, стр. 51, т. I, ст. 217).

⁹⁸⁾ Такъ, 13 Февраля 1675 года думному дворянину и ловчому Московскаго пути было указано «со всею потѣхою бити готову, противъ прежняго, на Москвѣ рѣкѣ съ медвѣди, съ гонцами, и которыхъ колоть рогатинами и съ вилами ходить охотникомъ и псарямъ; и съ волки и съ лисицы и съ собаки борзыми и съ меде-

лянскими; а указано ему быть готову послѣ ранняго кушанья совсѣмъ и ждать его великаго государя указу». Потѣхи, однакоже, въ этотъ день по какимъ-то обстоятельствамъ не было (Дворц. Разр., т. III, стр. 1230).

Въ сказаніи Рейтенфельса, между прочимъ, читаемъ, что въ одну изъ «субботъ на масляной, на Москвѣ рѣкѣ на льду была травля бѣлыхъ Самоѣдскихъ медвѣдей британами и другими сабаками страшныхъ породъ. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медвѣди и собаки не могли крѣпко держаться на ногахъ и скользили по льду» (Сказаніе Рейтенфельса, стр. 16).

⁹⁹⁾ Приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ всѣ извѣстныя намъ потѣхи, съ указаніемъ особо отличившихся въ нихъ дѣйствующихъ лицъ:

Первая по времени медвѣжья потѣха въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича, судя по дошедшимъ до насъ документамъ, относится къ 30 Января 1614 года. Героемъ этой потѣхи является конный псарь Степанъ Айгустовъ, бившійся съ медвѣдемъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 199, л. оборотн. 275).

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года «царя потѣшали трое стрѣльцовъ, въ томъ числѣ Семька Ѳеодоровъ; у нихъ на потѣхѣ медвѣдь разодралъ кафтаны» (Забѣлинъ, «Быть царицѣ», стр. 459—62).

7 Февраля 1615 года за бой съ медвѣдемъ была выдана награда конному псарю Константину Іевлеву (Общ. Арх. Мин. Дв., кн. 277, л. 167).

13 Февраля 1616 года такую же награду получилъ конный псарь Яковъ Яковлевъ (Тамъ же, кн. 278, л. 128).

17 Октября того же года пѣшій псарь Жданко Ивановъ былъ награжденъ за то, что «былъ онъ на его Государевѣ потѣхѣ дразнилъ гончаго медвѣдя» (Тамъ же, кн. 279, л. 46).

16 Ноября того же года награждено 7 человекъ пѣшихъ псарей за то, что «медвѣди изодрали на нихъ зипуны» (Тамъ же, кн. 279, л. оборотн. 59).

Наконецъ, 31 Декабря того же года награжденъ пѣшій псарь Кондрашка Корчминъ за то, что на государевой потѣхѣ его «медвѣдь измялъ и платье на немъ ободралъ» (Тамъ же, кн. 279, л. 114).

«Черезъ годъ, въ генварѣ 1618 года онъ же (Корчминъ) опять потѣшалъ царя медвѣдымъ боемъ» (Забѣлинъ, «Быть царицѣ», стр. 459—62).

13 Февраля 1618 года была выдана награда ловчаго пути охотнику Ивану Теряеву «за то, что медвѣди его драли» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 232).

24 Марта того же года награжденъ задворный конюхъ Иванъ Столешниковъ «за то, что на Государевой потѣхѣ ево дралъ медвѣдь» (Тамъ же, кн. 203, л. 319).

Однѣмъ Государь — нѣтъ инока —
Какъ во снѣ приходилъ — и ни кѣмъ никого
На полянкѣ и между деревьями,
Только зѣбрь околѣлый валлетъ,
И башка ѹ него вся раскрыена . —
Шестомъ лъ Государь, — поглядѣлъ кругомъ
И пошелъ въ монастырь, призадумавшись...

9 Января 1619 года — награда конному псарю Петрушкѣ Горностаю за то, «что была на Дворцѣ у Государя потѣха и онъ Петруша на той потѣхѣ тѣшилъ Государя бился съ дикимъ медвѣдемъ и медвѣдя убилъ» (Тамъ же, кн. 204, л. 237).

14 Февраля 1619 года тотъ же Петруша Горностай получилъ новую награду «за то въ нынѣшнемъ во 127 году Генваря въ 29 день тѣшился Государь дикими и дворными медвѣди и на той потѣхѣ сво Петрушу ѣлъ дикою медвѣдъ» (Тамъ же, кн. 204, л. 355).

21 Юня того же 1619 года — награда ловчаго пути охотнику Ивану Теряеву «за то, что у него медвѣдъ извѣлъ лѣвую руку» (Тамъ же, кн. 204, л. 717).

Въ Февралѣ 1620 года бился на потѣхѣ съ медвѣдемъ пѣшій псарь Кондрать Корчминъ (Забѣлинъ, «Быть царицѣ», стр. 459—62).

5 Ноября 1620 года — награды псарямъ: конному Кондратью Корчмину да пѣшему Сенькѣ Омелянову за то, «что тѣшился Государь Сентября въ 11 число на старомъ Царевѣ Борисовѣ дворѣ дворными медвѣди гонцами и у Кондрашка медвѣдъ извѣлъ руку, а у Сенькѣ извѣлъ голову» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. 86).

12 Января 1621 года коннымъ псарямъ Озорному, Санину, Дмитріеву, Корчмину и Кузьмину — награды за борьбу съ дикими медвѣдями (Тамъ же, кн. 206, л. 229).

За то жъ получили награды 9 Февраля того же года конный псарь Нехорошій (тамъ же, кн. 206, л. оборотн. 267) и 13 Февраля конные псари Слововъ и Молчановъ (Тамъ же, кн. 206, л. оборотн. 270).

Того же 13 Февраля — награды пѣшему псарю Кондрашкѣ Корчмину съ товарищами, 10 человекамъ, за то, что во время государевой потѣхи въ среду на масляной недѣлѣ изодрали на нихъ медвѣди кафтаны (Тамъ же, кн. 206, л. 271).

15 Февраля этого же года — награды коннымъ псарямъ Спирѣ Черному и Тарасу Федорову за борьбу съ дикими медвѣдями при оружїи — вилахъ на потѣхѣ, происходившей «въ мясное заговѣнье» (тамъ же, кн. 206, л. 272), а 19 числа того же Февраля — награда псовнику ловчаго пути Степану Ябедину за то, что «заколелъ онъ дикаго медвѣдя въ пятницу на масляной недѣлѣ» (Тамъ же, кн. 206, л. 282).

3 Января 1622 года — награда, портище сукна настрафиля лазореваго, цѣною въ 2 рубля 50 копѣекъ, постельному сторожу Петрушкѣ Мекотину за то, что «тѣшился Государь на дворцѣ дворными и дикими медвѣди генваря во 2 числѣ и онъ Петруша передъ Государемъ дворныхъ медвѣдей дражилъ и съ дикимъ медвѣдемъ бился вилами и его дикою медвѣдъ ѣлъ» (Тамъ же, кн. 207, л. оборотн. 174).

23 Марта того же года пѣшій псарь Кондрать Корчминъ съ братомъ Иваномъ и тремя товарищами получили награду за то, что бились вилами съ дикими медвѣ-

ями 28 Февраля, въ четвергъ на масляной недѣлѣ (Тамъ же, кн. 207, л. оборотн. 285, и Забѣлинъ, «Бытъ царщъ», стр. 459—62).

18 Ноября того же года—награда пѣшимъ псарямъ Ивану Дрожжину съ товарищами, въ числѣ 13 человекъ, «за то, что на потѣхѣ дворные гончіе медвѣди ободрали и нихъ платье» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 208, л. оборотн. 36).

2 Декабря того же года—награда псовнику Василю Федорову сыну Усову за изодранное платье на потѣхѣ съ гончими медвѣдями 1 Декабря (Тамъ же, столб. 7—7131 года).

31 Декабря того же 1622 года—награда также за изодранное медвѣдями платье на потѣхѣ во дворцѣ 31 же Декабря псовнику Степану Ябедину (Тамъ же, кн. 208, л. оборотн. 131).

25 Февраля 1623 года Капшинскій Самоѣдинъ Семейка получилъ 3^{3/4} аршина сукна кострыну червчатого, по 23 алтына 2 деньги за аршинъ, за то, что на масляной недѣлѣ 18 Февраля, во вторникъ бился онъ съ дикимъ медвѣдемъ (Тамъ же, кн. 208, л. оборотн. 210).

5 Марта того же года—награды коннымъ псарямъ Орефейку Микифорову, Семейкѣ Толстову и Кирилку Иванову и постельному сторожу Петрушкѣ Григорьеву за бой вилами съ дикими медвѣдями на прошедшей къ тому времени масляной недѣлѣ (Тамъ же, кн. 208, л. оборотн. 267 и 268).

20 Юня 1625 года—награда за бой съ дикимъ медвѣдемъ на потѣхѣ въ селѣ Рубцовѣ конному псарю Кондрату Корчмину (Тамъ же, кн. 280, л. оборотн. 462).

17 Января 1626 года—награда псарю Сенькѣ Омелянову и 20 Января того же года—награды псарямъ Ивану Санину и Стенкѣ Васильеву за борьбу съ дикими медвѣдями вилами (Тамъ же, кн. 281, л. оборотн. 198 и 200).

31 Января того же года—награда ловчаго пути охотнику Алексѣю Титову за то, что на дворцовой потѣхѣ «дикой медвѣдь ѣлъ его заголову и зубы выломалъ» (Тамъ же, кн. 281, л. оборотн. 215).

Въ Октябрѣ того же года «бился съ дикими медвѣдями вилами постельный истошникъ Панка Гачинкинъ въ селѣ Покровскомъ» (Забѣлинъ, «Бытъ царщъ», стр. 459—62).

«Въ Ноябрѣ 1626 года пѣшій псарь Кондрать Корчминъ бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами и медвѣдя поставилъ, да онъ же въ селѣ Рубцовѣ передъ государемъ на потѣхѣ медвѣдя убилъ рогатиною» (Тамъ же).

16 Февраля 1627 года—награда пѣшему псарю Марку Юрьеву за бой съ дикимъ медвѣдемъ вилами въ среду на масляной недѣлѣ, а 4 Марта того же года—на-

града за то же въ понедѣльникъ на масляной недѣлѣ постельному сторожу Петрушкѣ Григорьеву (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 181 и л. оборотн. 211).

Въ Ноябрьѣ того же года въ Тонинскомъ селѣ на потѣхѣ медвѣдь дралъ пстопника Илью Севрюкова (Забѣлинъ, «Быть царицъ», стр. 459—62).

7 Февраля 1628 года—награда конному помѣстному псарю Оспу Молчанову за то, что «тѣшилъ Государя бился съ медвѣдемъ дикимъ вилами добро» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 283, л. 175).

За добрый же бой съ дикимъ медвѣдемъ на масляной недѣлѣ этого же года, въ субботу, получилъ награду 23 Февраля конный псарь Степанъ Васильевъ (тамъ же, кн. 283, л. 184), а бившійся тогда же съ дикимъ медвѣдемъ князь Иванъ Гундуровъ получилъ 9 аршинъ камки адамашки, всего на 2 рубля 75 копѣекъ (Забѣлинъ, «Быть царицъ», стр. 459—62).

25 Октября 1631 года получилъ портище настрафиля лазореваго, цѣною въ 2 рубля 25 копѣекъ, подключникъ Тимофей Ѳедоровъ «за то что его въ Покровскомъ селѣ на потѣхѣ гончей медвѣдь дралъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 55), и тогда же боярина князя П. Б. Черкаскаго человекъ Андрей Слѣпой получилъ за то же сукно и камку, всего на 8 рублей. Эта относительно весьма высокая награда заставляетъ Забѣлина предположить, что Андрей Слѣпой «не прозвищемъ только, а на самомъ дѣлѣ былъ слѣпой; тогда потѣха конечно представляла еще больше занимательнаго» («Быть царицъ», стр. 459—62).

«Въ томъ же Октябрѣ мѣсяцѣ стряпчий конюхъ Степанъ Карповъ тѣшилъ Государя въ селѣ Тонинскомъ, билъ въ барабанъ и медвѣдя дразнилъ и медвѣдь его дралъ» (Тамъ же).

7 Ноября того же года — награда конному псарю Алексѣю Меркульеву за то, что «сво медвѣдь дралъ» на государевой потѣхѣ, вѣроятно, на дворѣ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 287, л. оборотн. 75).

14 и 15 Февраля 1632 года—награды коннымъ псарямъ Ивану Исаеву, Спиридону Муромцеву, Петру Молчанову и Алексѣю Меркульеву за борьбу съ дикими медвѣдями вилами на масляной недѣлѣ во вторникъ, 9 Февраля (Тамъ же, кн. 287, л. 193).

«Въ Февралѣ же 1632 года на потѣхѣ медвѣдь дралъ сына боярскаго Галиченина Ѳедора Сытина, который получилъ за потѣху сукно на однорядку, дороги глянскіе на фerezи, да на кафтанъ и на приклады къ платью деньгами 5 рублей съ полтиною, всего весь нарядъ 14 рублей. Въ томъ же году на масляной недѣлѣ медвѣдь дралъ на потѣхѣ жильца Бориса Ушакова, которому дано на платье больше 6 рублей» (Забѣлинъ, «Быть царицъ», стр. 459—62).

23 Февраля 1634 года — награда пѣшему псарю Герасимку Степанову за то, что «на масляной недѣлѣ въ субботу Государь Царевичъ князь Олексѣй Михайловичъ тѣшился дворными медвѣдями и на той потѣхѣ на немъ Герасимкѣ медвѣди кафтанъ изодрали» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 289, л. 426).

11 Ноября того же года — награда птичьему стрѣлку Исаю Быковскому за то, что «какъ Государь тѣшился медвѣдемъ гонцомъ и медвѣдь изломалъ и платье на немъ изодралъ» (Тамъ же, кн. 290, л. 146).

14 тоже Ноября — награда псарямъ Алексѣю Меркульеву, Андрею Курбатову, Игнатію Левонтьеву и Якову Семенову за борьбу съ дикими медвѣдями въ селѣ Рубцовѣ (Тамъ же, кн. 290, л. оборотн. 150).

20 Декабря того же года человекъ боярина князя Ивана Борисовича Черкаскаго Гаврила Жуковъ получилъ 3 рубля за борьбу въ селѣ Рубцовѣ съ дикимъ медвѣдемъ вилами (Тамъ же, кн. 290, л. 216).

«Въ 1635 году, въ Ноябрѣ, конный псарь Алексѣй Меркульевъ самъ-четверть съ товарищами бился съ дикими медвѣдями добро въ селѣ Рубцовѣ» (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

«Въ Генварѣ 1636 года на дворцѣ бился съ медвѣдемъ стрѣлецъ Гаврила Савельевъ, и медвѣдь его дралъ и кафтанъ изодралъ и голову испробилъ» (Тамъ же).

10 Марта того же года — награды за борьбу съ дикими медвѣдями вилами на масляной недѣлѣ, 28 Февраля, коннымъ псарямъ Алексѣю Меркульеву и Григорью Пванову и пѣшимъ псарямъ Елистратку Афонасьеву да Ивашку Яковлеву «прозвище Путивлицу» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 291, л. оборотн. 230 и л. 231).

6 Ноября того же года — награда Черкашенину (Малороссу) Лукашу Григорьеву, настрафиль лазоревый въ 2 рубля, за то, что «въ селѣ Покровскомъ — Рубцовѣ на потѣхѣ медвѣдь гонецъ изодралъ на немъ зипунъ да помялъ руку» (Тамъ же, кн. 292, л. оборотн. 62).

«Въ Декабрѣ 1636 года въ селѣ Рубцовѣ медвѣдь гонецъ изломалъ псовника Василя Усова и платье на немъ ободралъ» (Забѣлинъ, «Бытъ царицъ», стр. 459—62).

26 Мая 1637 года дано жильцу Алексѣю Зевену 4 аршина вишневаго англійскаго сукна, цѣною по 1 рублю за аршинъ, да 2 рубля на шапку за то, что «тѣшилъ онъ Государя въ селѣ Покровскомъ въ Рубцовѣ боролся съ дворнымъ медвѣдемъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 292, л. оборотн. 244).

Послѣ этого въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ свѣдѣній о медвѣжьихъ дворцовыхъ потѣхахъ у насъ не имѣется.

28 Сентября 1640 года — награда задворному конюху Степану Карпову сукнами, всего на 4 рубля 57^{1/2} копѣекъ за то, что «тѣшилъ Государь въ селѣ Коломенскомъ медвѣди гошцы, а онъ Степанъ передъ тѣми медвѣди бѣгалъ и платъе на немъ однорятку и штаны медвѣди изодрали» (Тамъ же, кн. 296, л. 18).

Послѣ этой потѣхи опять въ промежутокъ около четырехъ лѣтъ мы не встрѣтили указаній о дворцовыхъ потѣхахъ.

Въ 1644 году такая потѣха была, но котораго числа мы не знаемъ. Отъ этого года сохранилась нижеслѣдующая челобитная коннаго псаря Микиты Шевелева: «Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа русіи бьетъ челомъ холопъ твой ловчево пути коншой псарь Микитка Шевелевъ тѣшилъ я холопъ твой тебѣ Государя дразнилъ медвѣдя, и меня холопа твоего медвѣдь ламаль и глазъ у меня испортилъ Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа русіи пожалуй меня холопа своего на рану а чѣмъ тебѣ праведному Государю Господь Богъ извѣститъ. Царь Государь смилуйся» (Тамъ же, столб. 24—7152 года).

Первая медвѣжья потѣха въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, судя по имѣющимся даннымъ, относится къ началу 1646 года. 27 Января этого года была выдана награда конному псарю Алексѣю Меркулеву «для того въ нынѣшнемъ во 154 году въ Государевѣ походѣ въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ селѣ Павловскомъ тѣшилъ онъ Государя бился съ дикимъ медвѣдемъ съ вилами» (Тамъ же, столб. 62—7154 г.).

16 Февраля того же года боярина Бориса Ивановича Морозова люди Кондратій Лунинъ и Трофимъ Левашевъ получили: первый — сукно лундышъ, а второй — настрафилъ, за то, что «имались они съ медвѣдемъ какъ Государь былъ въ селѣ Павловскомъ въ нынѣшнемъ 154 году Генваря въ 31 день» (Тамъ же, столб. 84—7154 года). За то же люди того же боярина, Иванъ Брылкинъ и сынъ его Потапъ, получили 16 же Февраля: первый — сукно лундышъ, а второй — англійское (Тамъ же, столб. 85—7154 г.).

14 Марта 1647 года человекъ московскаго ловчаго Ивана Леонтьева, Потапъ Ивановъ, татаринъ, получилъ сукно кострышъ въ 2 рубля за то, что «бился съ медвѣдемъ въ государевѣ дворцовомъ селѣ Покровскомъ» (тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 98), а 16 того же Марта — награды коннымъ псарямъ, Матвѣю Молчанову съ товарищами, въ числѣ 7 человекъ, и пѣшимъ псарямъ, Ѳедкѣ Сторожеву съ товарищами, въ числѣ 6 человекъ, за то, что «въ нынѣшнемъ во 155 году Февраля въ 22 день тѣшили они Государя дикими медвѣди на псарнѣ» (Тамъ же, кн. 302, л. оборотн. 100).

Въ 1648 году, Января 8, выданы были награды людям боярина Бориса Ивановича Морозова: Ивану Брыжину—сукно полукармазинъ вишневыи въ 3 рубля 60 копѣекъ «да Оверки Степанова сыну его Ооонькѣ»—настрафилъ лазоревый въ 1 рубль 94 копѣйки за то, что «билися они съ медвѣдемъ» (Тамъ же, кн. 303, л. 80).

12 Января и 20 Февраля того же года—награды охотникамъ ловчаго пути Ивану Ябедину и Осипу Аристову и кошнымъ псарямъ Ивану Псаеву, Микифору Озорному, Микигѣ Шевелеву и Любиму Молчанову за то, что «они въ Звенигородскомъ и въ Можайскомъ и въ Боровскомъ походѣ были и въ селѣ Покровскомъ, и въ селѣ Урюпинѣ дворновою потѣхою» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 118 и столб. 90—7156 г.).

25 Февраля того же года выданы были награды охотникамъ ловчаго пути: Алексѣю Меркульеву, Семену Головцыну и Еремѣю Теряеву, да псарямъ: Ивану Ябедину, Макару Сафонову, Матвѣю да Ивану Осиповымъ, дѣтямъ Молчановымъ, Давыду Данилову, Семену Терентьеву, Ѳедору Иванову, Евдокиму Матвѣеву, Григорью Трофимову, Игнатю Описимову, Игнатю Гордѣеву и Якову Озорному за то, что «какъ государь тѣшился на своемъ псаренномъ дворѣ на сырной недѣлѣ, а они съ дикими медвѣдями билися вилами добро» (Тамъ же, кн. 303, л. 123 и 124).

29-го того же Февраля человѣку боярина Бориса Ивановича Морозова, Левкѣ Афанасьеву, дано сукно настрафилъ лазоревый въ 1 рубль 96 копѣекъ за то, что «тѣшилъ онъ Государя въ нынѣшнемъ въ Звенигородскомъ и въ Можайскомъ и въ Боровскомъ походѣ въ селѣ Павловскомъ медвѣжьею потѣхою» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 127).

14 Марта того же года получилъ настрафилъ лазоревый въ 1 рубль 85 копѣекъ нижегородецъ Ѳедоръ Васильевъ сынъ Теряевъ за то, что «въ нынѣшнемъ во 156 году Февраля въ 10 день тѣшился Государь на своей государевой псариѣ ступными (?)—спускными медвѣди, и на той потѣхѣ медвѣдь на немъ однорядку изодралъ» (Тамъ же, кн. 303, л. оборотн. 146).

18 Января 1649 года—награда охотнику ловчаго пути Тимофею Невѣрову за то, что «во 156 году (кажется, ошибка въ спискѣ; должно быть, «во 157 году») Января въ 4-й день на царя борисовскомъ дворѣ ступной (?) медвѣдь изодралъ на немъ однорядку да кафтанъ» (Тамъ же, кн. 304, л. 114). Тотъ же охотникъ получилъ новую награду 24 Февраля того же года «какъ тѣшился государь на царь-борисовскомъ дворѣ въ нынѣшнемъ во 157 году Февраля въ 3-й день дикими медвѣди и у него Тимофея на той потѣхи дикіе медвѣди кафтанъ и однорядку съ фрезми» (вѣроятно, пропущено слово «изодрали»). (Тамъ же, кн. 304, л. 140).

Дошелъ , все сказахъ настоятелю
И велѣхъ привести честныхъ иноковъ
Передъ очи свои государевы :
Все пришли , а его издателя
Между честными старцами не было
Царь и корѣпче того призадумался ;
« Помощь съвше , десница Господня !... »
Молвилъ онъ и пошелъ въ церковь Божію .

15 Февраля того же года — награда конному псарю Павлу Будаеву: «въ нынѣшнемъ во 157 году въ государевѣ походѣ въ селѣ Тонинскомъ бился онъ съ дикимъ медвѣдемъ и его медвѣдь ѣлъ и губу испортилъ и кафтанъ изодралъ» (Тамъ же, кн. 304, л. 136).

20 Ноября того же года — награды охотникамъ ловчаго пути: Алексѣю Усову, Ивану Перхурову и Михаилу Молчанову: «тѣшился Государь въ селѣ Покровскомъ Ноября въ 10-й день дикимъ медвѣдемъ, а они съ медвѣдемъ билися» (Тамъ же, кн. 305, л. 28).

23 Апрѣля 1650 года — награда охотнику ловчаго пути Еремѣю Теряеву: «тѣшился государь на сырной недѣлѣ во вторникъ въ селѣ Хорошовѣ дикими медвѣди, и на немъ Еремѣѣ дикой медвѣдь однорядку изодралъ» (Тамъ же, кн. 305, л. 127).

26 Февраля 1651 года указалъ государь выдать конному псарю Никифору Озорному съ 8 человекъ товарищей по сукну за то, что «билися они на Государевѣ потѣхѣ, на Его Государевой псарнѣ съ дикими и ходили съ вилами» (Тамъ же, столб. 41—7159 г.). Однако, награда эта не была выдана псарямъ сразу. Сохранилась слѣдующая челобитная, относящаяся къ этому году: «Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу Всея Русіи быють челомъ холопи твои Ловчева пути конные псари Никифорка Озорной самъ девять съ товарищи какъ былъ ты праведный Государь на своей Государевой псарни на Ваганьковѣ и мы холопи твои тѣшили тебя Государя бились съ дикими медвѣди и за то пожаловалъ ты Государь насъ холопей своихъ, своимъ Царьскимъ жалованьемъ сукнами, и намъ холопемъ твоимъ на казенномъ Дворѣ суконъ недали у насъ скать суконъ нѣтъ и мы холопи твои били челомъ тебѣ праведному Государю и твое Царьское жалованье подписная челобитная сошла намъ холопемъ твоимъ велѣно дать сукна а будетъ нѣтъ суконъ Ино дать деньги и по подписной челобитной намъ холопемъ твоимъ на казенномъ дворѣ отказали нѣтъ де у насъ ни сукна ни денегъ Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи пожалуй насъ холопей своихъ вели Государь намъ дать свое Царьское жалованье сукна или деньги за сукна Царь Государь смилуйся пожалуй» (Тамъ же, столб. 62—7159 г.).

Въ томъ Февралѣ мѣсяцѣ выдана была награда конному псарю Якову Озорному за то, что «бился съ дикимъ медвѣдемъ на Государевѣ потѣхѣ на Царя Борисовскомъ дворѣ въ нынѣшнемъ во 159 году на масленицѣ» (Тамъ же, столб. 41—7159 г.).

Послѣ этого не имѣется свѣдѣній о медвѣжьихъ потѣхахъ за періодъ времени, превосходящій 10 лѣтъ.

Далѣ, 3 Апрѣля 1661 года — награда «псовые охоты корытному приказчику» Терентью Фролову за медвѣжій боѣ (тамъ же, кн. 317, л. оборотн. 321) и, наконецъ, послѣдняя, извѣстная намъ, медвѣжья потѣха была при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1663 года, когда 31 числа, выдана была награда тому же Фролову (Тамъ же, столб. 249—7171 г.). Однако, можемъ сказать съ полною увѣренностью, что эта потѣха въ дѣйствительности послѣднею не была, чему наиболѣе положительнымъ указаніемъ служитъ то обстоятельство, что даже въ 1675 году существовала, какъ мы видѣли въ началѣ настоящей главы, вся организація медвѣжьей потѣхи, а самая потѣха была назначена на 13 Февраля и отмѣнена, повидимому, лишь по какой-то случайности.

¹⁰⁰⁾ См.: а) Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 232 и л. 319; кн. 204, л. 237, 303, 331, 355, 717; кн. 206, л. 82, л. оборотн. 229, л. оборотн. 267, л. оборотн. 270, л. 271, 272 и 282; кн. 207, л. оборотн. 174, л. оборотн. 285; кн. 208, л. оборотн. 36, л. 131, л. оборотн. 131, л. оборотн. 210, 267 и 268; кн. 277, л. 167; кн. 278, л. 128; кн. 279, л. 46, л. оборотн. 59, л. 114, л. 177; кн. 280, л. оборотн. 462; кн. 281, л. оборотн. 198, 200 и 215; кн. 282, л. 11, л. оборотн. 211, л. 62; кн. 283, л. 175 и 184; кн. 287, л. оборотн. 55 и 75 и л. 173; кн. 289, л. 426; кн. 290, л. 146, л. оборотн. 150 и 216; кн. 291, л. оборотн. 230 и 231; кн. 292, л. оборотн. 62 и 244; кн. 296, л. 18; кн. 302, л. оборотн. 98 и 100; кн. 303, л. 80, л. оборотн. 118, л. 123—125, л. оборотн. 127 и 146; кн. 304, л. 136 и 140; кн. 305, л. 28 и 127; кн. 317, л. оборотн. 321; столбцы: 7—7131 г.; 24—7152 г.; 62, 84 и 85—7154 г.; 90—7156 г.; 41 и 62—7159 г., и 249—7171 г.; б) Дворц. Разряды, т. II, 27; т. III, 1230; в) Акт. Арх. Эксп., т. IV, № 98, стр. 138—139; г) Рейтенфельсъ, 16; д) Забѣлинъ, «Бытъ царь», стр. 452—463.

Грамотой отъ 23 Октября 1657 года Іона, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, указывалъ, чтобы въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ «отнюдь... медвѣжнихъ поводчиковъ не было... а буди такіе люди предъ объявятся и указу сего святителского не послушаютъ, поводчики съ медвѣди учнутъ ходити... или мірскіе люди тѣхъ... медвѣжнихъ поводчиковъ съ медвѣди въ дома своя пускати, а ему великому святителю про то вѣдомо учинится, и тѣмъ людямъ... и медвѣжнимъ поводчикомъ быть отъ него святителя въ великомъ смиреніи и наказаніи безъ пошады и во отлученіи отъ церкви Божіи» (Акты Археографической Экспедиціи Академіи Наукъ, т. IV, № 98, стр. 138—9).

¹⁰¹⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 125; Забѣлинъ, «Бытъ царь», стр. 463.

¹⁰²⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 282, л. 62; Забѣлинъ, тамъ же.

¹⁰³⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 279, л. 177; кн. 299, л. оборотн. 132; Забѣлинъ, тамъ же.

¹⁰⁴⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, ст. 1—7126 г.; Рук. Арх. Мин. Ин. Дѣль, Дѣла приказныя, № 27, свитокъ 12; Катошихинъ, стр. 69, 70, 71 и 75.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, попрежнему, вся царская охота состояла при Конюшенномъ приказѣ, и дѣла, касавшіяся общихъ, такъ сказать, общегражданскихъ правъ личнаго состава царской охоты, вѣдались приказомъ Большого дворца (Рукоп. Арх. Мин. Иностр. Дѣль, Дѣла приказныя, № 27, свитокъ 12. Рукописи Арх. Мин. Двора, столбецъ 1—7126 г. и др.). При Алексѣѣ же Михайловичѣ часть царской охоты, а именно охота соколиная, вѣдалась приказомъ Тайныхъ Дѣль.

«Да въ томъ же Приказѣ» (Конюшенномъ), говоритъ современникъ царя Алексѣя Михайловича, Катошихинъ, «вѣдомо царская зимняя и лѣтняя потѣха на звѣри: лосиная, оленья, медвѣжья, волчья, зачья, тьяеты, и псами; и устроены для той потѣхи подъ Москвою лѣсные рощи, а въ нихъ дворы, отъ Москвы по 7 и по 10 и по 15 и по 20 верстѣ и болши. А для ловли тѣхъ звѣрей и для потѣхи, устроены потѣшники и ловцы, псаря, со 100 человекъ, да псовъ съ 100 жъ. А ловятъ тѣхъ звѣрей тенеты, ночью порою, и отъ Москвы верстѣ по 30 на всѣ стороны никому въ своихъ лѣсахъ и угодыяхъ такихъ звѣрей ловити и бити не велѣно, и заказано подъ жестокимъ наказаніемъ и пенею; а будетъ кто въ тѣхъ заповѣдныхъ лѣсахъ про свой обиходъ сѣчь лѣсъ, и такому поймавъ бываетъ жестокое жъ наказаніе и пеня» (Катошихинъ, стр. 69).

Далѣе, читаемъ у Катошихина же: «Да въ томъ же Приказѣ (въ приказѣ Тайныхъ Дѣль) вѣдомо царская лѣтняя потѣха, птицы кречеты, соколы, ястребы, челиги и иные; а бываетъ тѣми птицами потѣха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли и на иные птицы, и на зайцы, и учиненъ для тоѣ потѣхи и для ученія учинены соколники со 100 человекъ и на томъ дворѣ лѣтомъ и зимою бываютъ у птицъ безпрестанно, и днюютъ и ночью, по перемѣнамъ, человекъ по 20, а честію тѣ соколники противъ жилищъ (жильцы — «для походу и для всякого дѣла, спятъ на царскомъ дворѣ, человекъ по 40 и болши, и посылаютъ ихъ во всякіе посылки; дѣти они дворянскіе, и дьячи, и подьяческіе. И и съ того чину бываютъ въ стряпчихъ, и въ столникахъ, и въ думныхъ людехъ, да они жъ бываютъ въ начальныхъ людехъ у конницы и у пѣхоты, и въ рейторахъ и въ солдатеяхъ», Катошихинъ, стр. 21) и стремянныхъ конюховъ, люди жалованные денежнымъ жалованьемъ и платьемъ, погодно, и помѣстьями и вотчинами, и будучи у тѣхъ птицъ и пьютъ и ѣдятъ цар-

32*

ское; а будетъ у Царя всякихъ потѣшныхъ птицъ болши 3000, и кормъ, мясо говяжье и боранье, идетъ тѣмъ птицамъ съ Царского двора; да для ловли и для ученія тѣхъ же птицъ, на Москвѣ и въ городѣхъ и въ Сибири, учинены кречетники и помощники, болши 100 человекъ, люди жалованные жъ; а ловятъ тѣхъ птицъ подъ Москвою и въ городѣхъ и въ Сибири, надъ озерами и надъ большими рѣками на берегахъ по пескамъ, голубни и сѣтми, и наловя тѣхъ птицъ привозятъ къ Москвѣ болши 200 на годъ; и посылаются тѣ птицы въ Персію съ послы и куда случится и Персидскій шахъ тѣ птицы отъ Царя принимаетъ за великіе подарки, и ставитъ цѣною тѣ птицы рублевъ по 100 и по 200 и по 500 и по 1000 и болши, смотря по птицѣ; да на кормъ тѣмъ птицамъ и для ловли емлютъ они кречетники и помощники голуби, во всемъ Московскомъ государствѣ, у кого бъ ни были, и имавъ привозятъ къ Москвѣ, а на Москвѣ тѣмъ голубямъ устроень дворъ, и будетъ тѣхъ голубей болши 100.000 гнѣздъ, а кормъ ржаные и пшеничные высѣвки идутъ съ Житного двора» (Катошихинъ, стр. 70 и 71).

Говоря о завѣдываніи царской охотою приказами Конюшеннымъ и Тайныхъ Дѣлъ, считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ учрежденіяхъ вообще со словъ современника.

«Конюшенный дворъ» — говоритъ тотъ же Катошихинъ — «а въ немъ Приказъ; при прежнихъ царехъ сидѣли и вѣдали тотъ приказъ и дворъ конюшей бояринъ, а съ нимъ товарищи, яселничей, да дворянинъ, да два дьяка. А кто бываетъ Конюшимъ, и тотъ первый бояринъ чиномъ и честию; и когда у царя послѣ его смерти не остается наслѣдія, кому быть царемъ, кромѣ того Конюшего иному царемъ быти нѣкому, учинили бъ его царемъ и безъ обиранья (избранія). А при царѣ Василіи Ивановичѣ (Шуйскомъ) и при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Конюшихъ не было, и при нынѣшнемъ нѣтъ, по тому, какъ о томъ написано выше сего, что прежь сего Конюшей Борисъ Годуновъ, что былъ царемъ, умыслилъ себѣ достать царство чрезъ убіеніе царевича Дмитрія и нынѣ въ такой чинъ допускати опасаются (Гѣ же свѣдѣнія имѣются у Оларія, і і посольство, стр. 286 и у Севастіана Главинича, стр. 10). И вѣдаютъ нынѣ Конюшенной приказъ, и дворъ, и казну всякую, яселничей, да дворянинъ, да дьяки, и тотъ яселничей честию выше думныхъ дворянъ, и въ думѣ сидитъ съ царемъ и зъ бояры вмѣстѣ» (Катошихинъ, стр. 67).

«Приказъ Тайныхъ дѣлъ» — читаемъ у Катошихина — «а въ немъ сидитъ діакъ, да подьячихъ съ 10 человекъ, и вѣдаютъ они и дѣлаютъ дѣла всякіе царскіе, тайные и явные; и въ тотъ приказъ бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя. А посылаются того приказу подьячіе съ послами въ го-

сударства, и на посолскіе съѣзды, и въ войну съ воеводами, для того что послы въ своихъ посолствахъ много чинятъ не къ чести своему государю, въ проѣздѣ и въ разговорныхъ рѣчахъ..... а воеводы въ полкѣхъ много неправды чинятъ надъ ратными людьми, и тѣ подъячіе надъ послы и надъ воеводами подсматриваютъ и царю пріѣхавъ сказываютъ; и которые послы или воеводы, вѣдая въ дѣлахъ неисправленіе свое и страшась царского гнѣву, и они тѣхъ подъячихъ дарятъ и почитаютъ выше ихъ мѣры, чтобы они будучи при царѣ ихъ пословъ выславляли, а худымъ не поносили. А устроены тотъ приказъ при нынѣшнемъ царѣ, для того, чтобъ его царская мысль и дѣла исполнилися всѣ по его хотѣнію, а бояре бѣ и думные люди о томъ ни о чемъ не вѣдали» (Катошкхинъ, стр. 70).

Приказомъ Тайныхъ Дѣлъ никто изъ бояръ не завѣдывалъ — говоритъ Соловьевъ: «Этотъ приказъ устроилъ себѣ царь Алексѣй Михайловичъ для переписки, о которой онъ не хотѣлъ, чтобы всѣ знали, но въ этомъ приказѣ вѣдались также дѣла, которыя особенно занимали царя: вѣдалось гранатное дѣло и мастера этого дѣла, вѣдалась любимая царская потѣха — птицы, кречеты, ястребы. На кормъ этимъ птицамъ шли голуби... И эти невинныя птицы также вѣдались приказомъ Тайныхъ Дѣлъ, который, по имени, долго считали чѣмъ-то страшнымъ, въ которомъ думали видѣть что-то въ родѣ тайной канцеляріи» (Соловьевъ, «Ист. Росс.», томъ XIII, стр. 94).

¹⁰⁵⁾ Со званіемъ сокольничаго, по документамъ, дошедшимъ до насъ, описываемой эпохи, впервые мы встрѣчаемся въ 1613 году, когда, Сентября 21 числа, «послалъ Государь въ Вязму Сокольничаго и думнаго дворянина Гаврила Григорьевича Пушкина», въ качествѣ воеводы (Дворц. Разряды, т. I, стр. 115). Въ 1618 году, въ числѣ лицъ, которымъ было предложено оставаться въ Москвѣ во время осады послѣдней польскимъ королевичемъ Владиславомъ, опять упоминается сокольничій и думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ (Тамъ же, стр. 357). Въ 1619 году тотъ же Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ вѣдалъ Разбойнымъ приказомъ вмѣстѣ съ бояриномъ Борисомъ Михайловичемъ Лыковымъ (Тамъ же, стр. 386). Званіе сокольничаго за нимъ оставалось, такъ какъ званіе это упоминается съ его именемъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ въ 1620 году. 21 Декабря этого года на обѣдѣ у патриарха Филарета Никитича Московскаго участвовалъ «Сокольничій и думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ» (Тамъ же, стр. 434). Однако, позднѣе этого ни имени Гаврила Григорьевича Пушкина, ни вообще званія сокольничаго мы не встрѣчаемъ, и надо полагать, что должность эта была упразднена именно около 1620 года.

¹⁰⁶⁾ Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1618 года «билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Оедоровичу всеа Россіи Ловчей Григорій Григорьевичъ Маматовъ, а сказалъ по Государеву указу велѣно ему быть Ловчего пути въ Тверскихъ Ловчихъ и что де было Тверского Ловчего пути въ городѣхъ прежъ сего слободъ и деревень и пустошей чѣмъ прежніе тверскіе ловчіе владѣли и Тверская де псарская слободка отъ ли... (литовскаго)... разоренья и отъ пожару... (въ конецъ)... запустела а деревни въ роздачѣ, а пустоши заросли лѣсомъ и Государь бы его пожаловаль велѣлъ бы ему дати въ тѣхъ Тверскихъ роздаточныхъ деревень и запустелыхъ пустошей мѣсто въ Кашинѣ псарскую слободку, а та де слободка къ Государевымъ дворцовымъ селамъ и къ чернымъ волостямъ неприписана и въ помѣстья и въ вотчины никому неотдана». Въ дошедшей до насъ перепискѣ по этому поводу читаемъ: «По Государеву указу про тое слободку въ Приказѣ Большого Дворца сыскivano писцовыми старыми книгами и въ Приказѣ Большого Дворца, Кашинскихъ старыхъ писцовыхъ книгъ послѣ Московскаго разоренья несыскано потому что Кашинѣ посадѣ до Московскаго разоренья всѣмъ вѣдали въ Галицкой чети и Писцовые старыя Кашинскіе книги были въ четвертижъ и изъ Приказу Большого Дворца въ Галицкую четъ къ дьяку Семену Головину посылана память, а велѣно писати въ Приказѣ Большого Дворца къ боярину Борису Михайловичу Салтыкову да къ дьякамъ къ Ивану Болотникову съ товарищи въ Кашинѣ на посадѣ ловчего пути Псарская слободка бывала-ли и будетъ бывала, и сколь давно бывала и нынѣ она естли, и будетъ есть и что съ нее какихъ Государевыхъ доходовъ и въ Приказѣ Большого Дворца въ памяти за Семеновою приписью (подписью) написано въ Галицкой чети Кашину посаду и слободамъ прежнихъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ послѣ Московскаго разоренья неосталось а вновь дозировать непосылованножъ и сыскать... про то нечемъ и въ прошломъ же во 125 году Апрѣля въ 19 день билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Оедоровичу всеа Россіи онъ же Григорей чтобы Государь его пожаловаль велѣлъ про тое кашинскую псарскую слободку на Москвѣ въ Галицкой чети дворяны и дѣтьми боярскими и всякими людьми сыскivano (въ документѣ просьба и исполненіе по ней, какъ видно, слились, благодаря пропуску нѣсколькихъ строкъ; впрочемъ, смыслъ отъ этого не потерянь) да тотъ сыскъ присланъ въ Приказѣ Большого Дворца за Семеновою приписью и въ сыску Московскихъ и розныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ сказали, что въ Кашинѣ на посадѣ псарская слободка въ Ловчемъ пути при Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Россіи и при Царѣ Оедорѣ Ивановичѣ всеа Россіи изъ стари была и Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Оедоровичъ всеа Россіи Ловчего Григорья Маматова

ВЫШЕЛЪ НА ЦАРСКОЕ МѢСТЪ,
У КЛИРОСА,
СТАВОВИЛСЯ И ПАЧАЛЪ
МОЛИТИСЯ

ШЕДЕЛЪ ОБРАЗЫМЪ СВѢТЛЫМЪ УГОДНИКА:
ДА КАКЪ ПЛАНУЛЪ НА МЯКЪ ПРЕИДУВШАГО -

ТАКЪ И ПАЛЪ НА ЧЕЛО СВОЕ ЦАРСКОЕ:
ШОИЛЪ - КТО БЫЛЪ ЕГО ИЗБАВИТЕЛЕМЪ.
НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ЗА РАНИЕЙ ОБѢДНЕЮ,
ОТЛУЖИЛЪ ОНЪ МОЛБЕНЫ УГОДНИКУ
ШЕДНУЛЪ КЪ МОСКВѢ ВЪ БЛОКАМЕННОЙ.

Н. АМОКШИЦА

пожаловаль тое псарскую слободку что въ Кашинѣ на посадѣ велѣль ему дати въ ловчего пути въ прежнихъ ловчего пути въ Тверскихъ пустошей мѣсто которые нынѣ въ роздачѣ и Государева жалованья грамота ему на ту Кашинскую псарскую слободку изъ Приказу Большого Дворца дана почему ему тою слободкою владѣти и доходы свои съ жильцовъ которые въ той слободкѣ живутъ имати, и воиводамъ ни съ чѣмъ съ слободки жильцовъ вѣдать невелѣно, а велѣно тое слободку вѣдати въ семь одномъ Приказѣ Большого Дворца». Объ этомъ повелѣніи царя была послана послушная грамота къ Кашинскому воеводѣ (Рукоп. Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 1—7126 г.).

¹⁰⁷⁾ Въ 1626 году, 24 Сентября встрѣчаемъ мы въ числѣ дворянъ, приглашенныхъ къ царскому столу въ селѣ Воздвиженскомъ «Ловчего пути Тимофея Усова» (Дворц. Разр., т. I, стр. 859). Онъ же, Тимофей Васильевъ сынъ Усовъ, съ 19 чело-вѣками ловчаго пути, обѣдали у царя 1 Августа 1627 года въ Симоновомъ мона-стырѣ (Тамъ же, стр. 923). Онъ же былъ приглашенъ къ царскому столу на пер-вый день Рождества 1627 года (Тамъ же, стр. 971). Онъ же былъ на обѣдѣ у царя Михаила Ѳеодоровича 9 Мая 1628 года «У Николы Чюдотворца на Угрѣшѣ» (тамъ же, стр. 1014); затѣмъ, 31 Мая—въ селѣ Воздвиженскомъ (тамъ же, стр. 1019) и 7 Июня—также на царскомъ обѣдѣ въ селѣ Тонинскомъ. На послѣднемъ обѣдѣ участвовалъ также и «Сокольничья пути Истома Воейковъ» (Тамъ же, стр. 1022).

¹⁰⁸⁾ 7 Августа 1635 года «пожаловаль Государь въ ловчіе съ путемъ Ивана Ѳеодоровича Леонтьева, а сказалъ ему въ ловчіе разрядный думный дякъ Иванъ Гавреневъ» (Дворц. Разряды, т. II, стр. 475).

Леонтьевъ участвовалъ въ царскомъ походѣ къ Николѣ на Угрѣшцу, а оттуда въ село Рубцово, въ Ноябрьѣ 1636 года (тамъ же, стр. 525); онъ же былъ съ царемъ въ селѣ Покровскомъ, «что было Рубцово», въ Юнѣ 1638 года (тамъ же, стр. 580), въ Александровской слободѣ и Переяславль-Залѣсскомъ въ Октябрѣ того же года (тамъ же, стр. 592), у Троицы въ Сентябрѣ 1639 года (тамъ же, стр. 618), въ селѣ Рубцовѣ-Покровскомъ въ Сентябрѣ 1641 года (Тамъ же, стр. 671). Какъ московскій ловчій Иванъ Леонтьевъ упоминается въ документахъ, относящихся къ 1647 году, и званіе это передается другому лицу въ періодъ отъ 1647 года по 1649 годъ (Рукописи Арх. Общ. Дѣль Мин. Двора).

¹⁰⁹⁾ 9 Ноября 1649 года новый царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ въ своей свитѣ при походѣ въ село Покровское «Московского Ловчего Ѳонасія Сафонтьева сына Заболоцкаго» (Дворц. Разр., т. III, стр. 137). Въ рукописяхъ Общаго Архива Министерства Двора Заболоцкій именуется Афанасіемъ Богдановичемъ, между тѣмъ

какъ въ Дворцовыхъ Разрядахъ, всюду — Афанасіемъ Сафонтьевичемъ; придерживаемся послѣдняго имени).

Заболоцкій участвовалъ въ царскомъ походѣ въ Можайскъ 30 Ноября 1649 года (тамъ же, стр. 141), въ село Хорошево 17 Апрѣля 1650 года (тамъ же, стр. 159), въ Звенигородъ 15 Января 1652 года (Тамъ же, стр. 290). Срокъ оставленія имъ должности — 1652—1655 г.

¹¹⁰⁾ 11 Марта 1655 года «пошелъ Государь съ Москвы, въ свою Государеву отчину, въ Смоленскъ, для своего государева и земскаго дѣла», а съ нимъ, въ числѣ прочихъ чиновъ, и «Московскій Ловчей Ооонасіѣ Ивановъ сынъ Матюшкинъ» (Двори. Разр., т. III, стр. 462).

Въ Маѣ 1656 года царь Алексѣѣ Михайловичъ отправился въ походъ для своего «Государеваго и земскаго дѣла», подобно предшествовавшему году, въ Смоленскъ, откуда въ Іюнѣ мѣсяцѣ того же года пошелъ на «недруга своего, на Свѣйскаго (Шведскаго) короля подъ городъ подъ Ригу». Матюшкина и въ этотъ военный походъ онъ взялъ съ собою (Двори. Разр., Дополн. къ III т., стр. 42 и 50). Въ 1658 году «Сентября въ 17 день, на именина Государыни Царицы и Великой Княжны Софіи Алексѣевны, былъ столъ у Государя по передней избѣ».... «у стола жъ пожаловалъ Государь велѣлъ быть столнику и Московскому Ловчему Ооонасію Ивановичу Матюшкину»..... «А послѣ стола жаловалъ Государь столника и Московскаго Ловчаго Ооонасіа Матюшкина за его службу, что онъ былъ съ нимъ Государемъ въ Литовскихъ походехъ шубами и кубками». Матюшкину было даровано: «шуба отласъ золотной, да кубокъ, да къ прежнему окладу придачи 50 рублевъ» (Тамъ же стр. 147).

30 Мая 1672 года «пожаловалъ Государь въ думные дворяне Московскаго Ловчаго Ооонасіа Ивановича Матюшкина» (Двори. Разр., т. III, стр. 889).

4 Октября 1674 года, въ день крестинъ царевны Феодоры Алексѣевны, государь угощалъ водкой, въ числѣ другихъ, и Матюшкина Аѳанасія (Тамъ же, стр. 1063).

Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ получалъ отъ царя и порученія, не относившіяся непосредственно къ кругу его прямыхъ обязанностей, но требовавшія назначенія довѣреннаго лица. Такъ, въ 1674 году «билъ челомъ Великому Государю стряпчей Иванъ Матвѣевъ сынъ Хрушовъ на стряпчаго на Александра Петрова, сына Протасьева, что онъ Александръ на его Великаго Государя дворѣ прошибъ у него Ивана Хрушова кирпичемъ голову. И Великій Государь приказалъ сыскать думному дворянину и Московскаго пути Ловчему Ооонасію Ивановичу Матюшкину». По сыску

виновный былъ битъ батогами, и на немъ было доправлено безчестье вчетверо въ пользу потерпѣвшаго (Тамъ же, стр. 1079).

Въ 1675 году «указалъ Великій Государь хоромы строить, для своего Великаго Государева приходу, въ селѣ Покровскомъ думному дворянину и Ловчему Московскаго пути Ооопасію Ивановичу Матюшкину» (Тамъ же, стр. 1419). Жена Матюшкина нерѣдко бывала при дворѣ на обѣдахъ у великой княгини Наталіи Кириловны (Тамъ же, стр. 1055 и другія).

¹¹⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. 38; см. также письма Алекс. Михайл. къ Матюшкину и Голохвастову.

¹²⁾ Росс. Вивлюэика, т. VIII, стр. 100.

¹³⁾ Такъ, въ письмѣ своемъ, отъ 11 Юня 1650 года, изъ Колязина монастыря царь Алексѣй Михайловичъ, между прочимъ, пишетъ Матюшкину: «А будетъ кречетники наши и сокольники пріѣхали втюхали («вѣроятно въ Тюфели, въ Тюфелеву Рощу, что въ Рогожской части»—Примѣчаніе Безсонова, стр. 43), и вамбы (слово «вамбы» написано рукою царя, вмѣсто зачеркнутаго слова «тебѣ бѣ»—Примѣчаніе издателя, стр. 32) приказать Афонасью Заболотцкому, чтобы ихъ отпустилъ всѣхъ в деревню, а велѣлъ бы имъ быть Юля ко 2-му числу; а будетъ не бывали, и вы не приказывайте; а будетъ приѣдутъ, и вы прикажите» (Собр. писемъ Алекс. Михайл., письмо VI).

До насъ дошелъ слѣдующій интересный документъ:

«Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой сокольникъ Филька Юровъ жалоба Государь мнѣ, Государыни Царицы и Великіе княгини Марыи Плыничны на сына Боярскаго на Любима Ладыженскаго съ дѣтьми въ нынѣшнемъ Государь во 174 году по твоему Великаго Государя указу отпушенъ я холопъ твой въ Гулящую дину и нынѣ Государь Октября въ 31 день отвезъ меня холопа твоего изъ Семеновскаго сторожъ Левка и забѣжалъ за мною холопомъ твоимъ ищейный кобель и того кобеля послалъ я съ тѣмъ же сторожемъ на Потѣшный дворъ. И какъ будетъ тотъ сторожъ Левка въ Кисловкѣ противъ его Любимаго двора и его Любимовы дѣти Микита съ братьями того ищейнаго кобеля учили отбивать и отбили и тотъ кобель прибѣжалъ ко мнѣ холопу твоему на дворъ послѣ того спустя много время и за тѣмъ кобелемъ ко мнѣ холопу твоему къ двору прибѣжалъ сынъ его Любимовъ и того кобеля учалъ имать и я холопъ твой сталъ ему говорить что ты его ловишь тотъ кобель Государева Потѣшнаго Двора ищейной и въ тѣ Государь поры ево Любимовы дѣти учили меня холопа твоего бить дубьемъ и за волосы волочить и увѣчить Государь у меня холопа твоего рукавицы

суконные червчатые да плеть, и впредь Государь отъ него Любима — и отъ дѣтей его впредь проѣзду nebudeтъ Милосердый Царь Государь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ пожалуи меня холопа своего вели Государь того Любима Ладыженскаго и дѣтей его поставить и въ томъ его отбою Любимовыхъ дѣтей допросить и въ моемъ бою и увѣчи».

«Противъ сего челобитья отдана сыскная память». «Въ сыску Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Пльиничны сенной сторожъ Микишка Елизаровъ по Евангельской заповѣди Господней сказалъ шоль де онъ къ товарищу своему къ Лучкѣ Иванову въ Кисловку и у Козмодемьянскіе де рѣшетки противъ Любимова двора Ладыженскаго являетъ сокольникъ сказался а какъ зовуть того онъ Микишка невѣдаетъ налюбимовыхъ дѣтей Ладыженскаго на Микиту съ братьями будто били его сокольника онъ Микита съ братьями а ходитъ де носъ расшибенъ докрови, а самъ де онъ Микишка не видѣлъ кто того сокольника билъ Микитали съ братьями или кто иной, а какъ де сокольникъ объявлялъ и Микита де стоя у воротъ и сокольника бранилъ матерны а говорилъ послѣ брани ты де у меня однорядку изодралъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 176—7174 г.).

«Въ сыску дѣвица Орина Васильева дочь Бачманова хлѣбнаго Дворца подключника Дмитріева племянница Давыдова сказала по Евангельской заповѣди Господней видѣла де она что Любимовы дѣти Ладыженскаго Микита съ братомъ а какъ его зовуть она не вѣдаетъ сокольника били кулаками и заволосы драли а за што у нихъ стало того она не вѣдаетъ».

«А Дмитріева жена Давыдова Авдотья по Евангельской заповѣди Господни сказала какъ де Любимовы дѣти Ладыженскаго Микита съ братомъ сокольника Филипа Юрова (вѣроятно, пропущено слово «били») того она не видала потому что спала а какъ услышала шумъ встала и сокольникъ де Филипъ Юровъ являлъ на Любимовыхъ дѣтей на Микиту съ братомъ что будто его Филипа они (вѣроятно, опять пропущено «били») да и то де она слышала какъ Микита ево Филипа бранилъ всякою бранью».

«Въ сыскужъ трубника Бориса Завьялова жена Авдотья по Евангельской заповѣди Господни сказала какъ Любимовы дѣти Микита съ братьями сокольника билили или нѣтъ, того она сама не видала и слышала отъ работницы своей отъ дѣвки Овдотыцы что Любимовы дѣти Микита съ братьями сокольника Филипа били и заволосы драли. А про мужа своего она Авдотья сказала, что на Москвѣ нѣтъ въ отсылкѣ».

«Въ сыску хлѣбнаго Дворца подключникъ Дмитрій Давыдовъ по Евангельской Заповѣди Господни сказалъ какъ де Любимовы дѣти Ладыженскаго Микита съ

братьями бились или пѣтъ того онъ не видалъ потому что по указу Великаго Государя приставленъ у мельницъ дома мало живетъ а слышалъ отъ жены своей только что Микита де Ладыженской бранилъ сокольника всякою бранью сталъ травить собаку сокольника Филипа Юрова и вышелъ де изъ двора онъ съ плетью и пошелъ ко отцу на него Бориса (?) и вышелъ де изъ двора Любимова сынъ его Микита съ братьями учели бить и за волосы драли а тотъ де сокольникъ ихъ Микиту и братей его небивалъ и небранивалъ».

«Въ сыску трубникъ Гаврило Завьяловъ по Евангельской заповѣди Господни сказалъ какъ де Любимова дѣти Микита съ събратьями сокольника Филипа Юрова били того онъ не видалъ потому что было дневань ево въ Приказѣ а слышалъ онъ отъ жены своей что Любимовы дѣти Микита съ братьями сокольника били, а за что у нихъ стало того жена его невѣдаетъ».

«Въ сыску Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Ильиничны чину сынъ Боярской Иванъ Матвѣевъ сынъ Лестошовъ По Евангельской заповѣди Господни сказалъ шолъ де улицею сокольникъ Филипъ Юровъ съ плетью а за нимъ двѣ собаки и гнался за Любимовымъ сыномъ Ладыженскаго за Борисомъ и какъ де онъ Филипъ будетъ у Любимова двора, и вышелъ де изъ двора сынъ ево Любимовъ Микита и учалъ сокольнику говорить за што де брата моего бьешь и сокольникъ де Микиту толкнулъ въ грудь и Микита де съ братомъ своимъ Игнатемъ учили сокольника бить кулаками и за волосы драли то онъ Иванъ видѣлъ».

«Въ сыску трубника Бориса Завьялова дворовая дѣвка Дунька по Евангельской Заповѣди Господни сказала то де она видѣла Любимовъ сынъ Ладыженскій Борисъ сталъ».

«Въ сыску трубника жена Гаврила Завьялова Оксинья по Евангельской Заповѣди Господни сказала то де она видѣла какъ Любимовы дѣти Ладыженскаго Микита съ братомъ сокольника Филипа Юрова били и за волосы таскали а за что у нихъ стало того она не вѣдаетъ».

«Въ сыску подключника Дмитріевъ человекъ Давыдова Моисейка Афонасьевъ по Евангельской заповѣди Господни сказалъ то онъ видѣлъ какъ Любимовы дѣти Ладыженскаго Никита съ братьями а какъ ихъ зовутъ того онъ не вѣдаетъ сокольника Филипа Юрова били и за волосы драли а за што у нихъ стало и ево Филипа били того онъ Моисѣйка невѣдаетъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 179—174 г.).

Къ сожалѣнію, чѣмъ окончилось это интересное дѣло, мы не знаемъ.

Приводимъ алфавитный списокъ личнаго состава охотъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича, упоминаемаго въ источникахъ, по годамъ:

1613 годъ. Соколыничій и думный дворянинъ Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ.

1614 годъ. Охотникъ ловчаго пути Ябединъ Степанъ; конный псарь Айгустовъ Степанъ; пѣшій псарь Селивановъ Васька; Холмогорскій помытчикъ Гостевъ Тренка.

1615 годъ. Конный псарь Левлевъ Константинъ; ястребникъ Бакинъ Истома.

1616 годъ. Конный псарь Яковлевъ Яковъ; пѣшіе псаря: Гавриловъ Климка, Дмитріевъ Афонька, Дрозжинъ Ивашка, Ивановъ Ждапко, Корчминъ Кондрашка, Неустровъ Васька, Фадѣевъ Нехорошка, Федоровъ Ждапко. Кречетники и ястребники: Бакинъ Истома, Карповъ Василій, Прямовъ Оедоръ, Савеловъ Петръ, Сычевъ Остафій, Устиновъ Григорій.

1617 годъ. Охотникъ ловчаго пути Перфуровъ Степанъ; Двинскіе помытчики: Ботевъ Михалка, Офугинъ Давыдка.

1618 годъ. Соколыничій и думный дворянинъ Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ; Тверской ловчій Григорій Григорьевичъ Маматовъ; псовникъ Усовъ Василій; охотники ловчаго пути: Айгустовъ Степанъ, Басковъ Григорій, Бундовъ Бажень, Евсевьевъ Константинъ, Опочининъ Богданъ, Перхуровъ Кирилль, Теряевъ Иванъ, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ, Ябединъ Степанъ; пѣшіе псаря: Емельяновъ Сенька, Ивановъ Васька; кречетники: Лодыгинъ Иванъ, Масловъ Посникъ, Паскинъ Михайло, Петровъ Борисъ, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Яковъ; соколыники: Гребенкинъ Микита, Ковалевъ Гаврила, Мясоѣдовъ Сава, Рыкуновъ Данило; ястребники: Григорьевъ Иванъ, Григорьевъ Розгильдѣй, Стоговъ Федоръ, Устиновъ Федоръ. Кречетники и ястребники (неизвѣстно, кто кречетникъ и кто ястребникъ): Гребенкинъ Юрій, Мясоѣдовъ Михайла, Рыкуновъ Федоръ, Савеловъ Онкундиинъ, Савеловъ Федоръ, Тоболинъ Афонасей, Тоболинъ Федоръ, Чернцовъ Иванъ.

1619 годъ. Соколыничій и думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ; Тверской ловчій Григорій Григорьевичъ Маматовъ; охотники ловчаго пути: Опочининъ Богданъ, Теряевъ Иванъ, Усовъ Наумъ; конные псаря: Варакинъ Олферъ, Горнастай Петрушка, Ивановъ Петръ, Молчановъ Петръ, Олтуфьевъ Константинъ, Филишовъ Богданъ; пѣшій псарь Корчминъ Кондрашка; кречетники: Петровъ Иванъ, Чернцовъ Неустрой.

1620 годъ. Соколыничій и думный дворянинъ Гаврила Григорьевичъ Пушкинъ; охотники ловчаго пути: Архаровъ Данила, Архаровъ Михайло, Айгустовъ Степанъ, Баскаковъ Григорій, Баскаковъ Федоръ, Евскій Петръ, Опочининъ Богданъ, Патрикѣевъ Кирилль, Перхуровъ Кирилль, Перхуровъ Степанъ, Салицынъ Григорій, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ; приказчики борзыхъ собакъ или псаренные и корытные приказчики: Корчминъ Кондратъ, Павловъ Мартынъ; конные псаря: Алексѣевъ Семень,

ВЕРНУВШИСЬ КЪ МОСКВѢ БѢЛОКАМЕННОЙ,
КЪ ДВОРУ СВОЕМУ ЗЛАТОВЕРХОМУ,
ПРИХОДИЛЪ ГОСУДАРЬ — НЕ ОТКЛАДЫВАЛЪ —
ВЪ ТЕРЕМА КЪ ГОСУДАРЫНѢ ЛАСКОВОЙ,
ЧТО СВОЕЙ ЛИ НАТАЛЬѢ КИРИЛОВНѢ,

Барановъ Андрей, Богдановъ Прокофій, Болховитинъ Федоръ, Бурцо Кондратъ, Вараксинъ Олферъ, Власовъ Тарасъ, Волковъ Тимофей, Горностаѣ Петръ, Горяиновъ Григорій, Дмитриевъ Григорій, Дрозжинъ Иванъ, Елдезинъ Микита, Жуковъ Сава, Ивановъ Григорій, Карцовъ Иванъ, Корчминъ Иванъ, Корчминъ Кондратъ, Корчминъ Филипъ, Кузьминъ Иванъ, Кузьминъ Жданко, Курбатовъ Андрей, Левонтьевъ Нестеръ, Лишкинъ Олферъ, Мартыновъ Федоръ, Матвѣевъ Власъ, Матвѣевъ Григорій, Молчановъ Осипъ, Молчановъ Петръ, Молчановъ Тимоха, Мордвиновъ Иванъ, Муромцовъ Спиридонъ, Нефедьевъ Романъ, Нехорошій Венедиктъ, Озорной Богданъ, Олтуфьевъ Константинъ, Пантелѣевъ Сергѣй, Позняковъ Афонасей, Прокофьевъ Девятый, Развалигородовъ Иванъ, Санинъ Иванъ, Селивановъ Василей, Слотовъ Тимофей, Слотовъ Федоръ, Софоновъ Иванъ, Софоновъ Суугуръ, Спиридонъ Богданъ, Степановъ Бажень, Сысоевъ Онофрей, Сычевъ Семень, Трофимовъ Исакъ, Трофимовъ Степанъ, Ульяновъ Третьякъ, Федоровъ Артамонъ, Филиповъ Богданъ, Филиповъ Иванъ, Юрьевъ Павелъ, Яковлевъ Андрей, Яковлевъ Петръ, Яковлевъ Спиридонъ, Яковлевъ Яковъ; пѣшіе псарі: Артамоновъ Ивашка, Баженовъ Петрушка, Васильевъ Стенка, Васильевъ Тереха, Васильевъ Терешка (вѣроятно, 2-й, такъ какъ оба въ одномъ спискѣ), Дешинъ Гришка, Дмитриевъ Афонька, Дрозжинъ Ивашка, Ивановъ Ивашка, Ивановъ Митька, Ивановъ Жданко, Ивановъ Васька, Игнатьевъ Ивашка, Омеляновъ Сенька, Орѣшниковъ Тимоха, Павловъ Кириль, Семеновъ Савка, Семеновъ Онисимъ, Тимофѣевъ Ивашка, Трофимовъ Ивашка, Фаддѣевъ Нехорошко, Федоровъ Тарасъ, Юрьевъ Ивашка, Юрьевъ Марко; кречетникъ Тоболинъ Яковъ; сокольникъ Гребенкинъ Данило.

1621 годъ. Тверской ловчій Григорій Григорьевичъ Маматовъ; псовники: Усовъ Василій Федоровичъ, Ябединъ Степанъ Прокофьевичъ; охотники ловчаго пути: Архаровъ Михайло, Архаровъ Данила, Архаровъ Иванъ, Айгустовъ Степанъ, Баскаковъ Григорій, Баскаковъ Федоръ, Евскій Петръ, Опочининъ Богданъ, Патрекѣевъ Кириль, Перхуровъ Кириль, Перхуровъ Степанъ, Салицынъ Григорій, Теряевъ Иванъ, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ, Усовъ Алексѣй; конные псарі: Алексѣевъ Семень, Богдановъ Прокофій, Вараксинъ Олферъ, Горностаѣ Петръ, Горяиновъ Григорій, Дмитриевъ Григорій, Дрозжинъ Иванъ, Елдезинъ Микита, Жуковъ Сава, Ивановъ Кириль, Ивановъ Григорій, Карцовъ Иванъ, Козьминъ Иванъ, Корчминъ Кондратъ, Корчминъ Иванъ, Кузьминъ Иванъ, Кузьминъ Жданко, Курбатовъ Андрей, Левонтьевъ Нестеръ, Лишкинъ Олферъ, Мартыновъ Федоръ, Матвѣевъ Власъ, Молчановъ Петръ, Молчановъ Осипъ, Мордвиновъ Иванъ, Муромцовъ Спиридонъ, Нехорошій Венедиктъ, Никифоровъ Арефа, Озорной Богданъ, Олтуфьевъ Константинъ, Позняковъ Афонасей,

Прокофьевъ Девятый, Развалигородовъ Иванъ, Санинъ Иванъ, Сафоновъ Сунгуръ, Сафоновъ Иванъ, Селивановъ Василей, Слотовъ Федоръ, Спиридоновъ Богданъ, Степановъ Божень, Сысоевъ Аннѣрей, Сычевъ Семень, Трофимовъ Степанъ, Трофимовъ Псакъ, Ульяновъ Третьякъ, Черной Спиря, Федоровъ Тарасъ, Федоровъ Артамонъ, Филиповъ Богданъ, Филиповъ Иванъ, Юрьевъ Павель, Яковлевъ Обращъ, Яковлевъ Яковъ, Яковлевъ Спиридонъ, Яковлевъ Андрей; приказчики борзыхъ собакъ: Корчминъ Кондратъ, Павловъ Мартынъ; пѣшіе псаря: Артамоновъ Ивашка, Боженовъ Петрушка, Васильевъ Степка, Дешинъ Гришка, Дрозжинъ Ивашка, Дылдинъ Терешка, Ивановъ Васька, Ивановъ Ивашка, Ивановъ Жданко, Ивановъ Митъка, Псаковъ Ивашка, Корчминъ Кондрашка, Омеляновъ Сенька, Орѣшниковъ Тимоха, Семеновъ Онисимка, Семеновъ Савка, Семеновъ Оксенка, Тимофѣевъ Ивашка, Трофимовъ Ивашка, Фадѣевъ Нехорошка, Федоровъ Тарасъ, Юрьевъ Марко, Юрьевъ Ивашка; кречетники: Бакинъ Истома, Лучниковъ Василій, Лушхинъ Иванъ (прозвище Мурать), Масловъ Бурнашъ, Масловъ Оадѣй, Микулинъ Иванъ, Микулинъ Лавринъ, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Яковъ, Тоболинъ Сергѣй, Улановъ Олексѣй, Черцовъ Константинъ, Черцовъ Овонасей, Черцовъ Неустрой, Юрьевъ Олексѣй; ястребникъ Черцовъ Константинъ; сокольникъ Гребенкинъ Данила.

1622 годъ. Псовники: Усовъ Василій Федоровичъ, Ябединъ Степанъ; конные псаря: Ивановъ Кирилъ, Корчминъ Кондратъ, Корчминъ Иванъ, Кузьминъ Иванъ, Сафоновъ Иванъ; пѣшіе псаря: Васильевъ Степанка, Дементьевъ Гришка, Дрозжинъ Иванъ, Ивановъ Васька, Ивановъ Жданко, Исавъ Ивашка, Наумовъ Петрушка, Омеляновъ Семейка, Семснновъ Савка, Семеновъ Онисимка, Трафимовъ Митъка, Юрьевъ Марко; кречетники: Рыкуновъ Федоръ, Тоболинъ Яковъ; сокольники: Гребенкинъ Данила, Гребенкинъ Иванъ, Корякинъ Смирной; ястребники: Григорьевъ Богданъ, Григорьевъ Розгильдей, Масловъ Бурнашъ, Устиновъ Григорій; Переяславль-Залѣсскій помѣтчикъ Оминъ Трофимка.

1623 годъ. Конные псаря: Ивановъ Кирилка, Микифоровъ Орифейка, Толстовъ Семейка; ястребникъ Савеловъ Петръ; кречетники и ястребники: Григорьевъ Богданъ, Корякинъ Смирной, Масловъ Бурнашъ, Устиновъ Григорій.

1624 годъ. Псовники: Усовъ Василій, Ябединъ Степанъ; охотники ловчаго пути: Айгустовъ Степанъ, Архаровъ Борисъ, Архаровъ Михайла, Архаровъ Данила, Архаровъ Иванъ, Баскаковъ Иванъ, Григорьекъ Федоръ, Григорьевъ Иванъ Федоровъ, Евскій Петръ, Патрекѣевъ Кирилъ, Перхуровъ Кирилъ, Перхуровъ Степанъ, Салицынъ Григорій, Теряевъ Иванъ, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ, Усовъ Алексѣй; кречетники: Петровъ Иванъ, Рыкуновъ Федоръ, Тоболинъ Яковъ; сокольники: Ми-

кулинъ Иванъ, Мясоѣдовъ Семень, Рыкуновъ Гаврила; ястребники: Бакинъ Истома, Масловъ Фадѣй, Стоговъ Лазарь, Чернцовъ Иванъ, Чернцовъ Федоръ; Переяславль-Залѣсскій помытчикъ Ооминъ Трофимка.

1625 годъ. Конные псари: Корчминъ Иванъ, Корчминъ Кондратъ; слоновщики (арапы): Тчанкъ-Фаталанкъ, Фотулъ-Мамутовъ, Чанъ-Ивранмовъ; кречетники и ястребники: Григорьевъ Богданъ, Ковалевъ Иванъ, Коноплевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Петровъ Тимофей, Савсловъ Богданъ, Устиновъ Григорій, Фофановъ Иванъ.

1626 годъ. Ловчаго пути (начальный?) Тимофей Васильевичъ (или Ивановичъ) Усовъ; охотникъ ловчаго пути Титовъ Алексѣй; конные псари: Васильевъ Стенка, Санинъ Иванъ; пѣшій псарь Омеляновъ Сенка; слоновщикъ Тчанъ.

1627 годъ. Ловчаго пути Тимофей Ивановичъ Усовъ; пѣшій псарь Юрьевъ Марко; кречетникъ Марковъ Иванъ Петровъ.

1628 годъ. Ловчаго пути Тимофей Ивановичъ Усовъ; сокольничья пути (тоже начальный?) Истома Воейковъ; конные псари: Васильевъ Степанъ, Молчановъ Осипъ; кречетники, сокольники и ястребники: Бакинъ Истома, Калининъ Романъ, Луцухинъ Муратъ, Масловъ Бурнашъ, Масловъ Фадѣй, Марковъ Обросимъ, Микулинъ Иванъ, Микулинъ Ларіонъ, Мясоѣдовъ Савва, Петровъ Карпъ, Петровъ Степанъ, Сычевъ Юрій, Улановъ Алексѣй, Чернцовъ Константинъ, Чернцовъ Афанасій, Чернцовъ Наумъ, Юровъ Алексѣй.

1629 годъ. Птичій стрѣлокъ Быковскій Псакъ; кречетники: Гребенкинъ Борисъ, Дмитріевъ Андрей, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Оедоръ, Тоболинъ Оедоръ Меркурьевъ (разныя лица, ибо означены въ одномъ спискѣ), Чернцовъ Алексѣй; сокольники: Гребенкинъ Микита, Гребенкинъ Данила, Доброховскій Игнатій, Савеловъ Григорій, Рыкуновъ Данила, Рыкуновъ Гаврила, Угренинъ Василій; ястребники: Григорьевъ Розгильдѣй, Григорьевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Стоговъ Лазарь, Устиновъ Григорій, Чаплыгинъ Василій.

1630 годъ. Охотники ловчаго пути: Архаровъ Михайло, Архаровъ Михайло Михайловъ сынъ, Архаровъ Борисъ, Архаровъ Данила, Архаровъ Иванъ, Баскаковъ Иванъ, Баскаковъ Иванъ Григорьевъ, Баскаковъ Иванъ Федоровъ, Корчминъ Иванъ, Перхуровъ Кирила, Перхуровъ Степанъ, Солицынъ Григорій, Титовъ Алексѣй, Усовъ Наумъ, Усовъ Алексѣй, Усовъ Безсонъ, Ябединъ Иванъ; конные псари: Бровкинъ Евсюкъ, Васильевъ Стенка, Варакинъ Оедоръ, Горяиновъ Григорій, Дрозжинъ Ивашка, Жуковъ Сава, Ивановъ Гришка, Ивановъ Кирюшка, Камайдѣевъ Власть, Карцовъ Иванъ, Кузьминъ Жданко, Курбатовъ Андрей, Лотовъ Оедоръ, Мартыновъ Оедка, Мартыновъ Васка, Михайловъ Мишка, Молчановъ Осипъ, Молчановъ Петръ,

Молчановъ Андрей, Муромцовъ Спиридонко, Никифоровъ Гришка, Озорной Богданъ, Онтуфьевъ Костянтинъ, Павловъ Сережка, Позняковъ Офонасій, Сафоновъ Сунгуръ, Селивановъ Иванъ, Спиридоновъ Богдашка, Трофимовъ Исачко, Труфановъ Митка, Уляшовъ Тренка; кречетники: Гребенкинъ Борисъ, Дмитріевъ Андрей, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Оедоръ, Тоболинъ Оедоръ Меркурьевъ, Чернцовъ Алексѣй; сокольники: Гребенкинъ Микита, Гребенкинъ Данила, Доброховскій Игнатій, Савеловъ Григорій, Рыкуновъ Данила, Рыкуновъ Гаврила, Угренинъ Василій; ястребники: Григорьевъ Розгильдѣй, Григорьевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Стоговъ Лазарь, Устиновъ Григорій, Чаплыгинъ Василій.

1631 годъ. Кречетники: Гребенкинъ Борисъ, Дмитріевъ Андрей, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Оедоръ, Тоболинъ Оедоръ Меркурьевъ, Чернцовъ Алексѣй; сокольники: Гребенкинъ Микита, Гребенкинъ Данила, Доброховскій Игнатій, Савеловъ Григорій, Рыкуновъ Данила, Рыкуновъ Гаврила, Угренинъ Василій; ястребники: Григорьевъ Розгильдѣй, Григорьевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Стоговъ Лазарь, Устиновъ Григорій, Чаплыгинъ Василій; кречетники и сокольники: Андреяновъ Григорій, Малышинъ Ратманъ, Марковъ Замятня, Микулинъ Ларіонъ, Рукинъ Леонтій, Чаплыгинъ Иванъ.

1632 годъ. Конные псаріи: Псаевъ Иванъ, Меркуловъ Алексѣй, Молчановъ Петръ, Муромцовъ Спиридонъ; кречетники: Гребенкинъ Борисъ, Дмитріевъ Андрей, Петровъ Иванъ, Тоболинъ Федоръ, Тоболинъ Федоръ Меркулевъ, Чернцовъ Алексѣй; сокольники: Гребенкинъ Микита, Гребенкинъ Данила, Доброховскій Игнатій, Савеловъ Григорій, Рыкуновъ Данила, Рыкуновъ Гаврила, Угренинъ Василій; ястребники: Григорьевъ Розгильдѣй, Григорьевъ Богданъ, Коноплевъ Дмитрій, Стоговъ Лазарь, Устиновъ Григорій, Чаплыгинъ Василій; Двинской помытчикъ Лукьяновъ Михайло.

1634 годъ. Конные псаріи: Курбатовъ Андрей, Леонтьевъ Игнатій, Меркулевъ Алексѣй, Семеновъ Яковъ; пѣшій псарь Степановъ Герасимка; кречетники, сокольники и ястребники: Ковалевъ Иванъ, Петровъ Алексѣй, Стоговъ Лазарь, Чаплыгинъ Иванъ, Чернцовъ Исая, Чернцовъ Григорій, Шахматовъ Василій ровъ Алексѣй, Томилъ.

1635 годъ. Ловчій съ путемъ Иванъ Оедоровичъ Левонтьевъ; кречетники, ястребники и сокольники: Бакинъ Истома, Вороновскій Матвѣй, Гребенкинъ Борисъ, Григорьевъ Иванъ, Емельяновъ Мартышъ, Коноплевъ Богданъ, Петровъ Данила, Рукинъ Леонтій, Савеловъ Иванъ, Устиновъ Григорій, Фофоновъ Иванъ, Чаплыгинъ Герасимъ, Чернцовъ Наумъ, Чернцовъ Василій, Шахматовъ Максимъ.

1636 годъ. Ловчій Иванъ Ѳедоровичъ Левонтьевъ; конные псари: Ивановъ Григорій, Меркулевъ Алексѣй; пѣшіе псари: Афанасьевъ Елистрашка, Яковлевъ (Путивлецъ) Ивашка.

1637, 1638 и 1639 года. Ловчій Иванъ Ѳедоровичъ Левонтьевъ.

1640 годъ. Ловчій Иванъ Ѳедоровичъ Левонтьевъ; Переяславль-Залѣсскіе помытчики: Корнилевъ Михаилъ, Новиковъ Тихонъ, Ооминъ Трофимка.

1641 годъ. Ловчій Иванъ Ѳедоровичъ Левонтьевъ.

1642 годъ. Переяславль-Залѣсскій помытчикъ Ооминъ Трофимка.

1644 годъ. Охотники ловчаго пути: Аристовъ Яковъ Ивановъ, Архаровъ Василій Михайловъ, Архаровъ Иванъ Ивановъ, Баскаковъ Кондратій Григорьевъ, Берновъ Лаврентій Петровъ, Головцынъ Семень Гавриловъ, Молчановъ Осипъ Кириловъ, Молчановъ Петръ Тимофѣевъ, Невѣровъ Тимофей Семеновъ, Перхуровъ Иванъ Кириловъ, Позняковъ Афанасій Григорьевъ, Солыцынъ Иванъ Микифоровъ, Теряевъ Иванъ Андреевъ, Теряевъ Еремей Ивановъ, Усовъ Алексѣй Васильевъ, Усовъ Наумъ Спиридоновъ, Ябединъ Иванъ Степановъ; звѣровщики: Зерцаловъ Сила, Ивановъ Степанъ, Терентьевъ Семень; помѣстные псари: Айгустовъ Сергѣй, Гриневъ Тимофей, Гриневъ Кузьма, Елдетинъ Никонъ, Коняевъ Григорій, Курбатовъ Андрей, Малчинъ Иванъ, Меркулевъ Алексѣй, Сафоновъ Иванъ, Сафоновъ Яковъ, Табалинъ Богданъ, Юдинъ Андрей, Ярцовъ Михаилъ; хлѣбные псари: Агѣевъ Тимофей, Азарной Микифоръ Кусьминъ, Азарной Богданъ Петровъ, Акпшевъ Власть Ивановъ, Андреевъ Микита, Анисимовъ Осипъ, Бровкинъ Евсевій Евсевьевъ, Будаевъ Павелъ Васильевъ, Буколовъ Дементій Тимофѣевъ, Буколовъ Петръ Тимофѣевъ, Васильевъ Антипъ, Волковъ Тимофей Ларионовъ, Даниловъ Давыдъ, Дрозжинъ Иванъ Ивановъ, Дрозжинъ Ѳедоръ Микитинъ, Дылдинъ Терентій Васильевъ, Ермаковъ Борисъ, Завьяловъ Дмитрій Савельевъ, Ивановъ Григорій, Исаевъ Иванъ, Исаевъ Микита, Касимовъ Игнатій Леонтьевъ, Кляпушковъ Михайла Михайловъ, Колокольцовъ Михаилъ Васильевъ, Максимовъ Микифоръ, Молчановъ Любимъ Петровъ, Молчановъ Иванъ Петровъ, Оксеновъ Артемій, Остафьевъ Потапъ, Павловъ Иванъ, Позняковъ Исай Григорьевъ, Рышковъ Семень Агѣевъ, Семеновъ Оксень, Степанъ Левонтій, Степановъ Григорій, Степановъ Сава, Тещинъ Богданъ Спиридоновъ, Трифоновъ Дмитрій, Іевлевъ Михѣй, Ульяновъ Агѣй Третьяковъ, Федоровъ Василій, Чернойъ Спиридонъ Яковлевъ, Шаховъ Василій Осиповъ, Яковлевъ Андрей, Яковлевъ Семень; конный псарь Шевелевъ Микита; корытные приказчики: Васильевъ Степанъ, Луковниковъ Власть Матвѣевъ; пѣшіе псари: Арѣшниковъ Иванъ Тимофѣевъ, Бедерка Ѳедоръ Степановъ, Гиринъ Герасимъ Степановъ, Гордѣевъ Игнатій, Дешинъ

Ефимъ Григорьевъ, Дмитріевъ Прокофій, Дрыжынекъ Петръ Ортемьевъ, Ивановъ Сафонъ, Ивановъ Ѳедотъ, Косой Степанъ Васильевъ, Ларіоновъ Романъ, Моѳевъ Овдокимъ, Нагиба Григорій Ивановъ, Назарьевъ Борисъ, Новиковъ Иванъ Матвѣевъ, Олексѣевъ Данила, Олексѣевъ Максимъ, Ориновъ Терентій, Офонасьевъ Елистратъ, Офонасьевъ Иванъ, Павловъ Петръ, Пиголевъ Борисъ Васильевъ, Почитай Антонъ Ивановъ, Почитай Иванъ Ивановъ, Путимецъ Иванъ Яковлевъ, Романовъ Павелъ, Свистунъ Григорій Степановъ, Семеновъ Оцлипъ, Сидоровъ Титъ, Сафоновъ Макарь, Сторожевъ Михѣй Ивановъ, Сторожевъ Ѳедоръ Ивановъ, Шараповъ Степанъ Васильевъ, Яковлевъ Маркъ; наварники: Ершъ Гаврила Ивановъ, Лазаревъ Ортемій, Олексѣевъ Ондрей, Семеновъ Григорій, Тарасовъ Тимофей, Троѳимовъ Григорій, Харитоновъ Кирилъ.

1645 годъ. Сокольникъ Псаія Чернцовъ.

1646 годъ. Московскій ловчій Иванъ Леонтьевъ; конные псари: Будаевъ Павелъ, Псаевъ Иванъ, Меркулевъ Алексѣй, Молчановъ Любимъ, Озорной Никифоръ, Чарка Сенка, Шаховъ Василій, Шевелевъ Никита, Шевелевъ Дмитрій, Власка; пѣшій псарь Марчка.

1647 годъ. Московскій ловчій Иванъ Леонтьевъ; охотникъ ловчаго пути Молчановъ Осипъ; конные псари: Акишевъ Власъ, Будаевъ Павелъ, Буколовъ Дементій, Молчановъ Любимъ, Молчановъ Матвѣй, Озорной Никифоръ, Озорной Яковъ, Яковлевъ Андрей; пѣшіе псари: Афанасьевъ Ивашка, Косовъ Стенка, Рындинъ Данилка, Сторожевъ Федка, Тарасовъ Тимошка, Яковлевъ Марчка; птичьи стрѣлки: Быковъ Псаі, Таракановъ Игнатій; сокольники: Володинъ Иванъ, Камчатовъ Дмитрій, Коноплевъ Василій, Константинъ Родіонъ, Мисюревъ Дмитрій, Огонковъ, Патрекѣевъ Митрофанъ, Чернцовъ Иванъ, Шатиловъ Иванъ; клобучечный мастеръ при кречатнѣ Дмитріевъ Ивашка.

1648 годъ. Псовникъ Петръ Жадовскій; звѣровщикъ Сила Зерцаловъ; охотники ловчаго пути: Аристовъ Осипъ, Головцынъ Семень, Меркур(л?)евъ Алексѣй, Невѣровъ Тимофей, Теряевъ Еремей, Ябединъ Иванъ; конные псари: Будаевъ Павелъ, Гордѣевъ Игнатій, Даниловъ Давыдъ, Дрозжинъ Федоръ, Псаевъ Иванъ, Молчановъ Любимъ, Озорной Яковъ, Озорной Никифоръ, Шевелевъ Никита, Яковлевъ Андрей; пѣшіе псари: Ивановъ Сафенка, Сафеновъ Макарка, Свистуновъ Гришка, Тарасовъ Тимошка; конные и пѣшіе псари: Ивановъ Ѳедоръ, Маѳевъ Евдокимъ, Молчановъ Матвѣй Осиповъ, Молчановъ Иванъ Осиповъ, Онисимовъ Игнатій, Терентьевъ Семень; сокольники: Гребенкишъ Иванъ Даниловъ, Останковъ Ивашка, Тоболшнъ Михѣйко.

АМОКИШЪ

Влезно съ ней обнималась — здоровалась,
И сажалъ Государь, чхмьлькуньсь,
На колѣни меньшаго царевича,
Государя Петра Алексѣвича;

1649 годъ. Московскій ловчій Афанасій Сафонтьевичъ Заболоцкій; охотники ловчаго пути: Молчановъ Михаилъ, Невѣровъ Тимофей, Пархуновъ Иванъ, Усовъ Алексѣй; конные псари: Будаевъ Павелъ, Исаевъ Иванъ, Исаевъ Никита, Молчановъ Любимъ, Озорной Никита. Кречетникъ Григорьевъ Иванъ; сокольники: Бабшъ Борисъ, Григорьевъ Тимофей, Дѣевъ Автономъ, Зайцевъ Опьлка, Камчатовъ Дмитрій, Камчатовъ Александръ, Клѣинъ (Кельинъ?) Игнатій, Коноплинъ Василій, Константиновъ Родивонъ, Корчминъ Иванъ, Мисюревъ Яковъ, Рудаковъ Семень, Собакинъ Кирсанъ, Тулубьевъ Артамонъ, Хомяковъ Петръ, Чириковъ Григорій, Шатиловъ Иванъ, Ярцовъ Филипъ.

1650 годъ. Московскій ловчій Афанасій Сафонтьевичъ Заболоцкій; подсокольничій Петръ Хомяковъ; охотникъ ловчаго пути Теряевъ Еремей; сокольники: Григорьевъ Ивашка, Ерофѣевъ Мишка, Кельинъ Игнашка, Кельинъ Андрюшка, Кельинъ Афанасій, Кошелевъ Артемъ, Семеновъ Мишка, Собакинъ Кирсанка, Строгальниковъ Мишка, Тоболинъ Парюшка, Тоболинъ Михѣйка, Ярышкинъ Ивашка.

1651 годъ. Охотники ловчаго пути: Берновъ Лаврентій, Корчминъ Василій, Меркульевъ Алексѣй, Молчановъ Петръ, Молчановъ Матвѣй, Молчановъ Михайла, Молчановъ Осипъ, Невѣровъ Тимофей, Позняковъ Афанасій, Перхуровъ Иванъ, Теряевъ Максимъ, Усовъ Алексѣй; конные псари: Акпшевъ Власъ, Анисимовъ Осипъ, Бровкинъ Евсеvій, Будаевъ Павелъ, Буколовъ Дементій, Гордѣевъ Игнатій, Даниловъ Давыдъ, Дрозжинъ Федоръ, Дрозжинъ Иванъ, Звѣровщиковъ Семень, Зоринъ Петръ, Ивановъ Афанасій, Ивановъ Григорій, Ивановъ Антипъ, Ивлевъ Михѣй, Исаевъ Никита, Кланпошниковъ Михайла, Клопшевъ Василій, Колокольниковъ Михайла, Логуновъ Иванъ, Матвѣевъ Федоръ, Матвѣевъ Исакъ, Мининъ Герасимъ, Молчановъ Фаддѣй, Молчановъ Иванъ, Молчановъ Любимъ, Озорной Никифоръ, Озорной Яковъ, Остафьевъ Потапъ, Павловъ Иванъ, Пахомовъ Лука, Петровъ Тихонъ, Петровъ Федоръ, Позняковъ Исай, Похиревъ Сергѣй, Свистуновъ Григорій, Семеновъ Сомойла, Степановъ Григорій, Степановъ Сава, Степановъ Иванъ, Спиридоновъ Исакъ, Спиридоновъ Богданъ, Фроловъ Терентій, Ябединъ Иванъ, Яковлевъ Андрей; корытные приказчики: Васильевъ Степанъ, Исаевъ Иванъ; птичьи стрѣлки: Быковскій Исай, Таракановъ Игнатій.

1652 годъ. Московскій ловчій Афанасій Сафонтьевичъ Заболоцкій; кречетникъ Чекинъ Семень; птичьи стрѣлки: Быковскій Исай, Самойловъ Гаврила, Таракановъ Игнатій.

1653 годъ. Птичьи стрѣлки: Быковскій Исай, Самойловъ Гаврила, Таракановъ Игнатій; сокольники: Арчаковъ Митъка, Бабинъ Борисъ, Гриневъ Ивашка, Камча-

товъ Дмитрій, Кислинскій Карпуша, Корчминъ Иванъ, Кѣльинъ Афонька, Лабутинъ Власка, Мисюревъ (Яковъ?), Плещеевъ Никита, Салтановъ Стенька, Тоболинъ Михѣй, Чириковъ Григорій, Юровъ Васка, Ярофѣевъ Мишка, Ярофѣевъ Ивашка; помытчикъ (какой?) Кельинъ Игнатій.

1654 годъ. Кречетники: Чаплыгинъ Иванъ, Чернцовъ Алексѣй; сокольники: Григорьевъ Акиноерка, Гриневъ Ивашка, Ильинъ Ивашка, Коноплевъ Васька, Кошелевъ Федка, Ломакинъ Анисимка, Масловъ Кирюшка, Микулинъ Наумъ, Патрѣевъ Митрошка, Петровъ Матюшка, Петровъ Данила, Реутовъ Сидорка, Юровъ Ивашка.

1655 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; конные псары: Андреевъ Петръ, Мат Исай, (вѣроятно, Матвѣевъ, смотри 1651 годъ), Степановъ Иванъ, Фроловъ Терентій, Чернцовъ Федоръ, Иванъ, Игнатъ, Михѣй, Власъ; пѣшіе псары: Алексѣевъ Данила, Григорьевъ Матвѣй, Елизаревъ Семень, Онд Гаврила, Сафонъ, Герасимъ; сокольники: Бабинъ Борисъ, Григорьевъ Акинфейка, Григорьевъ Левонтій, Григорьевъ Ивашка, Ерофѣевъ Мишка, Ивановъ Ларивонъ, Кельинъ Прошка, Корсаковъ Васка, Кошелевъ Федька, Масловъ Кирюшка, Петровъ Митюшка, Реутовъ Сидорка, Соло Ивашка, Теряевъ Ивашка, Тоболинъ Михѣй, Юровъ Васка, Юровъ Ивашка, Тихонъ, Митрошка; Сибирскіе кречаты помытчики: Итѣевъ Тенѣй, Итѣевъ Кучусъ Маметь, Кадауловъ Беметь, Кизылбаевъ Кочюгай.

1656 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ.

1657 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; птицы стрѣлки: Самойловъ Ганка, Таракановъ Игнашка; кречетникъ Ярышкинъ Иванъ; ястребники: Алексѣевъ Муратъ, Сергѣевъ Алексѣй; сокольники: Назаревъ Сергѣй, Тоболинъ Пароеній, Тулубьевъ Терентій; Ростовскій соколій помытчикъ Илѣшивовъ Константинъ.

1658 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Гавердовскій Карпъ, Григорьевъ Карпъ, Зуѣ Федоръ; Ермолинскіе сокольники: Коноплевъ Иванъ, Коноплавъ Неустрой, Лукьянъ Карпъ, Молчановъ Романъ, Никитинъ Терентій; Ермолинскіе ястребники: Алексѣевъ Кондратій, Антипьевъ Яковъ, Никитинъ Самойла, Сергѣевъ Алексѣй; Ермолинскіе соколы и ястребы робята: Брезгинъ Ивашка, Григорьевъ Плюшка, Коноплевъ Мишка, Коноплевъ Кондрашка, Кузьминъ Филька, Маркиловъ Емелька, Маркиловъ Доронька, Микитинъ Тшшка, Молчановъ Стенька, Романовъ Сенька, Тихановъ Андрюшка, Тихановъ Ма-

карка; Ростовскій соколій помытчикъ Плѣшизовъ Константинъ; Тобольскіе кречаты помытчики: Ильчибаевъ Кулмаметка, Янгитовъ Чечневъ.

1659 годъ. Московскій ловчій Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; пѣшіе псари: Гавриловъ Лугачъ, Полежаевъ Иванъ; сокольники: Ерофѣевъ Михайла, Сидоровъ Аникѣй.

1660 годъ. Московскій ловчій Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Алексѣевъ Кондратій, Бабинъ Родька, Брезгинъ Иванъ, Григорьевъ Карпъ, Дорофѣевъ Фома, Ерофѣевъ Михайла, Ерофѣевъ Микита, Зуй Федоръ, Ильинъ Хорошай, Казаковъ Тихонъ, Карповъ Кузьма, Козловъ Артемій, Коноплевъ Иванъ 1-й, Коноплевъ Иванъ 2-й, Коноплевъ Михайла, Коноплевъ Кондратій, Кузьминъ Филипъ, Лукьяновъ Карпъ, Мамошинъ Прокофій, Маркеловъ Омелянъ, Микулинъ Наумъ, Молчановъ Романъ, Никитинъ Терентій, Романовъ Семень, Романовъ Степанъ, Шулгинъ Прохоръ; ястребники: Антипинъ Яковъ, Никитинъ Самойла, Сергѣевъ Алексѣй; состоялъ при кречатнѣ Кулмаметовъ Овесбахъ; Архангельскіе кречаты помытчики: Аникѣевъ Гришка, Афанасьевъ Васька, Власовъ Петрушка, Григорьевъ Ивашка, Гурьевъ Трошка, Ефимовъ Климка, Ивановъ Мирошка, Ивановъ Васька, Ивановъ Афонька, Кустовъ Мишка, Каркавцевъ Осташка, Марковъ Ивашка Григорьевъ, Матвѣевъ Акимка, Семеновъ Федька, Срыковъ Сенька; Сибирскіе кречаты помытчики: Вазминъ Елеска, Карташевъ Федька, Карташевъ Давыдка, Ожгибѣсовъ Анисимка, Рѣшетниковъ Митька; Двинскіе кречаты помытчики: Жилинъ Алешка (съ товарищами, 10 человѣкъ).

1661 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; корытный приказчикъ псовой охоты Фроловъ Терентій; медвѣдчикъ Ѳедотовъ Анкудинка; сокольникъ Ерофѣевъ Михайла; Тобольскій кречатій помытчикъ Мельниковъ Никита; Ростовскій соколій помытчикъ Наумовъ Константинъ.

1662 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; конные псари: Матвѣевъ Исакъ, Пахиревъ Сергѣй; кречетники: Григорьевъ Василій, Ларіоновъ Иванъ, Чекинъ Игнатій, Черцовъ Андрей, Черцовъ Игнатій, Черцовъ Кузьма, Ярцовъ Ѳадѣй; сокольники: Ерофѣевъ Михаилъ, Ерофѣевъ Никита, Ивановъ Сафонъ, Коноплевъ Иванъ, Коноплевъ Кондратій, Лежневъ Артемій, Микулинъ Наумъ, Нѣмчиновъ Алексѣй, Рыкуновъ Гаврила; ястребники: Антипьевъ Яковъ, Сергѣевъ Алексѣй, Степановъ Александръ, Степуринъ Александръ, Улановъ Алексѣй; кречетники или сокольники или ястребники: Даниловъ Дориментъ, Исаевъ Ларіонъ, Карповъ Кузьма, Кулинъ Сидоръ, Кѣльинъ Андрей, Лабутинъ Власъ, Ляховъ Семень, Масловъ Кирила, Нѣмчиновъ Устинъ, Отдаветовъ Семень, Поляниковъ Ти-

мофей, Ромейковъ Ромило, Тоболнъ Парфеній, Тургеневъ Портимуфей, Чернцовъ Романъ, Ярышкинъ Иванъ; клобучечный мастеръ при кречатиъ Купріяновъ Ивашка; Ростовскіе соколы помытчики: Кекинъ Антошка, Васильевъ Ивашка.

1663 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; охотники ловчаго пути: Баскаковъ Кондратій, Баскаковъ Артемій; конные псарі: Мамошинъ Данила, Окишевъ Власъ, Сафоновъ Гаврила; конные или пѣшіе псарі: Берновъ Лаврентій, Ермоловъ Лаврентій; корытный приказчикъ псовой охоты Терентій Фроловъ; выжлятникъ Константиновъ Ивашка; медвѣдчикъ Федотовъ Анкудинъ; сокольники: Гурьевъ Федоръ, Ерофѣевъ Михайлъ; Ростовскій помытчикъ Кѣкинъ Антошка.

1664 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Бордаковъ Дмитрій, Ерофѣевъ Михайла, Сидоровъ Аникѣй, Теряевъ Мина, Ширковъ Ануфрій.

1665 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Ерофѣевъ Михайла, Полозовъ Зоть, Столѣтовъ Гервасъ, Теряевъ Алексѣй, Шетилловъ Юрій, Юровъ Филька; ловчій сокольникъ Сидоровъ Аникъ (Тулѣякъ); Нижегородскій соколій помытчикъ Книничинъ Ивашка; Казанскій соколій помытчикъ Дѣевъ Куземка.

1666 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; конные псарі: Горбуновъ Сидорка, Кириловъ Левка, Яковлевъ Гришка; пѣшіі псарь Григорьевъ Ивашка; сокольники: Батаговъ Елисѣй, Ерофѣевъ Михайла, Раковъ Дмитрій; Сибирскіе кречаты помытчики: Анохинъ Ивашка, Анохинъ Давыдка, Вороновъ Ѳедка, Вязминъ Елеска, Головинъ Митька, Другановъ Ѳедка, Зырянъ Еремка, Коклягинъ Микишка, Шулгинъ Наумка; Ростовскій соколій помытчикъ Плѣшивый Костька.

1667 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; псарь Цыпляевъ Григорій; сокольники: Григорьевъ Леонтій, Ерофѣевъ Михайла, Капыловъ Данила Ларіоновъ, Камчатовъ Алексѣй, Козаковъ Терентій, Теряевъ Мина, Тоболнъ Михѣй, Тулубевъ Терентій; ловчій сокольникъ Сидоровъ Аникъ; Ростовскіе соколы помытчики: Кѣкинъ Ганка, Плѣшиновъ Костька; Тобольскіе кречаты помытчики: Енмаметевъ Бузайка, Ильгиницъ Стигерка, Ишѣевъ Толка, Косыревъ Чечка.

1668 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; Царево-Бортовской звѣровой охотникъ Костянтинъ Севастіянъ; стремянные конюхи: Раковъ Ѳедоръ, Шевелевъ Микита; кречетникъ Григорьевъ Василій Ивановъ; сокольники: Долгинскій Семень, Ерофѣевъ Михайла, Карповъ Кузьма, Плещевъ Никита, Похвисневъ Епенеть, Раковъ Микита, Раковъ Дмитрій, Рудневъ Артемій, Те-

ряевъ Мина, Теряевъ Максимъ, Тулубьевъ Иванъ, Шастовъ Шаблыка; ловчій сокольникъ Сидоровъ Аникъ; Ростовскій соколій помытчикъ Кѣкинъ Антошка; Сибирскіе кречаты помытчики: Алметевъ Алметько, Ветлугинъ Петрушка, Ворогушинъ Савинко, Вязминъ Елеска, Гагинъ Петрушка, Головинъ Оедка, Головинъ Мишка, Измайловъ Гришка, Изотьевъ Васка, Итѣевъ Тененко, Котинъ Исачко, Крушинскій Григорій, Крушинскій Якимко, Кутабердѣевъ Ешко, Мелниковъ Микитка, Насѣкинъ Ларка, Павловъ Неоедка, Палкинъ Шумилка, Полуяновъ Ошонка, Полуяновъ Кирилка, Шулгинъ Назарка, Ярковъ Мишка, Ярковъ Стенка, Оиѳиловъ Аксенка.

1669 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; подъячій потѣшнаго двора Столѣтовъ Гервасъ; лѣкаръ потѣшнаго двора Кирианъ Кутешевъ; сокольники: Ерофѣевъ Михайль, Масловъ Кирила, Михайловъ Михайла, Полозовъ Зоть, Похвистневъ Епенеть, Рудневъ Картерій, Тулуповъ Иванъ; Сибирскіе кречаты помытчики: Адрамановъ Кучючка, Бородинъ Мишка Потеряй, Оеѳиловъ Аксенка; соколій помытчикъ Чаранскоѳ округи Ивановъ Боженка; Холмогорскіе кречаты помытчики: Ивановъ Трофимка, Капустинъ Ивашка, Коркавцевъ Осташка.

1670 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Куликовъ Василій, Полозовъ Зоть, Рудневъ Картерій; Сибирскіе кречаты помытчики: Ивановъ Пашка, Килдисановъ Тлѣшко, Крушинскій Гришка, Мальцовъ Сенка, Пушкаревъ Ивашка, Семеновъ Ивашка, Смирной Левка, Терентьевъ Петрушка, Уткинъ Мишка.

1671 годъ. Московскій ловчій стольникъ Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Должинскій Юшка, Зубокъ Митрошка, Збурскій Юшка, Псаевъ Ларка, Казаковъ Терентій, Куликовъ Васька, Леонтьевъ Микишка, Леонтьевъ Лукашка, Мокринскій Ивашка, Нелюдовъ Васька, Отдаветовъ Семень, Ромейковъ Максимка, Рудневъ Картерехъ, Сидоровъ Ивашка, Терентьевъ Доронка, Теряевъ Минка, Тулубьевъ Терентій, Фроловъ Андрюшка.

1672 годъ. Думный дворянинъ и ловчій Московскаго пути Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Теряевъ Максимъ, Тулуповъ Иванъ, Фроловъ Андрей; Сибирскіе кречаты помытчики: Кряжевъ Ивашка, Перфильевъ Кондрашка, Савинъ Кирилка, Фокинъ Тимошка, Ярцовъ Илюшка.

1673 годъ. Думный дворянинъ и Московскій ловчій Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; псовникъ Теряевъ Петръ; Сибирскіе кречаты помытчики: Кряжевъ Исачка, Перфильевъ Кондрашка.

1674 годъ. Думный дворянинъ и ловчій Московскаго пути Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; сокольники: Будневъ Корнилій, Полозовъ Зоть Ивановъ; Сибирскіе

кречатыи помытчики: Аддѣевъ Суяргулко, Аксентовъ Иткиня, Аксубѣевъ Тарыгулко, Аксубѣевъ Байтуганъ, Алгилдѣевъ Агуланъ, Алметевъ Бузанко, Алсалбѣевъ Арлымъ, Алсеитовъ Кочагулко, Алсеитовъ Кутлугилдейко, Алсеитовъ Куркачикъ, Алсеитовъ Костей, Аскалдѣевъ Ярлыганъ, Бантовъ Енейко, Байсубаевъ Махметько, Бутаковъ Сююндрючко, Буйдяновъ Лучко, Дяновъ Тлешкобуѣй, Игановъ Аткулко, Илбаевъ Келмаметько, Илгининъ Турутурко, Илчибаевъ Утешко, Илчибаевъ Колушко, Инчибаевъ Биляшко, Ишѣевъ Токлушко, Ишѣевъ Ергиня, Килдисановъ Минякъ, Колкунѣевъ Суракъ, Копландѣевъ Кадаулко, Косарьевъ Антнелко, Кулаевъ Утемышко, Рысовъ Чичканко, Рысовъ Ишберды, Сколдесановъ Тлешко, Сорьевъ Литко, Тотуевъ Мелышь, Тотуевъ Куташко, Тотунъ Евгашъ, Тотуевъ Егирнячко, Тотуевъ Союрко, Утешевъ Бикдаклу, Чечкинъ Батурко, Чигировъ Аташь, Ялгуловъ Атуганко, Янгитовъ Чечка, Янгитовъ Куташугурко.

1675 годъ. Думный дворянинъ и ловчій Московскаго пути Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; стремянной конюхъ Озорной Андрей; сокольники: Полозовъ Зоть Ивановъ, Похвистневъ Епенеть, Товадѣевъ Семень; клобучечный мастеръ потѣшнаго двора Кипреяновъ Иванъ.

1676 годъ. Думный дворянинъ и ловчій Московскаго пути Афанасій Ивановичъ Матюшкинъ; Ростовскій соколій помытчикъ Толстой Иванъ.

¹¹⁴⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 321, л. 2.

¹¹⁵⁾ См. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 224; кн. 206, л. оборотн. 407; кн. 304, л. оборотн. 3 и 31; столб. 94—7182 г.

¹¹⁶⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 203, л. оборотн. 213; кн. 205, л. 194; кн. 206, л. оборотн. 407; кн. 207, л. оборотн. 57; кн. 302, л. 68; кн. 303, л. оборотн. 118; столб. 104—7125 г.; столб. 65—7159 г.

¹¹⁷⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 355 и л. оборотн. 808; кн. 205, л. 195 и л. оборотн. 195; кн. 278, л. 128; кн. 279, л. 59 и 114; кн. 302, л. 81.

¹¹⁸⁾ См. Забѣлина «Быть царицъ», стр. 459—462; ср. Дворцовые разряды за соотвѣтствующіе годы.

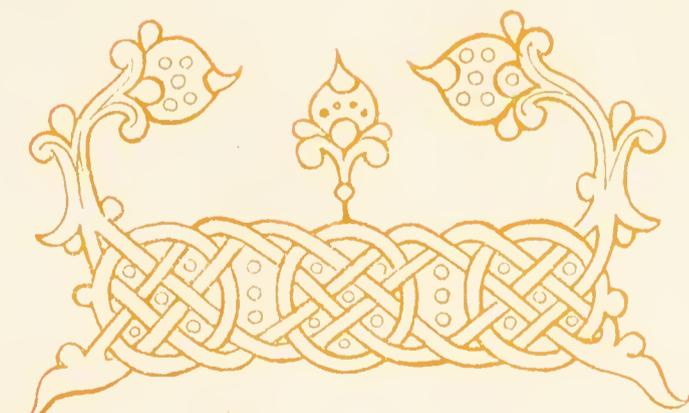
¹¹⁹⁾ См. Урядникъ въ «Собраніи писемъ царя Алекс. Михаил.», изд. Бартенева, М. 1856, стр. 92—116; ср. Забѣлина «Опыты изученія русск. древностей», стр. 247—256.

¹²⁰⁾ Рукоп. Госуд. Арх., Ноябрь 1660, челобитная Бабина; Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77—7173 г., кн. 320, л. оборотн. 164.

Челобитная ловчаго сокольника Аникія Сидорова: «Царю Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержцу»

ДЛОВАЛЪ — МИЛОВАЛЪ, ПРИГОВАРИВАЛЪ:
— «БѢХЪ ТѢ, ДИТЯТКО, СЕБѢЩЕ СТРОИТИКОЕ,
СПОЗДРАНОКЪ ЕЪ ТЕБѢ, МОЕ ДИТЯТКО,
РАСХОДИЛАСЯ КРОВЬ БОГАТВОРСКАЯ —
НА РУБЯНИХЪ ШЕКАХЪ ЗАЛѢЛАСЯ,
КЪ СЪКЛАННИХЪ ГЛАЗАХЪ ЗАГОУБИЛАСЯ ...

Д. МОКИШЪ.

бьетъ челомъ холопъ твой туленинъ (Тулякъ) сокольникъ Аничко Сидоровъ въ нынѣшнемъ Государь во 173 году по твоему Великаго Государя указу привезъ я холопъ Твой съ Тулы къ тебѣ Великому Государю къ Москвѣ шесть соколовъ, и тѣ соколы у меня холопа твоего приняты, а твоего Государева жалованья на нынѣшній на 173 годъ противъ прошлыхъ лѣтъ мнѣ холопу твоему не выдано. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ пожалуй меня холопа своего своимъ царскимъ жалованьемъ за мою службишко вели Государь мнѣ свое Государево жалованье сукно на нынѣшній на 173 годъ выдать противъ прошлыхъ лѣтъ. Царь Государь смилуйся пожалуй».

«Государь пожаловалъ велѣлъ ему дать сукно противъ прежнихъ дачъ каковы имъ даюцца сукна» (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77—7173 г.).

¹²¹⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, столбцы: 205—7140 г., 74—7155 г., 68—7160 г., 10, 54, 143 и 155—7161 г. и 62—7165 г.

¹²²⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 374—7168 г.

¹²³⁾ Тамъ же, столб. 24—7143 г.

¹²⁴⁾ Въ 1669 году, во время похода въ село Хорошево, сокольникъ Кирилла Масловъ привезъ царю Алексѣю Михайловичу «двѣсти бумагъ въ нихъ по полтинѣ, и того сто рублевъ» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1077, л. оборотн. 55).

Въ томъ же 1669 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, сокольникъ Иванъ Тулуновъ привозилъ изъ Москвы въ село Преображенское нищихъ, за что получилъ полтора рубля (Тамъ же, кн. 1077, л. 54).

Въ 1674 году въ Дворцовыхъ Разрядахъ отмѣчено: «Того жъ году присланъ изъ походу отъ Великаго Государя, изъ села Преображенскаго, нарочно сокольникъ къ боярину и къ оружничему къ Богдану Матвѣевичу Хитрово, что указано ему боярину пересмотрѣть во всѣхъ государевыхъ хоромехъ, и въ Государыни Царицыныхъ, и у Государевъ Царевичевъ, и у Государынь Царевнъ болшихъ и меншихъ: худыхъ мѣстъ, лавокъ, и мостовъ, и печей, и въ мыленкахъ, и гдѣ худо велѣно перечинить вновь; а будетъ въ иныхъ мѣстахъ нелзѣ чинить, ино указано вновь построить къ его Великаго Государя приходу совсѣмъ» (Дворц. Разр., т. III, стр. 1126).

¹²⁵⁾ Госуд. Арх., разр. XXVII, № 173; Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1072, л. 172; кн. 1073, л. 70 и 129; кн. 1076, л. 249; кн. 1077, л. 40, 42, 54, л. оборотн. 55 и 88; Дворц. Разр., т. I, стр. 662; т. II, стр. 97, 111, 113, 114, 135—137, 200, 206, 213, 330; т. III, стр. 234, 581, 915—918, 1126, 1424, 1428; Дополн. къ III т., стр. 137 и 266.

Такъ, въ 1625 году, при встрѣчѣ въ Февралѣ мѣсяцѣ Персидскихъ пословъ, принимали участіе въ процессіи, въ числѣ другихъ чиновъ, ловчаго пути охотники, псаріи и кречетники (Дворц. Разряды, т. I, стр. 662). Въ Октябрѣ 1629 года, при встрѣчѣ Французскихъ пословъ, участвовало въ парадѣ 5 охотниковъ ловчаго пути и 36 псарей помѣстныхъ (конныхъ). (Тамъ же, т. II, стр. 97). Въ Февралѣ 1630 года, ко встрѣчѣ Шведскихъ пословъ, по государеву указу, было велѣно охотникамъ ловчаго пути и коннымъ псарямъ, «что бы они для посолскіе встрѣчи были готовы Февраля въ 5 день, въ пятницу; а были бѣ цвѣтны и конны» (Тамъ же, стр. 3). Въ этой встрѣчѣ участвовало 18 охотниковъ ловчаго пути и 31 конный псарь. Кромѣ того, въ церемоніи принимали участіе и «приказчики борзыхъ и гончихъ собакъ» (тамъ же, стр. 113); всего же чиновъ ловчаго пути было тутъ 73 человека (Тамъ же, стр. 114). Въ Маѣ того же 1630 года, при встрѣчѣ Турецкаго посла «Фомы Катакузша», принимали участіе въ торжествѣ ловчаго пути охотники въ числѣ 14 человекъ, псаріи въ числѣ 51 человекъ, 7 трубниковъ и 10 сурначеевъ также ловчаго пути (Тамъ же, стр. 135—137). Въ Апрѣлѣ 1631 года Шведскаго посла Якова Руселя, между другими, встрѣчали ловчаго пути 11 охотниковъ, 32 конныхъ псаря, 6 кречетниковъ и ястребниковъ и 14 трубниковъ и накрачеевъ (Тамъ же, стр. 200). То же число чиновъ царской охоты участвовало въ торжествѣ встрѣчи посла того же короля Густава-Адольфа-Антоня Монира въ Маѣ 1631 года (Тамъ же, стр. 206). Въ Іюнѣ того же 1631 года, при встрѣчѣ Датскаго посла «Мантыяля», участвовало десять охотниковъ ловчаго пути и тридцать псарей (Тамъ же, стр. 213). Въ Апрѣлѣ 1651 года, при встрѣчѣ Литовскихъ пословъ, Станислава Витовскаго съ товарищами, «за Тверскими вороты, за Землянымъ городомъ, за Ямскою слободою», въ числѣ прочихъ, «ѣхали передъ послы въ городъ до посолскаго дворца». «и ловчаго пути, и кречетники, и соколники, и ястребники, и псаріи конные». «на добрыхъ лошадахъ въ цвѣтномъ платьѣ» (Тамъ же, т. III, стр. 234). Въ 1658 году, при встрѣчѣ Грузинскаго царя Теймураза Давыдовича, «за Устренскими вороты за Землянымъ городомъ» у сокольниковъ и стремянныхъ конюховъ былъ головою Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (Дополненіе къ III тому Дворц. Разр., стр. 137). Въ запискѣ о пріѣздѣ Грузинскаго царя, между прочимъ, читаемъ, что, приглашенный 8 Мая 1658 года царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Грановитую палату, Грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ ѣхалъ въ каретѣ, «а около кареты шли конюшеннаго чину и Сокольники въ атласныхъ въ червчатыхъ и въ лазоревыхъ кафтанахъ съ протозаны» (Вивліоѳка Россійская, т. VIII, стр. 127 и 128). То же читается и въ запискѣ о бытности на отпускѣ Грузинскаго царевича, относящейся къ 1660 году

(Тамъ же, т. XIV, стр. 42). Подъ 1661 годомъ, въ запискѣ о встрѣчѣ цесарскихъ пословъ «Августина Фонмаерна да Горапыужа Вильгельма Калюдыуша» встрѣчаемъ «на правой сторонѣ противъ Никольскихъ воротъ стремны конюхи и сокольники» (Тамъ же, т. VIII, стр. 155). Встрѣча эта была за городомъ, за Тверскими воротами, а начальствовали сокольниками и стремянными конюхами полковникъ и голова стрѣлецкiй Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (Дополненiе къ III тому Дворц. Разр., стр. 266). По поводу церемонiи этой встрѣчи пословъ императора Леопольда, между прочимъ, читаемъ подъ 25 Мая въ дневникѣ Литовскаго стражника, находившагося въ то время въ плѣну въ Москвѣ, Михаила Обуховича: «Далѣ шли двѣ хоругви царскихъ конюховъ, изъ коихъ одни называются степенные, другiе же стадные. Степенные ухаживаютъ собственно за царскими лошадьми, стадные же завѣдываютъ простыми, которыхъ находится при Дворѣ безчисленное множество. Стадные были въ одеждѣ трехъ различныхъ цвѣтовъ, въ голубомъ, бѣломъ и красномъ; степенные же имѣли нарядъ еще великолѣпнѣе: лазуревую одежду и богатѣйшiя шубы; Головою ихъ былъ гость Василiй Шоринъ: человекъ богатый и потому и одѣтый весьма великолѣпно. Далѣ Царскiе Сокольники, которыхъ было двѣ хоругви; ихъ велъ Артамонъ Сергѣевичъ Стрѣлецкiй голова, одѣтый въ платье изъ драгоцѣнной парчи и конь его былъ убранъ также богато; передъ нимъ вели нѣсколько превосходныхъ и богатоубранныхъ коней» (Дневникъ Обуховича, стр. 20).

Въ описанiи приема въ 1664 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Англiйскаго посла «Чарлуса Говорта» читаемъ, что во дворцѣ Алексѣя Михайловича «отъ переднихъ сѣней отъ дверей до нижняго деревяннаго рундука (площадки), что въ переградѣ, отъ постелнаго крыльца по обѣ стороны стояли 66 человекъ соколниковъ, съ нарядными съ протозаны, въ атласныхъ кафтанахъ разными цвѣты» (Дворц. Разряды, т. III, стр. 581). При встрѣчѣ 31 Декабря 1673 года великихъ и полномочныхъ пословъ короля Шведскаго, графа Оксенштерна съ товарищами, за городомъ, за Тверскими воротами, за Гонною слободою, былъ «у соколниковъ голова столникъ Иванъ Андреевичъ Посниковъ, а ѣхали соколники съ крылами» (Тамъ же, стр. 915—917). Далѣ, въ церемонiалѣ той же встрѣчи читаемъ: «А за каретою у пословъ, вмѣсто гостей, ѣхалъ голова съ сотнею Иванъ Посниковъ, а у него въ сотнѣ Сокольники» (Тамъ же, стр. 918). Наконецъ, въ «переводѣ съ латинскаго писъма Анибала Франциска де Ботонiя да Ягана Терлингерена» (Вѣнскiе посланники), помѣченнаго 11 Сентября 1674 года, читаемъ: «Насъ звали на посольство ѣхали передъ нами 30 человекъ ѣздоковъ, которыхъ соколниками называютъ, на лошадяхъ бѣлыхъ» (Памятники дипломат. снош., т. V, стр. 168).

¹²⁶⁾ Такъ, въ 1651 году, Мая 16, было приказано выдать въ Государеву Мастерскую Палату 137 рублей 25 алтынъ въ жалованье сокольникамъ на 1652 годъ (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 79—7159 г.). Въ 1664 году, Сентября 7, велѣно было выдать «на его государевъ потѣшный дворъ въ Семеновское къ столнику Василию Яковлевичу Голохвасту на роздачу Государева годового жалованья сокольникомъ и на иные расходы тысячу рублей» (Тамъ же, кн. л. оборотн. 17). Въ 1667 году, Сентября 20, опять на Семеновскій потѣшный дворъ выдана тысяча рублей для удовлетворенія сокольниковъ годовымъ жалованіемъ (Тамъ же, кн. 1075, л. 64). На ту же надобность выдано въ 1668 году, Сентября 13, 981 рубль (тамъ же, кн. 1076, л. оборотн. 234) и въ 1669 году, Сентября 16—1176 рублей (Тамъ же, кн. 1077, л. оборотн. 34). Въ томъ же 1669 году велѣно было привезти изъ Домодѣдовской волости тысячу четвертей ржи также на Семеновскій потѣшный дворъ и также въ жалованье сокольникамъ (Тамъ же, кн. 1076, л. оборотн. 254).

¹²⁷⁾ 20 Сентября 1667 года сокольнику Минѣ Теряеву было выдано 20 рублей денегъ «на приданое сестрѣ его» (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 1075, л. 61). Того же года и мѣсяца, въ 24 число, на погребеніе псаря Григорія Цыплева было отпущено 3 рубля (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 64). 16 Ноября того же 1667 г., на погребеніе же сокольника Никиты Плещова было отпущено 10 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. 72). 9 Января 1668 года стремянному конюху Осдору Ракову было дано на погребеніе брата его сокольника Микиты Ракова 25 рублей денегъ (Тамъ же, кн. 1075, л. оборотн. 80). Наконецъ, 17 Февраля 1669 года сокольнику Епенету Похвистневу отпущено на погребеніе отца его 10 рублей (Тамъ же, кн. 1075, л. 262).

¹²⁸⁾ См. Катошихина, стр. 60 и 80; Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 24, свит. 51—7140 г. и № 27, свит. 12. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 206, л. 254; кн. 282, л. 368; кн. 303, л. 284 и л. оборотн. 285; кн. 317, л. оборотн. 321; кн. 1072, л. оборотн. 17, л. 172; кн. 1075, л. 64 и л. оборотн. 65; кн. 1076, л. 234 и л. оборотн. 234 и 254; кн. 1077, л. оборотн. 34 и л. 40; столбцы: 32—7158 г., 62 и 79—7159 г., 388—7168 г. и 407—7170 г. Такъ, въ спискѣ наградъ сокольникамъ за потѣхи передъ царевичемъ Осодоромъ Алексѣевичемъ, относящемся къ 1671 году, находятся собственноручныя приписки Царя: «да Микѣ киндякъ лучшей» «кто тѣхъ держалъ соколовъ» «сукно киндякъ Терешкѣ Козакову отъ насъ да софянъ» (Госуд. Арх., Разр. XXVII, № 52—7179 г.; Бѣляева «Крестьяне на Руси», 1891, Москва стр. 43—44).

¹²⁹⁾ Объ одеждахъ см. Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 303, л. 261; кн. 304, л. 161; кн. 309, л. 63; кн. 321, л. 178 и т. д.; столбцы: 73—7156 г., 58—7163 г., 248 и 407—7168 г. и др.; Вивлюѳ. Росс., т. VIII, стр. 127 и 128; Дневникъ Михаила Обуховича, Литовскаго Стражника, писанный въ плѣну въ Москвѣ съ 1660 г., Кіевъ, 1862, стр. 20.

Источники указываютъ намъ на слѣдующія одежды чиновъ царскої охоты XVII столѣтія:

Охотниковъ ловчаго пути — кафтаны, однорядки, ферязи (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. 140 и кн. 305, л. 127).

Псарей конныхъ и пѣшихъ — кафтаны (Тамъ же, кн. 289, л. 426). Кафтаны «сукна инбарскаго (анбурскаго?) черлены, подложены крашеною розныхъ цвѣтовъ», при нашивкахъ кружевныхъ съ мишурою. Такіе кафтаны цѣнились въ 19 алтынъ съ полушкою кафтанъ (Тамъ же, кн. 208, л. 210).

Кречетниковъ — кафтаны изъ дараги кармазиновой Кизильбашскаго привоза и изъ дараги глянской (Тамъ же, кн. 316, л. оборотн. 83).

Сокольниковъ — кафтанъ сукна вишневаго (Тамъ же, кн. 321, л. 178). Кафтанъ Киндячный зеленый (Тамъ же, кн. 303, л. 261). Кафтаны стамедные (?) (Тамъ же, столб. 73—7156 г.). Кафтанъ киндякъ красный и зендень зеленая (Тамъ же, кн. 309, л. 63). Кафтанъ зендень лазоревая (Тамъ же, столб. 58—7163 г.). Кафтанъ вишневаго англійскаго сукна, на подпушку тафта зеленая, обшитый золотымъ шнуркомъ (шло шнурка 16 1/2 аршинъ), на немъ нашиты нашивки долгія — шолкъ гвоздичень, въ середкахъ золото и пугови, обшитыя золотомъ, по три нашивки на кафтанъ. Цѣна такому кафтану была 5 рублей 30 алтынъ 1 деньга. Кафтанъ такой же, но съ нашивками — шолкъ гвоздичень, промыканъ золотомъ. Цѣна этому кафтану 7 рублей 17 алтынъ (Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтанъ вишневый съ косымъ ожерельемъ, нашивка — шолкъ вишневый (Тамъ же, столб. 248—7168 г.). Кафтанъ англійскаго свѣтлозеленаго сукна, обшитый золотымъ шнуркомъ (шнурка пошло около 16 аршинъ), подпушка тафта зеленая; на немъ три нашивки — шолкъ гвоздичень, протыканный золотомъ; пуговицы обшиты золотомъ. Цѣна этому кафтану 7 рублей 25 алтынъ 3 деньги (Тамъ же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтанъ суконный малиноваго цвѣта; нашивка длинная шолковая съ золотомъ (Тамъ же, столб. 407—7168 г.). Кафтанъ изъ сукна англійскаго темнозеленаго; подъ полы подбика байка красная; нашивка на шнуркахъ. Цѣна этому кафтану 2 рубля 14 алтынъ 1 деньга (Тамъ же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтанъ сукна англійскаго темнозеленаго; на подпушку тафта желтая; три нашивки — шолкъ гвоздичень,

протыканный золотомъ; пуговицы обшиты золотомъ. Цѣна этому кафтану была 6 рублей 2 деньги (Тамъ же). Кафтанъ изъ сукна полукармазина вишневаго; къ поламъ на подбивку байка зеленая; обшивка—шолковый гвоздичный шнуръ (пошло его $16\frac{1}{2}$ аршинъ); нашивка хомяная. Цѣна этому кафтану 2 рубля 23 алтына 3 деньги (Тамъ же). Кафтанъ теплый, подъ сукномъ, сукно голубого цвѣта; исподъ корсачій; нашивка длинная, шолковая, съ золотомъ (Тамъ же, столб. 407—7168 г.). Кафтанъ киндячный на русакахъ; на кафтанъ этотъ пошло: киндяку зеленого полшеста ($5\frac{1}{2}$) аршинъ, 10 хребтовъ русачьихъ, по 8 денегъ хребетъ, полъ-мѣха русачьяго, цѣною 15 алтынъ (надо замѣтить, что полъ-мѣха не значитъ полъ-шкуры русака: мѣхъ получался отъ стачки извѣстнаго количества шкуръ въ одно полотнище), на кафтанъ нашивка изъ зедеи на шнуркѣ, цѣною въ 3 алтына 2 деньги; въ нашивкѣ «встошка» (?), цѣною въ 9 денегъ; на опушку пошло пуху на 8 алтынъ, да на ожерелье пуху же на 10 алтынъ (Тамъ же, столб. 73—7156 г.). Кафтанъ киндячный зеленый на русакахъ; ожерелье изъ кунцы и нашивка изъ зеленого шолка на шнуркахъ (Тамъ же, столб. 73—7156 г.). Кафтанъ изъ тафты червчатой, подушка—киндякъ зеленый, на хлопчатой бумагѣ, нашивка шолковая на шнуркахъ. Цѣна этому кафтану 2 рубля 30 алтынъ 2 деньги (Тамъ же, кн. 304, л. оборотн. 161). Кафтанъ изъ тафты двоеличной, шолкъ червчатъ и жолтъ; подкладка—крашенна лазоревая и красная, на хлопчатой бумагѣ; нашивки шолковыя на шнурахъ. Цѣна этому кафтану 3 рубля 20 алтынъ 2 деньги (Тамъ же). Кафтанъ изъ тафты зеленой; подушка—киндякъ черленый; подкладка—крашенна лазоревая на хлопчатой бумагѣ; нашивка шолковая на шнуркѣ. Цѣна этому кафтану 2 рубля 22 алтына 2 деньги (Тамъ же). На рукава (родъ муфтъ) кафтановъ шли иногда бѣлѣшны хребты (Тамъ же, столб. 142—7172 г.).

Куртка на подкладкѣ крашенны лазоревой; нашивка шолковая на шнуркѣ (Тамъ же, кн. 303, л. 261).

Зипунъ вишневыи суконный на подкладкѣ изъ зедеи (Тамъ же, столб. 73—7156 г.).

Ферезя изъ бархата червчатаго гладкаго; подкладка — тафта желтая; обшивка—золотой шнуръ (пошло шнура 10 аршинъ 6 вершковъ), пришитый желтымъ шолкомъ; нашивка золотная. Цѣна такой ферезеѣ 15 рублей 19 алтынъ 2 деньги.

Сапоги у сокольниковъ были кривые, большой, средней и малой руки (тамъ же, столб. 624—7178 г.), изъ красной телячьей кожи (тамъ же, столб. 298—7178 г.), а пояса изъ крашеныхъ лосиныхъ кожъ (Тамъ же, столб. 299—7183 г.).

одростешъ ты, случитесь безвременье —

Разобидатъ завистники недруги,

Аль наступатъ на Русь на —

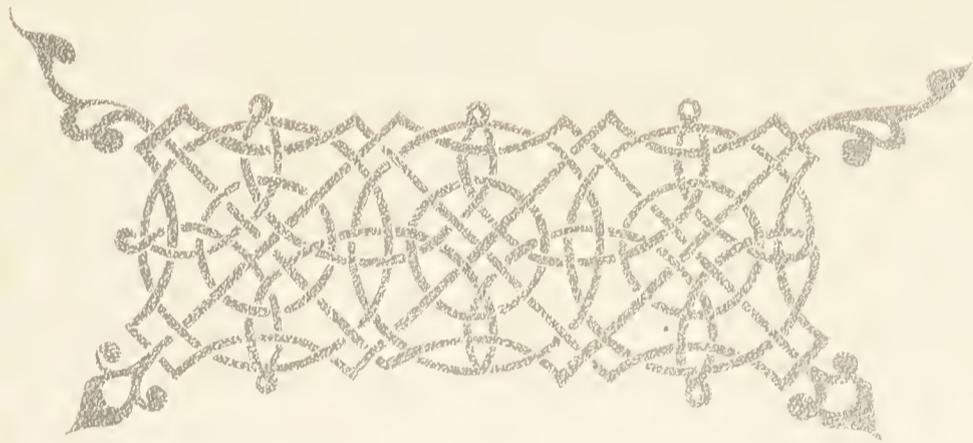
— кормилицу.

III пойдешъ ты войною на враговъ —

Не надѣйся на силу могучую,

А надѣйся на милость Всеведную.

Въ нарядъ и вооруженіе сокольниковъ входили лядунки и сабли, выдававшіяся изъ Оружейной Палаты (тамъ же, столб. 311—7161 г.), пищали (тамъ же, столб. 103—7181 г.) и протозаны (Россійская Вивліоѳка, т. VIII, стр. 128).

При торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, при приѣмахъ и встрѣчахъ иностранныхъ пословъ, сокольники, участвовавшіе въ церемоніяхъ, надѣвали особыя крылья. Сказать точно, какой видъ имѣли эти крылья, мы не можемъ. Знаемъ только, что въ 1675 году «на сорокъ паръ къ крыльямъ на вооруду и которыя живутъ на сокольникахъ къ выѣзду персидскихъ пословъ», куплено было: «тесемъ шолковыхъ разными цвѣтами» — 100 аршинъ, по 3 алтына за аршинъ, и такихъ же тесемъ 100 аршинъ, по 2 алтына за аршинъ (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 192—7183 г.). Лопастн къ крыльямъ сшивались изъ тафты (Тамъ же, столб. 10—7171 г.). На крылья шель холстъ, «клей рыбей и мездринной» и иные всякіе запасы. Прикрѣплялись крылья къ платью при помощи поясныхъ ремней (Тамъ же, столб. 164—7183 г.).

¹³⁰⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 507; столбцы: 65—7132 г.; 5—7136 г.; 233—7140 г.; 11—7141 г.; 10, 64 и 135—7142 г.; 17—7143 г.; 60—7153 г. Дворц. Разр., т. I, 979. Соловьевъ, «Ист. Росс.», IX, 279—303.

¹³¹⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 278, л. 205; кн. 284, л. оборотн. 63; кн. 290, л. 31 оборотн., л. 49 и 49 оборотн., л. 67 и 83 оборотн.; столбцы: 28—7143 г.; 97 и 99—7150 г.; 94—7154 г.; 305—7160 г.; 297—7161 г.; 186 и 193—7170 г.; 249—7171 г. Рукоп. Оруж. Пал., столб. 51—7129 г. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 24, свит. 51. Дворц. Разр., Доп. къ III т., 333. Росс. Вивліоѳ., т. V, 1—114, 130. Соловьевъ, «Ист. Росс.», IX, 85; 202—206; 291; XII, 276—280.

¹³²⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 68, л. 173; кн. 203, л. 298; кн. 209, л. 231 оборотн.; столбцы: 78—7130 г.; 94, 111 и 192—7131 г.; 155—7138 г.; 100 и 102—7139 г.; 241—7140 г.; 251—7142 г.; 24—7143 г.; 109—7144 г.; 59—7145 г.; 42—7146 г.; 8—7148 г.; 112—7150 г.; 60—7151 г.; 60—7152 г.; 60—7153 г.; 116—7157 г.; 41 и 130—7158 г.; 82—7159 г.; 326 и 327—7160 г.; 257—7161 г.; 189—7162 г.; 156—7164 г.; 241 и 240—7166 г.

¹³³⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, кн. 204, л. 117; столб. 210 и 223—7170 г. Соловьевъ, «Ист. Росс.», IX, 184, 240. Катошихинъ, 45.

¹³⁴⁾ Катошихинъ, 46.

¹³⁵⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 449—7152 г.

¹³⁶⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 77—7145 г.; 16—7149 г.; 82—7155 г.; 189 и 200—7162 г.; 434 и 455—7168 г., Соловьевъ, «Ист. Росс.», т. IX, 312; XII, 268, 274; XIII, 264.

¹³⁷⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 276—7161 г.

¹³⁸⁾ Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 17—7149 г.

¹³⁹⁾ Тамъ же, столб. 177—7169 г.

¹⁴⁰⁾ Тамъ же, столб. 367—7183 г.; Арх. Мин. Двора Ин. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 23, свитокъ 12.

¹⁴¹⁾ Отъ 1635 года дошелъ до насъ документъ, не только подтверждающій вышеприведенное соображеніе объ установившемся нормальномъ количествѣ ловчихъ птицъ, ежегодно отправлявшихся въ Крымъ, но указывающій еще на то, что посылки эти являлись какъ бы обязательными. 12 Января этого года «указалъ Государь Царь и великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи послати отъ себя Государя въ Крымъ къ Царю и Калгѣ въ поминкахъ на два года на прошлой на 142 годъ да на нынѣшній на 143 годъ къ Царю по пяти кречатовъ да по два ястреба да къ Калгѣ по два кречета да по ястребу да въ запасъ по два ястреба на годъ совсѣмъ птичьимъ и ястребнымъ нарядомъ» (Тамъ же, столб. 24—7143 г.).

¹⁴²⁾ Въ 1629 году въ Персію были посланы кречетники, сокольники и ястребники, Ѳедоръ Тоболнинъ съ товарищами, въ числѣ 22 человекъ, съ 19 ловчими птицами. Сокольники эти поѣхали съ послами Андреемъ Плещеевымъ и Микифоромъ Тализынымъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 24, свитокъ 51). Вернулось это посольство лишь въ Ноябрѣ 1631 года, а въ Маѣ 1632 года сокольники, уже въ числѣ 20 человекъ, оставшихся въ живыхъ, подали царю Михаилу Ѳедоровичу челобитную, съ просьбою о награжденіи за ихъ службу. По поводу этой челобитной до насъ дошло цѣлое дѣло, весьма для насъ интересное, которое и приводимъ почти цѣликомъ:

«Царю Государю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи быють челомъ холопи твои кречетники и сокольники и ястребники Ѳедка Тоболнинъ съ товарищи двадцать человекъ. Въ прошломъ Государь во 137-мъ году по твоему Государеву указу были мы холопи твои посланы на твою государеву службу въ Кизылбашъ съ твоимъ государевымъ посломъ съ Ондреемъ Плещеевымъ, да съ дякомъ съ Микифоромъ Тализынымъ и пришли мы холопи твои съ твоей государевой службы изъ Кизылбашъ и били челомъ мы холопи твои тебѣ государю о своей Кизылбашской службѣ, и по твоему государеву указу дѣло въ посольскомъ приказѣ о нашей службѣ выписано, а по дѣлу намъ холопомъ твоимъ указу нѣтъ, волочимся седмой мѣсяць. Милосердый государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи пожалуй насъ холопей своихъ, вели государь по тому дѣлу своей царской указъ учинить, чтобы намъ холопомъ твоимъ съ волокиты въ конецъ не погибнуть и твоей бы царской службѣ впредь не отбыть. Царь государь смилуйся пожалуй».

«На оборотѣ: 140 году Марта (вѣроятно, Мая) въ 14-й день дьяку Максиму Матюшкину государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи пожаловалъ велѣлъ доложить себя государя. Діакъ Посникъ Трофимовъ».

«Написано въ докладъ:»

«Бьютъ челомъ государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи кречетники и сокольники и ястребники Ѳедоръ Тоболнинъ съ товарищи двадцать человекъ, а сказали: посланы де они были на государеву службу въ Кизылбашу съ государевыми послы стольникомъ съ Ондресемъ Плещеевымъ да съ діаконъ съ Микифоромъ Талызинымъ со птицы кречеты и ястребы и они де довели въ Кизылбашу до шаха и на посольствѣ отдали государевы послы девятнадцать птицъ, и будучи они на государевой службѣ въ Кизылбашехъ нужду и голодъ терпѣли, и какъ де они будучи въ Кизылбашской землѣ, стояли два мѣсяца, и Кизылбашскіе де люди изъ города выбѣгли, а ихъ де съ государевыми послы покинули, и они де хлѣбъ и всякой харчъ покупали въ Казбинѣ и въ полкѣхъ дорогою цѣною, и будучи они на Государевой службѣ въ Кизылбашехъ испроелись до нога, а кормъ де имъ даванъ въ Кизылбашехъ не сполна черезъ день и черезъ два. А прежде сего которые посыланы ихъ братья кречетники и сокольники и ястребники съ послы, и имъ де шахово жалованье давано по два кафтана да по двѣ тюмекѣ денегъ а имъ де дано шахова жалованья по одному кафтану, а денегъ не дано; а какъ де государевы послы изъ Кизылбашъ отпущены ко государю къ Москвѣ изъ Шемахи и имъ де дано поденного корму до Ширвани на двѣнадцать день, а отъ Ширвани до Дербени и до Тарковъ и до Быстрой имъ корму не давали, и какъ де они пришли на Терекъ и на Теркѣ де жили 11 недѣль, а запасъ покупали мѣхъ муки въ полтора рубли, а въ Астрахани де они жили семь недѣль, также запасы и харчъ покупали дорогою жъ цѣною, и какъ де ихъ изъ Астрахани государевы воеводы стольника князь Ѳедоръ Куракинъ съ товарищи отпустили ко государю, къ Москвѣ, и они де изъ Астрахани ѣдучи водою и сухимъ путемъ до Москвы запасы и харчъ покупали дорогою жъ цѣною, и будучи де они на Государевой службѣ въ Кизылбашехъ и ѣдучи Дорогою до Москвы испроѣлись и одолжали великимъ долгомъ. И государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи пожаловалъ бы ихъ за ту ихъ Кизылбашскую службу и за терпѣнья своимъ государевымъ жалованьемъ, какъ государю объ нихъ Богъ извѣститъ. А какъ кречетники и сокольники и ястребники посланы на государеву службу съ послы съ Ондреемъ Плещеевымъ, да съ дьякомъ съ Микифоромъ Талызинымъ, и имъ дано государева жалованья для Кизылбашскіе посылки во дворцѣ на 2 года на 137 годъ да на 138-й годъ по

окладомъ ихъ сполна да подмоги изъ большого приходу противъ жалованья обѣихъ годовъ, да съ казеннаго двора по сукну по доброму человѣку. Да запасовъ дано имъ до Казани 2 человѣкомъ по 5 чети сухарей по 5 чети муки ржаные по осминѣ крупъ, по осминѣ толокна по полтю ветчины 2-мъ человѣкомъ 5 ведръ вина». . . .

Далѣе въ докладѣ указываются размѣры получавшихся сокольниками денежныхъ и помѣстныхъ окладовъ, о чемъ мы уже имѣли случай говорить раньше въ своемъ мѣстѣ.

Послѣ этого слѣдуетъ:

«А были кречатники и сокольники и ястребники на государевѣ службѣ въ Кизылбашехъ и съ проѣздомъ полъ третья года (2 1/2 года) а убытковъ и изрону въ челобитыи своемъ кречатники и сокольники и ястребники Федоръ Тоболнинъ съ товарищи имянно ничего не написали. И только государь царь и великій князь Михаилъ Федоровичъ всеа Росіи кречатниковъ и сокольниковъ и ястребниковъ Федора Тоболина съ товарищи двадцати человѣкъ за Кизылбашскую службу пожалуетъ своимъ государевымъ жаловащемъ въ приказъ и помѣстною и денежною казною».

«И выписано напримѣръ»:

«Въ прошломъ во 129 году посланы были въ Кизылбашъ съ государевыми посланники съ Васильемъ Коробинымъ да съ дякомъ Остафьемъ Кувшиновымъ кречатники и сокольники и ястребники Иванъ Петровъ съ товарищи 4 человѣка (?), и какъ они съ государевы службы изъ Кизылбашъ къ государю къ Москвѣ пріѣхали, и имъ придано государева жалованья къ помѣстнымъ и денежнымъ ихъ окладомъ».

«Кречатникомъ»

«Ивану Петрову къ 23 рублемъ 5 рублевъ, помѣстнаго окладу не придано что окладъ великъ 430 чети».

«Ивану Микулину къ 300 четямъ денегъ къ 15 рублемъ».

«Ивану Лушихину прозвище Мурату да Лаврину Микулину къ 200 четямъ денегъ 8 рублевъ, Лаврину къ 7 рублемъ тѣмъ придано по 25 чети человѣку».

«Бурнашу Маслову 23 рубли, помѣстнаго окладу не придано, что окладъ великъ 430 чети».

«Истомѣ Бакину 19 рублевъ. 2 рубли помѣстнаго не придано, что окладъ великъ 400 чети».

«Константинъ Чернцовъ къ 300 четямъ денегъ къ 12 рублемъ. Ошонасью Чернцову, Олексѣю Уланову, Олексѣю Юрьеву къ 250 четямъ денегъ къ 10 рублемъ, Оадѣю Маслову къ 200 четямъ денегъ 7 рублевъ, тѣмъ всѣмъ придано по 25-ти жъ чети, денегъ по 2 жъ рубли человѣку».

«Да имъ же за убытки и за изронъ всѣмъ по 12 рублевъ, да по сукну по доброму, да по тафтѣ чловѣку».

«Да государю жъ царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Росіи бьютъ челомъ вдова кречатника Сергѣевская жена Тоболина съ дѣтьми съ сыномъ съ Ивашкомъ да съ дочерью съ Ѳедоркою, да кречатника Неустроевская жена Чернцова вдова Анна, а сказали» посланы де были на государеву службу въ Кизылбашни съ послы съ Ондреемъ Плещеевымъ, да съ діакомъ съ Микифоромъ Тализинымъ Марѳинъ мужъ Сергѣй, Марѳинъ (ошибка: должно быть Аннинъ, что видно изъ самой челобитной, которую, чтобы не повторяться, мы не приводимъ) братъ Василій Лучниковъ съ государевыми съ птицы съ кречаты, а судомъ де Божіемъ на государевѣ службѣ въ Кизылбашской посылкѣ ихъ не стало Василій умеръ въ Кизылбашехъ, Сергей Тоболинъ умеръ на Теркѣ ѣдучи изъ Кизылбашъ, а они де послѣ ихъ остались съ дѣтьми въ долгу, а помянуть ихъ и долгъ заплатить нечѣмъ. И государь ихъ пожаловалъ за службу и за смерть Марѳина мужа, а Аннина брата своимъ государевымъ жалованьемъ на поминки и чѣмъ заплатить, какъ государю объ нихъ Богъ извѣститъ».

«А какъ посланы на государеву службу въ Кизылбашни Марѳинъ мужъ Сергѣй Тоболинъ, а съ нимъ (вѣроятно, пропущено «Аннинъ») братъ Василей и имъ дано жалованья на два года на 137-й да на 138-й годъ по окладомъ ихъ сполна: Сергѣю по 10 рублевъ на годъ, да Василю лучникову по 8 рублевъ на годъ, да подмоги противъ жалованья обѣихъ годовъ, да по сукну по доброму чловѣку. И только (надо замѣтить), что слово «только», употреблявшееся при подобныхъ настоящему обороту фразъ, означаетъ «сколько?» (государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи кречатника Сергѣевскую жену Тоболина вдову Марфу, да Неустроевскую жену вдову Анну за службу и за смерть Марѳина мужа Сергѣя, а Аннина брата Василя Лучникова пожалуетъ своимъ государевымъ жалованьемъ» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 24, свитокъ 51).

Резолюція царя намъ неизвѣстна.

¹⁴³⁾ «отъ Царя і Великаго Князя Михайла Ѳедоровича вса Русіи, на Воронежъ столнику Нашему і Воеводе Ондрѣю Васильевичю Бутурлину. По Нашему казу посланы во Царь-Городъ съ Послы Нашими съ Степаномъ Телепневымъ да зъ Діакомъ съ Олферьемъ Кузовлевымъ со птицами кречатники и соколники и ястребники Исаі Чернцовъ съ товарищи десять чловѣкъ, а съ ними послано отъ Насъ къ Турскому Ибрагимъ салтану двадцать шесть кречатовъ; а кормъ имъ на птицы велѣно имати до Воронежа по городомъ отъ города до города, смѣтя отъ которого города до

36*

города поспѣть мочно, а съ Воронежа указали есмь на тѣ птицы взяти кормъ до Азова. И какъ къ Тебѣ ся Наша грамата придетъ, а кречетники и соколики и ястребники, Псаі Чершовъ съ товарищи, со птицы на Воронежъ приѣдутъ, и тыбъ имъ на тѣ птицы на Воронежѣ и отъ Воронежа до Азова кормъ велѣлъ дати, смотря по сколько недѣль до Азова поспѣть мочно, по голубю на птицу или на две птицы по куряти на день; а за тотъ птичѣй кормъ далъ бы еси денги изъ Нашихъ изъ Воронежскихъ доходовъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7153 Юля въ 7 день» (Воронежскія Губерн. Вѣдом. 1850 года, № 34, часть неофициальная).

¹⁴⁾ До насъ дошелъ посольскій наказъ князю Борятинскому, изъ котораго и приводимъ интересныя для насъ извлеченія:

«Лѣта 7126 году, Маія 18 дня, Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Оедоровичъ всеа Росіи, велѣлъ Дворянину и Намѣстнику Болховскому Князю Михаилу Петровичю Борятинскому, да Дворянину Ивану Ивановичу Чичерину, да Дьяку Михаилу Тюхину, итти къ Кизылбашскому Шаху, для своего Государева и земскаго дѣла въ Послѣхъ, а съ ними посланы для Государева дѣла Переводчикъ Милюша Нагаевъ, и Толмачи пять человекъ. Да со птицы десять человекъ Кречатниковъ Оедоръ Тоболинъ съ товарищи; Да съ ними жъ вмѣстѣ итти въ Кизылбашы Шахъ-Аббасовымъ Посломъ, которые были у Государя, Кая Салтану, да Булатъ-Беку, изъ Казани, и дожидатца имъ въ Казани; а съ ними Шаховыхъ Барсовниковъ и Кречатниковъ девять человекъ». Шахъ-Аббасу, между прочимъ, посыалось «въ дарѣхъ двѣнадцать кречатовъ, да восемь чегликовъ кречатыхъ, со всемъ птичьимъ нарядомъ, да соболи и лисицы, и рыбей зубъ, и слюда и вино по разписи» Относительно отправлявшихся ловчихъ птицъ посламъ предписывалось: «И только надъ которымъ кречатомъ или надъ чегликомъ въ дорогѣ учинитца, которой заболитъ, вести будетъ нелзѣ, или который умретъ. И Посломъ князю Михаилу Петровичю съ товарищи, въ того кречата или въ чеглика мѣсто, такихъ же птицъ сыскивать въ городѣхъ гдѣ кого найдутъ; а гдѣ у кого кречата или чеглика скажутъ, и имъ у того та птица взяти на Государя, и велѣти вести къ Шаху въ выбылье мѣсто; а гдѣ надъ которою Государевою птицею что учинитца, и кого гдѣ въ то мѣсто птицу возмутъ, и имъ о томъ отписати къ Государю».

«А какъ будутъ у Шаха, и птицы на Посольствѣ отдадутъ, и нѣчто учнетъ къ нимъ Шахъ присылати, какъ поѣдетъ тѣшитца, чтобъ прислали къ нему для птицъ Государева Кречатника, а его кречатники къ тѣмъ птицамъ не пріобычались».

«И Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарищи отговаривати: Кречатники посланы со птицами того для, чтобъ ихъ довести здорово; а нынѣ они у

А ПРИПОМИНИТЕ СЛОВО ОТЦОВЕКОЕ :

« ХРАНИТЕ СВАТЫЕ УГОДНИКИ

И ГОСПОДЬ БЛАГОДАТЮ ПОЖАЛОВАМЪ

ДОМЪ УСТНОЙ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЪ,

ВСЕДЕРЖАВНУЮ РУСЬ ПРАВОСЛАВНУЮ » .

Н. Амочкинъ.

Шаховыхъ кречатниковъ и Шаховы кречатники ихъ приводите по своему какъ имъ надобно, а Государевымъ кречатникомъ ужъ нынѣ што за дѣло? а въ Государевомъ наказѣ о томъ имъ не написано, что Государевыхъ кречатниковъ съ Шахомъ посылати на потѣху, и Шаховобъ Величество того на нихъ не пыталъ, чтобъ имъ за то отъ Государя въ опалѣ не быть».

«А будетъ Шахъ о томъ учнетъ приказывати накрѣпко, чтобъ присылати къ нему на потѣху Государева кречатника»:

«И Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарищи отговорився всякими мѣрами, будетъ отговоръ не иметь, Государева кречатника послать, который бы былъ досужъ и навичень».

«А будетъ учнутъ говорити накрѣпко отъ Шаха, чтобъ велѣли Государеву кречатнику Государевыхъ птицъ къ ловлѣ приводити, а отговоритца будетъ не мочно, и Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарищи велѣти Государеву кречатнику птицъ приводить по ихъ обычью, какъ Государевы кречатники на то извычны».

«А будетъ Шахъ учнетъ говорити, чтобъ оставити у него для птицъ Государева кречатника или двухъ на время».

«И Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарищи отговаривати, о томъ у нихъ Государева указу нѣтъ, безъ Государева указу нынѣ оставити не смѣтъ, чтобъ у нихъ того Шахово Величество не пыталъ, чтобъ имъ за то у Государя въ опалѣ не быть, только имъ учинить безъ Государеву указу».

«А будетъ Шахъ за то упрямитца, и учнетъ о томъ говорити накрѣпко, а Государевѣ ссылкѣ будетъ радъ, и во всемъ за Государемъ похочетъ быти въ дружбѣ и въ любви, ко всякому будетъ добру придвиженъ, и на помочъ казны послати хочеть».

«И Посломъ Князю Михаилу Петровичю съ товарищи оставити кречатника, котораго одного изъ молодыхъ, которой бы ко птицамъ зналъ гораздо, и во всемъ къ тому дѣлу былъ навичень, а оставити на время и о томъ договоритца: какъ будетъ къ Шаху иные Государевы Послы, или Посланники, или гонецъ, или отъ Шаха къ Государю Послькѣ и Посланники, или гонецъ, и Шаху того Государева кречатника отпустить съ ними не задержавъ».

Въ указѣ, между прочимъ, говорится, что если съ послами захотятъ ѣхать въ Персію торговые люди, то посламъ надлежитъ «заказати и самимъ того беречи на крѣпко, чтобъ тѣ торговые люди заповѣдныхъ товаровъ, птицъ никакихъ, и соболей и куніцъ и бѣлокъ живыхъ» и другихъ «однолично съ собою не

возили». Даже и самимъ посламъ строжайшимъ образомъ приказывалось «къ Шаху въ поминкахъ птицъ никакихъ, кречетовъ, соколовъ и ястребовъ въ поминкахъ не носити» (Россійская Вивлюэнка, т. V, стр. 1—114).

Посольство Борятинскаго имѣло двоякую цѣль: благодарить шаха за присланное въ 1617 году серебро и просить «прислать еще денегъ ратнымъ людямъ на жалованье по случаю войны Польской», говоритъ Соловьевъ. «Эти послы были встрѣчены сухо; шахъ велѣлъ призвать младшаго изъ нихъ, дьяка Тюхина, и тотъ долженъ былъ выслушать сильную выходку противъ обычнаго въ Москвѣ обращенія съ иностранными послами, обращенія, противъ котораго тшетно до сихъ поръ протестовали правительства Европейскія. Аббасъ говорилъ Тюхину съ сердцемъ: «приказываю съ тобою словесно къ великому государю вашему, и ты, смотри, ни одного моего слова не утай, чтобъ оттого между ними смуты и ссоры не было; я государя вашего прошенье и хотѣнье исполню и казною денежною ссужу, но досада мнѣ на государя вашего за то: когда послы мои были у него, то ихъ въ Москвѣ и въ городахъ Казани и Астрахани запирали по дворамъ какъ скотину, съ дворовъ не выпускали ни одного человѣка, купить ничего не давали, у воротъ стояли стрѣльцы. Я и надъ вами такую же крѣпость велю учинить, васъ засажу такъ, что птицей черезъ васъ не дамъ пролетѣть, не только вамъ птицы не видать, но и пера птичьяго не увидите. Да и въ томъ государь вашъ оказываетъ мнѣ нелюбовь: воеводы его въ Астрахани и въ Казани и въ другихъ городахъ моимъ торговымъ людямъ убытки чинятъ, пошлины съ нихъ берутъ вдвое и втрое противъ прежняго и не только съ моихъ торговыхъ людей, но и съ моихъ собственныхъ товаровъ, и для меня товары покупать запрещаютъ: грошовое дѣло птица ястребъ. Купилъ мнѣ мой торговый человѣкъ въ Астрахани, а воеводы ястреба у него отняли, и Татарина, у кого купилъ сажали въ тюрьму, зачѣмъ продавалъ заповѣднй товаръ. Вы привезли мнѣ отъ Государя своего птицъ въ подарокъ, а я изъ нихъ велю только вырвать по перу да и выпущу всѣхъ — пускай летятъ куда хотятъ. А если въ моихъ земляхъ мои приказные люди вашего торговаго человѣка изубычатъ, то я имъ тотчасъ велю брюхо распоротъ».

«Послѣ этого пословъ долго не отпускали; князь Борятинскій и умеръ въ Персіи (въ городѣ Казбинѣ — Вивлюэ., т. V, стр. 130), а Чечеринъ и Тюхинъ возвратились въ 1620 году съ шаховымъ посломъ Булатъ-бекомъ Дьякъ Тюхинъ дорого заплатился за то, что ѣздилъ къ шаху одинъ и выслушивалъ его выходки Было несчастному 70 ударовъ, двѣ встряски, клещами горячими по спинѣ жгли Бояре приговорили дьяка Тюхина за измѣну и воровство со-

слать въ Сибирь и посадить въ тюрьму въ одномъ изъ Сибирскихъ пригородовъ» (Соловьевъ, Исторія, т. IX, стр. 202—204).

Брэмъ, т. III, 439 и 440.

¹⁶⁵⁾ Весьма много свѣдѣній имѣемъ мы о посылкѣ ловчихъ птицъ и другихъ охотничьихъ животныхъ въ Персію къ шаху Аббасу въ 1662 году съ нашими великими посланци, окольничимъ Федоромъ Яковлевичемъ Милославскимъ, со стольникомъ и намѣстникомъ Мядынскимъ — Федоромъ Савичемъ Нарбѣковымъ и съ дьякомъ Степаномъ Шараповымъ, выѣхавшими изъ Москвы въ Маѣ мѣсяцѣ этого года (Дворц. Разр., Дополненіе къ III т., стр. 333).

25 Февраля этого года было приказано отправить съ названными лицами къ шаху Аббасу одного кречета подкраснаго, 20 кречетовъ сѣрыхъ, 10 челиговъ кречатыхъ и 6 ястребовъ (Замѣтимъ, что изъ приводимаго ниже перечня птичьихъ нарядовъ явствуется, что или въ только что приведенномъ документѣ пропущено «15 соколовъ», или въ соколы наряды убирались при желаніи и кречеты). (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 186—7170 г.). На птицъ этихъ было заготовлено и передано по царскому указу нѣсколько комплектовъ птичьихъ нарядовъ, а именно: 30 нарядовъ кречатыхъ, 15 соколыхъ и 6 ястребыхъ. Въ числѣ кречатыхъ и соколыхъ нарядовъ имѣлось 13 въ одномъ золотѣ, 15—золото съ серебромъ, 17—въ одномъ серебрѣ. У всѣхъ этихъ нарядовъ ворворки и кляпышки были обнизаны жемчугомъ. Наряды же ястребы были ткани изъ золота съ серебромъ и различными шелками (Тамъ же, столб. 193—7170 г.). Ко всѣмъ птичьимъ нарядамъ было приказано заготовить колокольцы (Тамъ же, столб. 197—7160 г.). Съ птицами этими должны были ѣхать въ посольство сокольники: Василій Григорьевъ, Андрей Черцовъ, Игнатій Черцовъ, Игнатій Чекинъ, Иванъ Ларіоновъ, Фадѣй Ярцовъ, Кузьма Черцовъ, Иванъ Коноплевъ, Сафонъ Ивановъ, Кондратій Коноплевъ, Никита Ерофѣевъ, Наумъ Микулинъ, Артемій Лежневъ, Гаврила Рыкуновъ, Алексѣй Нѣмчиновъ, Яковъ Антипьевъ, Алексѣй Сергѣевъ, Алексѣй Улановъ, Александръ Степановъ и Александръ Степуринъ (Тамъ же, кн. 316, л. оборотн. 31, л. 49, л. оборотн. 49, л. оборотн. 67, л. оборотн. 83). Всѣ эти сокольники получили передъ выѣздомъ по доброму сукну, но всѣ ли они поѣхали въ посольство, или были частью замѣнены другими, точно сказать мы не умѣемъ, такъ какъ въ приводимомъ ниже наказѣ сокольникамъ о церемоніалѣ поднесенія ловчихъ птицъ шаху Аббасу, написанномъ для посольства тѣхъ же великихъ пословъ — окольничаго Федора Яковлевича Милославскаго съ товарищами, встрѣчаемъ новыя имена сокольниковъ и не находимъ нѣкоторыхъ именъ, приведенныхъ выше.

Кромѣ ловчихъ птицъ Персидскому шаху, въ эту посылку, повезли, вѣроятно, въ подарокъ и охотничьихъ собакъ. Для той же Кизильбашской посылки вѣрно было 15 Юля заготовить 7 псовыхъ своръ: свору въ золотѣ съ серебромъ съ кистями «ошекъ ткань въ крушки», надъ кистью ворворка низана жемчугомъ; три своры изъ золота, тканого съ Шемахинскимъ шелкомъ, съ золотыми кистями, съ ворворками, обшитыми золотою же канителью; двѣ своры изъ серебра, также тканого съ Шемахинскимъ шелкомъ, съ серебряными кистями, при ворворкахъ, обшитыхъ канителью серебряною; наконецъ, одна свора изъ золота, тканого съ серебромъ и съ Шемахинскимъ шелкомъ, съ кистью — золота съ серебромъ, при ворворкѣ обшитой золотою канителью (Тамъ же, столб. 193—7170 г.). Къ собакамъ были приставлены конные псары Исакъ Матвѣевъ и Сергѣй Пахиревъ, которымъ также было выдано по доброму сукну на челоука (Тамъ же, кн. 316, л. оборотн. 32).

Порядокъ поднесенія шаху Аббасу отправленныхъ въ эту посылку ловчихъ птицъ былъ опредѣленъ весьма подробно особымъ церемоніаломъ, который и приводимъ дословно по списку съ рукописи, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ:

«Съ начальнымъ съ Парфенемъ Тоболнымъ красныхъ птицъ (.) несть ихъ (:) кречать красной дикомытъ Ларіону Исаеву.

Кречать красной же молодикъ Кирилу Маслову

Кречать подъкрасной дикомытъ Роману Челцову

Да Парфеню жъ Тоболину на имя Соколова (Думаемъ, что эта фраза должна была бы быть написана такъ: «Да Парфеню жъ, — Тоболину на имя, — соколовъ:» — тогда она имѣла бы смыслъ).

Соколь дикомытъ Афони держат (туть, должно быть, «Афинина держанья») Ромилу Ромейкову.

Соколь вѣшнякъ ромашникъ держат (вѣроятно, «Ромашкина держанья») Сидору Кулину.

Ивану Ярыжкину

Соколь дикомытъ Кирсановъ держат (вѣроятно, «Кирсанова держанья») Андрею Кѣльину.

Соколь дикомытъ Московская держать Тимофѣю Поляникову Семену от Давлетову (Думаемъ, что эта фраза должна быть написана: «Соколь дикомытъ, Московскаго держанья Тимофея Поляникова, — Семену Отдавлетову»).

Соколь вѣшнякъ его жъ Семенов держать (вѣроятно, «Семенова держанья», т.-е. тутъ смыслъ тотъ: «его же, Семена Отдавлетова, держанья», т.-е. выноски, «сокола вѣшняка нести Ляхову») Семену Ляхову.

А чтобъ у тѣхъ рукавицъ концы было видѣть а самому бы тебѣ ѣхать въ тѣхъ рукавицахъ, которые присланы будутъ съ ерлыками и на обе руки и какъ Вы передъ великими и полномочными послы къ указному мѣсту приѣдете и тебѣ велѣть имъ рукавицы свои въ чемъ они поѣдутъ отдать людямъ своимъ, и отъ персей нарядные рукавицы взять перекрестяся и положить себѣ на руки.

А кречетникомъ же и соколникомъ Ларіону Исаеву съ товарищи велѣть ѣхать и птицъ вестъ въ нарядныхъ рукавицахъ, а посолскую рукавицу велѣть несть на персяхъ же за рукавомъ бережно жъ чтобъ сѣ не измять.

И приѣхавъ бы вамъ къ указному мѣсту и покаместъ великіе и полномочные послы къ тому же мѣсту придутъ и съ лошадей ссядутъ или изъ коретъ выдутъ, а тебѣ бы первому начальнику доложка ихъ великихъ и полномочныхъ пословъ объ птичьей уряде заранее и въ то время птицы наряжать у приѣзжаго мѣста по росписи чтобъ тотъ чинъ и урядъ и строиство видѣть было мочно многимъ людямъ и чтобъ одно конечно тотъ урядъ учинить бы тебѣ до приѣзду къ указному мѣсту великихъ и полномочныхъ пословъ и итить бы тебѣ въ тѣхъ рукавицахъ и до полаты и взять лутчево кречата, которой прилучитца тихо учтиво бережно со всякимъ охотничимъ остерегательствомъ отдать Ивану Ярышкину.

Другово Андрею Кельину

Третево Семену Отдавлетову

Клобучки низаные снявъ съ торѣлки положить на кречатовъ.

А торелку съ руковицею принявъ самому же отдать несть Дорименту Данилову передъ собою.

А на другую торелку, на которой были клобучки, положить другую рукавицу по бѣлому отласу шитую канитѣлю и обнизаную жемчюгомъ снявъ съ первые тарелки и велѣть несть Ларивону Исаеву по лѣвую сторону Доримента. А итить имъ вмѣсте а тарелки несть на стоянцахъ, а на торелке быть по рукавицѣ. А снятыя со птицъ клобучки велѣть несть въ тавтѣ Кирилу Маслову безъ тарѣлки промежъ кречетовъ и соколовъ.

А посолскую рукавицу велѣть несть Власу Лабутину на тафтѣ безъ торѣлки, по лѣвую сторону Кирила Маслова а итить вмѣсте.

А за ними несть свою рукавицу Роману Челцову въ рукѣ безъ тафты.

А Портамуѣю велѣть итить позади поросжему.

И какъ великіе и полномочные послы отъ приѣзжего мѣста пойдутъ къ Шахъ Аббасову величеству а тебѣ первому началному и всѣмъ со птицы велѣть итить за собою по росписямъ и тебѣ бы итить по чину и какъ они великіе полномочные послы къ Шахъ Аббасову величеству пойдутъ въ полату на посолство, а послѣ

того велятъ васъ со птицами позвать къ Шахъ Аббасову величеству въ полату и укажутъ вамъ стать на улазномъ мѣсте по чину и тебѣ бѣ первому начальному въ полату итти по сему нашему великого Государя указу и по росписи устроися.

А къ полатѣ пришедши рукавицу которая съ ерлыкомъ снять и отдать Партимофею и вслѣтъ ему спрятать за рукавъ, чтобъ еѣ было не видеть и велѣтъ ему итти въ указномъ мѣстѣ позади и какъ въ полату позовутъ и перво велѣтъ итти передъ собою вмѣстѣ и нѣсть торелки съ рукавицами.

Съ правой Дориментъ съ лѣвой Ларнонъ.

За ними итти тебѣ.

За тобою велѣтъ несть кречаты по росписи и подносить по росписи жъ.

И какъ великіе и полномочные послы учнутъ поминки Шахъ Аббасову величеству объявлять и тебѣ бѣ первому начальному взять у Доримента первую рукавицу шитую кантелю и обнизываную жемчугомъ бельшимъ по зеленому отласу на костяной тарелкѣ и на таѣтъ и поднести къ первому великому послу къ Околничему и Намѣстнику Новоторжскому къ Ѳедору Яковлевичю Милославскому и какъ онъ первой великой полномочной посолъ къ Шахъ Аббасову величеству тоѣ торелку поднесетъ съ руковицею и тебѣ бы первому начальному перекрестяся чинно и взявъ свою руковицу и наложка еѣ на руку — взять у Ивана Ярыжкина первую птицу.

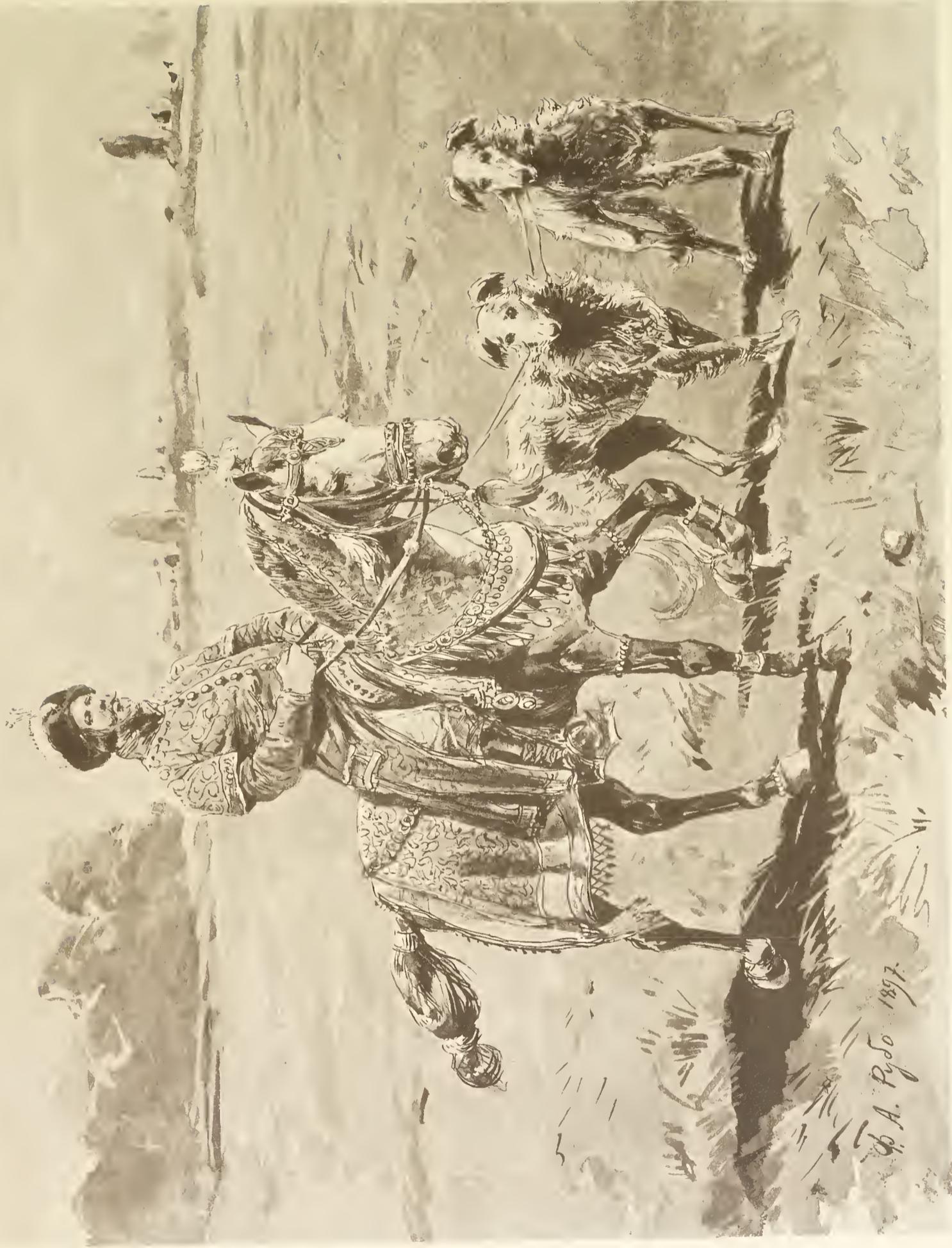
А какъ отъ Шахъ Аббасова величества онъ великій и полномочной посолъ придетъ и рукавицу, на которой ему Шахъ Аббасову величеству птицы подносить вздѣнетъ и тебѣ бы первому начальному тоѣ птицу ему великому и полномочному послу поднести со всякою учтивостью.

И какъ онъ тоѣ птицу къ Шахъ Аббасову величеству поднесетъ, а тебѣ бѣ въ то время взять у Ларнона другую торелку костяную съ руковицею шитою кантелю жъ и обнизаную жемчугомъ по бѣлому отласу на таѣтъ жъ и поднести первому жъ послу и рукавицу отъ дву кречатовъ, будетъ третій кречать будетъ въ дѣлѣ и о томъ сказать ближнимъ людямъ заранее, а будетъ будутъ два кречата и той рукавице быть отъ другою.

А какъ онъ тоѣ торелку Шахъ Аббасову величеству поднесетъ, а тебѣ бѣ начальному въ то время перекрестяся взять у Андрея Кѣлына другую птицу.

И какъ онъ отъ Шаха Аббасова величества придетъ и тебѣ бы начальному тоѣ птицу поднести ему же первому послу чинно жъ.

А третьяго кречата Шахъ Аббасову величеству поднести за твоею жъ рукавицею а о соколахъ говорити заранеѣ, что бы Шахово величество изволилъ на полѣ себѣ

поднести и буде его Шахъ Абассово величество поволитъ себѣ соколовъ поднести послѣ потѣхи на полѣ и третю рукавицу шитую канителью жъ и обнизываную жемчюгомъ по байбереку голубому подносить ему Шахъ Аббасову величеству передъ соколами послѣ потѣхи на поле первому жъ послу съ соколами вмѣстѣ по росписи особо писанной и какъ тѣшить.

А сныты съ кречетовъ клобучки, которые будутъ въ таѣтѣ у Лорнона Псаева послѣ кречатовъ объявля отдать Шахъ Аббасова величества начальному птичьему охотнику которому довеца (вѣроятно, «доведетца»).

А будетъ Шахъ Аббасово величество велитъ на посолство вестъ и соколовъ и тѣхъ соколовъ вести по росписи.

И великому полномочному послу къ подносу Шахъ Аббасову величеству поднести тебѣ жъ Парфенью, противъ того жъ какъ писано выше сего первого сокола; и для того послана запасная рукавица а лежать ей въ третихъ на низу на той же торелке.

А отъ Шахъ Аббасова величества изъ палаты тебѣ первому начальному и всѣмъ итти до лошадей и на лошадахъ до посолскаго двора ѣхать стройно по первому чину, какъ съ посолскаго двора ѣхали къ Шахъ Аббасову величеству на посолство.

А передъ собою велѣтъ ѣхать двумъ человекомъ: Власу да Патимуоѣю по прежнему.

Роспись какъ тѣшить Шахъ Аббасово величество.

1-е.

Напередъ выѣхать кречетникомъ на тѣ воды, гдѣ Шахъ Аббасову величеству тѣшитца, а тебѣ бы воды осмотрѣть стройны и пригодны (вѣроятно, пропущено «ли»), до того дни, какъ Шахъ Аббасову величеству тѣшитца. И выѣхавъ и по рассмотрѣню Парфенью половину заслатъ за воду и съ соколами велѣти стать по чину, какъ ведеца противъ вѣтра.

2-е.

А какъ Шахъ Аббасово величество выѣдетъ и ему Парфенью велѣти съ порожими которые будутъ по сторону воды, съ лошадей сѣсть и ему саму другу или саму третью, стоять пѣшимъ на томъ мѣстѣ гдѣ Шахъ Аббасову величеству недоѣхавъ у воды стать; и какъ Шахъ Аббасово величество станетъ близитца къ тому мѣсту и ему бы Парфенью велѣтъ подѣхать къ Вамъ великимъ и полномочнымъ посломъ извѣститъ о томъ гдѣ Шахъ Аббасову величеству стоять. А товарищамъ съ того мѣста сходить не велѣтъ и Вамъ бы великимъ и полномочнымъ посломъ тотчасъ подѣхать или подшетчи по тамошнему обычаю извѣститъ Шахъ Аббасову величеству гдѣ стать. А онъ бы Парфеній извѣстятъ Вамъ то мѣсто, да тотчасъ обѣхавъ и сталъ по прежнему, на томъ мѣстѣ дожидатца Шахъ Аббасово величество.

3-е.

А какъ Шахъ Аббасово величество придетъ гдѣ пристойно у воды стоять и вамъ бы великимъ и полномочнымъ послемъ по тамошнему обычаю учтиво подѣхавъ или подшетчи Шахъ Аббасову величеству извѣститъ, какъ укажетъ: откидывать соколовъ и какъ укажетъ и тогда велѣть Пароеню съ товарищи сѣсть на лошади и велѣть откидывать соколовъ и какъ первый соколъ полетитъ и Вамъ бы великимъ и полномочнымъ посломъ Шахъ Аббасову величеству извѣститъ, чтобы изволилъ подвинутца къ водѣ ближе, чтобы мочно было видѣть. А какъ станетъ соколъ въ лѣту и тебѣ бѣ великому и полномочному послу приказать первому начальному Пароеню Тоболину чтобъ онъ подѣхавъ извѣстилъ тебѣ что соколъ сталъ въ лѣту и ждетъ убою, а тебѣ великому полномочному послу Шахъ Аббасову величеству о томъ извѣститъ: укажетъ-ли гнать, а будетъ укажетъ тогда велѣть гнать. А въ то время извѣститъ бы чтобъ Шахъ Аббасово величество изволилъ подвинутца къ водѣ и ближе, чтобъ видѣть было гораздо. И какъ дастъ Богъ соколъ убьетъ утя и о томъ доложить живой ли? отымать или сокола потѣшить дать загрысть, а того отнять не говорить что отказывать ли.

4-е.

И какъ соколъ убьетъ утя и Вамъ бы великимъ и полномочнымъ посломъ Шахъ Аббасова величества доложить изволитъ ли еще откидывать соколовъ на той же водѣ, будетъ будутъ утки или на иные воды изволитъ итить тѣшитца и какъ Шахъ Аббасово величество изволитъ такъ по его изволеню и дѣлать по сей жъ росписи а съ соколами и порозжимъ изъ воды безъ указу Шахъ Аббасова величества не съѣзжать будетъ будутъ утки на той водѣ, съ которой воды утя убьютъ.

5-е.

И какъ Шахъ Аббасово величество изволитъ итить съ поля тѣшася и передъ тѣмъ временемъ Вамъ великимъ и полномочнымъ посломъ соколовъ всѣхъ которые убьютъ и неубьютъ велѣть кречетникомъ и сокольникомъ накормя мало, чтобы сыты были и самознатныхъ поднести къ себѣ всѣхъ и рукавицу на торелкѣ по золоченой по сей росписи.

Первое передъ Пароенемъ итить съ торѣлкою золоченою, на ней несть рукавицу по голубому байберу Андрею Кельину.

А Пароеню итить, послѣ его порозжему въ рукавицѣ нарядной по ярлыку.

А позади его несть, одного сокола, который при Шахъ Аббасовѣ величествѣ убьетъ утя Ивану Ярышкину.

А утя несть — Семену Отдаветову съ нимъ поровень по лѣву.

А досталныхъ соколовъ несть лучшимъ жъ людямъ первой и второй статьи кречатникомъ, а итить съ соколами второй статьи, а порожимъ итить за соколами.

И какъ Парѣеній съ товарищи къ Вамъ великимъ и полномочнымъ посломъ придутъ и въ то время Вамъ великимъ и полномочнымъ посломъ — сойтить съ лошадей и пришедчи Шахъ Аббасову величеству поднести по чину первому Великому и Полномочному Послу рукавицу, да соколомъ тѣмъ жъ чиномъ что и кречета; а утя поднести другому послу и какъ Вы великіе и полномочные послы поднесете по чину и поклонитца бѣ Вамъ Шахъ Аббасову величеству за просто, болше того какъ на посолствѣ бываетъ.

А ему Парѣеню съ товарищи въ то время велѣтъ поклонитца въ землю, и поднести одного сокола доложить Вамъ Великому и Полномочнымъ посломъ кому Шахъ Аббасово величество укажетъ досталныхъ соколовъ принимать, и буде велитъ отдавать при себѣ кому и Вамъ бы Великому и Полномочнымъ Посломъ велѣтъ тому и отдавать, а отдавъ велѣтъ кречатникомъ и соколникомъ Шахъ Аббасову величеству поклонитца въ землю жъ.

Будетъ Шахъ Аббасово величество изволитъ себя тѣшитъ на завтрае или сряду и кречатникомъ и соколникомъ приказать Шахъ Аббасово величество тѣшитъ тѣмъ же обычаемъ.

А на поле Парѣеню быть въ той рукавицѣ на которой подписано на ярлыкѣ именно, а товарищамъ своимъ велѣтъ быть въ простыхъ рукавицахъ.

Статья запасная.

А на первой статье о выѣздѣ наводъ кречатниковъ со птицы до того времени какъ Шахъ Аббасово величество тѣшитца изволитъ говорити бы Вамъ Великому и Полномочнымъ Посломъ заранее, и какъ Шахъ Аббасово величество ѣхать имъ изволитъ и которой соколъ учнетъ лѣтѣть выше и того сокола называть первымъ» (Государственн. Арх., разрядъ XXVII, № 52).

Въ заключеніе приводимыхъ свѣдѣній объ этой посылкѣ скажемъ, что, передъ выѣздомъ посольства изъ Москвы, были, между прочимъ, сшиты изъ тафты лопасти «къ крыльямъ которые живутъ на соколникахъ», отправляемыхъ въ Кизильбашу (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 10—7171 г.).

Олеарій, стр. 673—682.

¹⁴⁶⁾ Въ 1663 году къ Шаху Аббасу, по всей вѣроятности, отправили изъ Москвы съ государевой псарни живыхъ медвѣдей и охотничьихъ собакъ, такъ какъ подъ 3 Марта этого года мы встрѣчаемъ награду, въ видѣ сукна добраго,

конному псарю Власу Окишеву «для Кизильбашской службы», а подъ 3 Апрѣля— такую же награду и по той же причинѣ медвѣдчику Акундшу Федотову (Тамъ же, столб. 249—7171 г.). Объ этой посылкѣ Катошихинъ говоритъ слѣдующее: «А въ прошломъ 1663 году послано въ Персію, съ послы, больши 200.000 рублей даровъ: двѣ кореты серебряны (одно позолочено, а къ нимъ по 12 лошадей съ прибавошными лошадми, соболи, кунницы, и всякая мягкая рухлядь, птицы и звѣри всякіе живые, многіе, съ прибавкою, потому что за дальнею дорогою и за повѣтріемъ птицы и звѣри помираютъ, и въ то число прибавливаютъ ныне» (Катошихинъ, стр. 47). Интересно, что къ приведенному сообщенію Катошихинъ добавляетъ: «А возвращатся Московскіе послы отъ Турского салтана и отъ Персидскаго шаха назадъ, къ Москвѣ, въ четвертое лѣто: понеже проѣздъ гораздо жестокъ, и отъ воздуху многіе люди помираютъ» (Тамъ же).

Свѣдѣній о посылкахъ ловчихъ птицъ съ 1663 по 1667 годъ мы не имѣемъ; въ послѣднемъ же году ловчія птицы были отправлены въ Персію съ посломъ Клементьемъ Іевлевымъ. Дошедшій до насъ документъ, касающійся этой посылки, гласитъ, что отправлено было 5 кречетовъ съ полнымъ на нихъ нарядомъ (Арх. Мин. Двора, Обшій, столб. 252—7180 г.). Однако, мы имѣемъ полное основаніе думать, что птицъ было отправлено къ шаху гораздо больше, такъ какъ въ эту посылку отправилось 11 человѣкъ сокольниковъ, Терентій Толубѣевъ съ товарищами, которымъ — весьма интересный фактъ — было приказано выдать для Кизильбашской посылки по 3 фунта пороха на человѣка (Тамъ же, столб. 449—7175 г.). Надо полагать, что порохъ, а значитъ, и огнестрѣльное оружіе выдавались отправляемымъ въ чужіе края сокольникамъ для доставленія имъ возможности защищаться въ случаѣ нападенія въ пути недобрыхъ людей. Замѣтимъ кстати, что посылка эта совпадаетъ по времени съ началомъ разбойничьихъ подвиговъ Стеньки Разина, дѣятельность котораго имѣла ареною Волгу и Каспійское море, то-есть края, черезъ которые надлежало проѣзжать посольству къ шаху.

¹⁴⁷⁾ Въ Декабрѣ того же 1622 года вернулись въ Москву кречетникъ Яковъ Тоболнинъ и сокольникъ Данила Гребенкинъ, отвозившіе ловчихъ птицъ въ Бухару въ рядахъ посольства Ивана Даниловича Хохлова. По прибытіи они подали царю Михаилу Ѳеодоровичу слѣдующую челобитную:

«Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Росіи бьютъ челомъ холопи твои кречетникъ Янка Тоболнинъ, да сокольникъ Данилко Гребенкинъ. По твоему Государеву указу были мы холопи твои на твоей Государевой службѣ въ Бухарехъ съ твоимъ Государевымъ посланникомъ съ Иваномъ Даниловичемъ

Хохловымъ, а на Москвѣ намъ дано холопомъ твоимъ твое Государево жалованье на прошлой на 128 и на 129 годъ, а на прошлой на 130 годъ и на нынѣшней на 131 годъ твоимъ царскимъ жалованьемъ не пожалованы. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Росіи пожалуй насъ холопей своихъ своимъ царскимъ жалованьемъ и на прошлой на 130 годъ и на нынѣшней на 131-й наши оклады противъ нашей брата, которые были въ Кизылбашехъ, для нашей великой бѣдности, и вели Государь намъ дати изъ посольскаго приказа память въ приказъ большого дворца, чтобъ мы холопи твои въ конецъ не погибли и твоей царской службы впредь не отбыли. Государь Царь смилуйся пожалуй». . . . «Государь пожаловалъ велѣть дать на 130 годъ потому что быть тотъ годъ на службѣ, а дать сполна» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Дѣла приказныя, № 23, свитокъ 12).

¹⁴⁸⁾ См. примѣчаніе 145.

¹⁴⁹⁾ «Въ 1624 году шаховы (Персидскіе) послы Русанъ-бекъ и Булатъ-бекъ поднесли Патріарху Филарету драгоценный подарокъ, срачицу Христову, похищенную въ Грузіи»..... Когда эти послы возвратились въ свое отечество, то.... «Вмѣстѣ съ Русанъ-бекомъ пріѣхали въ Персію Московскіе послы, князь Григорій Тюфякинъ, Григорій Ѳеофилатьевъ и дьякъ Пановъ, и на нихъ шахъ жаловался царю, что когда они пришли въ Персію, то онъ, Аббасъ, находился въ то время подъ Богдадомъ и просилъ пословъ прислать къ нему туда кречетовъ, но они не прислали и когда потомъ представились ему, то поднесли птицъ живыхъ двѣ или три, да поднесли птичьи хвосты и перья; потомъ присланы были съ ними отъ царя къ шаху оконничные мастера, и они этихъ мастеровъ не прислали во время, по шаховой просьбѣ; не пошли къ шаху представляться на томъ основаніи, что не могутъ представляться съ другими послами; когда шахъ звалъ ихъ на площадь смотрѣть конное ученье, то они не послушались, не поѣхали; наконецъ, не пошли къ шаху въ томъ платьѣ, которое онъ имъ подарилъ. Во всемъ этомъ послы поступили по буквѣ наказа и бояра объявили шахову послу, что Тюфякинъ съ товарищами не виноваты; несмотря на то, однако, царь вѣрнѣе шаху, что послы прогнѣвали его и потому велѣлъ положить на нихъ великое наказанье. Дѣйствительно положена была на пословъ опала за то, что когда за столомъ у шаха пили царское здоровье, то князь Тюфякинъ не допилъ своей чаши. За такую вину пословъ слѣдовало бы казнить смертью, сказано въ приговорѣ, но Государь, для сына своего царевича Алексѣя и по просьбѣ отца своего патріарха Филарета Никитича, велѣлъ только посадить ихъ въ тюрьму, отобравши помѣстьѣ и вотчины. Кромѣ этой вины нашлись

и другія: въ городѣ Ардебилѣ князь Тюфякинъ велѣлъ украсть татарченка, котораго продалъ въ Кумышской землѣ, а въ Кумышской землѣ велѣлъ украсть дѣвку и вывезъ ее тайкомъ, положивши въ сундукъ» (Соловьевъ, Исторія, т. IX, стр. 205—6).

¹⁵⁰⁾ См. примѣчаніе 147. «Въ томъ же 1675 году кречаты и ястребы были отправлены въ Бухару. Сколько было отправлено птицъ — мы не знаемъ; знаемъ только, что для этой посылки было заготовлено 7 клубочковъ кречатыхъ и 3 — ястребыхъ (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 367—7183 г.) и что отправлявшіеся въ Бухару сокольники, Епенеть Похвистневъ съ товарищами, въ числѣ 3-хъ человекъ, были вооружены для путешествія длинными пищалями и парюю пистолетовъ каждый (Тамъ же, столб. 302—7183 г.). Эта посылка, судя по имѣющимся документамъ, была послѣднею посылкою при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ».

¹⁵¹⁾ Пять писемъ столника Афанасія Ивановича Матюшкина къ царю Алексѣю Михайловичу (Чтенія въ Импер. Об-вѣ Истор. и Древн. Россійск. при Московскомъ Унив-тѣ, 1847 г., № 5, стр. 139—143).

№ I. «Государю царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всея Росіи, холопъ твой, Афонка Матюшкинъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году Маія въ прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя Государева Царева и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича всея Росіи, грамота, велено мнѣ, холопу твоему, писать хъ тебѣ, Государь, въ который день буд Москвѣ; и на Москвѣ. Государь, былъ дождь въ бѣдъ и послѣ обѣда невеликъ. А пѣтицы твои, Государевы, Бояринъ да Бѣляй съ печенми, а Ойдаръ, Государь, далъ Богъ здорова, а Мурату, Государь, вчерась пускали осорью св перя, и онъ, Государь, добылъ добре добро а челигу, Государь, Лихачу пуцали и онъ, Государь, добылъ въ верху жъ, а Стреляю пускали осорью, и онъ еще не хо а кречеты, Государь, Алай да Нечей шеде да чаликовъ, Государь, Нагая да вабили къ лошеде жъ; и они, Государь, кречеты и челиги, летали хорошо; а Государь, Малець Сибирскій занемогъ д Государь, ушибла изъ окна окончиною и я скиваль, что хто та окончину валъ нутри, и видаки Государь, есть давалъ изъ тово окна Ивашка Ярышкинъ штаны Олешкѣ Камчатову чину вставлялъ и штаны въ томъ запарса, и я, Государь, про то и онъ повинился, что штаны по изъ окна, и я ево билъ батогами, чтобъ вставлялъ окончину крѣпко бы твоихъ Государевыхъ берегъ. А сокольникъ новой, Мишка Семеновъ, креста не цаловалъ; а Нечая, Государь, кречета держитъ Олешка, а Нагая челига держитъ ска Юровъ; а птицъ твоихъ Государевыхъ столники и соколники

харашо Государь, Сальяна клобучечить и онъ еще жестокъ; да какъ, Государь, Боярина да Бѣляя держать-ли или не держать, что они съ печенми; а кречеть Колмагоръ летитъ сажень съ пять; а у насъ Московскихъ твоею, Государскою, милостью далъ Богъ все здорово и добро; а Карпунка Саколникъ еще не вставалъ; а птицъ держитъ Алешка Камчатой; а квасцы слалъ хъ тебѣ, Государю, Василіи Голохвастовъ жа Конюхомъ. А пѣтицами, Государь, шлять и хъ твоему Государеву приѣзду какъ Богъ помощи подастъ».

№ II. «Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Росіи, холопъ твой, Аоонка Матюшкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ Государь, во 158 году Маия въ 28 день твоя, Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Росіи, грамота ко мнѣ, холопу твоему, а велѣно мнѣ, холопу твоему, писать къ тебѣ, Государь, Государевыхъ птицъ, чтобъ ими промыслять ему Государеву приѣзду готовить; и грехомъ, Государь, моимъ, твои, Государевы, пѣтицы занемогли, Бояринъ да Бѣляй пупъ, Государь, у нихъ мало не весь заволокло; а Мурать кречеть сметалъ двожды, а въ третие, Государь, ли крылышко и онъ просидѣлъ, а Сибирской, Государь, Малець боленъ, не ѣстъ; а Ковачъ, Государь, чегликъ по сю лутчи, ни хуже нетъ, а Чеглику, Государь валн грачника въ вабиле и онъ загрысъ харашо чу, Государь, Лихачю пушоная пушали во добылъ добре харашо, а булату, Государь, кречету давали осорью въ вабиле, а онъ загрысъ да въ вабиле давали осорью жъ и онъ загрысъ же Государь, кречать далъ Богъ здаровъ, а Нечай, Государь, да Алай къ лошаде къ вабилу летягъ добре а живое, Государь, имъ въ вабиле еще не давали; а Колмагоръ, Государь, кречеть на вабило летитъ сажень съ пя рочита, а соколъ, Государь, Бѣляй летитъ на вабило на, Государь, кречета клобучечить Кирсан никъ, Ивашка Григоровъ привезъ отъ тебя Государя асорей, и асорей, Государь, у насъ будетъ стол ковъ, Государь, у насъ всего два, а промыслить, Государь, а што, Государь, всего отобрать къ твоему, Государь, ду пятнадцать асорей, и тѣ, Государь, чато браны и по твоему, Государь, указу сакол шелева хъ тебѣ, Государю, послали а Ивашку Ярышкина по твоему батаги били, чтобъ и инымъ впредь птицъ бит чтобъ насили бережно, а што Государь приказно лопу твоему о птицахъ радѣте и ходитъ и промыслять, какъ Богъ помощи подастъ, и я по твоему кресному цалованью рать всею душею, какъ Богъ помощи подастъ».

№ III. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всея Росіи, Афонка Матюшкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году, Іюня въ 5 день, прислана твоя, Государева, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Росіи, грамота ко мнѣ, холопу твоему, съ твоимъ Государевымъ, сокольникомъ, съ Офонкою съ нимъ же, Государь, послано есте коршаковъ и я, холопъ твой, по твоему Государеву Указу у н шесть коршаковъ, да орлокъ, да сарычъ Государь коршака отъ, Офонка, упустилъ на дорогѣ. А птицы твои, Государевы, кречеты Айдаръ Богъ здорово, а Муратъ кречетъ вые а Стреляй, Государь, да Булатъ осоры загрызають худо; а Нечай, Государь, летитъ добро, а Алаю, Государь, кречету есть, а Сибирскій, Государь, кречетъ, гар а Сальянъ, Государь, къ клобучку смиренъ, а хо класть вабило, а челикъ, Государь, Сибирской умеръ, а челига твои, Государевы, Лихачъ добываетъ добро, а Нагая, Государь, челигу впервой воронку, и онъ улнулъ на землѣ ну, Государь, челигу есть легче, а таль, а соколъ, Государь, Бѣляй лежитъ к сажень съ тридцать; а Петръ, Государь, Хомяковъ исклобучечилъ; а осорей, Государь, будетъ объ осоѣвскихъ, Государь, соколахъ мнѣ, холопу твоему, Указу нѣтъ; а колоколцы, Государь кречатыи и с послалъ я, холопъ твой, съ тѣмъ же Соколникомъ, съ Офонкою Кѣлынымъ; а Столники, Государь ники птицъ держатъ не ослушно Государь, Бояринъ да Беляй съ печенми соколъ съядога боленъ ».

№ IV. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всея Росіи, холопъ твой, Афонка Матюшкинъ челомъ бьетъ. Присланъ ко мнѣ, холопу твоему Стриголниковъ, а велѣно, Государь, съ нимъ ка и я, холопъ твой, по твоему корша съ нимъ къ тебѣ, Государь, корша А птицы твои, Государь, кречетъ Богъ здоровъ, и поскали (пускали), Государь, ему ка, и онъ добылъ добре добро, и хотн да Алай, Государь, кречетъ, да Соколъ Беляй здоровъ, къ вабилу летятъ хорошо Государь, кречетъ къ вабилу летитъ саж цеть, а къ клабучку жестокъ, а П соколъ безъ крылъ, а обпрокъ, Государь, сажень съ десять, а Смирену, еще не исклобучечили; а соколы, Государь: Другъ да Юдругъ, да Сиривъ, да Соловей едятъ худо; а Ковачя, Государь, меншой умеръ, што привезъ Парѣеней; а коршавъ (коршаковъ), Государь осталось два, да сарычъ, да орлакъ».

№ V. «Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Росіи, холопъ твой, Афонка Матюшкинъ челомъ бьетъ. По твоему Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Росіи Указу, велено мнѣ, холопу твоему,

во мне, холопу твоему, твоего Государя указу нѣтъ кого Везему послать и какими сыскивать про ту лаю а соколникъ подалъ мне, холопу твоему, ссылку, а въ ссылкѣ пишетъ: слался онъ на Московскаго стрелца, Артамонова Приказу Матвѣева, на Богданку Терентьева, да на крестьянъ бояринъ Бориса Ивановича Морозова, села Иславскаго, на Ивашку Медвѣдя, да на Сеньку Иванова, а иныхъ волостныхъ людей и крестьянъ въ то время, никаво, де, не было, и о томъ мне, холопу своему, какъ ты, Государь, укажешь».

№ II. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, холопъ твой Васка Голохвастовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году, Маія въ 27 день, по твоему Государеву указу прислана ко мне, холопу твоему, твоя Государева Царева и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича всеа Русіи, грамота, а по сей твоей Государевой грамотѣ велено мнѣ, холопу твоему, послать Стряпчева Иванова сына Философова на Вяземской кабацкѣ сыскивать про Кирсан дѣло, и на Вяземскомъ кабацкѣ про то дѣло сыскать некемъ, ни какихъ волостныхъ ныхъ людей въ то время не было, а онъ Кир шлетца на Московскаго стрелца Артамонова Приказу Матвѣевъ, на Богдашку Терентьева, да на тяглова человѣка Мясницкой сотни, да на крестьянъ Боярина Бориса Ивановича Морозова, села Иславскаго, на Ивашку Медвѣдя да на Сенку Иванова, и тѣми людьми про то дѣло сыскивать мнѣ, холопу твоему, ими не указано, на которыхъ онъ Кирсанко слался. Да мнѣ же, холопу твоему, велено отобрать пятнадцать осорей, которые парчее, и беречь хъ твоему, Государеву, приѣзду; и я, холопъ твой, по твоему Государеву указу пятнадцать осорей отобралъ и беречь немъ, да мнѣ же, холопу твоему, по твоему Государеву указу велено кречетамъ и челигамъ въ вабило осоры вѣвязывать и промыслять кречетами и челигами, сколько Богъ помощи подастъ, а кречету Булату въ вабиле живово давали, да кречету Стреляю живое жъ въ вабиле давали и онъ загрызъ, а челигу од гаю живое давали въ вабиле, и онъ загрызъ, а соколъ Бѣляй черезъ д скочить на вабило, а кречеть Сибирской Колмогоръ сажень съ пять летитъ на вабило, а Алай къ вабилу летитъ добре добро... Нечай къ вабилу добрежъ добро летитъ, а живое давать имъ какъ ты, Государь, укажешь, а Левкинъ, Государь, челигъ Лихачъ третьево дни до, былъ воронку пущеную добре добро, а кречеть Муратъ боленъ гораздо, дважды сметалъ, а Малець челигъ Сибирской умираетъ кречеть Бояринъ и Беля съ печен болши полупуна заволокло г холопу твоему, велено къ тебѣ, Государю, п коршака, будетъ три коршака шаковъ здѣсь только, Государь, всего два, одинъ нарочеть, а другой корш худъ; а Ивашка

Ярышкина по твоему Государеву указу батогамъ били болно, а соколника Оетку по твоему Государеву указу хъ тебе, Государю, послали. Да прислалъ ты, Государь, къ намъ, холопомъ твоимъ пятнадцать осорей съ соколникомъ Ивашкою Григорьевымъ, и онъ, Ивашко, къ намъ, холопомъ твоимъ, привезъ всево натцать осорей, а двѣ сказыв на дорогѣ умерли, а чет взялъ, де, Игнатъ, а пятна не было, всево де съ нимъ послано четырнадцать. Да писалъ ты, Государь, къ намъ, холопомъ своимъ, что не малоль у насъ осорей, и осорей у насъ здѣсь девяносто безъ осорыи, а будетъ ты и изволишь назадъ изъ походу прислать осорей десятокъ стъ, и оне, Государь, впередъ пригодятца. А впередъ, Государь, намъ птицъ беречь, и за ними ходить, и тебѣ, Государю, радѣть, сколко Богъ помощи подасть Соколникъ Ивашко къ намъ не живаль, а сказалъ, что осор де Игнатъ у себя».

№ III. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, холопъ твой, Васка Голохвастовъ, челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 158 году, Юня въ 5 день, по твоему Государеву Цареву и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича всеа Русіи, указу прислана ко мнѣ, холопу твоему, грамота съ соколникомъ съ Офонкою Кѣльинымъ, а съ нимъ, Государь, прислали къ намъ, холопомъ твоимъ, семь коршаковъ, да орлака, да сорыча соколникъ, ѣдучи отъ тебя, Государя, на дорогѣ коршака опустили, привезъ къ намъ, холопомъ твоимъ, шесть коршаковъ, да орлака, да сорыча, и мы, холопи твои, по твоему Государеву указу то принели. Да намъ же, холопомъ твоимъ, по твоему Государеву указу велено кречетамъ пушѣное пушать коршаковъ, и мы, холопи твои, по твоему Государеву указу кречетамъ станамъ пушѣное пушать, а иныхъ коршаковъ къ твоему Государеву приходу беречь и кормить станемъ; а кречеть Бояринъ съ печенми, а Мурату крѣчату есть легче, а ской крѣчатъ боленъ, а челигъ Малець Сибирской умеръ, а Стреляю и Булату осорыи давали въ вабиле, и онѣ при лѣтитъ къ вабилу хорошо, а Алаю крѣчату есть, а челигъ Лихачъ пушѣное добываетъ добрѣ добро, пушали воронку, и онъ ульнулъ на землѣ, а о сол гу есть же легчѣ, а Сейской соколъ боленъ, а сол чѣта искловучѣчили. Да писалъ ты, Государь, къ намъ, холопомъ своимъ, про коршаки и про осорыи, и коршаковъ, Государь, девять, а осорей, Государь, у насъ полшестадесять да да сарычь; а колоколцовъ, Государь, мы холопи твои, послали десять. А соколника, Государь, Офонку мы, холопи твои, отпустили къ тебѣ Государю, того жъ ».

№ IV. «Государю Царю и Великому Князю, Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, холопъ твой, Васка Голохвастовъ, челомъ бьетъ. Присланъ ко мнѣ, холопу твоему,

с Мишка Стригалниковъ, и велено, Государь, мнѣ прислать коршака, и я, холопъ твой, по твоему Государеву указу, съ нимъ къ тобѣ, Государь, коршака отпустилъ. А птицы твои Государевы кречеть Нечай далъ Богъ здоровъ, а пускали ему коршака, и онъ добылъ добре добро охотно гораздо; Алей, Государь, кречеть да соколъ Бѣляй далъ Богъ здоро къ вабилу летять рово; а Сальянъ, Государь, кречеть къ вабилу летить сажанъ съ пятнадцать, а хъ клопучку жестокъ Государь, соколъ безъ крыль; а Обирокъ, Государь, соколъ сажень съ десять; а Смирену, Государь, еще не исклбучечили, а соколы, Государь, Другъ, да Юдругъ, да Сиривъ, да Соковой ѣдятъ худо; а Ковачъ, Государь, челигъ боленъ гораздо; а ястребъ, Государь, меншой умеръ, што привесъ Пароеней; а коршаковъ осталось два, да сырычъ, да орлакъ».

ИЗБРАНІЕ НА ЦАРСТВО
ГОСУДАРЯ ЦАРЯ
МИХАИЛА ТЕОДОРОВИЧА.

-1-

Грамота утвержденная о избраніи на Россійскій престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Теодоровича Романова-Юрьевыхъ — за подписаніемъ бывшихъ при выборѣ всякаго чина и званія людей — писано 1613 года въ Маіѣ мѣсяцѣ.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всеильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнемъ, въ превелицей, и превысочайшей, и велѣлѣпной и святей славѣ величества Своего, сидящаго на Престоле Херувимстемъ съ Превѣчнымъ и едиnorodнымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, и зъ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ-же вся освящаютца, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопредстольныя и равно силныя, и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя, и соприносущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ тріехъ составехъ единаго Божества, Царя Царствующихъ и Господа Господствующимъ, непреодолимнаго и всякие силы крепчайшаго, имъ-же царіи царствуютъ и величьи величаютца, сего въ Троице приснославимаго Бога нашего недоумеваемыи и недовѣдомыи судьбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко создање отъ не бытня въ бытне создаваетца, и отъ не сущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него-жъ примша земля наша Руская своими Государи обладаема быти, ихъ же великихъ Государей Царей Російскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго Цесарскаго Престола, и прекрасно цветущаго и пресвѣтлаго корени, Августа Кесаря, обладающаго всею Вселенною. Первый Князь Великій Рюрикъ содержаше скифетръ великаго Російскаго Государства въ Великомъ Новѣградѣ. По немъ дерзосердый въ храбрскихъ ополченіяхъ сынъ его, Князь Великій Игорь, послушны себѣ учинилъ царствующаго града Костянтинополя Греческихъ Царей, на нихъ же и дань взимаше, и изъ Великаго Новагорода въ преславный Градъ Киевъ преселися. По Игорѣ содержаше Російское Государство и въ Кieve сынъ его, Князь Великій Святославъ, исполненъ храбрскаго подвига, и

39

по Дунаю восмдесять градовъ обладаше. Сн тріе Російскіе Государи бѣша до крещенья; по неже Руская земля пребываше, во тмѣ невѣрія, и омрачена прелестию кумирслужения. По Святославе возсія пресвѣтлая звезда, Великій Государь, сынъ его, Князь Великій Владимиръ Святославичъ, тму невѣрія просвѣти, и прелесть кумирслужения отгна, и всю Рускую землю просвети святымъ крещениемъ, иже Равноапостолень наречеса и расширенья ради своихъ государствъ, самодержавный именованъ бысть, нынѣ жъ отъ всѣхъ покланяемъ и прославляемъ. По великомъ Государе по Владимире самодержавство воспримъ, скифетръ Російскаго Государства сынъ его, Князь Великій, храбрый Ярославъ Владимировичъ иже Балеслава Короля победы, и грековъ послушныхъ сотвори. По немъ на Російскомъ Государстве сѣде сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Ярославичъ, иже надъ Половцы, и надъ Печенѣги, преславную побѣду показа, и Государство свое крѣпце соблюде. По Всеволоде примъ, скифетръ во обдержание Російскаго Государства сынъ его, Князь Великій Владимиръ Всеволодичъ, и своимъ храбрскимъ подвигомъ Фракию Царяграда поплени, и превьсочайшую честь, Царскій венецъ и диадиму отъ Греческаго Царя Костянтина Манамаха воспримъ, сего ради и Манамахъ наречеса; отъ негожъ вси Російскіе Великіе Государи Царствія венцемъ венчаша. По великомъ Государе Владимире Манамахе примъ скифетръ Російскаго Царствія сынъ его, Князь Великій Юрьи Владимировичъ Долгорукой, и благочестиемъ просия, и все Християнство въ покоѣ и въ тишинѣ соблюде. По немъ сѣде на Російскомъ Государстве въ Володимере сынъ его, Князь Великій Всеволодъ Юрьевичъ, рачитель благочестию, и крѣпкій поборникъ за святыя церкви и о святой Православной Християнской Вѣре. По Всеволоде содержаше скифетръ Російскаго Государства сынъ его, Князь Великій Ярославъ Всеволодичъ, егожъ соблюде Богъ отъ Батыя въ великомъ Новѣгородѣ и зъ детми, и по плененіи безбожнаго Батыя, святую и непорочную Християнскую вѣру распространи, и святыя церкви паки обнови. По немъ великаго Російскаго Государства воспримъ скифетръ сынъ его, храбрый Князь Великій Александръ Ярославичъ, иже надъ Германый показа преславную побѣду на Невѣ, и на Християнскую вѣру безбожнаго Беркая Царя, двояростный гнѣвъ въ Ордѣ укроти, и по смерти даромъ чудеса отъ Бога прославленъ. По великомъ Государе Александри Невскомъ сынъ его, Князь Великій Данилъ Александровичъ, отъ Владимира преселися на Москву, и Царствія скифетръ на ней утверди, и превьсочайшій престолъ Царствія въ ней устрои, иже суть и до ныне Богомъ хранимо и соблюдаемо. По немъ воспримъ скифетръ Царствующаго града Москвы, сынъ (его), Князь Великій Иванъ Даниловичъ, всякими добродѣтелями и благочестиемъ украсенъ,

и немущимъ неоскудную руку всегда простераше, желаше бо вмѣсто пресвѣтлыхъ полатъ, воспріяти вѣчное блаженство небеснаго царствія. По Великомъ Князе Иване Даниловиче сѣде на Російскомъ Государстве сынъ его, Князь Великій Иванъ-же Ивановичь, и отъ безбожныхъ Ординскихъ Царей вѣру христіанскую крѣпце соблюдаше, и все православие въ покое и въ тишинѣ устрои. По немъ воспримъ скифетръ Царствія сынъ его, Князь Великій Дмитрей Ивановичь, достохвалый въ храбрскомъ подвиге и преславный въ побѣде, иже победи безбожново Мамаю на Дону, и всю Рускую землю въ тихости и немятежно устрои. По Великомъ Государе Дмитрее Ивановиче Донскомъ, воспримъ въ содержаніе хоругви великаго Російскаго Государства сынъ его, Князь Великій Василей Дмитриевичь, и добродѣтельнаго ради его житія, прослави его Богъ, а Рускую землю и все православие помилова отъ нахоженія безбожнаго Темірѣ-Оксака, пришествіемъ чудотворнаго образа Пречистыя Своея Матери, егожъ богогласный Лука написа. По немъ сѣде на Москве сынъ его, Князь Великій Василей Васильевичь, и Рускую землю отъ иновѣрныхъ крѣпце соблюдаше, и за истинную Крестыанскую вѣру, и святые церкви и завсе православие, отъ безбожныхъ Агарянь въ плѣнь ятъ бысть, и паки на свое Государство возвращенъ бысть. По Великомъ Князе Василѣе воспримъ скифетръ великаго Російскаго Государства, великій Государь, сынъ его, Князь Великій Иванъ Васильевичь, и своимъ премудрымъ разумомъ и осмотреніемъ свое великое Государство распространи, Російскаго Государства древнее многіе города, которые после Батыева плененія Польскому королевству отошли, паки къ себѣ привлече, и отчину свою Великій Новгородъ крѣпко и неподвижно устрои, и Самодержецъ именованъ бысть. По Великомъ Государе Иване хоругви Великаго Російскаго Государства воспрія сынъ его, Князь Великій Василей Ивановичь, и бодроопаснымъ своимъ обдержательствомъ всю Рускую землю, въ покое и въ тишинѣ отъ иновѣрныхъ содежаше, и прародителей своихъ отчину, Великое Княжество Смоленское, отъ Польскаго Королевства отторже, и къ себѣ привлече и послушны сотвори. А по Великомъ Государе Василѣе Ивановиче, примъ скифетръ Великаго Російскаго Царствія сынъ его, храбрый великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь, всеа Русіи Самодержецъ благочестію рачитель и по Крестыанской вѣре крѣпкой поборникъ и въ своихъ Государственныхъ чинехъ и поведеніяхъ премудръ, и высочайшую честь и вышехвальную славу, Царствія вѣнецъ на главу свою воспріять, егоже взыска отъ древнихъ лѣтъ, отъ прародителя своего, великаго Государя отъ Владимира Манамаха; и отъ премудраго его разума и отъ храбрскаго подвига, вси окрестные Государства имени его трепетали, зане знаменитъ бѣ и храбръ,

39*

и въ побѣдахъ страшнѣхъ, и Мусульманскіе государства, Царство Казанское, и царство Астороханское, и царство Сибирское, подъ свою высокую руку покори и въ плѣну держимыхъ христіанъ тмочисленныхъ свободи; но и паче-же отъ потрясенія меча его Германстїи родове устрашишася. По великомъ Государе Царе и Великомъ Князе Иване Васильевиче всеа Русїи Самодержце, отъ его Царскаго прекрасноцветущаго корени пресвѣтлая и преславная вѣтвь отъ Богомъ данныя и благочистивыя супруги отъ Великія Государени Нашес, Царицы и Великія Княгини Настасѣ и Романовны Юрьева, процвѣте сынъ его, Государь нашъ, благовѣрный великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичь, всеа Русїи Самодержецъ воспримъ скифетръ Росїйскаго Царствїя и своимъ Царскимъ бодроопаснымъ осмотренїемъ во всемъ своемъ великомъ Росїйскомъ Царствѣ благочестїе крѣпше соблюдаше и все православное Христіанство въ покое, и въ тишинѣ и во благоденственномъ житїи тихо и неметежно устрои, и о всѣхъ его царскихъ великихъ государствахъ Росїйскаго Царствїя радостное и свѣтлое и веселїя вездѣ исполнено бяше; царствующій же градъ Москва тогда возвеличїся, и преумножїся и всеми благими на вселенней цвѣташе, превыше всѣхъ великихъ государствъ, и славно бысть имя великаго Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Ивановича, всеа Русїи Самодержца, во всѣи вселенней честь и слава величествїя его возвысїся и прославїся и все великіе Государи христіанскїе и мусульманскїе ему великому Государю любочестные дары приношаху, по Его Царскаго Величества достоянію, и въ дружбѣ и въ любви съ Его Царскимъ Величествомъ быти желаху: а которые Его Царскаго Величества окрестные недруги и непослушники тѣ все у Его превысочайшїе Царскїе степени Величества послушны и въ рабскомъ послуженїи учинїлися, и великаго его Росїйскаго Царствїя отторженые грады отъ Его Великаго Государства многими лѣты, пакы во своя возврати; и ради добродѣтельнаго Его житїя и милостиваго Царскаго права въ своихъ Государствахъ ко всѣмъ челоуѣкамъ не оскудныя реки милосердїя изливаше по своему Царскому милосердому обычаю и во всемъ бысть земный Ангель и небесный пресвѣтлаго рая житель. И грѣхъ ради нашихъ, всего православнаго христіанства Росїйскаго царствїя Господь Богъ праведнымъ Своимъ судомъ, превысочайшего и преславнаго корени Августа Кесаря Римскаго прекрасно цвѣтущую и пресвѣтлую вѣтвь въ наслѣдіе великаго Царствїя не произведе; едину бо вѣтвь Царскаго своего изращенїя отъ своея благозаконныя супруги, благовѣрныя и Христолюбивыя великіе Государыни, Царицы, и Великія Княгини Ирины Феодоровны всеа Русїи, пмяше дщерь благовѣрную Царевну и Великую Княжну Оеодосїю, и сїя Вседержителя Господа Бога Святымъ Его праведнымъ судомъ преже преставленїя Его Царскаго

Величества будущій и нескончаемій вѣкъ небеснаго царствія отыде. Царствова же великій Государь, Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичъ, всеа Русіи Самодержецъ, на своихъ великихъ государствахъ Російскаго Царствія четырнадцать лѣтъ; а послѣ себя великій Государь Нашъ, Царь и Великій Князь Федоръ Ивановичъ всеа Русіи Самодержецъ на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ скифстродержанія Російскаго Царствія оставль свою благовѣрную великую Государыню нашу Царицу и Великую Князю Ирину Федоровну всеа Русіи, а душу свою праведную приказаль отцу своему и богомольцу святѣйшему Неву.

Иноземцевъ и родовъ и Маринки съ сыномъ, неискати и не хотѣти. А хто похочеть мимо Государя Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича, всеа Русіи Самодержца и его детей которыхъ имъ Государемъ впередъ Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя и съ какихъ людей небуди, или какое лихо хто похочеть учинити: и намъ Боярамъ, и Окольниковымъ, и Дворяномъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и детемъ боярскимъ и всякимъ людямъ на того измѣника стояти всею землею за одинъ. Также намъ, великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Русіи всему сенклицу, Бояромъ, и Окольниковымъ, и Княземъ, и Воеводамъ, и Дворяномъ и Приказнымъ людямъ, не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо Царскаго повелѣнья, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣре, чѣмъ кого Государь пожалуетъ; и быти въ Государскихъ дѣлахъ по его Государеву крестному целованію бесъ прекословія во всякихъ Государевыхъ дѣлахъ и во всякихъ чиновныхъ людехъ несупротивну быти, какъ кому Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, на своей Государеве службѣ и у всякаго дѣла гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти. Также намъ Бояромъ и приказнымъ людямъ и Діакомъ межъ собою того смотрѣти накрепко чтобъ ко Государю, Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу, всеа Русіи Самодержцу въ розрядныхъ и въ земскихъ дѣлахъ кручины не приносить никоторыми дѣлы никоторую хитростию, по прежней целовальной записи, на чемъ есмь Государю своему, Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу всеа Русіи, души свои дали и животворящей крестъ целовали, крѣпко держати и неподвижно. «Митрополиты-жъ, и Архиепископы и Епископы со всѣмъ вселенскимъ освященнымъ соборомъ, слыша отъ нихъ сия, паки глаголютъ къ нимъ: «Елма убо о семъ толикъ обѣтъ предъ Богомъ полагаете и обещаете, что вамъ такимъ къ великому Государю нашему, къ благочестивому Царю и Великому Князю Михайлу Федоровичу всеа Русіи, единодушнымъ быти тѣмъ же подобаетъ намъ и грамоту утвержденную написавше, утведитися, и вся,

яже глаголемая и дѣйствующая настоящее сие время, и наши скорби, и разоренье Московскому Государству отъ Полскаго и отъ Немецкаго Королей въ ней написавше, намъ Государевымъ богомолцомъ руки свои приложити и печати свои привѣсити; а вамъ Царскаго Величества Бояромъ, и Околничимъ и Княземъ и Воеводамъ и Дворяномъ и всякимъ приказнымъ людемъ, и гостемъ, и выборнымъ людемъ, которые изъ всѣхъ городовъ всего великаго Російскаго Царства приѣхали къ Москвѣ для Государскаго обираи́я руки свои приложити наибольшее утверженіе и единомыслие: дабудетъ впередъ крѣпко и неподвижно и стоятельно во вѣки, какъ въ сей утвержденной грамоте написано будетъ, и на чемъ по записи преже сево крестъ животворящій целовали. «Сия же слышавъ бояре и Дворяне и приказные люди и гости и Христолюбивое воинство и все Православное Христианство, вси единогласно глаголаху: «Благословенъ глаголь вашъ отъ Бога, великие Святители, Пастухи *) душамъ нашимъ! Святаго Духа пренполнени вси глаголи устъ вашихъ; подобаетъ тако быти, яко-же глаголете. «Слышавше сия Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, приговоръ о утвержденной грамоте всего освященнаго собора и Государевыхъ Бояръ, и весь Царскій синклитъ и Христолюбивое воинство, повелѣ писати сию утвержденную грамоту, и да незабвенно будетъ писание въ ней въ роды и роды и во веки. Ея же по мале времени написавше и прочтоша сию утвержденную грамоту на вселенскомъ соборе, и выслушавъ на большее во веки укрепление, Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы руки свои приложили, и печати свои привѣсили; а Архимариты, и Игумены и честныхъ монастырей соборные старцы руки свои приложили; а Бояре, и Околничие, и Дворяне, и Дьяки Думные руки же свои приложили на томъ, что въ сей утвержденной грамоте написано съ совѣту всего освященнаго вселенскаго собора, и Бояръ, и Дворянъ, и всѣхъ чиновъ, всякихъ людей Царствующаго града Москвы и всея Рускіе земли, всему инако не быти; а быти такъ во всемъ по тому какъ всей утвержденной грамоты писано. А кто убо и не похощетъ послушати сего соборнаго уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ино и молву въ людехъ чинити: таковый, аще отъ священныхъ чину, и отъ Бояръ Царскихъ синклитъ и воинственныхъ, или инъ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди, посвященнымъ правиломъ Святыхъ Апостолъ, и Вселенскихъ седми соборовъ Святыхъ Отецъ и помѣстныхъ, и по соборному уло-

*) Въ копіи съ сея Грамоты тогланяго времени, писанной, какъ и подлинное, мѣстами золотыми буквами (хранящейся также въ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ), вмѣсто слова Пастухи, употреблено Пастыріе. Соблюдая въ полной мѣрѣ точность оригинала, издатели не смѣли перемѣнить онаго.

женью всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ, и отъ церкви Божіи отлученъ и святыхъ Христовыхъ Таинъ приобщения, яко раскольникъ, церкви Божіи и всего православнаго Христіанства мятежникъ, и разоритель закону Божию; а по Царскимъ законамъ мѣсть воспріиметъ, и нашего смирення и всего освященнаго собору не буди на немъ благословеніе отныне и до века; понеже не восхотѣ благословенія и соборнаго уложенія послушанія, тѣмъ и удалися отъ него и облечеса въ клятву. Егда же написовше и совершихомъ сию утвержденную грамоту, и святительскими руками укрѣпльше и печатми своими утвердивше, въ купе жъ Болярскими руками, и честныхъ монастырей Архимаритовъ, и Игуменовъ, и соборныхъ старцовъ и всего освященнаго собора, непреложнаго ради и непремѣннаго утверженія: тогда Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы съ Архимариты и Игумены, и съ соборными старцы и со всемъ освященнымъ соборомъ, и зъ Боляры, и зъ Дворяны, и съ Приказными людьми, яко, да вкупе духовный совѣтъ сотворше, соборне изберуть мѣсто и повѣдятъ вкупе, въ немъ же аще сохранны утвердивше положити сию утвержденную грамоту, да будетъ твердо и не разрушно въ предъидущая лѣта въ роды и роды, и не преидеть не едина черта, или іота едина отъ написанныхъ въ ней нечесоже. И тако вси вкупе совѣщавшеса, и твердымъ согласіемъ Святаго Духа, положиша по въ хранило Царские къ докончальнымъ и утвержденнымъ грамотамъ. А на соборе были Московскаго Государства и изъ всѣхъ городовъ Російскаго Царствія власти, Митрополиты, и Архиепископы, и Епископы, и Архимариты и Игумены, и Протопопы и весь освященный соборъ, и Боляры, и Окольнічье, и Чашники, и Стольники, и Стряпчие, и Думные Дворяне и Дьяки, и Жилцы и Дворяне большіе, и Дворяне изъ городовъ, и Дьяки изъ приказовъ и Головы стрѣльцкіе и всякіе Приказные и Дворовые люди, и Гости и Сотники Стрелецкіе, и Атаманы казачьи, и стрельцы, и казаки, и торговые и посадцкіе, и всякихъ чиновъ всякіе служилые и жилецкіе люди, и изъ всехъ городовъ всего Російскаго Царствія выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обираньи. А уложено бысть и написана сия утвержденная грамота за руками и за печатми великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Русіи Самодержца, въ царствующемъ граде Москвѣ, въ первое лѣто, Царства его, а отъ созданія міру 7201го (1613), индикта ̄а̄и^{го}, мѣсяца Маи.

Къ сей Грамотѣ привешано десять печатей, изъ коихъ три Митрополичьихъ на красныхъ, четыре Архіепископскихъ на лазоревыхъ и три Епископскихъ на темно-коричневыхъ шелковыхъ снуркахъ, изъ такого же цвѣтомъ воску, какъ и снурки:

но изъ числа оныхъ печатей семь (четыре первыя и три остальные) совсѣмъ раскрошились; на трехъ же Архіепископскихъ, закрайнемъ и сихъ поврежденіемъ, остались изображенія.

На оборотѣ Грамоты слѣдующія духовныхъ и свѣтскихъ людей собственно-ручныя подписи:

Смиранный Еорьмъ, Божією Милостію, Митрополитъ Казанскій и Свияжскій.

Божією Милостію, смиренныи Кирилъ, Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій.

Смиранный Иона, Божією милостію, Митрополитъ Сарскій и Подонскій.

Божією милостію, смиренныи Герасимъ, Архіепископъ Суздальскій и Торусскій.

Смиранный Оеодоритъ, Божією милостію, Архіепископъ Рязанскій и Муромскій.

Смиранный Арсеній, Божією милостію, Архіепископъ Архангельскій.

Смиранный Писноъ Коломенскій и Коширскій.

Смиранный Селвестръ, Епископъ Корьльскій и Орьскій.

Рождественноу монастыря Архимаритъ Исаия.

Чудова монастыря Архимаритъ Аврамей.

Живоначальныя Троицы Серіева монастыря Келарь, старецъ Аврамей.

Симонова монастыря Архимаритъ Павелъ.

Свияжской Архимаритъ Корнилей.

Андрониковской Архимаритъ Сергей.

Кирилова монастыря Иуменъ Матфей.

Съ Костромы Ипатицаю монастыря Архимаритъ Кирилъ.

Изъ Нижнева Печерскоу монастыря Архимаритъ Оеодосей.

Изъ Ростова Боюявленскаю монастыря Архимаритъ Писноъ.

Съ Костромы Боюявленскаю монастыря Иуменъ Арсеній.

Боюявленской Иуменъ Семеонъ, изъ ветошнаю ряду.

Изъ Ярославля Спаскаю Моностыря Архимаритъ Оеодилъ.

Чудова моностыря Келарь, старецъ Мисаило.

Изъ Боровска Паонутъева монастыря Иуменъ Иона.

Съ Волока Писноова монастыря Иуменъ Арсеней.

Спаскаю монастыря изъ Суздаля Архимаритъ Митрофанъ.

Съ Резани Спаской Архимаритъ Родаилъ.

Съ Володы Каменоу монастыря Архимаритъ Питеримъ.

Съ Ростова Борисольбской Иуменъ Петръ.

Съ Резани Соломичинскоу монастыря Трифонъ.

Съ Володы Прелуцково монастыря Иуменъ Кирилъ.

Изъ Кашина Колязина монастыря Ииумень Θεодосей руку приложилъ.
Съ Володы Корнильева монастыря Ииумень Симеонъ.
Бояринъ Князь Θεодоръ Мстиславской.
Бояринъ Князь Иванъ Голцинь.
Бояринъ Князь Алексъй Сикой.
Бояринъ Князь Иванъ Ворошынской.
Бояринъ Θεодоръ Шереметевъ.
Бояринъ Князь Иванъ Одоевской.
Бояринъ Князь Дмитрей Трубецкой.
Боярина во Князя Андреево, Куракина, Окольничей Θεодоръ Луинъ и въ свое место.
Бояринъ Борисъ Солтыковъ.
Бояринъ Князь Дмитрей Пожарской.
Бояринъ Князь Иванъ Куракинъ.
Бояринъ Василей Морозовъ.
Бояринъ Князь Григорей Ромодановской.
Въ Боярина во Князя Иваново место Андреевича Хованскова, Бояринъ Князь Дмитрей
Пожарской руку приложилъ.
Бояринъ Князь Иванъ Борисовичъ Черкасской.
Бояринъ Иванъ Романовъ.
Окольничей Оршемей Измайловъ.
Окольничей Князь Данило Мезецкой.
Бояринъ Князь Володимеръ Ростовской.
Окольничей Семенъ Головинъ.
Крайчей Михайло Салтыковъ.
Князь Иванъ Кошаревъ-Ростовской.
Въ Князь Дмитреево мѣста Манстриюковича-Черкаскаго, Князь Василей Туренинъ руку
приложилъ.
Чашникъ Князь Аонасей Ростовской.
Столникъ Θεодоръ Ивашевъ, и въ брата своего мѣста во Князь Петра.
Думной Діакъ Сыдавной Васильевъ.
Князь Семенъ Прозоровской.
Столникъ Иванъ Плещевъ.
Столникъ Василей Измайловъ.
Столникъ Иванъ Морозовъ.
Столникъ Василей Наюй.

Стольникъ Борисъ Морозовъ.
Стольникъ Глѣбъ Морозовъ.
Стольникъ Князь Алексѣй Лвовъ, и во Княжѣ Юрьевѣ мѣсто Липецкаго.
Стольникъ Левонтей Вельяминовъ.
Стольникъ Князь Василей Туренинъ.
Стольникъ Князь Микита Черкаскаго.
Стольникъ Иванъ Пушкинъ, и въ брата своего Ивана Григорьева сына Пушкина.
Стольникъ Боданъ Михайловъ сынъ Титовъ.
Стольникъ Степанъ Простевъ.
Стольникъ Князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій.
Стряпчей Федоръ Пушкинъ.
Стольникъ Григорей Плещевъ.
Стряпчей Князь Оома Мезецкаго.
Стольникъ Князь Степанъ Гашиновъ-Великаго.
Стряпчей Олександръ Воейковъ.
Стольникъ Князь Микита Мезецкаго.
Стряпчей Иванъ Плещевъ.
Дементей Поожей.
Стольникъ Князь Данила Голяриновъ.
Стряпчей Василей Стрешневъ и въ стряпчевожѣ мѣсто Оедора Толочанова.
Иванъ Чемодановъ руку приложилъ.
Стольникъ Иванъ Плещевъ.
Стряпчей Степанъ Милюковъ.
Стряпчей Григорей Обрасцовъ.
Стряпчей Емельянъ Бутурлинъ, и въ Стольника въ Князь Васильево мѣсто Мосальскаго.
Стольникъ Князь Иванъ Лобановъ-Ростовскій.
Стольникъ Князь Оедоръ Сицкаго.
Стряпчей Князь Петръ Волконскаго.
Стольникъ Иванъ Трахониотовъ.
Стряпчей Князь Михайло Волконскаго.
Стряпчей Михайло Измайловъ.
Стольникъ Дмитрей Колтовскаго.
Стряпчей Князь Иванъ Волконскаго.
Стряпчей Иванъ Головинъ.
Стряпчей Дмитрей Воейковъ.

Стряпчей Семень Воейковъ.
Стряпчей Оедоръ Колединской.
Стряпчей Олексей Вельяминовъ.
Стольникъ Князь Иванъ Хилковъ.
Стольникъ Борисъ Шереметевъ.
Стольникъ Князь Оома Мезецкой.
Иванъ Болотниковъ.
Князь Иванъ Буйносовъ.
Михайло Пушкинъ.
Семень Пратасьевъ, и въ Князь Михайлово мѣсто Сонцово, руку приложилъ.
Князь Семень Борятинской, и въ Князя Семеново Лыкова мѣста, руку приложилъ.
Микита Пушкинъ.
Оедоръ Шущеринъ.
Обросимъ Лодыженской.
Максимъ Радилловъ руку приложилъ.
Оедоръ Погжей.
Жданъ Карповъ.
Князь Оедоръ Борятинской руку приложилъ.
Алексый Шарпиловъ руку приложилъ.
Михайло Огарковъ руку приложилъ.
Еоимъ Тепневъ руку приложилъ.
Марко Поздьева.
Сава Раманьюковъ.
Князь Оедоръ Татевъ руку приложилъ.
Михайло Даниловъ.
Оедоръ Лихачевъ.
Князь Романъ Пожарской руку приложилъ.
Боданъ Кашкинъ руку приложилъ.
Оедоръ Опраксинъ руку приложилъ.
Матвѣй Сомовъ руку приложилъ.
Семейка Зеленой.
Дмитрей Радцовъ руку приложилъ.
Василей Карабынъ руку приложилъ.
Ондрей Варьевъ.
Булакъ Миловановъ.

Оедоръ Пушкинъ руку приложилъ.
Въ Григорьево мѣсто, Обрасцова Иванъ Кондыревъ руку приложилъ.
Оклесый Витоотовъ руку приложилъ.
Иванъ Шевыревъ.
Ондрей Степановъ руку приложилъ.
Максимъ Титовъ руку приложилъ.
Олександръ Ивановъ.
Иванъ Васильевъ.
Исакъ Спешневъ руку приложилъ.
Богданъ Хомитовъ руку приложилъ.
Иванъ Антоновъ.
Патрикей Насоновъ.
Иванъ Козловъ.
Соловой Протасьевъ руку приложилъ.
Осипъ Грязной руку приложилъ, и во Князь Андрѣева мѣста Долорукова.
Юрьи Редриковъ, во Князя Миронovo мѣсто Шаховскою, руку приложилъ.
Оедоръ Семеновъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.
Иванъ Бутурлинъ руку приложилъ.
Оедоръ Яновъ.
Иванъ Чечеринъ.

Special 89-B
folio 1166
v. 2

H. Lamont

